

КИНОСЦЕНАРИИ

● АЛЬМАНАХ 1973

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ • 1973

- В. Мотыль*
О. Осетинский
- В. Кудрявцева*
- Э. Тополь*
- Р. Хигерович*
- Ю. Чибряков*
- А. Михалков-
Кончаловский*
- М. Ибрагимбеков*
- Я. Костюковский*
М. Слободской
- 3.** ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ
- 63.** СЕСТРЫ
- 99.** ОТКРЫТИЕ
- 137.** ЛАСТОЧКЕ — ЛЕТЕТЫ!
- 175.** ВСТАТЬ И УЙТИ?
- 209.** ВОРОТА ТАМЕРЛАНА
- 245.** ПУСТЬ ОН ОСТАНЕТСЯ С НАМИ
- 275.** НЕИСПРАВИМЫЙ ЛГУН
- 295.** СЮЖЕТЫ САТИРИЧЕСКОГО
КИНОЖУРНАЛА «ФИТИЛЬ»

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альманах «Киносценарии» призван знакомить читателей с лучшими киносценариями как литературно-художественными произведениями, созданными советскими писателями и киносценаристами. В альманахе будут публиковаться оригинальные, нигде до этого не напечатанные, киносценарии фильмов различной тематики и жанров. Особое внимание, естественно, будет уделено киносценариям на современную тему.

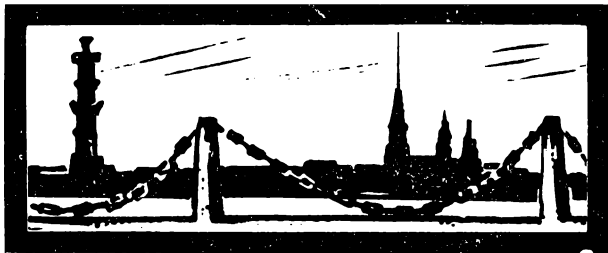
В первый выпуск альманаха «Киносценарии» включено восемь киносценариев полнометражных художественных фильмов, а также несколько сюжетов Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль».

Среди публикуемых в первом выпуске альманаха киносценариев есть произведения опытных кинематографистов, а также писателей, впервые создавших литературные киносценарии. В числе последних — произведения, отмеченные премиями на Всесоюзном конкурсе киносценариев, проведенном Госкино СССР, ВЦСПС и творческими союзами кинематографистов и писателей в 1972 г.

Для того, чтобы читатель мог познакомиться с авторами альманаха, редколлегия сочла необходимым опубликовать из краткие творческие биографии.

В последующих выпусках альманаха «Киносценарии» — уже в 1974 году — редколлегия будет продолжать публиковать новые оригинальные работы для кино опытных и начинающих, молодых писателей и кинематографистов всех союзных республик. Надо надеяться, что альманах привлечет внимание нашей общественности, читателей к киносценарию как литературно-художественному произведению и будет способствовать повышению идейно-художественного уровня этого жанра многонациональной советской литературы.

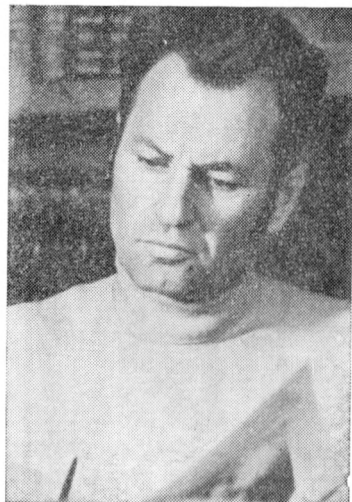
Редколлегия альманаха будет благодарна читателям за предложения и замечания по первому выпуску настоящего издания.

В. Мотыль
О. Осетинский

ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ МОТЫЛЬ (родился в 1927 году) закончил исторический факультет университета и Театральный институт в Свердловске. Работал режиссером в театрах Урала и Сибири. Кинематографический дебют В. Мотыля состоялся в 1963 году, когда на киностудии «Таджикфильм» он осуществил постановку художественного фильма «Дети Памира». Через четыре года на киностудии «Ленфильм» В. Мотыль поставил кинокомедию «Женя, Женечка и «катюша» по сценарию, написанному им совместно с Б. Окуджавой. Третий художественный фильм — «Белое солнце пустыни» — на «Мосфильме» поставлен им в 1970 году.

ОЛЕГ ЕВГЕНЬЕВИЧ ОСЕТИНСКИЙ (родился в 1937 году) после окончания школы несколько лет работал на производстве плотником, грузчиком; был актером, руководителем народного театра. В 1962 году закончил Высшие сценарные курсы. Первый художественный фильм по его сценарию «Встреча у старой мечети» был поставлен режиссером С. Хамидовым на киностудии «Таджикфильм» в 1969 году. Затем на «Мосфильме» по его сценарию была поставлена картина «Бой без тени» (режиссер В. Попов).

Двухсерийный фильм по киносценарию «Звезда пленительного счастья» ставит В. Мотыль на киностудии «Ленфильм».

«МЕДОВЫЙ» ГОД

МИНУЛО ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ НАПОЛЕОНА. КАЗАЛОСЬ, НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО В РОССИИ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ... В ДОМЕ ГЕНЕРАЛА РАЕВСКОГО СПРАВЛЯЛОСЬ СЕМЕЙНОЕ ТОРЖЕСТВО...*

Над усадьбой свистел ветер. Снег метался и кружился. Выбирались из карет гости, переговаривались, шутили, входили в дом. Зажигались свечи, усаживались музыканты.

К дому подкатила богатая карета. Ее поджидали. Распахнули дверцу, помогли выбраться полной даме преклонных лет. Из дверей ей навстречу бросился тридцатипятилетний генерал, князь Сергей Григорьевич Волконский.

— ...Где же тесть твой, где теща? — по-французски спросила старая княгиня, сбрасывая шубу на чьи-то руки**.

Тесть, генерал Николай Николаевич Раевский, молодой, крепко сбитый, и его жена Софья Алексеевна уже спускались по лестнице навстречу княгине.

— Успели ль отдохнуть с дороги? Мы до церкви и поговорить толком не смогли...

— Не поминайте мне эту дорогу, — отвечала старая княгиня Волконская. — Знала бы, не поехала б, Серж, хоть ты и сын мне. До Смоленска ещё куда ни шло. А уж по Малороссии у вас такие ухабы, такие ухабы.

* Крупный шрифт здесь и в дальнейшем означает титровую надпись.

** Имеется в виду, что в фильме французскую речь сопровождает параллельный закадровый перевод.

— Как Петербург, оправился ль после наводнения?

— Говорят, будто государыня Елизавета Алексеевна хворает...

— Что государь?

Услышав последний вопрос, Александра Николаевна остановилась и сообщила шепотом:

— В меланхолии государь Александр Павлович, в меланхолии...

Раевский покачал головой, а Софья Алексеевна многозначительно поджала губу.

Войдя в ярко освещенную залу, старая княгиня Волконская расчувствовалась, привлекла к себе сына:

— Бедный отец твой, меньше года не дожил...— Она поднесла к глазам платок.

— Папá успел благословить мой выбор, — склонился к ее руке Волконский.

— Царствие небесное, — перекрестилась княгиня.

В кабинете, возле изразцовой печи, собрались мужчины, в большинстве пожилые, — военные и штатские. Отогревали замоченные руки. Поздравляли жениха.

—...Это сколько ж годков я не видывал вас, голубчик? — спрашивал князя Волконского толстый помещик. — Почитай, уж восемь, девятый.

— Увы, — грустно соглашался князь, — как воротились мы из походов в любезное отечество, наши дружба не укрепились.

— Вы ведь действовали между главной армией и корпусом графа Витгенштейна...

— Не правда ли, странно, — генерал Раевский взглянул на Волконского, — мы вспоминаем тяжкие годы с радостью. Вер-

но оттого, что жизнь была ясна: на поле брани неприятель виден. Теперь же — куда как сложно его распознать. И чаще обнаруживаешь врага в себе самом... Не так ли, князь Сергей?

Оставим мужчин с их воспоминаниями о былых временах и заглянем к Марии Раевской, где столько волнений вокруг подвенечного наряда и прически. Женщины снимали с нее фату, что-то сосредоточенно поправляли, осматривали, склонив головы, и снова поправляли.

Мария — смуглая брюнетка с горящими глазами, с посяком немного вздернутым. Она раскраснелась, была оживлена. В ее стройной высокой фигуре, в резких движениях сказывался возраст: Марии едва минуло девятнадцать.

Ветер задул не на шутку, и подъезжавшие торопились в шумный, веселый, светлый дом, где лакеи снимали с господ шубы, обмахивали венчиком...

Как положено на свадьбе, «молодые» были центром внимания. Казалось, князь Волконский и Мария Раевская переполнены счастьем. Мария раскраснелась в танце, князь танцевал легко и изящно.

Но отчего не смотрела Мария в глаза Сергею Григорьевичу? И словно отвечая на немой вопрос, Мария впервые повернулась к князю с печальной улыбкой, в которой — вся ее судьба...

Как это случилось, никто не заметил. Сергей Григорьевич увидел пламя...

Мария бежит с горящей накидкой... и падает в чьи-то руки...

...Над ней склонились встревоженные лица... Мария увидела пытливые взгляды и отвела глаза, полные слез...

И все присутствующие замерли...

Софья Алексеевна Раевская отошла от двери, укоризненно глянула на мужа.

— Стерпится ль?.. Слюбится ль?..

Раевский угрюмо молчал.

— Она не скажет, вся в тебя, — продол-

жала Софья Алексеевна. — А я вижу, мать не обманешь. Не хотелось ей идти против воли твоей. С Волконским-то породнились, да счастлива ль Машенька от такой чести...

Раевский не ответил. Круто повернувшись, он скрылся в кабинете.

И снова все танцевали. И Мария была весела. И гости радовались тому, как легко и свободно она танцевала.

А генерал Раевский уединился с зятем в своем кабинете.

— Верно, поздно надумал я говорить... Ну да делать нечего... — Раевский в упор посмотрел на Волконского. — Князь Сергей, правда ли, будто состоишь ты в противузаконном тайном обществе и будто сам государь об этом тебя предупреждал? Еще в запрошлом году.

Волконский ответил не сразу.

— Правда, все правда... — Он улыбнулся смущенно.

— Тебе весело? Господь всемилостивый! Да ведь я не верил, думал — болтовня! Как же ты в церковь-то возшел с грехом таким?

Волконский молчал, боясь подать повод для взрыва.

— Ну да бог тебе простит, — постарался успокоиться Раевский. — Верно, нынче ты оставил сумасбродство и вышел из злоумышленной компании?

— Николай Николаевич, — начал Волконский, — цель общества — благо России. И со злым умыслом...

— Ответь, оставил ты участие в этом деле? — решительно прервал его Раевский.

— Нет, — ответил Волконский, — не оставил.

Раевский помолчал, подошел к столу, вынул лист бумаги:

— Князь Сергей, сядь. Бери перо, пиши. Пиши: в день моей свадьбы, января одиннадцатого, я, князь Сергей Волконский, обещаю... Написал?

— Не знаю, что обещаю, а потому затрудняюсь начинать,— усмехнулся Волконский.

— Ах ты не знаешь! — возмутился Раевский.— Ну так я тебе скажу. Сию минуту пиши отречение от сумасбродства, коим хочешь погубить дочь мою,— про тебя я молчу!

Волконский машинально отер лоб, взглянул на Раевского, но увидел не тестя, а другое лицо, одуловатое, с черными кругами у глаз...

...Было тогда тепло. Оранжевые краски осени покрыли деревья, и листопад выстелил пригорки желто-бурыми коврами.

В парадной форме, при орденах, подтянутый и строгий князь Волконский смотрел туда, где в окружении свиты сидел на белом коне император Александр.

Высочайший смотр армии близился к концу и всех уже порядком утомил. Царь Александр рассеянно наблюдал за перестроениями полков, изредка переговариваясь с братом Николаем Павловичем, которому было в то время двадцать семь лет.

Великий князь был бесстрастно внимателен. Слегка выпученными холодными глазами он поглядывал на Александра.

Сверкали на солнце эполеты, звезды, ордена, медь духовых инструментов.

За пригорком, в леске, стояли солдаты, скрытые от глаз царя. Крикливый капитан учинял последнюю проверку. Он бежал по фрунту и совал кулаки в солдатские лица.

— Веселей смотреть! Веселей!!! Всем ли довольны, братцы?

— Всем довольны, ваше превосходительство,— отвечали солдаты.

— Веселей смотреть! Веселей! — взмазывал кулаком капитан.

Лица солдат покрылись потом. Неестественные улыбки... Испуганные глаза...

— Кто там вздохнул?.. — угрожающе замер капитан.

— Будет,— остановил его Волконский.— Дайте им передышку.

Тронув коня, Волконский поскакал к царской свите. Александр жестом предложил князю приблизиться.

— Твоей бригадой, князь, я доволен,— проговорил царь, подавляя зевок.— Жаль только, не истребил ты прежний дух головокружения. И по-моему, гораздо тебе выгоднее, князь, впредь заниматься полковым делом, а не думать, как изменить управление империи, в чем, извини меня, ты и толку не имеешь, а учить берешься.

Александр снова взглянул на Волконского.

Выдержав взгляд, Сергей Григорьевич проговорил:

— Ваше величество, я не осведомлен, чем обязан...

— Смотри, князь, твоя головушка еще в Париже заносилась туда, куда ей не следовало... Ну да бог с тобой. Не мне тебя карать. Я и сам поощрял иллюзии и заблуждения. Велел, было, сочинить конституцию. Да теперь вижу, в просвещенной монархии она не нужна. Но запрета на тайное общество, где и ты состоишь,— не отпирайся — я не снимал. И не навлекай на себя беды, пока не поздно. А что до формы правления в государстве, то помни, князь, наиболее свободные формы те, которые я предпочитаю...

...Теперь, в своем кабинете, Раевский говорил Волконскому в общем о том же:

— Одумайся, князь Сергей. Обещай, что с сего дня выйдешь из губительного заблуждения.

Генерал Раевский ждал ответа, глядя Волконскому в глаза.

— Надо ли говорить, как я ценю вас, как уважаю, какие чувства питаю к Мари,— проговорил Волконский.— Но если мое участие в делах общества стало помехой семейному счастью, я, хоть скрепя сердце, лучше отказался бы от счастья,

нежели изменил моим убеждениям и долгу.

— Ваше дело нехорошо и противузакононно,— вспыхнул Раевский.— Такое средство даже при благой цели не годится, будучи основано на честолюбии и корысти!

— Помилуйте,— воскликнул Волконский,— о каком честолюбии говорите вы мне!

— Ты не понимаешь! — возмущился Николай Николаевич.— Разве нет в тайных намерениях ваших упразднить государю власть?!

— Да, мы видим давно, что век самовластья миновал. Только при чем здесь честолюбие? — возразил князь с запальчивостью.

— А при том, любезный мой зять, что взамен монарха вы хотите вознесть кого-то из вас, либо поставить директорию и править на манер якобишцев!

— Откуда эти наветы,— вслесьнул руками Волконский,— когда никто из нас не имеет личных видов! Никто не помышляет о почестях, тем паче о власти.

— Вот как! — изумился старый генерал.— Кому же в таком разе править отечеством? Царя вы не хотите, сами о власти не помышляете... Этак ничего, кроме смуты, не выйдет. Что молчишь, князь Сергей?

Волконский покачал головой.

— Знайте, Николай Николаевич, ежели сужден нам жребий удачи, в тот же день мы все удалимся от политической жизни.

Видя, как поднялись брови Раевского, князь добавил:

— Мы представим избрать образ правления не лицам отдельным или обществам даже, а собору от всех сословий России. И даже во временном правлении будут лишь те, кто славен в русском народе, но никогда не входил в тайные наши сообщества.

Признание Сергея Григорьевича потрясло Раевского.

— Постой, князь... Вы хладнокровно предаетесь опасности пережить бесславие, позор, быть может, утратить даже жизнь саму...

— Пожалуй, так,— подтвердил Волконский.

— А при удаче — никакого воздаяния за риск?..

Раевский замолчал. Он не отрывал взгляда от Волконского.

Сергей Григорьевич рассеял остатки его сомнений:

— Нам не нужны воздаяния иные, чем доброе слово потомков.

Раевский прошелся по кабинету.

— Военная храбрость твоя, князь Сергей, давно всем известна. Однако, когда воин бросается на вражеский редут, он знает: доведись умереть, он умрет в чести подвига, доведись выжить, ему воздастся. Откуда ж твоя восторженность на краю бездны? Откуда все это самоотвержение от аристократических пачал, ничто не сулящее взамен?

— Ничего не добавлю к тому, что сказал,— ответил князь.

Они помолчали. Раевский вздохнул глубоко.

— Ты сразил меня, князь Сергей. Всегда знал, что много твоих товарищей, почитаемых мною еще с военных кампаний, скорбили о крушении надежд. Я сам вижу, что перемены нужны. Но только теперь ты открыл мне, сколь чисты ваши намерения. Как отец не могу не скорбеть за дочь — в мужья ей достался человек, избравший уделом Голгофу. Как русский склоняю голову...

Из-за дверей отчетливо слышались голоса, смех, звуки клавиш. Мария пела по-итальянски. Гости слушали ее сильный голос, и на лицах присутствующих застыли улыбки восхищения.

В МОСКВЕ, В МАТЕРИНСКОМ ДОМЕ, ГОСТИЛ ПРИЕХАВШИЙ ИЗ ПЕТЕРБУРГА ПОРУЧИК-КАВАЛЕРГАРД ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ АННЕНКОВ.

Через роскошно обставленную залу осторожно, словно впотьмах, пробирался старый слуга Федор. Он едва не уронил поднос с графином: мимо пронеслись поудодетые девки.

— Никак барыня проснулись! — заспешил Федор. — Царица небесная!..

Было три часа пополудни.

В спальне Анны Ивановны Анненковой завершался сложный ритуал: семь девушек обряжали хозяйку. Внезапно барыня размахнулась и ударила одну из служанок. Девушка упала и тотчас же бросилась к ногам Анненковой.

— Матушка-барыня, смилуйтесь, сейчас подошью... Вот она, пуговка-то, отскочила!.. Не прогневайтесь.

Удар ногой пришелся девушке по лицу. Из-под ладони, прижатой ко рту, проступила кровь.

— Выпорю тебя, Ефросинья! — Анненкова брезгливо поморщилась. — И жениха твоего в солдаты сдам! Вон... ступай! А то рука разошлась!

..Ералаш... безумный ералаш... Лихо стуча каблуками, отплясывают гусары... горит пунши... Под меланхолические жалобы гитары медленно поднимается пистолет... Рассыпаются карты. Выстрел — и грефовый валет вспыхивает, корчится в пламени...

Поручик Анненков вскочил на кровати. Оглядевшись, застонал, приложил к голове ладонь.

Старый Федор стоял наготове с подносом.

Анненков зажмурился, опрокинул рюмку.

— Матушка, матушка, что во поле пыльно!.. — неожиданно пропел он и, надев золотые круглые очки, по-детски оттопырил пухлые губы:

— Плохи дела, Федя! Сорвался я...

— Неужто играли, Иван Александрович?.. — испугался слуга.

— Играл, Федя!.. В Петербурге держался, а попал домой и вот, пожалуйста... Скажи, пусть лошадей готовят. Нагулялся. Ну его к черту. Что-то матушка скажет? А вдруг не даст ни гроша? Тогда пуля в лоб.

— Что это вы говорите, Иван Александрович, — перекрестился лакей. — Да много ли проиграли-то?

— Шестьдесят тысяч, Феденька. Ровно шестьдесят до завтра, до шести вечера. Долг чести. Ах, черт бы меня взял!..

Поручик закрыл глаза.

— Братец ваш, царствие небесное, тоже играли, играли да до дуэли и доигрались! Говорил я им: не играйте, Григорий Александрович!

— Матушка знает про братца? — испуганно спросил Анненков.

— Помилуй господь! Кто ж посмеет? Кабы барыня Григория Александровича не прокляли, так, верно, знали б. Который месяц в могиле сын родной, а им и невдомек.

Анненков хотел было обуться, но Федор неодобрительно покачал головой.

— Потревожите матушку — всем недобровать!

Анненков глянул на ноги слуги. Башмаков на Федоре не было — он стоял в одних чулках.

— Забыл!.. Привык в полку! — Анненков подставил ногу лакею.

Федор обул Ивана Александровича в мягкие туфли.

Широкоплечий, высокого роста, в офицерском скюртуке Анненков взглянул на себя в зеркало, усмехнулся и сбросил туфли, махнув рукой: чего уж там!..

Нескончаемые залы и гостиные... Лакеи бесшумно скользили на цыпочках, словно сомнамбулы, пугаясь малейшего скрипа... Понюхав воздух, Анненков осторожно приоткрыл резные двери.

В огромной столовой было накрыто не менее чем на сорок персон.

Анненков огляделся.

— Званные что ль?..

— Какой, батюшка! — махнул рукой Федор. — Как служить в Петербург вы отбыли, никого не бывало. Не любят они шуму, сами знаете. А стол велят каждый день накрывать. А за стерлядью-то на Волгу ездят... Шутка сказать, сорок обедов псам под хвост.

Подойдя к окну, Федор кивнул, указывая барину на псарю.

Анненков глянул в окно, выходящее во двор. Въехала чья-то карета, из нее извлекли какие-то рулоны. Потом показалась молодая женщина. Выпрыгнула собачка. Анненков заинтересовался, позавыл на мгновение про головную боль.

— Французенка, — объяснил Федор, не меняя презрительного выражения. — Матушка ваша нынче полтора аршин на платье себе закупили. Вот мамзель Полина прислали с Кузнецкого от мадамы...

— Не плети, Федя, — отмахнулся Анненков, протирая очки.

— Да они ж не впервой, Иван Александрович, — продолжал слуга. — Как появится какая материя подороже, сейчас всю и закупают. Чтоб, значит, по всей Москве... Да что в Москве — по всей России чтоб платье у них одних было.

Анненков торопливо спустился по лестнице и, лишь столкнувшись нос к носу с французенкой, вспомнил, что не надел сапоги. Зарычала собачка.

— Простите, мадемуазель! — Анненков ретировался за перила.

— Апчхи! — отвечала французенка. — Простите, мсье... Апчхи!

Вид неубоугого офицера в очках ее развеселил.

Анненков боялся пошевелиться.

— Это вы меня простите... Мой вид... Впрочем, я не предполагал... — смутившись вконец, он попытался улыбнуться. — С вашего позволения, поручик Анненков. Я жил в Москве, но вас не встречал, мадемуазель...

— Неудивительно, мсье, — закусив гу-

бу, чтобы не рассмеяться, отвечала французенка, вглядываясь в румяное добродушное лицо. — Апчхи!.. Я еще не привыкла к русской зиме, как видите.

Они стояли и смотрели друг на друга: Анненков — с неприкрытым изумлением, Полина — борясь с насморком и смехом. Зарычала, залаяла собачка.

— Молчать, Комм! — прикрикнула Полина и выставила собачку за двери. — Простите, мсье, право, я не заметила, когда эта плутовка забралась в карету. Не отстает ни на шаг... Я подобрала ее в Париже перед отъездом... Она была такой забавной, такой несчастной...

— Разве несчастье забавно? — спросил Анненков.

— О да, — ответила Полина. — Верно, оттого, что я не люблю несчастных.

— Однако вы пожалели собачку.

— Собачку — можно, но не людей, которые сами виновны в своих несчастьях.

— Вот как? — изумился Анненков. — Но случаются обстоятельства...

— Я не верю, — Полина улыбнулась задорно. — Обстоятельства сильны оттого, что люди слабые. До свиданья, мсье Анненков. Меня зовут Полина Гебль.

Французенка скрылась, оставив в прихожей озадаченного поручика.

«—...сир Роланд пришел прежде всех и, подошедши ко мне, схватил меня с жаром за руку и, смотря на меня пристально, вскричал: Боже мой! Та же приятность, те же самые прелести на сем милом лице... Не жмите так руки моей, сир Роланд, вы меня опечалите», — нараспев читал вихрастый слуга Никитка.

Нарядно одетая и причесанная барыня Анненкова сидела в кресле и слушала старинный роман «Английские письма, или История Кавалера Грандиссона, творение г. Ричардсона, сочинителя Памелы и Клариссы».

Иван Александрович Анненков с кротким, смиренным выражением на лице при-

таялся в углу. Шесть девиц пристроились на полу и во все глаза смотрели на барыню.

За окном искрились сосульки. Щобетали птицы. Мысли барыни были далеко. С каждой строчкой лицо ее становилось добрее. История сэра Грандиссона вызывала в пей никому не ведомые, однако, по-видимому, приятные воспоминания. И по мере того, как добрели ее глаза, лица девушек освобождались от страха и напряжения.

«— ...тогда сей честный старик упал передо мной на колени. Его омоченные слезами глаза, положение привели меня в чрезвычайное замешательство. Трепещущим голосом я заклинала его, чтоб он встал... Два ручья слез потекли по его щекам: я, я вас огорчаю, сударыня?»

Анна Ивановна вздохнула, потянулась к табакерке. Девушки тоже вздохнули, каждая по-своему. Иван Александрович сделал печальное лицо.

«— ...О Милорд! Все пропало. Мой братец в скором времени совокупится браком с госпожою Климентиною. Бедная Генриетта! Какой жребий для молодой девицы, составляющей украшение вселенной. Человек, хотя бы то был какой король, способный предпочесть другую женщину нашей Генриетте, ее недостойн»...

Барыня поднесла платок к глазам, и девушки засопели, заплакали беззвучно.

За окном надвигались сумерки, но чтение не прерывалось. Внесли зажженные свечи.

«— ...умоляю подкрепить мои силы в сем чрезвычайном противуборствовании чувствований. Учитель мой! Брат мой! О любезнейший и изящнейший из чело-веков! Не помышлай более обо мне. Я недостойпа тебя»...

Иван Александрович почувствовал вдруг нестерпимое желанье чихнуть, и как ни крепился, громкое «апчхи» вырвалось так некстати, и пламя на свечах заметалось.

В спальне воцарилась тишина.

Анна Ивановна вытерла глаза, понюхала табак и обратила взгляд в сторону поручика.

— Надоел ты мне, Иван,— барыня поджала губы.— В тот раз кого-то убил на дуэли. В этот — продурлся. Завтра же поутру уедешь в Петербург. Денег на руки не дам. Долг заплачу сама. В дороге кормить будет Федька. Руку целуй.

Анненков повиновался.

— Впредь без дозволения в Москву ко мне не являйся. Прогоню совсем. И наследства липу. Ступай вон.

Анненков исчез бесшумно.

Понюхав табак, барыня закрыла глаза...

«— ...Климентина пленилась твоею душою: о ты, коего сердце мое обожает, не тчись погубить меня своею любовью. Однако позволь своему сердцу признаться, что обожасшь ся душу и будущее спокойствие»...

Выйдя во двор, поручик прошел мимо кареты, где старый Федор что-то укладывал, прилаживал, готовясь к дальней дороге. Душераздирающий женский крик заставил Анненкова оглянуться. Федор перекрестился.

Свист плети, женский крик из сарая и вздрагивающая в плаче мужская спина возле двери...

Иван Александрович вернулся в дом. Крик истязаемой был слышен повсюду, только в доме он перемешивался с само-забвенным чтением Никитки.

День выдался солпечный. Купола на храме Василия Блаженного пестрели радостным многоцветьем...

Поручик Анненков покидал Москву в мрачном расположении духа. Рассеяннo скользя взглядом по вывеске «Модный дом Madame de Mancy», он заметил в окне знакомое лицо француженки, по

лишь вздохнул глубоко и карету не оставил...

— Не печальтесь, Иван Александрович,— выглянул из тулупа старый слуга.— Опять в гости приедете.

— Стыдно мне, Федор,— вздохнул Анненков.

— Забудется — быльем порастет,— успокоил его слуга.— Матушка-барыня круты, да отходчивы... Дадут еще денег...

— Я не о том, Федор,— усмехнулся Анненков.— Я такой же раб, как несчастные дворовые... С той лишь разницей, что глохнет меня совесть...

Анненков замолчал, заметив, что Федор его не понимает, откинулся на сиденье, закрыл глаза. Ему вспомнился вечер...

Весенняя набережная Невы в Петербурге... Дом у Синего моста... Кабинет в отблесках камина... Возбужденные голоса... Лицо Рылеева...

— Поведеенье дворян ужасно: рабы на плантациях счастливее наших крестьян. Крестьян продают в розницу, разбивают семьи, развращают их жен, похищают невинность дев... И все это явно. Есть изверги, которые заставляют женщин выкармливать грудью борзых щенков...

Поручику Анненкову, сидевшему среди других в кабинете, было не по себе: услышанное представляло действительность в ее мрачной, чудовищной суги.

— ...Нет грозы и страха утешителю,— заговорил офицер с черной повязкой на лице.— Баре самовластно располагают честью, имуществом, самой жизнью крестьян!

— Пока не поднялась смута, как при Пугачеве, пока мы не стали свидетелями ужасов восстания, а отечество наше — жертвой раздоров и гибели славы, уничтожим язву крепостного состояния!..

— Всяк дворянин, что действую освобождения воспротивится, не может зваться

иначе как враг отечества, ибо права землепашцев коренные, исконные...

— А вы что скажете, поручик? — улышал Анненков обращенный к нему вопрос. Иван Александрович обернулся и увидел внимательный, пытливый взгляд коренастого полковника лет тридцати.

Анненков молчал. Полковник вопросительно глянул на присутствующих.

— Я стыжусь моего сословия,— произнес наконец Анненков, краснея.

...Они расходились и разъезжались глупою ночью. Поручика окликнули. Это был коренастый полковник.

— Вы пришли позже, поручик, и другу другу мы не представлены.— Он поровнялся с Анненковым.— Павел Иванович Пестель. Командую Вятским полком в Тульчине. Сколько понял, вы еще мало посвящены в дела Общества. Однако, если будет ваше согласие, отчего бы не создать отрасль в Кавалергардском полку? Начать хоть с вас...

КНЯЗЬ И КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКИЕ ПРОВОДИЛИ СВОЙ ОТДЫХ В НЕАПОЛИТАНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ.

Над Везувием курился дымок. Среди белых камней, колоннад и базилик — развалин древней Помпеи, медленно шли князь и княгиня Трубецкие. Они слушали итальянскую речь.

— ...Взгляните под ноги, сеньоры, вы видите на каменных плитах колеи от колес, выбитые семнадцать веков тому назад.— Молодой «чичероне» сопровождал Трубецких.— Обратите внимание, сеньоры: на стене остатки афиши, зовущей на представление... А рядом — шаловливые письма мальчишек... В этом доме были обнаружены уцелевшие детские игрушки...

Сергею Петровичу около тридцати пяти лет. Несмотря на огромный рост, движения князя легки и изящны — чувствуется выправка военного. Каташе около двадцати пяти. Миловидная, женственная, чуть полноватая, она слушала «чичероне»,

но не упускала случая, чтобы не переглянуться с мужем: прогулка доставляла обоим неподдельное удовольствие.

— Знаменитая статуя жрицы Евмахи...

— Не правда ли, Серж,— по-французски заметила Каташа,— у Дианы, у Венеры, у всех граций и муз — ни у кого нет такого милого, живого, лукавого, такого симпатичного лица, как у этой жрицы...

— Ты смотришься в зеркало, Каташа,— шепотом ответил князь.— Можно подумать, Евмахию валяли с тебя...

Остатки каменных базилик, бело-мраморные дорические колонны с уцелевшими капителями проплывали мимо Трубецких.

— ...Остановитесь, сеньоры! Здесь при раскопках были обнаружены двое влюбленных. Застигнутые шквалом, они бросились в объятия друг другу и были поглощены пеплом. Их нашли совсем недавно. Сплетенные скелеты пролежали семнадцать веков.

— Какая прекрасная смерть...— произнесла Трубецкая шепотом.

— Смерть всегда безобразна, мой ангел,— возразил Трубецкой.— Прекрасна одна любовь.

— Ты прав, милый Серж, но здесь нет противоречия.

Князь расплатился с «чичероне», они возвращались улицами бывшего города одни.

— Теперь понятно, отчего нравам неаполитанцев близки Анакреонт и Гораций,— заметила Каташа.

— О да, мой ангел,— согласился князь.

Их поджидала коляска, в которую были впряжены два мула.

— Живя рядом с Везувием, больше ценить всякий миг сегодня. И поговорка древних «Помни о смерти» звучит здесь призывом наслаждаться жизнью.

Коляска резво катила по дорожке, обсаженной олеандрами. Скловы, поросшие кактусами с розовыми цветами, проплывали мимо...

— Ты не поверишь, мой ангел,— говорил Трубецкой Каташе,— я соскучился по северу и уже в Париже грустил по дому.

— И я тоскую по Петербургу, даже по великосветским сплетням, только зимы не люблю, бр-р... Меня в мороз из дома выгонит разве что землетрясение. Да слава богу, Везувий от нас далеко.

Они рассмеялись.

Их взору открылась необъятная морская ширь. Неподалеку от берега разместился в воде причудливый замок...

Из-за поворота донеслось какое-то странное бряцанье. Трубецкие пехотя разомкнули руки и умолкли пораженные.

В стороне от дороги, в каменоломне, копошились грязные, заросшие существа. Их охраняли солдаты. Звенели кандалы, и облако пыли поднималось над узниками, которые кирками долбили камни. Полуголые тела, едва прикрытые рубищем, лоснились на солнце...

Сергей Петрович подошел к капралу, заговорил по-итальянски.

— Кто эти узники?

— Я слышу, вы не из Неаполя.

— Мы русские, капрал.

— Я видел русских только однажды. Я из Милана, сеньор.— Капрал, по-видимому, любил поговорить.— О, это отъявленные изверги. Они угрожали его величеству, принудили подписать конституцию. Благодаренье господу, прусский император да ваш царь не оставили Фердинанда в беде. Главарей вздернули, а эти карбонарии будут ворочать камни до конца своих дней.

— Ужасно...— проговорила Трубецкая.— Прошу тебя, Серж, дай денег для этих несчастных.

— Пожалуйста, капрал,— сказал потрясенный Трубецкой.— Купите для них еды, одежды и табаку. Тут должно хватить на всех.— Он протянул деньги.

— Это невозможно, сеньоры! У вас

доброе сердце, но злодеи не стоят сострадания. Видели б вы их несколько лет назад, в дни мятежа...

Трубецкой взглянул на каторжников, и другая картина всплыла в его памяти...

— ...Касательно введения конституции, что ограничит монарха, мы сходимся все,— говорил Рылеев.

Они сидели четвером в небольшом кабинете. За морозными окнами бушевала метель. Плавающий камин, мягкий свет свечей делали комнату особенно уютной в эту ненастную ночь.

— Вы видите сходство? — выдвинулся из темноты Пестель. — Вы в северной отрасли сохраняете монархию, тогда как мы намерены ее упразднить.

Отворилась дверь, и разговор оборвался на полуслове.

— Наташа,— поднялся Рылеев,— у нас гости. Наталья Михайловна, моя жена,— представил он худощавую женщину.

— Я скажу, чтоб накрыли к ужину.— Поклонившись гостям, жена Рылеева вышла.

Едва закрылась дверь, спор вспыхнул снова.

— Упразднить монархию в одночасье нельзя. Тем более в России. Ее надобно лишь ограничить законом по образцу той же Британии,— заявил Трубецкой.

Пестель ударил ладонью по столу, и стаканы зазвенели.

— Так будет же республика, князь!

— Господа, господа,— вмешался Волконский. — Вы спорите напрасно. Позор крепостничества нам всем отвергителен, равно как все мы стремимся к твердым законам и отвергаем самовластие.

Волконский сделал паузу, обвел присутствующих взглядом.

— На смотре войск в Белой Церкви государь будет всенепременно. Смерть царя может стать сигналом выступления. Мы на юге хотим знать, согласно ли обществу Севера на царевуйство?

Рылеев повернулся к Трубецкому:

— Кровь тирана избавит отечество от самовластия. С планом Юга нельзя не согласиться, князь.

— С одним условием,— покачал головой Трубецкой. — Когда до будущей весны государь не дарует России обещанной конституции...

— Ну а ежели не дарует? — иронически спросил Пестель.

Трубецкой вытер платком влажный лоб.

— Тогда и решим...

Силуэт Везувия отчетливо обозначился на фоне темнеющего неба. Трубецкие устроились на террасе отеля, расположенного над морем. Князь просматривал итальянскую газету:

— Ты скучала по сплетням, Каташа, изволь. Русская балерина Телешова отдала предпочтение петербургскому военному губернатору Милорадовичу...

— Поистине, за пределами отечества узнаешь больше секретов, нежели при дворе,— заметила княгиня.

— А вот еще: «Русский император болен странной болезнью. Каждый день ездит к архимандриту и ведет душевительные беседы... Намерен отбыть для отдыха в Таганрог,— выборочно читал Трубецкой. — В Тамбовской губернии крестьяне подожгли усадьбу графа Метлина»...

— Какое несчастье,— проговорила Трубецкая. — Бедный граф. Кажется, у него дети.

— Бедные землепашцы, когда доведены до крайности,— возразил Трубецкой.

— Помнится, Серж, Вольтер был для тебя кумиром.

— Что ж из того, мой ангел?

— Вольтер считал идею об имущественном равенстве опасной,— напомнила Трубецкая.

— Все так,— улыбнулся князь. — Однако в «Рассуждении о человеке» он звал к

равенству сословий. Равенству перед законом.

— Ты хочешь сказать, Серж, те, кто подожгли усадьбу...

— Я хочу сказать, Каташа, что добрый народ наш заслужил лучшей участи. Мы все ждали, что в воздаяние военной храбрости народа государь отменит рабство.

Трубецкая внимательно посмотрела на мужа.

— Не могу забыть, Серж,— поежилась она.— Эти несчастные... Такие юные, и... поднять руку на монарха...

Трубецкой отвел глаза и вдруг, неестественно улыбнувшись, спросил:

— Послушай, Каташа, а что как среди подобных отверженных оказался бы я?

— Что за фантазия, Серж...— Княгиня подняла брови.

— Моя шутка не из удачных,— взял себя в руки князь.

Трубецкая обняла мужа, заглянула в глаза. Он попытался улыбнуться.

— Ты права, их вид был ужасен... Невольно задумаешься о щете человеческих дел, о людских превратностях в сравнении с природой, с божественным предопределением...

— Если бы люди не употребляли к взаимному вреду те немногие дни, что досталось проводить им вместе! — сказала Каташа.— Но времена проходят, а судьбы человеческие все те же...

Внизу шуршало море. Волны ласково набегали на берег и не спеша откатывались. Где-то звучала мандолина, кто-то пел вдальеке. Уютно устроившись, Каташа закрыла глаза, и Трубецкой, не шевелясь, оберегал ее отдых.

Сильный громовой раскат разорвал тишину.

Князь Волконский подъезжал к усадьбе. Сквозь ливень едва угадывалась дорога. И лишь когда молния перечеркивала свинцовое небо, на мгновение освещался знакомый нам дом Раевских.

На лестнице князя встретила мать Марии.

— Слава богу, прибыли. Уж мы гадали: не получили письма, или, не дай бог, случилось что...

— Что с ней? — спросил Волконский, скидывая мокрую шинель.— Был доктор? Из кабинета показался Раевский.

— Успокойся, Сергей Григорьевич. Доктор был, да и без него известно...

— Что известно?

Раевский взял зятя под руку.

— Приступы дурноты, даже рвота... без этого не обходится. Бог даст, зимой у вас будет сын или дочь...

Волконский направился к спальне жены.

Она подняла на мужа глаза. Князь замер.

Мария сильно исхудала, под глазами залегли круги. Она смотрела на князя, а тот не находил слов в оправдание, потому что взгляд ее не мог означать ничего, кроме укора. Мария заговорила первой:

— Если возможно, Сергей Григорьевич, прошу вас, не покидайте меня надолго. Со дня свадьбы мы почти не бываем вместе. Это странно, но я вас совсем не знаю...

Она не договорила: приступ тошноты заставил ее сжаться.

Софья Алексеевна бежала по коридору. Впереди неслась служанка с кувшином и полотенцем.

Стемнело. Гроза не унималась. К усадьбе подкатила кибитка с крытым верхом. Три фигуры пробежали к освещенному входу...

— Как прикажете доложить, ваше превосходительство? — склонился лакей.

— Полковник Пестель.

Встревоженный Волконский спустился по лестнице.

— Глубочайшие извинения за столь поздний визит,— быстро проговорил Пес-

тель.— Дорогу развозит, а к утру мы должны быть в Умани.

За окнами гремело, шумел ливень.

— Позвольте представить членов польского общества,— отрекомендовал спутников Пестель.

Офицеры поклонились молча...

— Завтра вечером они отбывают в Варшаву.

— Видите ли, Павел Иванович,— начал Волконский, оглянувшись. Хриплый голос его прозвучал неуверенно.

— Я понимаю, Сергей Григорьевич,— быстро проговорил Пестель.— Но другого случая не будет год, как не более...

Сильнейший громовой раскат заставил Волконского вздрогнуть. Взгляд Пестеля был решителен и непреклонен. Князь оглянулся на спальню Марии.

— Когда и где?

— Завтра в Умани, в вашей квартире, в час пополудни,— Пестель ответил быстро, пристально глядя Волконскому в глаза.

— Хорошо, я буду,— выпрямился князь.

— Благодарю,— Пестель улыбнулся едва заметно.— Я знал, что могу на вас положиться.

— Пшепрашем. Довидзеня, пан генерал,— попрощались поляки.

Пестель поклонился, и все трое отошли, а потом и кибитка растворилась в дожде...

Светало. Дождь кончился, и птичий гомон сопровождал солнечный восход. Волконский вышел на крыльцо. Обернувшись к слуге, князь попрощался:

— Ефим! Передай барину, я вызван нарочным в бригаду. На той неделе вернуться.

— Все исполню, ваше сиятельство, не извольте беспокоиться,— поклонился Ефим.

Усевшись в кабриолет, Волконский по-манил к себе старика.

— Еще скажи, Ефим, я не хотел в него будить, потому не простился.

Мария спала крепко и не слышала. Как отъехал князь, и стук копыт растворялся в птичьих голосах.

Первые солнечные лучи осветили рые деревья, покрытые бледно-зеленым пухом едва распустившихся почек...

Князь Волконский ехал по дороге, и перед его глазами встал летний, солнечный день...

Карета императора Александра... Сопровождаемая карету эскорт... Скачущие впереди конского графа Милорадовича, великий князь Николай Павлович... Они громко переговаривались, и Волконский не мог не слышать их разговоры...

— Дай волю злодеям, отчи Россию вверх дном перевернут,— смеялся брат царя.

— Революция в России? — смеялся Милорадович.— Простите, ваше высочество, это такая же бессмыслица, как баба-гре-надер. Для чего помещик в Европе берет кинжал? Чтобы узурпировать права, кои он не имеет, да чу-е имущество погра-бить.

Милорадович кивнул на князя Волконского.

— Взять же князя. Ну для чего, скажите на милость, для чего революция Волконскому? Земли по всей России, крестьян, поч. дай, тысяч тридцать, государем обласкан.

Крестьяне в поле, завидя императорскую карету, кланялись низко, подобострастно.

У околицы группа людей, выраженных в цветастые одежды, стояла с хлебом-солью, приветствуя императора. Но карета проехала, не остановившись.

— Да ежели и общество какое, вроде масонского,— продолжал Милорадович,— так бывал я в таких обществах. Сколько шуму, бойкости да решительности словесной, а разойдутся — и опять затишь.

Задать перед дамами приятно. А начни мы и смеяться — хуже станет...

Кучерская карета остановилась. Подскоки офицер, распахнул дверцу, помог Андру выйти.

— Что замолчал, Милорадович, о чем толкуешь? — спросил царь.

— Все о том же, ваше величество, — поклонился Милорадович. — Молился народ российский за государя испокон веку. А появишься у нас революционер — побьет его народ камнями, как побивали уродов в Спарте.

— А ты, Николая, что полагаешь? — спросил Александр брата.

— Думаю, это слепота, возмущений хлебопашцев — что ни год, то больше! И беспрорядки в Семеновском полку, кажется, рано забываются...

— Стареет мы, Милорадович, проговорил в г Александр. — Россия, чуждается в силе, энергии. Правду говорит Николая, времена нынче тяжкие. Поля засеяны гадко от обжуденья зерна. Пища у крестьян худая: хлеба нет. Полям нужны удобрения, а скота у крестьян нет. На станциях нищие, грязь... Устал я. На господу единого уповаю. Ибо сказано: тогда похваляюсь, когда чувствую себя слабым, ибо тогда укрепляет меня господь...

РАЗЫСКАВ НА ЯРМЫКЕ В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ МАГАЗИН ОТ ДОМА «МАДАМ ДЕ МАНСИ», ПУРУЧИК АННЕНКОВ ВНОВЬ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С ПОЛИНОЙ ГЕБЛЬ.

Над рекою вилась дорога. То появляясь из-за деревьев, то исчезая в густой чаще, мчалась карета. Шумно дышали лошади, скрипели колеса.

Карета подъехала к деревянному дому, стоявшему в заброшенном парке над рекой. Выбравшись из кареты, поручик Анненков попросил кучера:

— Посвети-ка, братец...

В карете, привалившись к подушке, креп-

ко спала француженка. Анненков осторожно поднял ее на руки.

— Как это мило, мсье, — пробормотала Полина. — Я думала, мы никогда не доедем. Я совершенно без сил... Огромный город...

Она доверчиво уронила голову на его плечо.

С узлом в одной руке, с фонарем в другой кучер открыл двери, и живая ноша поплыла вверх по темной лестнице, отбрасывая на потолок причудливую тень...

Анненков толкнул дверь в комнату, и скрип ржавых петель разнесся по пустой усадьбе.

Не опуская Полины, поручик обернулся к вознице и что-то шепнул ему на ухо. Кучер кивнул и исчез вместе с фонарем. Комната погрузилась во тьму.

Скрип, треск, грохот, шум падающих тел... и крик Полины...

Потом тишина... Старческий кашель... В комнату со свечой в руках испуганно заглянула древняя старушка. Она увидела опрокинувшееся кресло, лежащего на полу Анненкова и в углу перепуганную Полину.

Комната оказалась огромной спальней со старинным альковом.

— Вы ушиблись, мадемуазель, — пробормотал Анненков, подслеповато щурясь: он потерял очки.

— Не приближайтесь! — закричала Полина и схватила отлетевший от кресла подлокотник. — Или я разобью вам голову... Куда вы меня привезли? Где я?

Анненков никак не мог найти очки.

— Все в дымной избушке внушает покой, — бормотал он, продолжая поиски. — Один настоroje Сусанин седой... Что ни говори, Рылеев — поэт... поэт...

Он нашел очки и, только надев их, заметил в дверях старушку, которая в страхе попятилась.

— Семеновна! — Анненков поймал ее и заключил в объятия. — Это же я, Иван Александрович!

Он подтащил старушку к Полине. Та отступила, все еще не выпуская из рук подлокотник.

— Нешто... нешто...— старуха вдруг улыбнулась беззубым ртом...— Батюшки-светы! Ванечка! Да как же... Приехали! А серебра-то шестьдесят пудов лежит. Боюсь я... Все тараканы да сверчки... Эта капушту хотели рубить, все и разбежались. На Введенье вина накурили... Одна я, боюсь... Я и сургучом курила. А как же маменька?..

— Семеновна! — Анненков понял, что остановить старуху будет трудно.— Самоварчик бы нам! Днем потолкуем!

Он взял из рук старушки свечу, и та удалилась, бормоча про серебро, тараканов и маменьку.

— О, эта русская водка...— Полина устало привалилась к стене.— Мсье поручик, я согласилась поужинать с вами, но это не дает вам повода... Вместо гостиницы двора вы увезли меня бог знает куда.

— Мадемуазель,— робко оправдывался Анненков.— Я пытался подчинить обстоятельства, как вы мне советовали однажды...

— Вы сказали, что покупаете на ярмарке лошадей для полка,— все еще недоумевала Полина.

— Святая правда, мадемуазель,— кивнул Анненков.

— Но у вас здесь именье...

— Я и сам забыл, мадемуазель,— усмехнулся Анненков и добавил:— У матушки по всей России такие вот сироты стоят без присмотра...

Он задел ногой тюк, оставленный ящиком. Тюк зарычал, зашевелился. Полина бросилась к узлу, развязала, и оттуда выскочила собачка. Отвесив поручику пощечину, Полина схватила собачку на руки и потребовала:

— Я не знаю города, мсье, покажите, в какой стороне мой отель.

— Но, мадемуазель,— взявшись за щеку, Анненков блаженно улыбнулся.— От

города мы в двадцати верстах, осмелюсь заметить.

Полина вздохнула устало.

— Ваши волнения напрасны, мадемуазель.— Анненков был серьезен.— Взгляните в окно. Карета к вашим услугам. Разумеется, я провожу вас до места. Но ночь кругом и, верно, разумнее отдохнуть. Вас никто здесь не потревожит.

Полина вдруг прикрыла ладонью рот, опустила собачку на пол.

— Я без сил... Не знаю, кто вы, русский медведь или разбойник с большой дороги... Помогите же раздеться, мсье,— попросила она остолбеневшего Анненкова.

И сама задула свечу...

Полина и Анненков ехали в открытой коляске.

— Хотя отец мой был аристократ, роялист — ему пришлось служить Бонапарту. Он погиб, когда мне было всего девять лет,— рассказывала Полина.— Я хорошо помню двенадцатый год... Мой дядя сказал, прощаясь: бог знает, вернусь ли, и погиб под Бородином... А в Париже русские были веселы, обходительны и великодушны.

Дорога шла через лес, сквозь деревья виднелась широкая река.

— С тех пор какая-то сила влекла меня в Россию. И все неожиданно устроилось. Я служила в одном парижском магазине, потом ангажировалась к мадам де Манси в Москву.

Анненков украдкой взглянул на Полину.

Коляска свернула с лесной дороги куда-то в сторону и остановилась. Поручик выпрыгнул. Полина увидела небольшую церквушку, стоявшую на пригорке.

Неожиданности начались, едва она переступила церковный порог. Позади француженки оказались шаферы. Вынесли кольца... Священник перед аналоем начал чтение...

Анненков украдкой взглянул на Полину. Она поначалу беспечно улыбалась. Однако, сообразив наконец, что происходит, бросилась к выходу.

Анненков догнал ее у ворот.

— Полина! Мадемуазель Полина!

— Что за нелепые шутки, мсье Жан?

Анненков взял ее за руку:

— Это не шутка. Я предлагаю вам руку и сердце... Я прошу вас стать моей женой.

Полина рассмеялась.

— Вы дитя, мсье Жан! Неужели всякую девушку, с кем вы провели ночь, вы ведете под венец?

Она двинулась к коляске.

— Полина! — закричал Анненков. — Оставьте насмешки, которые причиняют мне боль. Я полюбил вас. Мое намеренье серьезно.

Полина остановилась.

— ...Я верю, Жан... Однако мы остались с матерью без единого франка за душой. Революция и война нас разорили.

— Это пустяки, — упрямо покачал головой Анненков. — Позор разделения людей канет в Лету — увидите. Предрассудки исчезнут... Свобода, равенство и братство...

— Да вы революционер, мсье! — воскликнула Полина. — При вашем богатстве...

— Не все у нас измеряется корыстью, — возразил Анненков. — Мир еще убедится, что идеи Вольтера и Руссо обернутся в России делом.

— Господь вас избавь! — запротестовала Полина. — Право, никогда не понять мне русских. — Она покачала головой. — Нет, мсье Жан, я не думаю, что госпожа Анненкова согласится с сыном в его предположениях. Без ее опеки вам не прожить! Жизнь в свете...

— Я его презираю, — перебил Анненков.

— Нет, мсье Жан. Я не хочу, чтобы про меня говорили: вышла за мешок с золотом. Жаль, что вы так богаты... И так милы.

Осень...

Роскошные цветники и оранжереи раскинулись в подмосковной усадьбе Анненковой в Сокольниках. Старый садовник, едва поспевавший за дворовыми девками, трясущимися руками перерезал стебли, и в корзину падали тяжелые бутоны.

«— ...Маркиза, взявши вдруг руку своей дочери и мою, со слезами просила Небо о истреблении затруднений, дабы соединить два сердца, толикое сходство между собою имеющие. Не удерживайте меня, маменька, сказала ей Климентина...» — читал слуга Никитка.

Возле стены, ограждавшей усадьбу, вышпался холм, выложенный цветами. Нескольким слугам трудились над цветочным орнаментом. А к кирпичной стене был привален мраморный памятник, увенчанный скульптурной группой, где в центре, среди нимф и купидонов, запрокинулась в горестном порыве Ариадна. На пьедестале было написано золотом: «Здесь покоится прах рабы божьей Анненковой Анны Ивановны. Мир праху...»

В беседке в кресле сидела Анна Ивановна. Возле нее — семь девиц и кудлатый Никитка, продолжавший читать жалостным голосом:

«— ...Я нисколько не помышлял похитить у Климентины избранного ею супруга. Но единое мое желание состояло в том, чтоб та рука избавила меня от несносной жизни...»

Иван Александрович Анненков прохаживался по аллее, выжидая удобный случай, чтобы показаться матери.

Анна Ивановна, жестом остановив чтение, устала на клумбу, что сооружалась возле памятника.

— Добавь справа розовых, — приказала она. — Остальные же к ногам.

Наконец она заметила сына.

— И ты здесь? Ну, здравствуй. Говори, с чем пожаловал?

Иван Александрович приблизился, нерешительно снял очки, протер и снова надел.

— Говори. Не бойся. Нынче я добрая,— усмехнулась мать, любуясь красными рыбами в прозрачном водоеме.

— Матушка,— начал Анненков.— Мне двадцать четвертый год, и я задумался над устройством очага семейственного.

— Я ее знаю?— спросила Анна Ивановна.— Иль в Петербурге кого приметил?

— Вы ее видели, но вряд ли помните,— Анненков никак не мог решиться.

— Княжна Маврина? Самохвалова?— перебирала Анненкова.— Уж не внучка ли обер-прокурора?

— Нет, матушка, эта девушка... служит во французском модном доме.

Анненков ждал бури, но лицо матери ничего не выражало.

— Что ты дурак, про то я одна знала, а ты это хочешь всей Москве показать.

— Матушка,— заволновался Анненков.— Не заставляйте меня на крайность. Мое намеренье обдуманно. Я не отступлюсь.

— Да не отступайся, эка напугал,— усмехнулась мать.— Женись хоть на дворовой, только в дом не появляйся.

— Матушка!— взмолился Анненков.— Вы ее не знаете! Нет на свете существа благороднее, чище...

— Читайте!— приказала барыня Никитке.

«— ...Ах, Кавалер! Сия скамья, от коей вы вскоре от меня отдалитесь, будет посвящена воспоминанию о вашей нежности. Я желаю, чтоб вы вспоминали о мне...»

— И все-таки я женюсь на ней!— бледнея, крикнул Анненков.

— Пошел вон,— проговорила Анна Ивановна бесстрашно.

Иван Александрович круто повернулся и зашагал к дому.

«— ...Движение ее чувствований вызвало грудь ея. О Кавалер! И так должно расстаться! Я пронзен был до глубины сердца. Вам надобно жениться на англичанке, а не на италианке. Не делайте такого выбору, который может обес-

честить Климентину. Я имею гордое сердце...»

Удар палки по книге заставил Никитку замолчать.

— Эй, Федор! Карету Ивану не давай! Пускай убирается как знает! Нет у него дома! Не сын он мне больше! В ногах будет валяться — полушки не дам! Вон!

Зала в петербургском доме графа Лавала на Английской набережной была ярко освещена. Звучала музыка. Кружились пары. Фрак, мундиры, ослепительные туалеты дам...

— Весьма недурно,— оглядывая мраморный пол вестибюля, говорил великий князь Николай Павлович.— Это и есть те самые плиты, что доставлены из Рима?

— Вы не ошиблись, ваше высочество,— ответил хозяин дома.— Плиты из дворца императора Нерона у вас под ногами.

— Где ваша дочь, где князь?— поинтересовался Николай Павлович.

Граф Лаваль провел его в залу. Подойдя к супругам Трубецким, великий князь лукаво улыбнулся.

— Знаете, отчего в Бородино полковник выстоял полсуток под ядрами?— Николай Павлович дружески взял под руку Трубецкого.— Он почел за лучшее терять голову от любви, чем от ядра неприятеля.

Николай первый рассмеялся своей шутке. Трубецкие вежливо улыбнулись. Великий князь в упор посмотрел на Трубецкую слегка выпученными холодными глазами.

Граф Лаваль сделал жест капельмейстеру. Грянула музыка.

Танцуя, Николай Павлович говорил Каташе:

— Полковник Трубецкой всегда был украшеньем армии. И огорчает меня, княгиня, только одно...

— Вы пугаете меня, ваше высочество. Николай Павлович рассмеялся.

— Меня огорчает, что жена столь храброго и умного человека, как князь Трубец-

кой, не нуждается в чем-либо покровительстве, увь, в том числе и моем.

Танец кончился.

— Но если, не приведи господь, судьба ниспошлет вам испытанья, знайте, я всегда к вашим услугам, о чем бы вы ни попросили,— произнес торжественно великий князь.

Музыканты заиграли снова.

На этот раз Каташа танцевала с мужем и не сводила с него влюбленных глаз. При его огромном росте ей приходилось держать голову высоко запрокинутой.

Граф и графиня Лаваль с умилением следили за дочерью и зятем.

— Полковник Трубецкой у государя в фаворе,— прошамкал престарелый сановник.— Не пройдет года — быть ему генералом.

— Завидую Лавалю,— вздохнул господин, наблюдавший за балом в лорнет.— Его Катрин не чета моей. Моя избрала сущего вертопраха. Из тех, что богохульствуют, толкуют про конституцию да мерские стишки сочиняют!

— Уж не Пушкина ль? — спросил мрачный господин с завитком на лысине.

— Да ведь как выслали его из Одессы в Михайловское, я слышал, он хвост-то поджал,— вмешался в разговор престарелый сановник.

— Как же, подожмет он,— проворчал мрачный господин.— Добр государь наш, ох добр. Помяните мое слово, одна перекладка спасет империю. Одна перекалди-на...

Глаза мрачного господина засветились вдохновением.

— Типун вам на язык,— испугался господин с лорнетом.— У нас с пугачевщины полвека уж не казнят.

— Оно и скверно...

Словно ветер пронесся по залу.

Великий князь что-то тихо сказал адъютанту и, ни на кого не глядя, направился к выходу. Одна за другой останавливались пары... Лишь капельмейстер вверху

продолжал самозабвенно взмахивать палочкой.

Трубецкие кружились, позабыв обо всем на свете. И когда внезапно оборвалась музыка, они в недоумении остановились: в зале кроме них не было уже ни души.

— Что случилось, папá? — спросила Каташа, увидя графа в дверях.

Тот держался за сердце.

— Государь... Александр Павлович... В Таганроге... О господи!

— Быть не может! — вырвалось у Трубецкого.

— Царствие небесное... — перекрестился граф.

— Быть не может,— повторил Трубецкой и ужаснулся: — Не покушенья ль?

— Какое... — простонал граф Лаваль, — в бозе почил... Александр Павлович. Кто бы мог ожидать!

— Кто бы мог ожидать... — повторил за ним Трубецкой.

Среди голых украинских тополей, припорошенных снегом, золотилась церковная маковка. Церковь была крошечная, беленькая, молящихся было немного. Мария Волконская, глядя в тускло освещенный лик богородицы, шептала слова молитвы:

— О сыне молку, пресвятая богородица, чтоб обличьем своим напоминал мне Сергея Григорьевича...

Слова ее были прерывисты, губы потрескались, слезы ручейком бежали по впалым щекам.

— ...Любя дитя мое, на свет еще не явившееся, я скорее проникнусь приятнью к супругу, когда увижу его повторение в ребенке, кровь от крови его, плоть от плоти...

Взгляд ее, застланный слезами, был почти безумен...

— ...Пресвятая богородица, помоги мне, научи любить мужа, как должно верной супруге, избавь от равнодушия. Находишься в таких чувствах к отцу моего будущего дитяти...

Выйдя из церквушки, Софья Алексеевна Раевская раздавала нищим подаюнья. Николай Николаевич, беспокойно поглядывая на дорогу, вышел за церковные ворота...

Показался всадник. Это был сын Раевского, Александр. Подъехав к отцу и встретив немой вопрос, он отрицательно покачал головой...

Мария спускалась по ступеням церковного крыльца медленно — она была на последнем месяце беременности.

— Увы, Мари, огорчу тебя, — Александр протянул ей письмо. — Сергея Григорьевича не будет. Он не приедет до конца года. Он помог сестре сесть в карету.

— У меня в том сомнений не было, — ответила Мария покорно. А письмо, не глядя, положила в ридикюль.

Карета тронулась...

— Но его обстоятельства основательны, — вступился Александр за Волконского.

Отец добавил, словно в чем-то оправдываясь:

— Кончина государя... Приуготовленья к присяге новому царю...

— Это что же?! — возмутилась Софья Алексеевна. — Князь так и будет наезжать к нам, как гость!

— А уж тебе удивляться не следовало бы, — строго остановил жену Раевский. — Кажется, первые годы и тебя вниманьем не баловали.

— Тогда войны были. Разве можно сравнивать военное состояние с нынешним!

— В России всегда состояние военное, — отрезал Раевский и взглянул на дочь.

Мария безучастно смотрела в окно кареты.

— Сергей Григорьевич пишет часто, и одиночества я не чувствую, — произнесла она, не оборачиваясь.

Раевские переглянулись. Софья Алексеевна грустно покачала головой. Николай Николаевич нахмурился.

И лишь войдя в спальню и запершись, Мария дала волю чувствам. Упала на кровать, уткнулась лицом в подушку.

— Вы несносны, Сергей Григорьевич, несносны.

...Замерзли цветы на дворе... Застыл пруд... Конюх кормил жеребенка и напевал тягучую малороссийскую песню.

Мария устало вытерла лицо, села к столу и написала размашисто: «Сергей Григорьевич! Во имя всего, что Вам дорого, выпишите меня к себе, если решено, что Вы останетесь на своем посту до конца декабря. Я обещаю не испустить ни одного крика во время моих страданий. Остаться здесь больше нет сил...»

НА УТРО 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА БЫЛА НАЗНАЧЕНА ПРИСЯГА НОВОМУ ЦАРЮ. КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ УШЕЛ ИЗ ДОМА РАНЬШЕ ОБЫЧНОГО...

К дому на Английской набережной стремительно подлетела карета. Граф Лаваль торопливо выбрался из нее.

Сбросив шубу, он почти бегом поднялся по лестнице и только перед входом в залу остановился, чтобы отдышаться. Наконец, придав лицу подобие улыбки, граф открыл дверь и вошел в гостиную.

— Что народу на площади — еле проехал... — произнес Лаваль, покосившись на дочь.

— Представьте, я не слышала, как ушел Серж, — проговорила Каташа. — Всегда слышу, а сегодня...

— Одни присягают, — продолжал граф, — другие не присягают. Толкуют про злодеев гнусного вида, что подстрекали солдат к неповиновению...

Снова глянув на дочь, граф выпалил:

— До разговора дошло, вот ведь как вернулось...

Глаза Александры Григорьевны широко раскрылись...

Каташа резко повернулась к отцу.

— На губернатора столицы напали... — сообщил взволнованный граф.

— Как... напали?..— изумилась графиня.— На Милорадовича? Что за страсти?.. Кто же посмел?..

— Я только с площади. Милорадович уговаривает солдат, чтобы присягали императору... Его не слушают! Не слушают! — Господи! — перекрестилась графиня.— Ведь это бунт...

Трубецкая, бледная, поднялась.

— Сядь, Каташа,— остановил ее отец.— На площади, слава богу, Сержа не было, я спрашивал. И сейчас нет. Он обещал быть сегодня у зятя Людвига.

— Я еду к Лебцельтернам,— сказала Трубецкая,— спрошу сестру.

— Рано, Каташа,— остановил ее отец.— У австрийца князь будет вечером.

Но Трубецкая его не слушала.

Еще не подали карету, а княгиня, да же не успев как следует застегнуть шубу, выбежала на улицу и тотчас же услышала доносившийся с площади голос Милорадовича:

— ...Кто из вас был со мной под Смоленском, Бородином, под Кульмом и Лютценом, в Лейпциге и в Париже? Никто не был? Слава богу! Здесь нет ни одного русского солдата!..

Миновал дом, отделявший набережную от Петровской площади, Трубецкая остановилась: дальше пройти было невозможно.

Стояли кареты, сани, толпы людей... Вдали виднелась конница. Возле памятника Петру гарцевал на лошади граф Милорадович.

— Тут мальчишки! Буяны! Разбойники! Мерзавцы! Осрамили русский мундир, честь военную, название солдата!

— Ваше сиятельство!

Трубецкая обернулась.

Кучер спрыгнул с облучка, распахнул дверцу кареты. Княгиня поднялась на подножку и обернулась к площади.

— Вы пятно России! Вы преступники

перед царем и отечеством! Перед богом! — рокотал Милорадович.

Вокруг памятника стояли какие-то люди... Солдаты в каре... От Сената до лесов строящегося Исаакиевского собора двигались и перекатывались с места на место густые толпы. Один из офицеров, стоявших перед каре, выдвинулся вперед. Граф Милорадович продолжал кричать солдатам:

— Это что вы затеяли?! Что сделали?! Кого послушали?! Падите же на колени... Все!

— Придется в объезд, ваше сиятельство,— покачал головой кучер.— Заминка у них, не поймут, кому присягать... То ли великому князю Константину Павловичу, да тот в Варшаве, то ли Николаю Павловичу, то ли конституции. Кто такая, не могу знать... С утра и топчутся на морозе, сердешные...

— Не увидишь ли Сергея Петровича? Посмотри, Прохор...— попросила княгиня, вглядываясь в офицеров, что стояли возле памятника.

— Нету их вроде... Когда б тут были, так по росту далеко их видеть...

— Поезжай в объезд, Прохор, да поскорей.

Хлопнула дверца кареты.

Голос Милорадовича взывал, угрожал, требовал...

Тройка разворачивалась. Трубецкая откинулась на сиденье и вздрогнула, услышав выстрелы.

Она приподнялась, распахнула дверцу и, несмотря на расстояние, увидела полные предсмертной муки глаза Милорадовича...

Прижав окровавленные ладони к груди, он медленно валился с лошади...

Карета стремительно уносила потрясенную Каташу.

Находившийся среди кавалергардов поручик Анненков проводил глазами стремительно промчавшийся мимо экипаж Трубецкой...

В богато обставленном доме австрийского посланника, графа Лебцельтерна жизнь шла своим чередом: горели свечи, пылали каминны. Раскладывали пасьянсы попеременно со светской болтовней. Говорили преимущественно по-французски. Все разговоры вертелись вокруг событий на Петровской площади.

— ...Мне Петербург напомнил нынче Париж. Столько на улицах людей!

— Пожалуй, в Лондоне и по праздникам не увидишь такого стечения публики...

— Любит народ царя-батюшку...

— Помилуйте, да ведь там беспорядки, стреляли даже...

— Полноте, когда стреляли, так, верно, в честь императора...

— Да нет, будто поймали кого-то. Полагают, что конокрадов из Сибири... Словом, разбойников.

— Вспомните Мадрид, как бесчинствовал этот выскочка Риего, пока его не вздернули. Уж два года минуло, а я не успокоюсь никак...

Княгиня Трубецкая пребывала в глубокой тревоге.

— Полно, сестра,— успокаивала ее молодая графиня Лебцельтерн.— Увидишь, сейчас он будет здесь. Ну, что я говорила!

Каташа поднялась навстречу Трубецкому.

Князь казался спокойным. Только был очень бледен. Он поцеловал руку графине, раскланялся с гостями и, подойдя к камину, протянул к огню озябшие руки.

— Ветер да мороз — сущее наказание,— сказал он жене.— Вспомни, как ты бранила зиму... Кажется, с нашего путешествия прошла вечность...

— Князь Сергей, вы чем-то расстроены? — спросила хозяйка дома.

— Утомился. Да и дурно спал ночь... Я бы не отказался от чая.

Подали чай, и князь отпил из чашки маленький глоток.

— Что там на площади? — спросила графиня Лебцельтерн.— Рассказывают та-

кие страсти... Что Николай Павлович? Он распорядился, чтобы успокоить?..

Трубецкой не ответил, поставил чашку, отошел к окну и отпрянул. Тишину разорвал оружейный залп.

Гости вскочили со своих мест.

— Это что — салютovanje? — обернулась старая дама.— Будет фейерверк?

Смертельно бледный Трубецкой замер посреди залы.

Еще залп.

Гости бросились к окнам.

В окна было видно: в сторону Невы бежали люди, оставляя на снегу раненых и убитых. Новый залп. Визжала картечь. Грохот оружий разносился по сумеречному Петербургу.

— Господи, господи...— шептали бескровные губы Сергея Петровича.

На Неве трещал разбитый картечью лед, ломались льдины, и люди исчезали в черных невских волнах...

Князь Трубецкой не вынес, закрыл глаза, чтоб не видеть пытливого взгляда жены.

Усадьба Раевского потонула в сугробах. Была тихая, лунная ночь. В одном из окошек мерцал тусклый огонек.

Новорожденный безмятежно спал, когда в детскую вошла пышногрудая кормилица со свечой и осторожно вынула ребенка из колыбели. Чутьем матери угадав ее приход, проснулась в своей спальне Мария. Она взглянула на часы и снова опустила голову на подушку. Мария была еще слаба. Ее бледное лицо хранило следы недавних страданий.

Кормилица тихо напевала...

Дыхание Марии стало ровным...

И вдруг за окном яростно задала сабака. В парадную дверь стучали — резко, нетерпеливо.

— Кого еще нелегкая принесла? — ворчал старый слуга.— Иду, иду. О господи...

— Затопите в кабинете.— На ходу сбросив шинель, Волконский вошел в

спальню.— Принесите ребенка. Маша, здравствуй! Здорова ли?

Мария с тревогой вглядывалась в мужа. Внесли ребенка.

Волконский внимательно посмотрел на спящего сына, перевел взгляд на Марию.

— Батюшка дома?

— Уехал с мамá в Белую Церковь, к тетушке,— ответила Мария.— Что с вами, Сергей? На вас лица нет.

— Никаких вопросов при людях,— сказал Волконский по-французски.

Потом он прошел в кабинет, достал из бюро пачку бумаг. В дверях показалась Мария. Слуга вышел, Волконский подсел к камину и, быстро просматривая бумаги, одни оставлял, другие мял, протягивал жене.

— В огонь... В огонь... Вы очень страдали, Мари?

— Все позади,— ответила она, поняв к чему относится вопрос.

— Простите, что не приехал раньше. Это было не в моей власти,— не глядя на Марию, сказал Волконский.— Это сжечь... сжечь!

Горели в камине бумаги, плавился сургуч.

Мария молчала, со страхом глядя на мужа.

— Дитя назвали? — спросил Волконский.

— Николя. Николино... Как условились,— тихо ответила Мария.— Он похож на вас.

— Вы находите? — рассеянно спросил Волконский.

Мария обиженно поджала губы. Приняв из его рук новую пачку бумаг, она вдруг попросила:

— ...Письмо Пушкина... Первое его письмо...

...На песчаный берег накатывал прибой. Четырнадцатилетняя Маша Раевская со смежом убежала от волн... Когда белая полоса, шипя, отступала, она мчалась ей вдогонку, подобрав юбки...

На дороге, стоя рядом с каретой, двадцатилетний Пушкин весело наблюдал за шалостями Марии и переглядывался с генералом Раевским, с его сыновьями...

...Мария совсем по-детски спрятала письмо за спиной, сжала в руке, будто боялась, что Сергей Григорьевич его отнимет.

— Как знаете...

Волконский поднялся, взглянул на камин, где догорали бумаги.

— Пестель арестован.

— Павел Иванович? — Мария удивилась.— Почему?

Волконский не ответил, снова склонился к бумагам.

Бросив в огонь последние листы, он подошел к жене, взял ее за руки.

— Возможно, все обойдется. Я принял меры предосторожности, быть может, излишней.

Волконский помолчал.

— Верьте, Мари, я тосковал по вас...

Мария отвела глаза.

— Может быть, я достоин осуждения... Но если что-нибудь будет не так, я надеюсь, что вы хотя бы постараетесь понять нас...

— Нас? — удивилась Мария. И снова спросила: — Нас?

Князь не ответил.

Трубецкие ночевали в доме Лейбцельтернов. За окнами вставало морозное утро. Княгиня еще спала, а князь, уже одетый, стоял у окна спальни. С тоской наблюдал он, как соскабливали с мостовой кровавые пятна — следы вчерашней трагедии.

Это было вчера... Только вчера...

...Трубецкой нервно проаживался перед аркой Главного штаба. Он видел, как из дворца выбежал Николай в мундире Измайловского полка. Несколько всадников и пеших офицеров окружили его. Вы-

слушавшая распоряженья, они разъезжались в разные концы.

Фигуры возле дворца были плохо различимы. И Трубецкой приблизился, однако лишь настолько, чтобы лучше наблюдать, но не быть узнанным.

Через площадь бежали солдаты лейб-гренадерского полка. Впереди — офицер с обнаженной шпагой. Не замечая Николая, лейб-гренадеры бросились во дворец и скрылись в дверях.

— Приготовьте экипажи для матушки и жены! — распорядился Николай. — В крайности, выпроводите их с детьми в Царское Село!

Из-за угла Зимнего показались преображенцы.

— Слава богу, хоть рота моя появилась... — пробормотал Николай.

В дверях Зимнего вновь показались лейб-гренадеры. Их командир остановился в нерешительности.

— Здорово, ребята! — крикнул Николай, стараясь придать лицу подобие улыбки.

Лейб-гренадеры молчали.

— Как? Вы меня не признаете?

Не добившись ответа, царь спросил у командира:

— Вы кого-то ищете?

— Своих, ваше высочество!

— Опомнись! — крикнул офицер из преображенцев. — Перед тобой его величество!

— Вы назвали меня высочеством, следовательно, вы не присягали... — Николай отступил на шаг. — Вы с мятежниками? Когда так, то вот вам дорога... — И он показал в сторону Петровской площади.

— Покорно благодарим!

Лейб-гренадеры маршем двинулись в сторону Сената.

— Ура конституция! — крикнул офицер, не замедляя шага.

— Урра-а-а! — подхватили солдаты...

Князь Трубецкой с тревогой наблюдал за событиями.

— Ваше величество, — подскочил на ко-

не артиллерийский генерал, — пушки выведены!

Николай приободрился.

— Только заряды не сыщут...

Глаза царя округлились. Переведя взгляд в сторону, он всмотрелся.

— Полковник Трубецкой?..

Хотя их разделяло большое расстояние, Трубецкой увидел... глаза Николая.

Князь медленно повернулся и двинулся к арке Главного штаба...

— ...Ты убит вчерашним, Серж... — услышал Трубецкой голос жены. — Среди мятежников — твои товарищи. Я понимаю твою муку, Серж, но они не могли не знать...

— Не могли не знать... — повторил Трубецкой.

Каташа подошла к нему, заглянула в глаза.

— Серж... Ты знал про заговор... Ты был с ними, Серж...

— Да, — ответил Трубецкой, удивляясь своей покорности.

Казалось, признание мужа не удивило Каташу.

— Я о многом догадывалась, Серж. Еще с Неаполя... В ванной комнате спрятан гектограф...

— Ты знала?! Каташа!.. — изумился Трубецкой. — Знала? И ни словом... Ни взглядом...

— Один бог тебе судья, Серж. Тебе и твоим товарищам.

Трубецкой не сводил глаз с жены. Он ждал всего, но не этого спокойствия, не этой всепрощающей улыбки.

— Каташа, — произнес Трубецкой, — бог наказал меня. — Он уронил голову. — Вся кровь невинная падет на мою голову.

Князь вздрогнул и замер.

За окном, возле входа в посольский особняк остановилась карета. Из нее вышли трое сановников. Их мрачно-торжественные лица не сулили добра.

Звякнул колокольчик. Еще раз. И еще.

Княгиня увидела белое лицо князя, дрожащий подбородок...

Двери открыли. Встревоженные хозяйка дома — пятидесятилетний граф Леб-цельтерн и его молодая жена — вышли взглянуть на неожиданных гостей.

Трубецкой быстро спустился по лестнице.

— Ваше сиятельство, вас требует к себе император. Пожалуйте шпагу.

Один из сановников жестом предложил князю следовать за собой. Наверху лестницы показалась Каташа; Трубецкой хотел что-то сказать, но у него перехватило горло и вместо слов вырвался хриплый стон...

Дверь за князем захлопнулась. Наступила тишина.

Лестница, двери качнулись, куда-то поплыли...

Каташа без чувств лежала на полу...

«— ...Что мне сказать Вам о любезной нашей Эмилии. Я о ней сожалею, я жалею о ее молодом сердце, что столь рано ощутило любовь безнадежную. Она бросилась ко мне на шею, и слезы полились с обилием из очей ей...»

Часы в гостиной пробили полночь.

Полина Гебль подошла к дверям, прислушалась к монотонному чтению, доносившемуся из глубины дома, вздохнула.

В передней звякнул дверной колокольчик.

Вместе с клубами морозного воздуха появилось существо в тулупе. Освободившись от овчины, существо оказалось полной тридцатилетней женщиной в очках. Стачив валенки и заметив на лестнице Полину, она проговорила по-французски:

— Скоро ударят крещенские морозы, мадемуазель... Те будут пострашнее...

— Вы жили во Франции, фрау Гильда? — спросила Полина. — У вас почти не чувствуется акцента.

— В Магдебурге я преподавала французский, — ответила Гильда, протирая очки. — И в Россию приехала я в качестве гувернантки, а не в качестве печки, за каковую меня здесь держат.

— Печки? — не поняла Полина.

Немка засмеялась и похлопала себя по мощным бедрам.

— В морозы я сижу в карете, чтобы прогреть для барыни сиденье, если она пожелает вдруг прокатиться. А перед тем, как ей улечься спать, я грею ей постель... За это она платит гораздо больше...

Часы пробили два пополночи. По лицу Анны Ивановны текли слезы. Возле ее ног плакали девицы. Слуга Никитка читал с выражением:

«— ...О Миледи Грандиссон! Достойная супруга наилучшего из человек, вы должны меня ненавидеть. Вверьте мне свою тайну, моя любезная. Когда она такая, как я думаю, я проникаю, то верьте, что она никогда не выйдет из моего сердца. Она встрепетала. Скажите ж мне на ухо, скажите мне так тихо, чтоб я не могла расслушать. Вы любите вашего попечителя, Эмилия...»

Вздохнув глубоко, барыня приказала:

— Зови французику с Гильдой вместе.

И поудобнее устроилась в кресле.

— Мадам, — едва переступив порог, начала Полина. — Ваш сын находится в крепости... Известно ль вам это? Вот его письмо.

Гильда перевела.

Анненкова была разочарована.

— Долгов понаделал?..

— О нет, мадам. Поручик обвиняется в заговоре против императора. Его жизнь в опасности! Смотрите, он пишет: «...ни одной иглы под рукой, чтобы уничтожить существование...»

— То-то родня обрадуется! — усмехнулась Анненкова. — Все им, мерзавцам, достанется! Гришку-то сама я наследства лишила, а Ивана, стало быть, бог наказал.

— О мадам! Умоляю, не говорите так. Вы должны отправиться в Петербург... Только вам по силам раздобыть Жану какой-нибудь заграничный паспорт. Об остальном позабочусь я.

Старуха уставилась на Полину.

— Мой сын — беглец? Этому не бывать.

— Мадам, ваш ответ достоин римлян, но их времена миновали. Жан — дитя...

Анненкова саркастически засмеялась.

— Хорош дитятку. Понабрался от французов заразы масонской да на французихе жениться вздумал. Уж не на тебе ли?

— Весь мир против него. Даже мать...

Резко повернувшись, Полина направилась к дверям.

— А ну стой! — крикнула Анненкова. — Держи ее!

Тьма слуг в мгновение окружила Полину...

Все дальнейшее походило на страшный сон. Полину схватили, понесли куда-то наверх. Рванули одежду, затрещала ткань. Она закричала, укусила чью-то руку. Ей зажали рот...

...В роскошном платье, в туфлях, расшитых золотом, со сверкающей сдвинутой набок диадемой, в колье и браслетах Полина, гневная, растрепанная, снова предстала перед Анненковой.

— Не гневись, — проговорила барыня, осматривая творенье рук своих. — Знаешь ли, сколько бриллиантов на тебе? Тысяч на сто, как не больше. Жить будешь здесь. Замуж выдадим за генерала или за министра. Об моем дураке забудь. Стану устраивать балы, чтоб тебе не скучать.

Полина сорвала с себя драгоценности.

— Верните мне мое платье, мадам!

Анненкова уставилась на французенку. Ответ Полины озадачил ее не на шутку.

В горьких раздумьях подъезжал Волконский к Умани. День выдался погожий. Румяная хохлушка шагала к колодцу.

На коромысле покачивались пустые бадьи. Волконский машинально заглянул в них, поднял глаза и тотчас же увидел: от мельницы бежал навстречу человек.

— Никак, каптенармус, ваше сиятельство, — удивился возница.

Утопая в снегу, человек бежал прямо по полю, сокращая расстояние.

— Ваше сиятельство! Не ездите в Умань: к дому часовые приставлены. Я с вечера вас на мельнице дождался. Поворачивайте, ваше сиятельство!

— Спасибо, Егор... — Волконский откинулся на сиденье, всей грудью вдохнул морозный воздух. — Поздно мне поворачивать...

...Возле одноэтажного дома их ждали. Когда князь вошел в кабинет дивизионного генерала, он застал там фельдъегеря.

— Князь Волконский?

— Вы не ошиблись.

— Пожалуйте шпагу. Приказано вас арестовать и доставить в Петербург. Приказ государя.

Волконский молча повиновался.

— Что я могу для вас сделать, князь Сергей? — спросил хмурый взъерошенный генерал.

— Об одной любезности попрошу, — ответил Волконский. — Здесь несколько писем к жене. Раздайте их тем, кто последует в направлении Кишинева или Одессы. Чтобы отсылали ей из разных мест.

— Извольте, — генерал в недоумении взглянул на Волконского.

— Жена слаба еще. Пусть узнает как можно позже.

Генерал кивнул, взял письма.

— Буду молиться за вас, как за сына...

Волконский спустился с крыльца, прошел к карете, уселся. Фельдъегерь и адъютант князя устроились по бокам. Рванула застоявшаяся тройка.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ СЧИТАЛ ПРИЧАСТНЫМИ К ДЕКАБРЬСКИМ СОБЫТИЯМ ШЕСТЬ-СЕМЬ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК И ПРИВЛЕК К СЛЕДСТВИЮ БОЛЕЕ 500 ОФИ-

ЦЕРОВ И 2500 НИЖНИХ ЧИНОВ. БОЛЬШИНСТВО ДВОРЯНСКИХ СЕМЕЙ ИМЕЛО СРЕДИ АРЕСТОВАННЫХ БЛИЗКОГО ИЛИ ДАЛЬНЕГО РОДСТВЕННИКА, ДРУГА, ТОВАРИЩА, ЗНАКОМОГО. ДЕКАБРИСТОВ ДОПРАШИВАЛ ЦАРЬ...

По Дворцовой набережной мела поземка. Возле Зимнего дежурили солдаты, пылали костры... Подкатывали и отъезжали санные упряжки.

Вестибюль дворцовой гауптвахты напоминал военный лагерь после боя. Коридоры наполнял непрерывный гул. Вводили и выводили арестованных. Под бряцанье оружия, топот ног, позвякивание шпор Трубецкой приблизился к офицеру, дежурившему возле дверей.

Перед дежурным офицером, капитаном кавалерии, стоял штабс-капитан кавалергардского полка.

— Кто доложит обо мне государю?

— Господин штабс-капитан? — удивился дежурный офицер. — Я вас знаю. Ваше имя не значится в перечне на арестованье.

— Так означьте.

— Что за шутки. В день присяги вы были в полку, а не с мятежниками.

— Я состоял в тайном обществе, — заявил штабс-капитан. — И разделю участь всех.

Он протянул свою шпагу.

Пропустив конвой с Трубецким, офицер принял шпагу штабс-капитана.

...Аскетический лик римского папы Клементя IX взирал с картины, висящей над столом, за которым генерал-адъютант записывал допросы. Горел камин, французские часы под стеклянним колпаком показывали за полночь.

Царь Николай Павлович в парадном мундире, расстегнув шитый золотом воротник, что-то писал, сидя на диване возле столика, инкрустированного перламутром. Кончив писать, он поднял глаза на стоявшего перед ним Трубецкого.

— Что же вы наделали, князь? Это что вы только наделали... — заломил руки Николай. — Князь Трубецкой, гвардии полковник! Какая фамилия! Как вам не стыдно быть с такой дрянью?!

Николай приблизился к князю, представил указательный палец ко лбу Трубецкого.

— Что было в этой голове, когда вы с вашим именем вошли в такое дело? Ваша участь будет ужасная! Ужасная!

Николай взял со стола рукопись, прочел:

— «Манифест»... Уничтожение бывшего правления... — Царь поднял глаза на Трубецкого. — Уничтожение? Иначе, царевубийство? — Он прочел еще несколько строк. — Уничтожение права собственности на людей... Равенство всех сословий перед законом... Дворянин, купец, мещанин, крестьянин, все равно имеют право...

Николай швырнул «Манифест» на стол.

— Это ваша рука?

— Моя, — ответил Трубецкой.

— Вы знаете, что я могу вас сейчас расстрелять? — крикнул Николай.

— Расстреляйте, — ответил Трубецкой. Николай устался на князя.

— Более, нежели гнева государя, страхушь гнева всемогущего бога... — произнес Трубецкой.

В его памяти встала ноябрьская ночь.

...Рылеев был болен. Его знобило. Он кутался в шарф, заходил в кашле.

— ...Сергей Петрович, мы условились, сигнал выступления — смерть царя. — Рылеев с трудом поднялся с кресла. — А ежели так, случая упустить невозможно. Пора междуцарствия коротка. Надобно действовать. На юге поддержат.

Трубецкой сокрушенно вздохнул:

— Членов общества куда как мало в столице. В наших обстоятельствах восстание — гибель.

— Да, мы погибнем! — проговорил Рылеев. — Но пример останется.

— Что вы за этим-то гонитесь? — устало возразил Трубецкой. — Тирания — тоже ярмо. Уверен — рви петлю, а когда нет надежды порвать — терпи, иначе петля удавит. Нам уготована неудача.

— Что вы понимаете под неудачей? — спросил Рылеев.

— Под неудачей я понимаю неудачу, — усмехнулся Трубецкой.

— Ежели мы не выступим, мы заслужим звание подлецов. Вот что я почти неудачей, — возразил Рылеев. — Надобно начать. На это сил достанет! Тактика всех революций в одном слове — держай! Право, не предполагал, что придется взывать к мужеству героя войны.

— Оставьте, — поморщился Трубецкой. — Военная храбрость и безрассудство — не одно и то же.

— Сергей Петрович, и сейчас есть еще время. Раздадим листки. Поднимем войска! — Рылеев прошелся по кабинету.

— Листки, пожалуйста... — согласился Трубецкой. — Листки хорошо. Только во всем надлежит осмотрительность: начнись кровь — возбудится чернь, остановить ее никто не будет в силах.

— Время дорого. Пишите, Сергей Петрович.

Рылеев подвинул бумагу князю.

Сергей Петрович обмякнул перо и, подумав мгновение, аккуратно вывел: «Манифест»... «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое...»

... — Есть у вас дети? — услышал Трубецкой вопрос Николая.

— Нет, — очнулся князь.

— Вы счастливы, что у вас нет детей! — проговорил Николай и повторил: — Ибо участь вас ждет ужасная!

Удар достиг цели: губы князя болезненно дрогнули. Сергей Петрович проглотил комок и внезапно услышал как наяву... голос Каташи... увидел ее счастлирое

лицо... небесную синь над Везувием... дорожку, бегущую к морю... белую колоннаду Помпеи...

На глазах Трубецкого показались слезы. Он отвел взгляд от царя, который, выдержав паузу, отошел к окну и, глядя на Петропавловскую крепость, медленно проговорил:

— Какая милая жена... — Николай резко повернулся. — Вы погубили вашу жену!

Судорога перехватила Трубецкому горло, он зарыдал беззвучно, и лишь два слова, произнесенные по-французски, доносились до царя:

— Жизнь, государь... жизнь!

Достигнув желаемого, Николай выждал паузу и отошел от окна.

— Садитесь. Пишите к вашей жене.

Трубецкой сел, взял перо, написал: «Друг мой. Молись богу...»

— Что тут много писать, — остановил царь Трубецкого. — Напишите только: «Я буду жив и здоров».

«Государь велит написать, — вывел Трубецкой, — что я жив и здоров».

— Жив и здоров буду. Припишите вот здесь, наверху, «буду», — многозначительно подсказал Николай.

Трубецкого увели. Царь взял перо и написал:

«Трубецкого посадить в крепость. За ним всех строже смотреть. Особенно не позволять: никуда не выходить и ни с кем не видаться». Подумал и приписал: «Остальное давать все, что спросит, а именно — чаю».

Потом к Николаю ввели Анненкова. Поручик зажмурился на мгновение: свечи в канделябрах ослепили после тьмы каземата.

Царь приблизился к арестованному, злоуще-пристально глядя ему в глаза. И неожиданно проговорил с мягкой снизводительностью:

— Вас, кавалергард, я охотно спасу.

Анненков непроизвольно шагнул вперед.

— Стой,— приказал Николай и уперся поручику в грудь.— Назад. Назад.

Отступая, Анненков прижался к стене.

— Ответьте, поручик, вы знали, что есть общество? Отчего не донесли?

— Нечестно доносить на товарищей, государь,— ответил Анненков добродушно и сконфуженно кашлянул.

— Вы не имеете понятия о чести,— рассердился Николай.— Знаете ли вы, чего заслуживаете?

Анненков поправил очки.

— Смерти, государь.

— А! Вы ждете, что вас расстреляют! — закричал вдруг Николай.— Что вы будете интересны! Нет, я вас в крепости сгною.

Поручика увели.

— Черниговские возмутители,— доложил генерал-адъютант.

— Муравьева-Апостола, за ним Бестужева-Рюмина,— приказал Николай.

А поручика вывели из дворца, усадили в сани. Лошади тронулись. Громада Петропавловской крепости нагнулась на Анненкова.

Поздним вечером в одном из окон усадьбы Раевского зажегся свет. Из конюшни вывели лошадь, готовился чей-то отъезд.

Генерал Раевский закрылся с сыновьями в кабинете. Швырнув письма и газету на стол, он опустился в кресло, обхватил голову руками.

— Она видела? — кивнул Раевский на газету.

— Нет, папá,— ответил младший сын Николай.

— Слава богу,— Раевский сгреб корреспонденцию, спрятал в ящик.— Я отправляюсь в Петербург немедленно. В дом не звать никого... Почту будете получать первыми. Письма из Петербурга все прочитывать и надежно прятать.

— Но Мари станет тревожиться, спрашивать...— пожал плечами Александр.

— Придумай, что хочешь,— оборвал Раевский,— только пока я не вернусь, чтоб она ничего не знала.

С утра за окнами — метель, а в детской тепло: пылали дрова в печи, покрытой изразцами с цветочным рисунком. Николино плескался в корытце. Его поливали из кувшина. Нянька стояла наготове с полотенцем.

Княгиня Мария Волконская оторвалась от письма, прислушалась — из-за стены доносился восторженный визг младенца.

Мария еще не окрепла. Глаза ее на бледном, худом лице казались огромными.

— В который раз он пишет про бессарабские ландшафты и решительно ничего о себе...

Она положила письмо мужа на стол.

Софья Алексеевна промолчала. Казалось, пасторальный сюжет — пастушок, пастушка и румяная заря, что она вышила, — всецело поглотил ее внимание.

— Пойти поглядеть, все ль готово к обеду,— проговорила Раевская, завидя в дверях озабоченного сына Александра. И удалилась бесшумно.

Упершись лбом в оконное стекло, Мария царапала пальцем по морозному узору.

— Поговаривают, будто наш кудрявый поэт получит вскорости дозволение остаться Михайловское и поселиться в Москве,— бодро начал Александр.

Мария обернулась, посмотрела брату в глаза.

— Что с Сергеем? Я знаю, были аресты. Он говорил мне.

— Мари...— брат был застигнут врасплох.— Твой муж... Он в поездке... По важному делу.

— Отчего же он не сообщит, куда ему отвечать? — спросила Мария, снова беря письмо со стола.

— Я, право, не знаю. Но если так, то, наверное, тайна,— мучительно придумы-

вал Александр.— Не исключено, что он отправится дальше... Быть может, к границе с турками...

Мария покачала головой и отвернулась. Брат почувствовал, что хватил через край.

— Прощу тебя, успокойся, дождемся отца и узнаем в подробностях...

— Но отец в Петербурге — не в Бессарабии, — резко повернулась Мария. — Александр, умоляю, что тебе известно?

Не было сил выдержать ее пылкий взгляд, и Александр пробормотал невнятно:

— Все обойдется, Мари.

И вышел из комнаты.

Резные, массивные двери медленно заворонились. За столом сидели двое.

Князь Волконский был в генеральской форме, царь Николай — в мундире полковника Преображенского полка. Если не вслушиваться в разговор, можно было подумать, что они мирно коротают время в задушевной беседе.

Царь был много моложе князя, ему еще не было тридцати, и казалось, он держался даже с некоторой почтительностью перед Волконским. Пора страхов прошла. Николай обрел душевное равновесие, выглядел отдохнувшим, был вежлив и снисходителен:

— Полноте, князь, — мягко журил он Волконского. — Мы не ищем виновности. Мы даем возможность оправдаться, покаяться. Но мое положение поистине незавидно, когда меня лишают доверенности. Между тем, я лишь первый гражданин отечества. Поверьте, вы подняли оружие на друга своего дела и лишь связали мои намеренья. На той высоте, на которой стою я, нельзя не видеть, что признает всякий умный и образованный человек. Если отдельные лица и могут быть виноваты, то были же общие причины неудовольствия, когда увлечена такая масса людей. Мне важнее знать это, нежели виновность того или иного лица.

— Благодарю, ваше величество. Я отвечаю с той же откровенностью. Свободный образ мыслей образовался во мне не от одних заграничных походов. Но от естественного рассудка, воспринявшего страшную действительность по возвращении домой. Бедствия отчизны вывели меня из бесцветного быта царедворской службы.

Николай укоризненно покачал головой.

— У вас есть жена, дети? Впрочем, помню. Дочь Раевского... Недавно родился сын.

От Николая не ускользнуло, как болезненно дрогнули губы Волконского, как он отвел глаза.

Царь сделал паузу и, наклонившись к князю, проговорил:

— Вы можете оставаться спокойны. Ваши дети — мои дети. Все в моих руках. Я могу простить. И если бы я мог увериться, что впредь буду иметь в вас верного слугу престола, то готов не поминать старого. Ваша участь зависит от искренности показаний. Будьте чистосердечны, и я обещаю помилование.

Николай почувствовал, как напрягся князь.

— Ваше величество, — справившись с волнением, проговорил Волконский. — В том и несчастье, что вы все можете, что вы выше закона... А я желал бы, чтобы жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности, капризов или минутных настроений.

Николай отшатнулся и долго смотрел на Волконского, не мигая, выпучив глаза. Потом поднялся и позвонил. Вошел дежурный генерал.

— Проводите князя.

Едва Волконский вышел, ему накинули на голову мешок, повели к выходу.

— Набитый дурак! — выругался Николай. — Либо лжец и подлец в полном смысле... Заковать его в железа и содержать, как злодея!

Разговор с Волконским взвинтил царя и, когда ввели раненого офицера в ра-

зодранном скюртуке, Николай встретил его бранью.

— Я знал наперед, что ты, разбойник, здесь будешь! Это ты говорил истребить августейшую фамилию?! Ты?!

— Нет,— покачал головой офицер.— Никогда и никому не говорил.— И, помолчав, добавил:— Но всегда об этом думал. Николай задохнулся.

— Ты хочешь, чтобы с тобой обращались как со свиньей?!

Раненому было трудно стоять и, оглянувшись, он сел в кресло.

— Как смеешь ты садиться в моем присутствии! — взвился Николай.

— Я устал слушать,— закрыл глаза офицер.

Генерал-адъютант вскочил.

— Оскорбить августейшее величие!..

Вбежали адъютанты, офицера подняли.

— Как я могу оскорбить их величие... У них крепости, армия, флот. Ну что им с того, что я скажу, мол, вы, Николай Павлович, свинья...

Николай сорвался на фальцет.

— Заковать его так, чтобы пошевелиться не мог! Разбойник! Мерзавец!

Офицера потащили к дверям. Обернувшись, он успел лишь сказать:

— В полку вы ругались лучше...

Николай бросился к столу, к бумагам.

— Женат этот злодей?

— Холост, ваше величество,— доложил генерал-адъютант, заглянув в папку.— Впрочем, по-видимому, помолвлен.

— По-видимому? Выяснить в подробностях,— распорядился Николай.— У каждого мерзавца своя ахиллесова пята, и лучше, когда это женщина. Кто там еще...— Он заглянул в бумаги.— Пестель... Каховский... Рылеев...— Николай задумался.— Жена Рылеева Наталья Михайловна... малолетняя дочь...

В ПЕРВЫЕ ДНИ И НЕДЕЛИ 1826 ГОДА, КОГДА НИКТО ЕЩЕ НЕ УСПЕЛ ОСОЗНАТЬ ПРОИСШЕДШЕГО, ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ ПРИГОВОРА, ОЦЕПЕНЕНИЕ, СТРАХ СКОВАЛИ МНОГИЕ ДВОРЯНСКИЕ СЕМЬИ.

За окном, на фоне светлеющего неба проступали мрачные контуры Петропавловской крепости. Стоя у окна спальни, княгиня Трубецкая смотрела за Неву, словно пытаясь угадать свое будущее, свою судьбу...

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Лед шел по Неве, и деревянные мосты были убраны.

Полина Гебль с тоской смотрела за Неву, на Петропавловскую крепость. Колокола ударили к вечерне. Спускались сумерки. Быстро темнело.

Ледоход... Мощные стены крепости...

Заглянув через парапет, Полина увидела, как из ялика, привязанного к скобе, выбрался человек, и замахала ему руками. Догадавшись, что от него хотят, лодочник отрицательно замотал головой.

Полина бросилась к спуску, но ступени были покрыты толстым слоем льда, и пришлось спускаться по веревке.

Оказавшись внизу, она открыла ридикюль, выхватила пачку денег и протянула лодочнику. Не дожидаясь согласия, Полина прыгнула в ялик, едва его не перевернув.

Собачка металась по обледенелым камням.

Лодочник посмотрел на отважную женщину, перекрестился и, вернувшись в лодку, проговорил:

— Ладно, была ни была! Авось, пронесет!

Комм прыгнул в отчалившую лодку...

...Было уже совсем темно. Дул сильный ветер. Белесые льдины двигались в черной воде, словно живые чудовища, сталкивались, упирались в борта ялика. За плеском и скрежетом не было слышно даже лая собаки. Лодочник отчаянно работал веслом.

Ялик сотрясался от ударов, кренился, едва не переворачиваясь. Полина в страхе закрывала глаза.

Часовой возле крепости взгляделся в темноту. То пропадая за льдинами, то вновь показываясь, к крепости приближалась лодочка. Солдат бросился к воротам.

...Зуб на зуб не попадал у Полины, когда, обжигаясь, она пила чай в караульном помещении Петропавловской крепости. Пылали дрова в печке. За дверью в соседней комнате храпели солдаты...

Капитан, караульный офицер, знал по-французски.

— Если бы не одно обстоятельство, мадемуазель, я приказал бы арестовать вас. Сегодня вашего несчастного друга вынули из петли...

— Мой бог!

— Успокойтесь, мадемуазель, полотенец оборвалось, его привели уже в чувство.

— Мы не должны терять ни минуты, — вскочила Полина.

— Мадемуазель... Прощенье о свиданье подают следственной комиссии, потом на высочайшее рассмотрение... Однако в столь поздний час свиданья не разрешаются никому...

Полина сняла с шеи цепочку с образом.

— Это подарила мне мать, — произнесла она, глядя с мольбой на офицера. — Вот деньги. Возьмите все, что у меня есть. Только не лишайте надежды.

— Мадемуазель, спрячьте! — возмутился капитан. — Стыдитесь!

— Бог мой, — взмолилась Полина. — Что же предпринять?

— Не знаю, мадемуазель, — отвел глаза

офицер, — я не желаю оказаться рядом с вашим несчастным другом.

— Что стало с русскими! В вас нет сердца, мсье!

— Вот как? — Слова Полины задела капитана. — Собственно говоря, мадемуазель, в вашей стране все эти господа, участники военного мятежа, были бы давно казнены!

— Вы правы, мсье, — запальчиво парировала Полина. — Но у них были бы адвокаты.

Она отвернулась, боясь наговорить лишнего и тем вовсе испортить дело.

Дрожащая собачка прижалась к ногам хозяйки.

Полина вдруг вспомнила слова лодочника. Глядя в глаза капитана, она произнесла по-русски:

— Авос, офисир... Авос, била не била...

Столько тоски и надежды было в этих с трудом произнесенных словах, что капитан дрогнул. Не дав ему опомниться, она показала в кровь испаранные ладони.

— Вы такой сильный... А я слабая... И все-таки я добралась... Неужели вы, сильный, не поможете мне, одинокой, в чужой стране!

Офицер вздохнул, помолчал и знаком приказал Полине следовать за ним.

— Только оставьте здесь вашего мопса.

...Ералаш... безумный ералаш. Лихо отплясывают гусары. Трефовая дама с лицом француженки... Лицо Полины все ближе... все ближе ее глаза. И вдруг — залп... залп... залп! И танцующие, и Полина, и сам Анненков падают куда-то в пламя, в дым... Лошади встают на дыбы и падают... падают...

Анненков вскочил на жестком топчане. Борода делала его осунувшееся лицо едва узнаваемым. Он увидел чей-то глаз, наблюдавший за ним, и снова улегся, уста-

вясь в потолок. В голове звучали обрывки фраз, голоса из недавнего прошлого...

— Вперед! — выходил из себя кавалерийский генерал, размахивая саблей.

Атака императорской конницы против каре восставших не имела успеха.

Скрежетали подковы по обледенелому, скользкому булыжнику, всхрапывали кони.

Клубы морозного пара мешались с людским дыханием.

— Чтобы кавалерия не могла разогнать пеших солдат! Можно подумать, не они гнали француза, вдвое, втрое превосходившего, — бранился генерал-адъютант.

— Не могла или не хотела... — заметил другой генерал.

— За мной! — продолжал кричать кавалерийский генерал.

Солдаты в каре скинули ружья.

— Солдаты! — закричал со стороны восставших один из офицеров. — В людей не стрелять! Цельте в морды! Лошадям в морды!

Грянул залп. Несколько лошадей, в том числе генеральская, свалились на ходу, вызывая свалку.

— Не стрелять! — кричал офицер в каре. — Не надо братоубийства!

Всадники поворачивали коней.

— Куда?! — вопил генерал, с трудом выбираясь из-под убитой лошади. Кто-то из солдат каре кольнул генерала в зад, и взвизгнув, держась за рану, генерал побежал догонять отступавших кавалеристов под крики, хохот и улюлюканье восставших.

Анненков оглянулся и увидел, как из-за изгородей строящегося Исакиевского собора посыпались поленья, доски, как лошадь Николая шаркнулась, едва не сбросив седока. Над головой царя просвистело полено.

— Господа! — бросился Рылеев к офицерам. — Подите к толпе. Уговорите не ме-

шаться в дела ее не касательные. Боже избавь от возбужденной массы!

...Загремели засовы. В камеру ударил свет фонаря. Послышался шепот:

— Следуйте за мной, поручик...

Двери... Коридоры... Двери... Засовы... Наконец темный просторный двор крепости.

Ветер. Шум ледохода...

Анненков замер, прижавшись к стене.

Из темноты к нему приближалась женщина.

И в следующее мгновение поручик рухнул на снег, обхватив ее колени.

Полина подняла его, и, захваченные вихрем бессвязных восклицаний, жадных объятий и поцелуев, они прижались друг к другу, позабыв обо всем на свете. У караульного офицера перехватило дыхание. Он отвернулся, скрылся за углом.

— Жан! Я устрою побег!.. Готовьтесь! Я продам кольцо, все, что можно продать. Я подкуплю солдат, офицеру дам сговорного! Вы скроетесь за границей...

Гримаса страдания передернула бордатовое лицо Анненкова.

— Полина, для вас нет невозможного, я знаю. Но я не могу... Я разделю участь товарищей.

Она посмотрела на Анненкова с изумлением. Потом расслабилась, горько вздохнула:

— Да поможет вам бог. Жить в России, знать о ваших муках и не иметь надежды помочь... О, это не для меня, Жан, я покину вашу страну.

— Как? Когда жизнь обрела смысл...— Анненков пошатнулся, зарыдал беззвучно, уткнувшись в рукав шинели.

Из-за угла показался караульный офицер. Анненков выпрямился:

— Прощайте, мадемуазель Полина. Все к лучшему. Ваш отказ от венца... Отказ матушки... Судьба позаботилась, спасла вас от участи жены каторжника... Будьте счастливы...

— Жан... Жан, не говорите так. Без вас я не буду счастлива. Как бы вас ни называли теперь, Жан, мое чувство к вам не переменится. Я почла бы за счастье звать-ся женою отверженного, если б это облегчило ваши страдания...

— Это правда, Полина? — не верил услышанному Анненков.

— Сожалеею...— капитан подошел к ним.— Большие нельзя. Скоро смена караула.

Полина схватила руку Анненкова, прижала к лицу:

— Правда, Жан... Жан...— Она повторяла его имя и жадно всматривалась в придвинувшиеся глаза, словно хотела запомнить их навсегда.— Жан...

Офицер тронул Анненкова за плечо.

— Встретиться или умереть,— уходя, успел сказать Анненков.

— Мужайтесь, Жан! — подхватил ветер слова Полины.

Весна пришла в Малороссию тихая, солнечная. Хотя деревья еще не покрыла листва, земля уже подсохла, и повозка, запряженная быками, поднимала на дороге облачко пыли...

Солнце еще только вставало, когда Мария раскрыла окно. Птичьи голоса ворвались в спальню. Она прошла в детскую. Взглянула на Николино.

Дом спал, и, стараясь не шуметь, она направилась к выходу в сад, но дверь оказалась запертой. Мария постучала в людскую. Послышалось неясное бормотание.

— Ефим, дверь почему-то заперта...

Сонный слуга объяснил:

— Александр Николаевич велели на ночь запирать...

— Странно... Так отопри же.

— Сей момент, ваше сиятельство. Только Александру Николаевичу доложим.

— Как? — удивилась Мария.

— Велели без их дозволения никому не отпирать.

...Рассерженная княгиня стояла перед дверью спальни Александра.

— Что сие означает, любезный братец?

— Ефим, верно, не понял...— замылся Александр.

— Прячете от меня почту. Лишь по слухам я узнаю про земные несчастья в столице. Ни одного письма от Волконских... Теперь вы взяли меня под домашний арест!

— Полно, Мари...— пытался унять сестру Александр.— Что ты придумала, право...

— Если сей же час ты не скажешь, что с Сергеем,— Мария проговорила это медленно, давая понять, что не шутит,— я немедленно отправлюсь в Петербург. Ты меня знаешь. Я слов зря не бросаю.

Александр пожал плечами:

— Князь в поездке. Когда отец вернется...

Она метнула на брата уничтожающий взгляд, бросилась к лестнице. Он догнал ее, загородил дорогу.

— Я устала, Александр,— выговорила Мария, глядя в сторону.— С первых дней этого страшного года я живу в угнетенье. А вы тепите меня выдумками. Это не в правилах нашей с тобой дружбы, Александр. Это жестоко, наконец. Как же вы не поймете — никакая мука не может сравниться с неизвестностью!

Александр колебался, весь запас уловок и ухищрений был исчерпан.

— Сергей Григорьевич... Как бы это сказать... Ну да что там...— решил он наконец.— Князь отправлен в Петербург.

— Что с ним? Говори же!

— В общем, князь участвовал в противоправительственном заговоре...

Реакция сестры была неожиданный.

— Благодарю,— произнесла она спокойно после недолгой паузы. На лице ее появилось нечто вроде улыбки.

— Опомнись, Мари. Чему тут радоваться! Кажется, нет такого ужаса, в чем Волконский не был бы замешан! Ему уготована каторга, если не более страшное...

— Самое страшное для нас позади. Я радуюсь скорому концу наших мук,— ответила Мария.— Какой бы ни была судьба Сергея, однажды решенная, она положит конец этой тоске.

— И это говоришь ты, доверенность которой князь обманул!

— Бедный Сергей...— вздохнула Мария.

— Он принес тебе одни страдания... Одни несчастья.

— Несчастья...— повторила Мария.— Ты прав, Александр. Где нет доверенности, не может быть счастья. Но теперь все будет иначе... Мой бедный супруг... Мой несчастный Сергей Григорьевич... Теперь я буду ему нужна... Завтра я отправляюсь в Петербург. И не вздумай меня отговаривать.— Она так взглянула на брата, что тот понял — сопротивление бессмысленно.

Было далеко за полночь, а в доме на Английской набережной, в одном из окон горел свет. Графиня Александра Григорьевна прикладывала к голове мокрое полотенце. Каташа Трубецкая в ночном пенюаре замерла у окна. Граф Лаваль в халате и сбитом набок ночном кошаке стоял посреди комнаты, читал «Роспись государственным преступникам».

— «Преступники первого разряда... осуждаются к смертной казни отсечением головы... первого разряда... отсечением...»

Он налил из графина воды и, не отрываясь от бумаги, мешал глотки со словами:

— «...Полковник князь Трубецкой... умышлял на цареубийство... соглашался с предложениями других... Предлагал лишение свободы императора и царской фамилии...»

Полотенце сползло с головы графини.

— «...Управлял Северным тайным обществом, имевшим целью бунт, и согласился именоваться главою и предводителем воинского мятежа... Полковника князя Трубецкого отнести к первому разряду...»

Граф встал, безумным взглядом

установился на дочь. Трубецкая инстинктивно схватила руку за горло.

Заключительная часть «Росписи», в которую углубился Лаваль, заставила пережить одновременно два разноречивых чувства. Будучи по натуре человеком добрым, он не мог не обрадоваться смягчению приговора. Однако интуиция отца настоятельно приговаривала: как-то примет дочь «милость» царя, обрекавшую ее на пожизненные страдания.

Все еще держа руку у горла, Каташа приблизилась к отцу и перечла своими глазами: «Преступникам первого разряда, к смертной казни осужденным... даровать жизнь. По лишению чинов, орденов, всех прав, состояния и дворянства сослать вечно в каторжную работу...»

Граф Лаваль рассказывал по комнате, разводил руками, бормотал.

— ...Милость государя... Наше доброе имя... Слава богу, у вас нет детей. Ты порвешь узы супружества. И чем скорее, тем лучше...

Лаваль замолчал.

— Вы правы, его вина перед государем...— произнесла Трубецкая.— Он дал вовлечь себя в страшный заговор...— Она посмотрела на отца, который кивал ей, на мать, пожала плечами беспомощно.— Но я люблю его... люблю... И не вижу без него жизни...

Каташа взяла со столика письмо, нашла строчку, написанную князем: «Друг мой! Молись богу! Государь велит написать, что я буду жив и здоров...»

— Буду жив,— вслух произнесла княгиня и повторила:— Буду жив... Добрый государь...

Через двор Петропавловской крепости спешила женщина. Встретив плац-майора у крыльца комендантского дома, она оставила его. Это была жена Рылеева.

— Я выяснил ваши обстоятельства, сударыня. Свидание с супругом Рылеевым состояться не может.

— Нет, нет, здесь ошибка... Прошу вас, пожалуйста...— торопливо заговорила Рылеева, боясь, что плац-майор уйдет.— Я была у государя. Свидание разрешено. Государь сказал, что никто не будет обижен... Никто...

— Сожалею, сударыня,— нетерпеливо прервал ее плац-майор.— От свидания отказался ваш супруг... Да, да, отказался...

— Кондратий? — изумилась Рылеева.— Нет, нет. Я не уйду... Прошу вас...

Но плац-майор уже не слушал ее. Кивнув, он исчез за дверью.

Наталья Михайловна бросилась к каземату. Замедля шаги возле темных глазниц тюремных окон, она спрашивала:

— Где Кондратий? Кондратий Федорович... Рылеев... Кондратий...

Окна безмолвствовали...

— «Рассмотрев доклад о государственных преступниках, от Верховного уголовного суда нам поднесенный, мы находим приговор, оным постановленный, существу дела и силе законов сообразным...»

В полной парадной форме, при орденах, полковник князь Трубецкой ждал объявления своей участи.

На плацу Петропавловской крепости пылали костры.

Гвардейский полк шеренгами опоясывал площадь. Посередине каре находилось более ста декабристов.

Среди них — в полной кавалергардской форме — поручик Аннежков. В генеральском сюртуке, при орденах, стоял генерал князь Волконский.

Отрывисто и приглушенно звучала дробь барабанов.

Пронзительный голос продолжал зачитывать приговор:

— «...Осуждаемые к политической смерти по силе указа одна тысяча семьсот пятьдесят третьего года, а именно...»

Тревожные, багряные блики играли на лицах узников, на касках с султанами и шлемах, на киверах, кирасирских колетах, фраках, ботфортах со шпорами...

Хотя часы показывали за полночь, было светло: стояла пора петербургских белых ночей.

Летели в огонь эполеты и ордена, срываемые с осужденных гвардейскими офицерами. Князь Волковский, не дожидаясь, сам снял с себя генеральский сюртук, швырнул его в костер.

Шпиги и корчась, плавилась в огне регалии боевой славы...

Над князем Трубецким занесена шпага.

— Плохо подпилили, — с досадой произнес гвардейский офицер: шпага не поддавалась.

— Ломай! — крикнул полковник.

Резкий звук, и Трубецкой схватился за голову. На лоб стекла струйка крови.

Их разделял костер, и Волконскому казалось, что окровавленный Трубецкой объят пламенем.

Близился рассвет... Торопливо стучали по дереву топоры. На свежеструганном помосте трудились плотники, пригоняли, крепили бревна виселицы. Возле помоста маячила кроваво-красная рубаха палача. Зачитывался приговор:

— «...Сообразуясь с высокомонаршим милосердием... вместо мучительной смертной казни четвертованьем Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, сих преступников за тяжкие злодеяния повесить...»

Закованные в кандалы, пятеро обреченных на смерть сидели на траве. Казалось, приговоренные не обращали внимания на затянувшиеся приготовления казни. Их лица были спокойны. Они тихо переговаривались между собой.

— В чем дело? — нетерпеливо спраши-

вал генерал-адъютант коменданта. Сидя на коне, он поглядывал на виселицу в лорнет.

— Телега в дороге развалилась, ваше высокопревосходительство, — оправдывался комендант. — Бревна привезли поздно... Обождать придется...

Заметив взгляд священника, исполненный скорби, Рылеев попытался его утешить:

— Положите мне руку на сердце. И послушайте, бьется ли оно сильнее...

Стук топоров был отчетливо слышен за стенами Петропавловской крепости. Возле серых бастюнов, уронив руки, сидела на камне Наталья Михайловна Рылеева.

Наталья Михайловна вздрогнула, прислушалась.

В предутреннюю тишину ворвалась барабанная дробь.

Генерал-губернатор подал сигнал...

Доска выбита из-под ног...

Генерал-адъютант выронил лорнет, отшатнулся в седле. Прогрохотали цепи, затрещали доски...

Палач бросился к троице, упавшим на помост.

Сорвав с лица мешок, Рылеев глянул вверх и увидел серое небо... три оборванных конца... двоих на виселице...

— Подлый опричник тирана! — вскочил на ноги окровавленный Каховский. — Отдай палачу аксельбанты, чтобы не умирать нам в третий раз!

— Вешайте их скорее! Вешайте снова! — закричал генерал-адъютант.

— Веревки никуда не годятся, — доложил комендант. — Нет крепкой веревки, ваше высокопревосходительство. Придется в лавку послать.

— Так посылайте же, черт побери!

Муравьев-Апостол с трудом поднялся на ноги.

— Бедная Империя... И повесить-то как следует не умеют...

Рылеев тяжело опустился на траву, вытер окровавленное лицо:

— Вы, генерал, вероятно приехали по-

смотреть, как мы умираем... Обрадуйте вашего государя... Его желание исполнилось: вы видите, мы умираем в мучениях...

Вставало солнце, и небо из бледно-серого стало голубым... Зеркальная сечь Невы окружала гранитные бастионы крепости...

Вновь зазвучала дробь барабана. Наталья Михайловна Рылеева прижалась к стене. Губы ее шептали молитву.

Дробь звучала все громче, заполняя собою все небо, весь свет...

Рылеева упала на колени.

В ЭТОТ ДЕНЬ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ,
В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ...

Прогуливаясь по аллее над прудом, где плавали лебеди, царь Николай бросал платок, и сопровождавший его пудель прыгал в воду и снова возвращался к ногам царя. День был солнечный, тихий. Развлечения царя прервал голос генерал-адъютанта.

— Свершилось, ваше величество!

Николай перекрестился и быстро зашагал к Александровскому дворцу.

— Письмо супруге своей Рылеев писал в каземате тотчас после объявления приговора.

На стол перед царем лег листок, исписанный нервным почерком:

«Я должен умереть и умереть смертью позорною. Я хотел свиданья с тобой, но раздумал, боясь, чтобы не расстроить тебя и себя... Мой милый, мой добрый и неопцененный друг, ты осчастливила меня в продолжении восьми лет. Могу ли, мой друг, благодарить тебя словами. Они не могут выразить чувств моих. Попроси матушку, чтоб простила меня... Настеньку нашу благословляю. Прощай. Велят одеваться...»

Николай вернул письмо, изобразив на лице скорбь, и, подумав мгновенье, распорядился:

— Вдове Рылеевой выдать из казны денежное вспомоществование. Также брата злодея Пестеля пожаловать званием флигель-адъютанта. Обергофмейстерину, мать Волконского,— к ордену святой Екатерины. Тестя Волконского, несчастного отца несчастной дочери... Назначить генерала Раевского членом Государственного Совета. Тестя Трубецкого, графа Лавалья,— к ордену...

— Ваше величество,— склонился генерал-адъютант,— впечатление, какое произведет в Европе милосердие ваше, изобразить невозможно!

— Особое внимание склопаем мы,— продиктовал Николай,— на положение семейств, от коих преступленьем отторгнулись родственные их члены. Сострадая искренно прискорбным их чувствам, да не дерзнет никто,— Николай поднял палец вверх,— никто вменить родство кому-либо в укоризну.

Царь заглянул через плечо генерала и заключил:

— Сие запрещает закон гражданский, а более еще закон христианский. Докладывайте, что там сегодня из дел милосердных...

Генерал смотрел на царя с благоговением.

— Жуковский и Карамзин просят за сочинителя Пушкина...

— Что полагаете на сей счет?

— Ежели удастся, ваше величество, направить перо его и речи, будет прямая выгода престолу.

— Повременим до коронации,— решил Николай.— Позволим Пушкину поселиться в Москве.

— К слову, про сочинителей,— засмеялся генерал.— Поговаривают, будто московский губернатор преуспел по части острословия.

— А ну-ка.

Николай уставился на генерала.

— Узнав про день четырнадцатого декабря, граф Ростопчин изрек: «Сапожники в Европе бунтуют, желая сделаться

аристократами, а нашим-то дворянам, какого рожна не хватает. Уж не сапожниками ли возмечтали заделаться?».

— Ай да Ростопчин! — засмеялся царь.

Николай был доволен докладом генерал-адъютанта. Он шествовал по Зимнему дворцу, и его чеканный, военный шаг гулко разносился по залам и коридорам. В галерее героев двенадцатого года зияли грязно-серые пятна там, где еще недавно висели портреты декабристов. На полу, среди многих других картин, валялся портрет генерала Сергея Волконского.

Энергичное, волевое лицо, гордая осанка, открытый, мужественный взгляд...

Осунувшегося и бледного князя Волконского конвоировали солдаты. Его вели через двор Петропавловской крепости к комендантскому дому...

По деревянному мосту, приближаясь к Петропавловской крепости, катила карета обергофмейстерины княгини Волконской.

На Неве готовилось речное гулянье... Парусник, украшенный китайскими фонариками, становился на якорь...

Карета старой княгини Волконской подъехала к воротам крепости. В глубине кареты, рядом с Александрой Николаевной, сидела Мария Волконская.

Их встретил у крыльца комендантского дома сам комендант крепости.

Старая княгиня осталась в комендантском кабинете. Она непрерывно плакала, подносила к глазам платок. Марию провели в небольшое светлое помещение с двумя дверями.

Князь Волконский уже стоял возле окна.

Комендант показал на скамьи и отошел к окну. Князь и княгиня сели по обе стороны стола.

— Мари, — начал Волконский, — ты еще не окрепла... И решилась отправиться в Петербург...

— Пустяки... — борясь с волнением, произнесла Мария.

— Что Николино? Как он без тебя?..

— Будь покоен, Сергей, — ответила Мария. — Нашего сына балуют кому не лень...

Они помолчали.

— Твоего приезда, Мари, я признаться, не ждал. Могу я думать теперь, что ты не имеешь ко мне зла?..

Она прикрыла глаза в знак согласия.

— Когда так, Мари, твой приезд даст силы вынести все... — произнес князь.

— Я буду молить бога за жизнь твою.

— Не обольщайся, Мари. Вечная каторга — та же смерть. Вечное страдание ни в чем не повинных семей... Никакой надежды увидеть родное лицо, услышать... Прости, что навлек на тебя эти муки.

— Ни слова больше об этом, — остановила его Мария. — Я последую за тобой... — прошептала она.

Волконский замер.

— ...хоть на край земли.

— Нет, Мари... — с трудом выговорил Волконский. — Наш сын... Твой отец... — Он был ошеломлен услышанным.

В глазах Марии вспыхнули огоньки.

— Я написала прощенье. Его передаст Александра Николаевна. Прошу тебя, Сергей, умоляю, не говори ничего! Хоть ты укрепи меня в моем шаге.

Волконский не мог больше сдерживать нахлынувших чувств. Кажется, впервые за недолгую их супружескую жизнь он решился открыть Марии, что творилось в его душе.

— Я не знал тебя, Мари... Нет, никогда не сомневался я в добром твоём сердце... Что ты всем способна для меня жертвовать... Но я боялся влияния твоих родителей. Только что я услышал, что Катрин Трубецкая отправляется к государю, чтобы просить его... И к радости моей за товарища примешалась горечь... Выпадет ли мне это счастье...

— Полно, Сергей, — успокаивала его Мария, сама едва удерживая слезы.

— Время прощаться, господа, — раздался голос коменданта.

Мария быстро протянула руку и, оста-

вив свой платок на столе подле князя, схватила его платок.

— Не торопись с отъездом, Мари. Надобно, чтобы Николино подрос хотя бы до годовалого... Да и тебе не лишне окрепнуть.

Князь поднялся.

— Ни о чем не тревожься,— сказала Мария.— Я отправлюсь зимой, как только установится санный путь.

Волконского увели.

Царь Николай принял княгиню Трубецкую в царскосельском Екатерининском дворце.

— Как я желал бы, чтобы вы убедились,— говорил Николай,— как тяжело мне быть вынужденным к принятию мер, которые, будучи необходимы для благосостояния всех...

Княгиня Трубецкая почтительно слушала царя.

— ...повергают в отчаянье целые семьи... Я не менее жалок, чем мои несчастные подданные.

Николай искоса взглянул на княгиню.

Трубецкая опустила голову и, преодолевая смущение, проговорила:

— Ваше величество, вы соизволили пожелать однажды, чтобы обратилась я к вам в минуту горестных испытаний. Эта минута настала, ваше величество.

Николаю было неприятно напоминание.

— Я помню, княгиня. Но это равносильно просьбе убить вас. Я не знаю, подвигнется ли рука моя... Я обещал вам, находясь в ином положении. Теперь, княгиня, в делах подобного рода я обязан считаться с установленными правилами.

— О, в таком случае нет нужды беспокоить ваше величество.

— Вот как? — удивился Николай.— Вы уверены?

— Два года назад швее моей матушки отправилась в Сибирь за осужденным супругом — лакеем. И по какому-то, уж я не помню, уложению была даже пожало-

вана кормовыми деньгами на время следования.

— Весьма сожалею, княгиня, что пошток простолюдинки оказал на вас вдохновение,— поморщился Николай.— Швее мало терпела, тогда как вы...— Николай многозначительно не договорил.

— Надеюсь, ваше величество,— глаза Трубецкой на мгновение вспыхнули,— закон не в состоянии лишить дворянку того, что дозволено низкому сословию.

— Однако, настаивая на правах низкого сословия, дворянка может невольно уравнивать себя с ним.

Убедившись, что скрытая угроза возымела действие, Николай на прощание выказал великодушие:

— Как бы то ни было, княгиня, в вашем порыве я увидел знак супружеской преданности, достойный уважения. Тем более, что часто, увы, мы видим противное. Ваша просьба будет рассмотрена.

Едва удалилась Трубецкая, к Николаю пожаловала вдовствующая императрица.

— Тут к тебе собралась моя фрейлина Александра Волконская,— по-немецки сказала Мария Федоровна.— Уж так она убита несчастьем сына, этого подлеца, что боюсь, помешается. Представь, схать за ним собралась.

— Еще одна полоумная,— вырвалось у Николая.— Что ей угодно?

— Невестка ее Мария Раевская рвется в Сибирь.

— Так я и предполагал! — возмущился Николай.— Простите, матушка, но ежели я дозволю двоим, я не смогу отказать следующим...

— Стыдитесь, Николая. Я ж тебя единожды прошу в таком роде,— обиделась старая цариха.— Ты откажи матери Волконского — я не могу остаться без обергофмейстерины, однако, чтобы совсем не убить ее, дозволь ее невестке идти за подлецом.

— Меня мучают со всех сторон,— «страдальчески» поднял глаза Николай...

...На Неве готовилось речное гулянье. На верхней палубе парусника разместился оркестр, и рожковая музыка поплыла по Неве от стрелки Васильевского острова к серым стенам Петропавловской крепости.

В комнату комендантского дома, где недавно побывала Мария, вошел генерал Раевский. Князь Волконский стоял у окна. Слышалась далекая музыка, и, чтобы нарушить молчание, Сергей Григорьевич прозвнес:

— Никак не вспомню, что нынче празднуют...

— Готовится гулянье речное, — отозвался Раевский. — Государь отбыл в Москву, на коронавание.

Комендант отошел к зарешеченному окну.

— Князь Сергей, — начал Раевский. Лишь сегодня узнал я, что Маша была у тебя. Ответь мне прямо, какой отклик находят в тебе блажь моей дочери?

— Блажь? — переспросил Волконский. — Блажь ее, как изволили вы выразиться, возвратила мне такой пустяк, как надежду на жизнь.

Раевский взглянул на коменданта.

— Князь Сергей, — проговорил он хрипло, — будь мужчиной и христианином! Ты сломал жизнь моей дочери, не будь же ее убийцей. Она слаба здоровьем и не вынесет ужасов путешествия.

Волконский молчал.

— Дело не только в ней, — продолжал Раевский. — Ее первая обязанность — ребенок. Месяц путешествия убьет его. Да и найдется ль возможность воспитывать сына в страшных краях?

Князь по-прежнему молчал. Музыка звучала где-то совсем рядом...

— Что от меня требуется? — спросил наконец Волконский.

— Напиши Маше, — с готовностью ответил Раевский, — что ты отказываешься от ее жертвы.

Волконский провел ладонью по лицу.

Музыка звучала весело, празднично. Раевский придвинулся к Волконскому.

— Князь Сергей, уверься, жена твоя и ребенок нигде не будут иметь заботы более усердной, чем в нашей семье...

Волконский поднял голову. Лицо его окаменело. Не глядя на Раевского, он спросил:

— Это все?

— Нет, князь Сергей. Как достигнешь места следования, отпиши ей про лишения, что встретила бы она, когда б решилась отправиться за тобой.

Волконский молчал.

— Тяжко подписывать себе приговор, однако не жалею красок. Да и горестной действительности достанет.

— Зачем это все? — спросил Волконский, по-прежнему не глядя на Раевского.

— Затем, что Мария не охладет в желанье отправиться за тобой. Твое же письмо отвлечет ее иллюзии, отымет надежды, и она успокоится.

— То есть забудет меня... — усмехнулся Волконский.

— Князь Сергей! Не будь эгоистом! Ты уже дал пример упрямства, однако я не помнил зла. Я снисходил к твоему несчастью. Но оно не дает тебе права позабыть долг отца и супруга!

— Но дает вам право воспитать сына моего в забвении к отцу.

— Князь Сергей! Раскайся! — потребовал Раевский.

— Никакого раскаянья, Николай Николаевич! Ни об одном шаге я не жалею! Я знал давно, на что обречен, и понесу свой крест до конца. До встречи с вами я уже знал, что буду просить Мари отказаться от намеренья, чтобы тем избежать упрека... Не ее... Верно, она бы мне его никогда не сделала. Но собственного моего упрека к себе. Таить от нее тягость моего положения было бы мне непростительно.

Он помолчал.

— Не скрою, я тепил себя надеждой, что Мари не примет моих... Впрочем, теперь это не имеет значения. Я сделаю все,

о чем вы просите.— Волконский поднялся.— Берегите Мари.

— Храни тебя бог.— Раевский склонил голову.— Тебя и несчастных... храни вас бог, мученики истины.

Сопровождаемый конвоем, Волконский прошел через темные коридоры крепости. Железная дверь закрылась за ним. Он опустил на жесткий топчан и долго смотрел перед собой.

За тюремным окном, на Неве, по-прежнему ликовала музыка.

В ВЯЗЬМУ, ГДЕ ПО СЛУЧАЮ ВОЕННЫХ МАНЕВРОВ ПРЕБЫВАЛ ИМПЕРАТОР, ПРИЕХАЛА ПОЛИНА ГЕБЛЬ.

По улицам празднично убранного городка тянулись нескончаемые войска и армейские обозы. Возле дворца, ограждая ворота от толпы, стояли солдаты. Вместе со всеми ждала появления царя Полина Гебль. Она была в белом платье, в черной турецкой шали и в шляпе с огромными полями.

Наконец ворота распахнулись, показалась кавалькада императора. Полина протиснулась сквозь толпу и очертя голову бросилась на дорогу. Лошадь царя спархнула в сторону.

Николай увидел перед собой молодую, красивую женщину, услышал обращенную к нему французскую речь.

— Извольте говорить по-русски, сударыня,— строго приказал Николай.

— О государь,— взмолилась Полина.— Я не говорю по-русски.

— Что вам угодно? — перешел на французский Николай.

— Государь! Соболаговолите в виде особой милости позволить мне разделить изгнание поручика Анненкова.

— Он ваш муж?

Николай нахмурился.

— Он мой гражданский супруг.— И видя, как поднялись брови царя, Полина поспешила добавить: — Я была бы его законной женой в глазах церкви, если бы захотела преступить правила деликатности. Я

отказала ему в руке и сердце, когда он был в почете...

— Как могли вы, сударыня, полюбить столь недостойного? — спросил Николай отрывисто.

— Я не знала о его виновности, государь...

Царь усомнился в ответе.

— Ваше величество! — взмолилась Полина.— Я решилась на этот дерзкий поступок, узнав, что русские женщины, пожалевшие следовать за мужьями, нашли в вас сострадание! Во Франции пишут о вашем милосердии к семьям несчастных.

Николай задумался.

— Однако, сударыня, здесь не ваша родина... — сказал он холодно.

— О государь! — воскликнула Полина.— Я откажусь от моего отечества и всецело подчинюсь вашим законам!

Она упала на колени. Николай откинулся в седле.

— Встаньте!

Флигель-адъютант, спрыгнув с лошади, помог Полине подняться.

— Вы там будете очень несчастны,— сказал Николай.

— Я готова на все! Я жертвую собой человеку, без которого не могу жить.

— Возьмите ее прошение,— кивнул Николай, трогая коня. И самодовольно прибавил по-русски: — Воистину, несть пророка в отечестве своем. В Европе не усомнились в моем сердце!

Мимо Полины пробежали люди, двинулись кареты. От пережитых волнений французенка едва держалась на ногах.

Еще не рассвело, а в особняке на Английской набережной уже сновали слуги с поклажей, суетились служанки, пронося платья, шубы, меха.

Всеми командовал молодой секретарь графа Лавала Карл Воше.

Графиня Александра Григорьевна выглянула во двор, где стояли запряженный экипаж и возок.

— Посуда?.. Лекарства?..— интересовалась графиня.

Княгиня Трубецкая находилась в библиотеке мужа. Она показывала на книжные полки, и слуги доставали, складывали в стопки и уносили книги. Мелькали русские, французские, английские названия.

Граф по карте прослеживал путь от Петербурга до Забайкалья и надписывал конверты с письмами «превосходительствам»: губернаторам ярославскому, казанскому...

Светало. Газли светильные плоски. На набережной, покрытой туманом, было безлюдно.

Из дома у Синего моста вышел старый слуга, вынес сундучок, нехитрые пожитки, положил в карету. Потом показались две женщины — пожилая и молодая, державшая за руку пятилетнюю девочку...

— Я отправлюсь следом, как только кончу дела, что завещал Кондратий,— сказала жена Рылеева.

Пожилая женщина ничего не ответила, только заплакала; девочка глядела сонно, равнодушно.

Наталья Михайловна обняла и поцеловала обеих...

Ей вспомнился голос Кондратия...

Раннее утро того памятного декабрьского дня... Рылеев в прихожей надевал пальто.

— Настенька! Настенька! — Наталья Михайловна с девочкой на руках выбежала в прихожую.— Останови его! Проси отца за себя и за меня! Может, хоть тебя он послушает...

Она с рыданьем упала на колени. Девочка громко плакала, ухватившись за колени отца.

В дверях стояли офицеры, ожидавшие Рылеева.

— Оставьте мне моего мужа,— бросилась к ним Наталья Михайловна.— Не уходите его. Я знаю, что он идет на погибель.

— Успокойся, Наташа. Ну что, право...— Рылеев отвел ее в сторону.— Ты жена моя. Ты должна ближе видеть... Кто, как не ты, может знать чистоту и святость наших намерений.

— Все так,— борясь со слезами, проговорила Наталья Михайловна,— но я не переживу тебя, Кондрат...

Рылеев потянулся за шляпой. Жена поправила на нем шарф, укутала горло.

Хлопнула дверь... Руки ее повисли безжизненно. Его шаги замолкли для нее навсегда...

По старому русскому обычаю сидели и молчали всем домом. Посреди гостиной — отец, мать и Каташа Трубецкая. В вестибюле и на лестнице — слуги.

— С богом...— вздохнула графиня Александра Григорьевна, и дом на Английской набережной ожил.

— Когда-то увидимся теперь,— задыхаясь, проговорил старый граф Лаваль, обнял дочь.

Парадная дверь распахнулась, показался мсье Воше. Пройдя к дормезу, он положил ружья и уселся рядом с возницей.

— Плед, плед забыли! — вдруг всплеснула руками графиня.— Каташенька, увидимся ль... Дочь моя...

Она обхватила ноги дочери. Трубецкая не смогла выговорить ни слова и только толкнула рукой кучера...

Процальные возгласы... стоны... слезы... Дормез и возок тронулись.

Наталья Михайловна Рылеева, проводившая своих, возвращалась по набережной. Сворачивая на Петровскую площадь, она остановилась, пропуская экипаж Трубецкой. На мгновение встретилась глазами с княгиней. Рылеева долго смотрела вслед уехавшим...

Сквозь ненастную мглу едва проступал силуэт Петропавловской крепости. Была

глубокая ночь. Шумел ливень. Возле будки у ворот остановилась кибитка. Подбежал караульный офицер.

— У меня разрешение государя.— Полина Гебель протянула бумагу.

— Вы опоздали, мадемуазель: меньше часа, как Анненков отправлен с фельдъегерем.

— Бог мой! — вырвалось у Полины.— Потерять столько времени на эту бумагу...

Несколько повозок, запряженных тройками, мчались по тряской дороге. Грохотали цепи. Седоков подбрасывало на ухабах. В каждой повозке под опущенным пологом — узник и солдат. В первой, рядом с фельдъегерем, — знакомый нам по сцене допроса раненый офицер.

— Боишься опоздать в преисподнюю? — спрашивал он фельдъегеря. Тряска причиняла раненому нестерпимую боль.

Следом неслась тройка с Анненковым. Глаза поручика были закрыты. Всякий раз, когда повозка взлетала на ухабе, он болезненно морщился: кандалы напоминали о себе.

А по петербургской окраине стремительно летела кибитка, в которой сидела Полина Гебель. Приподнимаясь на сиденье, кучер подгонял лошадь.

— Бистро! Бистро! — кричала Полина.

— Да уж быстрее некуда, — отвечал возница, пряча за пазуху асигнацию, протянутую французенкой. — До станции доберемся, а там пардону запросим.

— Авос, авос, — говорила Полина.

— Лошадь менять надобно, — сокрушался возница. — А кто даст свежую-то, когда фельдъегерь всех заберет подчистую.

Полина промокла, ее волосы сбились. Она смотрела на дорогу, но за дождевой завесой ничего не было видно...

Возле станции, где одна за другой останавливались повозки с узниками, стояло

несколько карет. Их дверцы распахнулись почти одновременно, и женщины, выбираясь наружу, спешили к прибывшим повозкам.

Под нетерпеливые крики фельдъегеря ямщики выпрыгали лошадей.

Анненков не обращал внимания на пробежавших, на женские крики: ждать ему было некого. Он откинулся на сиденье, распрямил ноги. Звякнула цепь.

— Истинно говорю, ваше благородие, — объяснял фельдъегерю стационарный смотритель. — Как есть, последних вам отдаю. Придется парой одну упряжку пустить...

Ржали кони. Суетились ямщики. Кричал фельдъегерь. Свежих лошадей впрягали в повозки. Плакали женщины, прощаясь с осужденными. С крыльца станции испуганно выглядывали крестьянские дети.

— Трогай! — крикнул фельдъегерь.

Кибитка Полины подкатила к станции, когда повозки с декабристами уже отъехали. Анненков, проглотив в горле комок, проводил тоскливым взглядом верстовой столб. Краем глаза заметил, как какая-то женщина бросилась за повозками... Он закрыл глаза и не видел, как Полина добежала до последней повозки.

— Пожалуйста... Анненков... Анненков... — задыхаясь от бега, молила она, протягивая записку.

Солдат толкнул французенку. Она упала в грязь, но тотчас вскочила на ноги и громко расхохоталась.

— Жан! — что было сил кричала она. — Ответ государя!.. Я еду к мадам Анненковой!

За грохотом повозок, за шумом дождя Анненков не слышал ее крика. Убедившись, что у нее нет надежды быть услышанной, Полина замедлила шаг и последние слова произнесла самой себе:

— Я буду твоей женой, Жан...

Когда Иван Александрович открыл глаза, маленькая фигурка, шагавшая по дороге, была едва видна...

Полина остановилась под дождем, провожая глазами удаляющиеся повозки...

Лошади косили в темноту, тревожно пофыркивая. Кроме кучеров, все дремали, устроившись кто как мог.

Княгиня Трубецкая спала, привалившись к подушке. Ее ноги были укутаны одеялом.

В картины воспоминаний о счастливой поре сон вплетал причудливые фантазии и мечты...

...Они сидели в гондоле, что плыла по широко разлившейся реке. Необозримые берега были покрыты цветами и травами. Розовый густой туман стелился до самого горизонта. Гребцы были одеты, как театральные герои, в голландские куртки и шляпы с перьями. Музыкант играл на мандолине.

У ног княгини резвились ангелоподобные младенцы. Одного за другим князь Трубецкой окунал детей в голубую воду и поднимал высоко. И солнце в туманной выси нимбом светилось над их головами...

...По сверкающей зыби реки медленно плыли плоты. На одном горел костер, и молодая женщина в украинской белой рубашке и малиновой спиднице пела по-итальянски. И песня ее кружила над Везувием... Над камнями древней Помпеи, выбеленными веками... В синем небе, над морем...

Кратер Везувия дымился... Все гуще дым... Все чернее... Сверкнуло пламя, качнулись камни Помпеи... Раздался треск...

Княгиня вздрогнула. В испуге открыла глаза.

Ржали кони... Карета откатывалась назад. Трубецкая почувствовала, что падает.

Воше бросился к княгине, помог выбраться.

— Что это, Карл? — спросила Трубецкая, едва придя в себя.

— Напужал кто, не иначе, — недоумевал возник, взглядываясь в темноту.

Воше потянулся за ружьем. Еще недавно румяный, щеголеватый секретарь графа изменился до неузнаваемости. Он худал, был небрит. Лицо его покрывали капельки пота. Закутанный в платок и кофту, Воше напоминал наполеоновского офицера времен бегства французов из России.

Трубецкая приложила ладонь к голове Воше.

— У вас жар, мсье Карл...

— О мадам... — посмотрел на нее Воше. — Месяц этой дороги в ад... Тряска... Клопы на станциях... Нищие. Мысль, что никогда больше я не увижу Парижа, Ниццы, моей Швейцарии... Неужели вам не страшно?..

— Карету чинить надобно, ваше сиятельство, — подошел кучер Прохор. — Придется здесь заночевать.

— Здесь?.. — переспросила Трубецкая. — В лесу?

— Это ничего, ваше сиятельство, — ободряюще улыбнулся Прохор, — разведем костер, почивать теплей будет.

Трубецкая увидела два глаза, сверкнувшие из темноты. Раздался выстрел.

Трубецкая зажала уши. С опаской открыла глаза и увидела, как какое-то существо забилось на обочине. Княгиня ужаснулась:

— Это волк?

Разгорелся костер, осветив дремучие сосны и ели, со всех сторон обступившие путников.

На рассвете карета Трубецкой подъехала к реке. Удинокий паром стоял возле берега. Кругом не было ни души.

Из курты стойбища, что прибилось к лесу, вышел старик-бурят, направился к прибывшим. Следом высыпали бурятские голыши-малолетки. Выглянула женщина с косичками, украшенными кораллами и побрякушками.

— Секретарь у нас в лихорадке, — по-

дошел к старику Прохор.— Придется здесь оставить, куда не очухаются.

Бурят усталился на княгиню, потом поклоился в пояс.

— Мясa есть будем... Рыба... Чай... Очень пожаласта.

Днем паром с повозками отчалил от берега. Баржа медленно двигалась по реке.

Из дверей юрты глазами, полными тоски, смотрел на реку мсье Воше... Из-за его спины выглядывали раскосые скуластые лица.

Падали листья с деревьев в саду у Раевских...

— От князя Волконского... Оттуда...— Николай Николаевич Раевский тревожно взглянул на Софью Алексеевну, протянул ей письмо.— Все в божьей воле... Отдай Маше. Одну не оставляй.

Раевский повернулся и тяжелой походкой направился к дому.

Едва завидя мать в конце аллеи, Мария бросилась ей навстречу. Опавшие листья шуршали под ногами. Отойдя к беседке, она нетерпеливо распечатала письмо и погружилась в долгожданные неровные строчки...

«...Повинуйся тому, что чувство обязанностей твоих признает необходимым. Ты — мать, ты — дочь, и я готов всем жертвовать, чтобы доставить тебе успокоение...»

По мере чтения лицо Марии успокаивалось. Перевернув страницу, она опустилась на скамью, усыпанную желтыми листьями.

«...Знай же, что многие из принятых на счет меня мер распространятся и на тебя. Ты должна будешь во всем терпеть нужду, не только естли будешь разделять во всех отношениях стесненное мое положение. Но даже и в том случае, когда б имела полную волю во всех твоих поступках, по невозможности доставить себе в сем

краю даже обыкновенные и необходимые довольства простой жизни...»

Софья Алексеевна поглядывала на дочь с тревогой: спокойствие Марии не сулило добра.

«...Сверх того, ты должна будешь разделять те унижения, которым я подвержен, находясь под ежеминутным и разделенным столь многими лицами надзором и не имея по теперешнему моему званию ни перед кем голоса и ни от кого защиты...»

В саду показался встревоженный Александр Раевский. Софья Алексеевна знаками попросила его не приближаться.

«...Какое бы твое решение ни было, даже естли б я через него лишился навсегда надежды тебя видеть, то и в сей ужасной горести моей послужит мне облегчением уверенность, что они тобой в полной мере разделяемы и что в решении твоём ты повиновалась одной жестокой необходимости...»

На глаза Марии навернулись слезы. Строчки колыхнулись, поплыли.

— Машенька... Маша,— услышала она голос матери и бросилась к дому. Вбежав в спальню и набросив на дверь крючок, Мария устало привалилась к стене.

— Милый, бедный Сергей... Я люблю тебя.— Она замерла, словно не верила тому, что только что вырвалось из ее уст. И повторила это непривычное слово: — Люблю...

В двери стучали. За окном кружили, падали желтые листья.

Обедали молча. Никто не решался заговорить первым. Начал генерал Раевский:

— Государь говорил мне, что Волконский недостоин нашего участия. Если бы князь Сергей не показал добрых чувств к Маше и сыну, я не остановился бы истребить к нему уваженье. И сами обязательства дочери посчитал бы расторгнутыми, ибо долга к нему она не имеет.

Мария не смотрела на отца. Слушала, затаив дыхание.

— Я понимаю дочь: нет ничего тяжелее вечной разлуки с живым мужем. Однако князь сам не хочет ее жертвы. Его письмо из Сибири нельзя понять иначе.

Мария по-прежнему ни на кого не смотрела.

— Не тревожься, отец,— произнесла она тихо.— Других печалей, кроме тех, что касаются Сергея, у меня нет.— Она подняла голову.— Наверное, надо обладать большою силою духа, нежели какой обладаю я, чтобы отказаться от счастья посвятить себя тому, кто в этом нуждается. Письма мужа укрепили меня. И я знаю, что все перенесу возле него...

— Ты обманываешь себя! — остановил ее Раевский.— У тебя нет к нему чувства! Видно, в тебе говорят письма не его, а волконских баб, и прежде всех его матери, которая давно из ума выжила. Уверили, что героиня! И ты рвешься, как дурочка!

И тут началось.

— Бросать дом — и для кого?! Для заговорщика! — заплакала Софья Алексеевна.— Ты мать, твоя первая обязанность — сын. Подвергать его тяжкому путешествию! Ты убьешь сына.

— Довольно, мамá,— остановила Мария Софью Алексеевну.— Я вижу, что родные, кто еще год назад убеждал меня в добродетлях жениха, нынче отказывают мне в утешенье. Сами чувства мои почитают обманом. Так знайте же — я люблю мужа. И жду хоть капли вашего сострадания...

Она замоччала: слезы мешали ей продолжать.

— Если бы я знал, что ты едешь по любви,— сказал Раевский после паузы,— что заблуждение твое не исчезнет, я бы согласился погрести тебя живую. Оплакал бы кровавыми слезами и тем не менее отпустил бы...

Раевский поднялся.

— Я полагал, что письмо князя отворачивает мою дочь от намеренья. Могу остано-

вить тебя моею властью. Остановись сама. Опомнись и прозреть в Сибири было бы для тебя большим несчастьем.

И опять наступила тишина. Все молча смотрели на Марию.

Она поднялась и вышла из комнаты.

— Упросить государя, чтоб отказал ей,— и все тут! — проговорила Раевская, вытирая глаза.

— Опоздали мы,— вздохнул Раевский.— Уж государь обещал императрице. Последняя надежда: может, отказ государя везти сына остановит ее,— закончил Раевский неуверенно.

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ МУЧИТЕЛЬНОГО ПУТИ ОСТАЛАСЬ ПОЗАДИ. КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ ДОСТИГЛА ИРКУТСКА. ОТ НЕРЧИНСКА И БЛАГОДАТСКИХ РУДНИКОВ ЕЕ ОТДЕЛЯЛО МЕНЕЕ ТЫСЯЧИ ВЕРСТ.

Черные деревянные домишки. Пасмурный день. Редкие прохожие месили уличную грязь, удивленными взглядами провожали упряжку Трубецкой. Некогда роскошный дормез уступил теперь место побитому старенькому тарантасу, облепленному грязию.

Обогнали телегу с дровами, охотника с пушницей, пожарную бочку... Трубецкая никого и ничего не видела. Она стояла на коленях на полу тарантаса, уронив руки. Лошади остановились у двухэтажного дома.

Генерал-губернатор иркутского края оказался сухим, поджарым стариком.

— Я имею честь видеть перед собой княгиню Трубецкую? — вышел он навстречу посетительнице.

Бледная, изможденная Трубецкая стояла на пороге его кабинета.

— Генерал-губернатор Цейдлер к вашим услугам. Прошу садиться.

— Позвольте мне остаться так,— попросила княгиня.

— О, понимаю,— согласился Цейдлер.

— Могу я спросить, отчего на станции мне отказывают в лошадях? — сразу приступила к делу Трубецкая.

— Видимо, нету, — ответил Цейдлер с улыбкой. — Тут Сибирь, княгиня.

— Но смотритель сослался на запрещение, — возразила Трубецкая.

Цейдлер сделал удивленное лицо. Потом будто вспомнил.

— Видите ли... — замылся он. — Я должеп вас кое о чем предупредить. Может быть, вы все-таки сядете?

Трубецкая продолжала стоять.

— Мне кажется, вы не в достаточной мере уясните свое положение. Если вы пожелаете следовать в Нерчинск, я должен познакомить вас с мерами, которые будут к вам применяться.

— Если пожелаю?.. — удивилась Трубецкая. — Не думаете ли вы, что я проделала этот путь лишь для того, чтобы встретиться с вами?

Цейдлер рассмеялся.

— Жестоко вы меня, однако...

— Мне кажется, — пожал плечами Трубецкая, — наш разговор — бесцельная трата времени.

— Тем не менее, я прошу вас меня дослушать, — любезно возразил Цейдлер. — Но прежде, пожалуйста, сядьте.

Цейдлер устал стоять. Правила этикета не позволяли ему сесть при даме, тогда как возраст и привычка властелина губернии тянули его в кресло.

Трубецкая поблагодарила, но осталась стоять.

Генерал приблизился к окну и указал на упряжки.

— Знаете ли вы, что все придется отправить обратно? Что ни денежных сумм, ни вещей многоценных брать с собой не дозволяется?

— Позвольте спросить, отчего?

— Для собственной вашей безопасности. Места сии населены людьми, готовыми на всякого рода преступления, — ответил генерал.

— Если вы требуете, мне остается под-

чиниться, — согласилась княгиня после паузы.

— Но это не все, — продолжал Цейдлер. — Ваше право на крепостных, с вами прибывших, утратится, лишь только вы отправитесь дальше Иркутска. Ваши люди с вами не поедут.

Трубецкая вздохнула и тихо проговорила:

— Значит, не поедут.

Генерал не выдержал, прошел за стол, опустился в кресло. Теперь он заговорил строже.

— Очень жаль, княгиня, что вы не даете себе труда представить, какова будет ваша жизнь в рудниках.

— Я это увижу, когда доберусь, — ответила Трубецкая устало.

— Но вам придется забыть всякий комфорт, — генерал начал нервничать. — Вы будете жить, как самая бедная крестьянка.

— В самом деле? — удивилась княгиня.

— Избы, которые попадались вам на пути, — дворцы перед теми, что стоят в Нерчинске. Грязь, смрад, насекомые... Пища — хлеб да квас. О климате я боюсь говорить: он страшен для вас — губителен.

Цейдлер был доволен произведенным эффектом — княгиня растерялась.

— Прошу вас, генерал, — попросила она кротко, — не пугайте меня физическими лишениями. И без того мне страшно. Но ведь я буду с мужем. Пожалуйста, велите дать лошадей.

Цейдлер расстегнул ворот.

— Но ваш муж в тюрьме! Свиданья будут редки. Не чаще раза в неделю, на час, в присутствии офицера, в арестантской палате!

— Я понимаю, — согласилась Трубецкая. — Один час и офицер... в присутствии... Я согласна.

— Поймите же, остальное время вы будете одна. Среди дикого населения! Вас будут окружать в казарме пять тысяч клейменных каторжников, людей самого развращенного и презрительного класса!

Цейдлеру показалось, что княгиня колеблется. Она нервно сжала пальцы.

— Верно, кто-нибудь управляет рудниками...

— Начальство не в состоянии защитить вас от оскорблений,— Цейдлер понизил голос,— которые могут быть даже насильственными.

— Разве там не наказывают за преступленья? — спросила вконец напуганная Трубецкая.

— Закоренелым злодеям не страшны наказания,— ответил Цейдлер почти торжественно.— Они найдут даже право считать вас себе подобною. Как жену государственного преступника, который несет равную с ними участь.

Трубецкая опустила в кресло. В соседнюю с кабинетом комнату внесли самовар. Цейдлер поднялся, распахнул дверь, показывая на накрытый стол.

— Осмелюсь просить ваше сиятельство оказать честь. Отобедать с нами. Вы, верно, продрогли... Выпейте чаю... Незаменимый по здешним местам напиток.

— Бог поможет,— ответила на свои мысли княгиня.— Пожалуйста, велите дать лошадей.

Цейдлер открыл рот.

— Пожалуйста,— повторила княгиня.

Генерал ответил не сразу. Вернувшись к столу и побарабанив по нему пальцами, он достал бумагу.

— Что ж, воля ваша. Здесь изложено все, о чем я вас предупредил. Прочтите внимательно. Ваша подпись будет означать, что вы станете подчиняться всем строгим мерам.

Трубецкая взяла перо и подписала, не читая.

— Теперь отправьте меня поскорее! — попросила она, поднимаясь.

Цейдлер развел руками.

— Сожалею, княгиня. Бумага пойдет особой оказией в Петербург на личное его императорского величества рассмотрение. Отдохните, придите в себя. Шутка ли, столько проехать!

— Сколько же ждать, господин генерал? — упавшим голосом спросила Трубецкая.

— С месяц туда да с месяц назад,— прикинул генерал.— А уж как скоро государь соизволит ознакомиться да ответить,— сие от меня не зависит.

Трубецкая обмерла. Цейдлер помолчал и спросил учтиво:

— Станете ждать? Или предпочтете вернуться домой?

Трубецкая молчала долго. Потом она распрямилась и проговорила отчетливо:

— Стану ждать. Стану ждать, господин генерал, сколько бы это ни продолжалось.

Она запахла шубу и вышла. Цейдлер был озадачен. За раскрытой дверью пытел самовар...

Снег падал крупными хлопьями, и тяжелые шапки повисли в саду, за окнами усадьбы Раевских. В детской комнате в печи пылали дрова.

Николино смеялся, тянулся к красному блестящему предмету.

Присев возле сына, Мария читала царское письмо.

«...Дабы избежать позднего и бесполезного раскаянья, уведомляю вас... Взять с собой сына дозволено вам быть не может...»

Мария закусил губу, перевела взгляд на Николино. Ярко-красная сургучная печать, болтавшаяся на шнурке, забавляла малыша. Он хватал сургуч, тащил в рот.

«...Что же касается собственно вашей поездки, то представляю вполне вашему усмотрению избрать тот образ действия, который покажется вам наиболее соответствующим вашему нынешнему положению. Благорасположенный к вам — Николай...»

Николино смеялся беззубым ртом.

Мария взяла сына на руки, крепко прижала его к себе.

...Генерал Раевский сидел в кабинете и угрюмо смотрел перед собой.

За окном — зимняя ночь. Все уже было сказано. Мария стояла перед отцом. Она подняла полные муки глаза и тихо произнесла:

— Мой сын пребывает в счастье, папа. Мой муж несчастен. Мое место около мужа.

Раевский по-прежнему смотрел перед собой, будто ее не слышал.

Ночь над усадьбой Раевских. Зимняя, деревенская ночь... Никто не спит за освещенными окнами... Тяжело смотрит перед собой генерал Раевский. На столе — портрет юной Марии... Рядом с отцом — сыновья.

Мария на коленях перед колыбелью сына.

Неслышно входит Софья Алексеевна, приближается к дочери и тоже опускается на колени...

На рассвете все было готово к отъезду. Софья Алексеевна появлялась и исчезала, вытирая украдкой глаза. Братья Раевские сутились во дворе... Снег падал хлопьями, и на спины лошадей легли белые покрывала.

Мария покинула детскую. Глаза ее были сухи. Все вышли во двор.

Появился Раевский, подошел к Марии и, подняв над ней кулаки, выговорил, сдерживая слезы:

— Я прокляну тебя, если не вернешься через год!

Мария молча кивнула. Он обнял ее, оттолкнул и пошел в дом, ускоряя шаг...

Облепленная снегом карета медленно выезжала из усадьбы. Раевский стоял у окна.

— Путь тебе добрый, Машенька, благополучный, — шептали его губы. — Молю за тебя, жертву невинную. Да утешит бог твою душу. Да укрепит твое сердце...

Мария в последний раз оглянулась на

дом, на окно, где за снежной пеленой был едва виден отец...

— Прости, отец... Без мужа я не вернусь. Милые мои, родные мои, прощайте... Прощайте навеки...

Только теперь в глазах Марии появились слезы.

Раевский видел в окно, как махала рукой Мария, как сыновья бежали за каретой, пока она не исчезла в белесой мгле...

— Ни единой слезинки не пролила! — всхлипывая, подошла к мужу Софья Алексеевна.

— Это самая удивительная женщина, какую я знал, — тихо произнес Раевский.

РОЖДЕСТВО 1826 ГОДА ЗАСТАЛО КНЯГИНЮ ВОЛКОНСКУЮ В МОСКВЕ, В ДОМЕ ЕЕ НЕВЕСТКИ ЗИНАИДЫ.

В доме на Тверской — яркий свет в окнах, экипажи возле парадного. Итальянские певцы пели в гостиной оперные арии.

Мария Волконская, скрытая от гостей, сидела в полутьме в соседней комнате возле слегка приотворенной двери и слушала певцов.

Гости аплодировали.

Мария прислушалась. Чей-то негромкий голос привлек ее внимание.

Гость находился в полутемной части гостиной и был едва виден тем, кто сидел возле «подмостков»...

Марии он не был виден совсем, но она поняла, кто пришел...

Княгиня Зинаида усадила Пушкина в двух шагах от двери, за которой скрывалась Мария, по-видимому, специально — чтобы та могла слышать разговор, не предназначенный для прочих гостей. Но вот досада, Пушкин сел спиной к двери, и Марии был виден лишь его кудрявый затылок.

— Москва полна слухами про ваше свиданье с царем, — наклонилась к Пушкину княгиня Зинаида. — Надеюсь, вы были благоразумны, Александр...

Она оглянулась на Марию.

— Разумеется...— ответил Пушкин.— Государь допрашивал меня без обиняков. Интересовался моими чувствами к мятежникам...

— Что же вы ответили?

— Мне ничего не оставалось, как признать, что одно мое отсутствие в Петербурге спасло меня от Сибири...

Мелодичные песни Неаполя звенели в гостиной. Воспользовавшись тем, что Пушкин увлекся певцами, Зинаида Волконская приблизилась к двери.

— Вы прячетесь напрасно, Мари.

— Умоляю вас,— отпрыгнула Мария.— Я устала от жалости и осужденья. Наговорю дерзостей или заплачу...

Княгиня Зинаида отошла и что-то шепнула Пушкину на ухо... Тот вскочил, оглянулся на приоткрытую дверь.

Мария обмерла.

Тусклая свеча горела в уголке...

— А я-то думаю, где она прячется... Дайте ж на вас хоть взглянуть...— говорил Пушкин, войдя к Марии.— Вот вы какая... Бог мой! Что батюшка ваш, здоров? Где Николая, Александр?

Мария с улыбкой вглядывалась в двадцатипятилетнего поэта и не могла избавиться от навязчивого воспоминания...

...Солнечный день, небесная синь, шум прибой и юный, смеющийся Пушкин...

— А что как явлюсь я к вам просить пристанища в Нерчинских рудниках? Я собираюсь писать книгу про Пугачева. Поеду на места, перевалю за Урал, а там и до края земли рукой подать...— Пушкин улыбнулся.

— Вы все смеетесь...— проговорила Мария.

— В моем смехе тоска одна,— Пушкин помолчал.— Вы не поверите, если я скажу, что отчаянно завидую вам?

— Мне?— удивилась Мария и внимательно посмотрела на Пушкина. Поэт был серьезен.

— Вас ждет жизнь, полная лишений, но и полная самопожертвования, подвига.

Итальянские певцы пели о радостях любви...

— Я слышала столько хулы на несчастных,— проговорила Мария.— Их считают безумными, их дело — бредом. Но разве не любит отечества тот, кто жертвует жизнью за убежденья? Кто голову за них кладет на плаху? Разве не достоин он уважения только оттого, что прежде времени затеял дело свое?

— Вы будете жить среди лучших людей времени, тогда как мы...— Пушкин не договорил, вздохнул глубоко и, наклонившись, прикоснулся губами к ее руке.

Мария замерла.

— Благодарю вас,— проговорила она тихо.— Если бы вы знали, как я нуждалась в том, что вы мне сказали.

Она поднялась и вошла в освещенную залу. Как раз в это время певцы кончили петь.

— Еще, пожалуйста, еще, еще,— просила Мария.— Подумайте, ведь никогда больше я не услышу музыки!— Ее глаза горели, по щекам разлился румянец.

Певцы запели арию из «Агнессы» Паэра.

Возле дверей, прислонясь спиной к косяку, стоял Пушкин и смотрел на Марию. И ему припомнились...

Синие облака... морской прибой... И четырнадцатилетняя девочка, бегущая за волнами...

Княгиня Трубецкая все еще находилась в Иркутске. Уже не грязь и лужи окружали дом губернатора, как это было в день ее приезда, а высокие снежные сугробы...

— Здесь?— спросил Цейдлер у секретаря, принесшего самовар. Было утро, и генерал с домочадцами готовился к чаепитию.

— Точно так, ваше высокопревосходительство.

— Предупреждал, что я болен и не принимаю?

— Не извольте сомневаться...

— А она?

— Будут-де сидеть у нас хоть целый год.

..Вечерело. Секретарь зажигал свечи. Показавшись в приемной, Цейдлер учтиво поклонился княгине:

— Сожалею, однако сегодня мне не удастся принять вас. Я еще нездоров и поднялся лишь для безотлагательного дела.

— Как вам будет угодно, генерал,— кротко согласилась Трубецкая.— Я приду, когда вы назначите. Как бы то ни было, я рада видеть вас на ногах.

— Благодарю, ваше сиятельство. Если не ошибаюсь, это уже десятый ваш визит,— сочувственно покачал головой Цейдлер.

— Одиннадцатый, с вашего позволения. Я была бы счастлива, если бы следующий оказался последним,— улыbnулась Трубецкая.

— Поверьте, наши желанья одинаковы... Прошу пожаловать через недельку-другую...

Цейдлер скрылся в кабинете.

Закрыв дверь, он прислушался к удаляющимся шагам. В окно он увидел, как Трубецкая вышла из парадного и медленно побрела по заснеженной улице, и карета потянулась за княгиней...

Зажав в руке пакет с красной сургучной печатью, Полина шагала по дому Анненковой. Толпа разутых лакеев бежала впереди нее. Они прижимали руки к груди, беспшумно падали перед ней на колени, молили жестами, словно немые.

Взглядом она заставила их посторониться и распахнула двери в гостиную. Слуги, обряженные в пестрые костюмы, вскочили, вспугнув огненно-красных фазанов. В углу, в коридоре, заворчался медведь, звякнул цепью. Что-то прокричал попугай.

Полина заглянула в столовую, где, как всегда, стол был накрыт на сорок персон. Музыканты, сидевшие на полу, вскочили в страхе и дружно заиграли. Танцовщики с перепугу начали было танцевать, но уняли, поняв, что перед ними не барыня.

Анненкову Полина нашла в небольшой зале, угол которой был уставлен образами. Анна Ивановна сидела в кресле, одетая в черное платье. Никитка с книгой молча сидел у ее ног. Неподалеку примостились испуганные девицы. Полина осталась в нерешительности.

— Поберегитесь, мадемуазель. Барыня вчера узнала, что год назад ее старший сын убит на дуэли...

Сказав это, Гильда исчезла. Глядя на мрачно отрешенную Анненкову, французженка невольно попятилась.

— Постой!

Полина замерла. Анна Ивановна перевела на нее взгляд.

— А вы все — воп! — приказала барыня, и девицы с Никиткой исчезли, будто растаяли.

Полина показала бумагу с царским гербом. Барыня не вслушивалась в речь французженки, хотя смотрела на нее внимательно и серьезно. Когда Полина замолчала, Анненкова впервые заговорила по-французски:

— Я заметила, вы не из слабых, мадемуазель. Но иностранке вряд ли под силу путешествие в Сибирь. Это вам не поездка в Булонский лес. Оставьте это. Я куплю вам дом в Москве. Все дам для убранства. Вы ни в чем не будете нуждаться. Только не уезжайте, прошу вас.

— Я не понимаю, мадам...

— Мой сын молод, он все перенесет легко. Матери его вы нужнее. Когда я помру, все здесь захватят родственники...

— О мадам,— Полина не находила слов, что не обидели бы Анненкову.

Барыня оглянулась, поманила Полину и, когда та приблизилась, зашептала ей в ухо:

— Нет ни души кругом, кто был бы ко

мне привязан. Когда вы уедете, отравят меня.

Полине не пришлось уговаривать Анненкову — старуха все поняла сама. Глубоко вздохнув, она взяла французенку за руку и повела в свой покой.

— Лошадей закладывай! — приказала она, проходя коридором.

Анненкова открыла секретер, вынула шкатулки, наполненные драгоценностями, и, зачерпнув пригоршни, протянула Полине. Французенка растерялась.

— Знаю я вашу щепетильность, — проворчала Анненкова, — пригодится в Сибири. Ивана поддержите.

...Она провожала Полину до парадных дверей.

— Федька! Шубу соболью! — спохватилась Анненкова.

К крыльцу подкатил экипаж. Слуга Федор выбежал с шубой и набросил ее на плечи Полины.

— С богом! Езжайте, пока не воротила! — махнула рукой Анненкова.

Лошади рванули, и скоро звук удаляющегося экипажа замолк.

— Не стоит Иван красавицы эдакой. А, Федька?

— Не стоит, барыня-матушка, не стоит, — согласился старый слуга. — Где уж ему, беспутнику...

— Попрдержки язык! — оборвала его Анненкова. — Молиться ей надо, французихе, на Ванечку. Голь безродная! Тьфу!

Она огрела старика палкой. Глаза Анненковой были полны слез. Усевшись прямо на лестнице, барыня рыдала. И никто не смел приблизиться к ней, утешить...

Карета Марии Волконской тащилась в гору по серпантинной дороге, что вился среди каменистых круч, заснеженных осыпей и терялся в поросших елями уральских горах. Ветер качал вихушки сосен, гудел в оврагах. От сильных толчков Мария всякий раз закрывала глаза, страшно было

смотреть в пропасть. А кучер пел как ни в чем не бывало:

Вздумала Параша, взамуж пошла,
А теща про зятя пирог испекла...
Думала Параша, семерым не съесть,
А жених пришел да один оплел...

Другая песня всплыла в памяти Марии, меланхолическая, малороссийская...

...Косарь пел и точил косу возле кареты без колес, что вросла в землю рядом с конюшней... А там — смиренная, старая лошадь да сонный жеребенок.

Было утро, и в саду стоял веселый птичий пересвист. На веранде ключница процеживала наливки, переливая из бутылки в бутылку. Два молодых крестьянина, подстриженные под горшок, расчищали пруд от ряски...

И еще вспомнилось...

...Генерал Раевский, держа Волконского под руку, прогуливался по саду. Князь показывал на плодовые деревья, и Раевский что-то объяснял... Мария покачивалась в качели у пруда, уткнувшись в книгу, изредка бросая взгляды на гуляющих отца и гостя. Брат Александр подкрался, накрыл книгу ладонью, взглянул на титульный лист.

— Жан-Жак Руссо? — Он наугад открыл страницу, прочел вслух: «Лучше погрешить против знатности, нежели против добродетели. Жена угольщика более достойна уважения, нежели любовница принца...» Ах, Мари, Мари...

Она выхватила книгу, с восторгом хлопнула ею брата.

— Как тебе князь? — спросил он.

— Для его лет... — пожала плечами Мария. — Впрочем, я плохо его разглядела...

— Для его лет? Помилуй! — возмутился Александр. — Ему далеко до сорока. И собеседник презанятный, и воин знаменитый...

Мария посмотрела на брата и прыснула.

— Уж не собираешься ли ты меня сватать, братец?

— Как знать... Волконский холост. Из лучших женихов России...

— Такая честь, такая честь,— с ироническим подострастием дурашливо закивала Мария.— Не найдется ли для меня избранника поскромнее? Куда спешить — мне восемнадцать лет.

— Не зарекайся, сестрица!

— Запомни, братец,— рассердилась Мария.— Я лучше сбегу куда-нибудь, хоть в Новый свет, чем полюбую этого знатного красавца...

Карету трянуло, лошади захрапели, попятились.

Недалеке от дороги стояли два лося. Они с любопытством взирали на остановившийся экипаж, а потом не спеша двинулись к лесу и скоро скрылись в темном ельнике.

Не успела карета тронуться, как сзади послышался шум приближающегося экипажа.

— Велено нагнать, ваше сиятельство.

Княгиня развернула поданную бумагу, прочла:

«...Жене государственного преступника не будет дозволено покинуть место каторги прежде смерти супруга... И даже после его смерти Правительство не принимает на себя непрременную обязанность позволять вдовам преступников возвращение в Россию...»

— Государь приказал, ежели пожелае-те вернуться, сопровождать ваше сиятельство для безопасности вашей,— отдал честь фельдъегерь.

— Пожалуйста, передайте в Петербурге,— ответила Волконская,— я весьма тронута заботой его величества. А теперь скажите, далеко ль до Екатеринбурга.

— Не более тридцати верст,— ответил офицер. К ночи поспеете. Путь добрый, ваше сиятельство!

Карета Волконской продолжала путь.

Показался обелиск с высеченными по бокам надписями: «Азия» — на одной стороне, «Европа» — на другой. Мария проводила глазами каменный столб.

Европа осталась позади...

Над ночным Екатеринбургом бушевала пурга. Завывал ветер. Лаяли собаки. Неподалеку от деревянной плотины, занесенной снегом, стояло несколько каменных домов. Карета Волконской свернула к дому с колоннами. С помощью кучера княгиня выбралась из кареты и зажмурилась от бивших в глаза снежных хлопьев.

Слуга вручил письмо привратнику. Лысеющий господин показался в вестибюле.

— Вот так сюрприз! В наших краях? Да надолго ли, ваше сиятельство?

— Мы заночуем здесь, если позволите.

— Да неужто? Да что ж это вы стоите? Чем прикажете потчевать?

— Баню, чаю и спать,— едва выговорила измученная княгиня.

Морозным днем к дому иркутского губернатора подъехала карета Трубецкой. Слуга бросился ко входу, распахнул двери.

Войдя в кабинет, княгиня обрушилась на Цейдлера:

— Милостивый государь, мне стало известно, что ответ получен еще на прошлой неделе!

— Да что вы...— Цейдлер сделал удивленное лицо.— Прошу вас, сядьте, ваше сиятельство. Я ведь еще не успел прочесть, вот беда.

— Так чтайте же, милостивый государь!

Цейдлер ошешил. Такой еще не доводилось ему видеть княгиню.

— Разумеется, прочту... Однако, смею заметить, от государя идет много почты не касателью и ваших дел... Через недельку...

— Милостивый государь! — остановила

Цейдлера Трубецкая.— Вы держите меня скоро шесть месяцев. Если сей же час вы не передадите ответ государя, я отправлю на вас жалобу!

Генерал покачал головой и, видя, как решительно настроена княгиня, вздохнул, нехотя достал царское письмо.

— Что ж... Извольте...

Он протянул ей бумагу. Трубецкая взяла перо, обмакнула в чернила. Цейдлер вскочил в ужасе, выхватил предписание.

— Что вы делаете?! Прочтите же, что от вас требуется!

Княгиня проговорила тускло:

— Разве вы не знаете — мне все равно.

— Вы уверены? — Надев очки, Цейдлер прочитал по бумаге:

— «Жена, следуя за своим мужем, делается, естественно, причастной его судьбе и потеряет прежнее звание и титул княжеского, графского и прочего достоинства...»

Цейдлер поднял глаза. Княгиня оставалась безучастной.

— «...То есть будет уже признаваема,— продолжал читать губернатор,— не иначе, как женой ссыльнокаторжного, и с тем вместе принимает на себя переносить все, что такое состояние может иметь тягостного, а именно...»

Он сделал паузу и закончил с расстановкой:

— «Дети, которые приживутся в Сибири, поступят в казенные заводские крестьяне без права наследования имущества, а также ношения фамилии отца, поскольку будут числиться крепостными».

Наконец-то Цейдлер прочел ужас в глазах Трубецкой.

Перо выпало из ее рук, рядом с впитавшей подписью царя расплзлась клякса...

— Напрасно вы себя мучили,— отечески посочувствовал Цейдлер.— Что бы сразу-то послушаться! Уж были б дома, и родные не изнывали бы в разлуке с любимой дочерью...

Будто во сне, Трубецкая взяла перо и вывела подпись на царской бумаге.

— Все? — спросила она и встала.— Теперь я могу ехать к мужу?

Цейдлера будто подменили. Он закричал грубо:

— Вы когда-нибудь видели каторжников в железах?! Отвечайте!

— Почему вы кричите? — удивилась Трубецкая.— Кто дал вам право?..

— Вы дали право! Вы, жена ссыльнокаторжного! Хорошо, вы отправитесь в Нерчинск, но по этапу! Вас закуют по ногам и рукам. Вы пойдете с партией каторжников! Под конвоем! И вас привяжут со всеми на один канат! Как привязывают злодеев, чтобы не убежали! — Генерал вытер платком взмокший лоб.— И еще замечу. Из пятисот, что мы отправляем по этапу... Из пятисот мужчин... до Нерчинска добирается не более трети. Ну что, согласны вы теперь?

Генерал отошел к окну.

Губы Трубецкой дрожали. Она едва выговорила:

— Мне все равно... Лишь бы идти... Ведите нести кандалы.

И случилось чудо. Сухой старик, выдавший виды иркутский губернатор, не выдержал, обмяк. Он повернулся к княгине и долго смотрел на нее, точно видел впервые.

— Вы поедете! Поедете! — заговорил он быстро, точно боялся, что Трубецкая его не дослушает.— Поедете! Я не могу, не хочу тиранить вас больше. Я вас мучил, простите... Меня заставляли всеми средствами. Я пугал вас этапом. Это пустое. Я дам лошадей. Вы возьмете имущество. Храни вас бог!.. Вы... святая!

Глаза старика наполнились слезами. Он низко склонился перед Трубецкой.

А в это время по иркутской улице летел санный экипаж княгини Волконской.

Трубецкая увидела Марию в окно. Позабыв о Цейдлере, она бросилась из его кабинета, сбежала по лестнице и выскочила на мороз. Кучер едва успел осадить.

Каташа Трубецкая

Мария Волконская

Полина Гель

Мария Волконская и Екатерина Трубецкая бежали навстречу друг другу.

Они смеялись, целовались и плакали, и не было слов у этой встречи...

«ПОВЕШЕННЫЕ ПОВЕШЕНЫ, НО КАТОРГА 120 ДРУЗЕЙ, БРАТЬЕВ, ТОВАРИЩЕЙ УЖАСНА».

А. ПУШКИН

Среди заснеженных сопок затерялся Благодатский рудник — убогий поселок в одну улицу — два десятка деревянных домишек, далеко расставленных один от другого. Морозной ночью здесь появились сани княгини Трубецкой. Безлюдно было в поселке. Не слышался даже лай собак.

— Приехали, ваше сиятельство, — сообщил возница и показал на крошечный покосившийся домик.

— Нет, нет, поезжай к острогу, — попросила княгиня.

Возница пустил лошадей. Край неба едва начал светлеть, и волнистый силуэт сопки отчетливо проступил на горизонте.

Сани остановились возле острога. Выбравшись, Каташа оглянулась на будку часового. Но никто не вышел, и она бросилась к ограде, выискивая щель. Трубецкая услышала звон кандалов... чей-то тяжелой кашель... голоса:

— Неприличные материи рассуждаешь! Где твоя совесть?!

— О чем вспомнили. Совесть нужна человеку в частном быту, в казенном доме ее заменяет начальство... — ответил чей-то молодой голос.

Свет, замерцавший за стеной, помог обнаружить отверстие. Каташа прильнула к забору. Узники при свете фонарей складывали в повозку кувалды, ломы, лопаты. Огромные тени метались по двору, по заборам, по стенам... Трубецкой был виден в лицо лишь тюремщик. Кашляющий человек, которого тот отчитывал, был скрыт бревенчатым строением.

— Ты не заслужил снисхожденья, какое тебе оказывается!

— О каком снисхождении вы толкуете? — ответил тихий голос, заставивший Трубецкую плотнее прильнуть к забору. Узник зашелся в надсадном кашле.

— Употребление тебя в работах и есть снисхождение к греху твоему тяжкому. И скромным поведением да покорностью ты покажешь раскаянье. А ты урок вчера не исполнил, а сегодня последним являешься...

— Но я нездоров...

— Так ты лечиться сюда прибыл? — засмеялся тюремщик.

Наконец Трубецкая увидела со спины необычайно длинного человека в грязной ермолке, в куцем, драном армяке, подпоясанном веревкой, в подшитых, не по росту коротких, валенках. Узник беспрерывно кашлял и почесывался. Когда он повернулся, княгиня узнала в узнике своего мужа.

Силы покинули Трубецкую. Она потеряла сознание...

На столе мерцал огарок свечи. Каташа лежала на деревянном топчане, накрытая поверх одеяла шубой. Комнатка была такой тесной, что, кроме топчана, плотно зажатого тремя стенами, да крошечного стола с табуретом, некуда было поставить даже часть привезенных вещей, и коробки, саквояжи громоздились в углу, упираясь в низкий потолок.

С улицы донесся далекий звон бубенцов. Каташа открыла глаза, приподнялась и глянула в предрассветную синь, пробиравшуюся сквозь слюдяное оконце.

— Вот и я в земле... обетованной, — шепотом произнесла Мария Волконская, не выходя из остановившихся саней...

...Крепкая деревянная баба лет около сорока сидела на корточках возле печки. Она успокаивала плачущего младенца и одновременно щипала лучину.

Снег заскрипел под окном. Женщина вскочила.

Князь Сергей Трубецкой

Князь Сергей Волконский

Поручик Иван Анненков

Художник В. Кострин

В клубах морозного воздуха показался ямщик с поклажей. Он распахнул дверь перед княгиней Волконской. Женщина ойкнула, вырвала полено, схватила за руку ничего не понимающую Марию, потащила на улицу. Босая, в одной нижней рубахе, она выскочила на снег, зачерпнула пригоршни и принялась растирать побелевшие щеки Марии...

За стеной надрывно плакал ребенок. Из трещины в комнату пробивался дым. Кружевное белье Трубецкой, белоснежное убранство постели и, прежде всего, сами обитательницы находились в режущей глаз обособленности по отношению к убогому крестьянскому быту.

Волконская стояла на пороге, не снимая шубы. Каташа оставалась в постели: она еще не успела оправиться от потрясения первого дня.

— Вы были... там? — спросила Мария по-французски.

— Тайно, — кивнула Каташа, — острог здесь неподалеку.

— Разве еще не разрешили свиданья? — удивилась Мария.

— Первое состоится через два дня...

— Боже... — ужаснулась Мария. — Быть рядом и не видеться...

— Как раз в это время их увозят в рудник, — сказала Трубецкая. — Их поднимают в четыре поутру. А в пять они уже под землей...

Мария достала часы, взглянула — был пятый час.

— Каши поешьте. — Вошла с чугуном женщина. — Чай скоро будет.

— Милая Дуняша... — кивнула Трубецкая. — Столько заботится обо мне эта добрая женщина.

Когда дверь за хозяйкой закрылась, Каташа перешла на французский:

— Представьте, Мари, она вышла замуж в шестнадцать лет, и вскоре муж ее был отправлен в рекруты. Они не виделись почти двадцать лет. Только в прошлом году ей выпало «счастье»... Его ранили на Кавказе... Она ездила к нему. —

Трубецкая помолчала. — Столько в ней силы, в Дуняше... столько бесстрашия и веры... Она все еще ждет его... ждет всю жизнь. Рождение девочки ее укрепило...

Каташа спохватилась: по лицу Марии пробежала тень. Поборов минутную слабость, Волконская вновь взглянула на часы, перевела взгляд на окно, за которым занимался рассвет...

Санная дорога, резко свернув, упиралась в гору, у основания которой стояли лошади, запряженные в повозки. Светало. Кругом не было ни души. Волконская заметила какую-то пещеру, но едва сделала несколько шагов, как раздался голос:

— Стой! Ходить не положено!

Еще не вида, с кем говорит, Мария робко произнесла:

— Я проехала семь тысяч верст, чтобы увидеть мужа. Не знаете ли вы, где находится князь Волконский?

— Князь? — Из темноты провала показался старый солдат с ружьем. — Тут князей нет, а все больше каторжные. Видно из заговорщиков князь-то?

Мария кивнула несмело.

Солдат оглянулся, прислушался. Мария смотрела на него умоляюще.

— Ладно. Идите. Да вот вам свечка. А то, пожалуй, упадете с непривычки-то. Да поживее бегите, как бы начальника рудника не принесла нелегкая...

Волконская торопливо пошла по извилистой штольне. Временами свеча почти гасла, и непроницаемая тьма обступала княгиню. Ее шаги, поначалу звучащие гулко, затихли: Мария шла по воде.

Какой-то шум и далекие голоса позади вновь заставили ее поспешить. Она больно ударилась головой. Голоса не отставали. Мария задула свечу, сбросила шубу в воду и побежала туда, откуда доносились удары металла по камню.

Впереди замелькали огоньки, и Волконская пошла медленней, чтобы отдышаться.

...Один из работавших заметил приближающуюся к ней женщину, едва

различимую в тусклом свете фонаря. Его пораженный взгляд перехватил сосед, и скоро все узники прекратили работу. Кто-то поднял фонарь, и уже не привидение, а реальная женщина — Мария Волконская — предстала перед потрясенными каторжниками.

Князь Волконский вздрогнул, сделал шаг навстречу Марии, и цепи зазвенели на его ногах.

Волконская вглядывалась в почти неузнаваемые черты мужа... Все молчали. И когда снова звякнула цепь, Мария бесшумно приблизилась к князю, опустилась перед ним на колени и прикоснулась губами к его кандалам...

Весенним солнечным днем тюремные ворота распахнулись, и показалась странная процессия: впереди шел тюремный офицер, за ним шагал Анненков в дорогой шубе, в меховой шапке, в начищенных штаблетах и в кандалах, рядом с ним — два узника, тоже в цепях и в нарядных одеждах. Позади шли конвоиры.

Узники были побриты, подстрижены.

Возле деревянной церкви собрались деревенские жители. Резко выделялись среди толпы богато одетые женщины. Кроме знакомых нам Трубецкой и Волконской — несколько новых лиц. Они раздавали на паперти милостыню.

— Знаете, Мари, — сказала Трубецкая Волконской, — только здесь чувствуешь, как глухи и слепы оставались мы в неге своей...

— Да, Каташа, — согласилась Волконская, — но это справедливо лишь по отношению к нам. Наши мужья — иное. Иногда я думаю, что они опередили век. Их муки — это муки пророков...

Подкатила карета, и в подвечном шарице показалась Полина Гебль. Комендант острога, пожилой приземистый генерал, помог французенке выйти из кареты.

Анненков рванулся навстречу Полине, но конвоиры его не пустили.

Перехитрив солдат, Полина бросилась к Ивану Александровичу и успела несколько раз его поцеловать...

— Жан, я хотела рассказать тебе в этот день... — говорила Полина, не обращая внимания на солдат, на брань тюремного офицера, — Жан, когда русские стояли в Париже, я обещала подружкам, что ни за кого не выйду замуж, только за русского. Как они смеялись... Мне было тогда четырнадцать лет...

Она старалась улыбаться, но слезы бежали по ее щекам...

— Как смеешь ты говорить не по-русски! — подскокал тюремный офицер. — Ты подписывалась иметь разговор с каторжником на одном русском!

Полина не понимала, что вызвало гнев тюремщика.

— Заставьте же его замолчать! — Подступили женщины к коменданту. — Невеста не говорит по-русски. Прикажите расковать жениха! Чудовище! Изувер!

Генерал замахал руками, закричал по-французски:

— Если вы будете браниться по-русски, сударыни, я вас не слушаю! Вы действуете на нижних чинов. Называйте меня как угодно, только не по-русски.

Он обвел взглядом женщин и бросил офицеру:

— Расковать.

Пока возились с цепями, тюремный офицер посетовал коменданту:

— Глупейшие инструкции даются нашему брату: содержать строго и заботиться об здравии. Без этого прибавления я в полгода вывел бы в расход каналов.

— Содержать строго — это оттуда, — показал комендант пальцем вверх и сделал многозначительную паузу.

— А заботиться — от них, — с неприязнью кивнул тюремщик на женщин. — Чуть что не так, пишут родне. Те — к императрице... Газеты французские им подавай, книжки. Детей крестьянских учить вздумали, — возмущался тюремщик.

Генерал развел руками: мол, сие от него не зависит, и, подойдя к солдатам, державшим цепи, приказал негромко:

— Как выйдут, заковать.

Горели свечи, отражаясь в ликах икон и в глазах Полины и Ивана Анненкова. Закончив молитву, поп спросил, а шафер из узников перевел для Полины:

— Согласно ль раба божья...

— Как звали отца вашего? — спросил шафер.

— Жорж, — ответила Полина.

— Полина Егоровна, — подсказал священнику шафер.

— Согласно ль раба божья Прасковья венчаться с рабом божьим Иваном?

— Да, — по-русски ответила Полина и добавила весь русский словарный запас. — Бистро, била не била, авос...

Из церкви показались молодожены и шаферы. На Анненкова и его товарищей надели кандалы.

Молча наблюдали высыпавшие из церкви, как заковывали шаферов и жениха...

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ АННЕНКОВ ПРОЖИЛ С ПРАСКОВЬЕЙ ЕГОРОВНОЙ, ВЫРАСТИВШЕЙ ЕМУ ШЕСТЕРЫХ ДЕТЕЙ, БЕЗ МАЛОГО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ, ИЗ КОТОРЫХ ОКОЛО ТРИДЦАТИ — В ИЗГНАНИИ.

На волжских берегах, где раскинулся город со старинным новгородским кремлем, в Кресто-Воздвиженском монастыре похоронены: П. Е. Анненкова (1800—1876) и И. А. Анненков (1802—1878).

СУПРУГИ ВОЛКОНСКИЕ ПОЛУЧИЛИ ВЕСТЬ О СМЕРТИ СВОЕГО ПЕРВЕНЦА... ОНИ ОТБЫЛИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЕ ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАТИЛИСЬ В МАЛОРОССИЮ, ИМЕЯ ДВУХ ДЕТЕЙ. ОТМЕНУ КРЕПОСТНОГО ПРАВА ОНИ ВОСПРИНЯЛИ КАК ПОБЕДУ ДЕЛА ИХ ДРУЗЕЙ И СОБРАТЬЕВ.

На черниговщине, в украинском селе Вороньки, стоит памятник черного мрамора: Мария Николаевна Волконская (1805—1863), Сергей Григорьевич Волконский (1788—1865).

ИЗ 121 ЛИШЬ 19 ДЕКАБРИСТОВ ВЕРНУЛИСЬ В РОДНЫЕ КРАЯ. В ЧИСЛЕ ТЕХ, КОМУ НЕ ДОВОЛОСЬ ДОЖИТЬ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ, БЫЛА КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ. ОНА СКОНЧАЛАСЬ В ССЫЛКЕ ЗА ДВА ГОДА ДО АМНИСТИИ, ПОСЛЕДОВАВШЕЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦАРЯ НИКОЛАЯ.

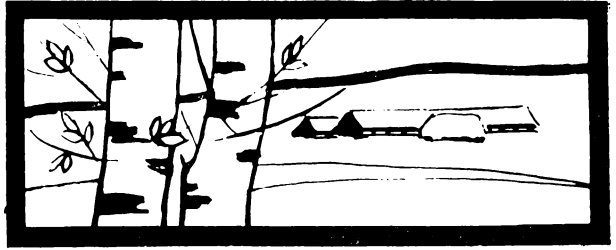
За оградой Знаменского монастыря в Иркутске покоится прах Екатерины Ивановны Трубецкой (1800—1855).

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ТРУБЕЦКОЙ ПОКИНУЛ ССЫЛКУ, ПОХОРОНИВ ЖЕНУ, ОСТАВИВШЮ ЕМУ ЧЕТВЕРЫХ ДЕТЕЙ. ОН СКОНЧАЛСЯ В МОСКВЕ ЗА ГОД ДО МАНИФЕСТА 1861 ГОДА.

В Москве, возле собора Ново-Девичьего монастыря, посреди зеленой лужайки возвышается черный мраморный, чуть покосившийся крест. Внизу золотые буквы: «Сергей Петрович Трубецкой (1790—1860). Блаженны алчущие и жаждущие правды...»

ПОКЛОНИТЕСЬ МЕСТАМ, ГДЕ СТРАДАЛИ ВО ИМЯ ГРЯДУЩЕГО, ГДЕ ЛЮБИЛИ, ПОСВЯЩАЛИ СЕБЯ БЛИЖНЕМУ ЛЮДИ, ОТ КОТОРЫХ, КАК ПИСАЛ ГЕРЦЕН, «ВСЕ МЫ СЧИТАЕМ НАШУ ГЕРОИЧЕСКУЮ ГЕНЕАЛОГИЮ».

Возле Невы, в Ленинграде, стоит небольшой мраморный обелиск. Он воздвигнут в память о пяти мучениках свободы — Рылееве, Пестеле, Каховском, Муравьеве-Апостоле, Бестужеве-Рюмине. Обелиск стоит на острове, носящем имя декабристов.

В. Кудрявцева

СЕСТРЫ

ВЕРА МАТВЕЕВНА КУДРЯВЦЕВА закончила педагогический институт в Новокузнецке и в течение нескольких лет преподавала литературу в средней школе. Первые ее литературные работы были опубликованы в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс» и в альманахе «Огни Кузбасса». В 1970 году В. Кудрявцева закончила заочное отделение сценарного факультета Всесоюзного государственного института кинематографии и работает редактором студии телевидения в Свердловске. На этой студии по литературным сценариям В. Кудрявцевой поставлены короткометражные ленты «Воробьишка», «Ветер и паруса», «Как зима пришла в лес».

Публикуемый в альманахе литературный киносценарий «Сестры» удостоен поощрительной премии на Всесоюзном конкурсе киносценариев о современном рабочем классе.

Если смотреть в окно поперек крыш домов, а еще лучше — выше сосен, может показаться, что там, за окном, лето: такое яркое, солнечное сегодня небо.

На полу, который нянька Тося не успела еще застелить ковром, янтарно отражается окно — теплый прямоугольничек. Встать, постоять бы сейчас на нем босиком. Но Маша не шевелится. Неохота.

И пол вымыла нянька Тося — так Маша с детства зовет свою старшую сестру. Сейчас тряпку прополощет. Потом ноги помоеет в том же тазике. Какие они у нее худющие! Ходит много, топчется день-деньской. И говорит, говорит, не умолкая. Они все, ее старшие сестры, — и Лида, и Шура, и нянька Тося, — как на дежурство, приходят к ней каждый день и говорят, говорят... Будто, если они замолчат, так сразу с ней, с Машей, что-то случится. А ведь все самое страшное уже случилось...

О чем это нянька? А-а! О том, как чуть артисткой не стала.

— Тогда самые модные песни из этого спектакля были. Все их пели. И в городе, и в деревне. Ну вот. Он играл Колю Курочкина, а я — главную героиню. Я всегда главных героинь играла...

Самое трудное для Маши — сдвинуть глаза с одной точки в небе. И все-таки сдвинула через силу.

— Нянька, — спросила, — зачем ты вымыла пол? Я бы сама...

— ...Ну вот, — продолжает сестра, словно не слышит ее. Она уже вытерла ноги, расстелила ковер, встала посредине его,

как на сцене, расставила в стороны мокрые руки. — ...Он поет. А шибко баско пел!

О тебе, моя черешня,
Ссорюсь я с приятелем,
Потому что климат здешний
На любовь влиятельный!

Голос у няньки низкий, красивый, сердечный.

— ...А я, значит, другого полюбила и на Курочкина — ноль внимания. Не по мне он, видишь ли, легкомыслен больно. Только и знает: «Федя, давай!» Это он дружку своему, гармонисту. Ну, Федя растягивает гармошку, конечно, а он, Курочкин, свое: «Без тебя, моя черешня...» Ох, матушки! На часах-то уж, гляди, обед! Давай-ка картошечки поджарим с лучком, любила ты ее маленькая-то... А там и на дойку нам с тобой скоро.

Антонида Степановна, по-семейному нянька Тося, говорит ли, поет ли, смеется ли, а сама нет-нет да посмотрит тревожно на младшую сестру. А потом переведет взгляд на портрет, что висит над Машей. Смеется с портрета муж Маши, Сереженька, любимый зятек.

Вздохнет Антонида Степановна украдкой, дальше рассказывает. А руки быстро все что-то делают: чистят картошку, крошат ее, газ зажигают.

— ...А я, значит, с другим-то, с любимым-то своим, пою эдак...

Тут Антонида Степановна в работе делает паузу, иначе не споешь с выражением:

На крыльчке моем
Каждый вечер вдвоём

Мы подолгу стоим
И расстаться
Не можем никак!

— Курочкин этот ко мне, а я — к другому...

И словно для себя одной неожиданно добавляет:

— На сцене-то так, а в жизни все наоборот повернулось...

Думала, не услышит Маша, все равно ведь в одну точку уставилась, и что сней делать, не придумать. Но Маша слышала. Только все, что ни делалось вокруг, что ни говорилось, как бы не касалось ее.

Почему сестры не оставляют ее одну на минуту? Нет у них других дел да забот?

Это она и сказала вслух:

— Нянька Тося, вы почему боитесь одну меня оставить? Хоть на один денечек! Хоть на один, а, нянька?

Но продолжала Антонида Степановна:

— Вот поехали мы с этим спектаклем на районный смотр...

Шипела на сковородке картошка. Теплый янтарный квадрат с пола передвинулся на диван, накрыл, будто лоскутным одеяльцем, поджатые Машины ноги.

— ...Сколько шуму было! Аплодисменты!.. Ну и нож у тебя, господи!

Достала брусок, точила ножик ловко, как точат литовки. Потом нарезала хлеба, прижимая булку к груди.

— Так некому наточить нож-то, — сказала Маша. — Хозяина нет.

Вздрыгнула от ее голоса Антонида Степановна, однако виду не подала, рассказывала:

— ...Ну посмотрели нас и на областной смотр живо. Приехали в область. Пели! Сами испугались: шибко уж себе понравились.

Антонида Степановна рассказывала, а все на сестру посматривала: не поймешь, слушает или о своем о чем-то думает.

— ...На мне было белое с оборочкой платье, белая фата. Успела невестой-то

побывать, хоть на сцене, — засмеялась белозубо Тося, да не очень весело.

— Я тоже... успела... — с расстановкой сказала Маша, и опять жутко стало от ее голоса Антониде Степановне.

— ...А был на этом смотре, в самой главной комиссии, руководитель народного хора. И высмотрел нас с Гриней. Сначала-то ухажера моего, Курочкина, неважнецкий паренек играл, да и пел так себе. Уехал потом, ты его не знаешь. А Грину да меня пригласили в конкурсе участвовать. Многих тогда из разных районов отобрали... Пришли мы, ждем своей очереди...

Уже накрыла между тем Антонида Степановна на стол. Стынет картошка.

Неподвижная сидит Маша.

— ...Спойте, говорят, свое любимое. Ну, Гриня как запоет! Так что люди во все двери стали заглядывать: кто это, мол, орет так? А он во всю головушку:

Всю-то я вселенную проехал,
Нигде милой не нашел!
Я в Росею возвратился...

— Носить-то, кроме гимнастерки, еще нечего было, хоть и шел уже сорок седьмой... Нет, однако, сорок восьмой уж год. И медали он не снимал, с гимнастерки-то. Поет, помню, а медали у него на груди: дзюнь-дзюнь. И такое, знаешь ли, Машенька, чувство во мне было: богатырь, ну как есть богатырь передо мной! А ведь и правда: всюю вселенную проехал. Еще верила, глупая, что про меня он поет, про милую-то слова начинались. А он поет, и все на меня: зыр-зыр! Потом сколь говорил: ты мне, мол, помогла глазищами своими синими... Да ты ешь, — спохватилась Антонида Степановна. — Соловья баснями не кормят.

Она подала Маше ломоть хлеба, тарелку с ароматной картошкой поставила ей на колени. Казалось, готова была с ложечки кормить сестренку — столько участия слышалось в ее голосе.

Маша жевала лениво и слушала

лениво, но Антонида Степановна старалась — видно было, что и самой ей вспоминать такое — всегда радость.

— И вот меня вызывают. И тоже — свое любимое спеть просят. Я, конечно, нашу семейную, мамонькину любимую завела. Все другие-то враз из головы вылетели!

Тут Антонида Степановна вытерла аккуратно ладошкой рот, отодвинула стакан с чаем, подперла голову рукой и завела. Да так, что редкое сердце могло не отозваться:

На берегу сидит девица,
Она шелками шьет платок,
Работа дивная такая,
А шелку ей недостает...

Замерла вилка в руках Маши.

— Между прочим, Машенька, — легко так прервалась Антонида Степановна, — песню эту нашу в кино одном поют. Уж забыла название, мудреное какое-то... Там солдаты молодые собрались, радуются концу войны, шумят. Ну и выпивают, конечно.

— «Был месяц май», нянька... — безразлично подсказывает Маша.

— ...А один, знаешь ли, Машенька, потихоньку сруны гитары пощипывает и поет: «На берегу сидит девица, она шелками шьет платок...» Как услышала, не поверишь, — комок к горлу. Конечно, кто этой песни не знает, может, и не приметил ее. А я так шибко жалела, что не всю спели. Времени, видно, мало дали на кино-то это...

— А ты спой мне, нянька, всю, — тихо попросила Маша.

Антонида Степановна на эту ее просьбу подалась вся вперед, обрадовалась, заторопилась:

И вот по морю парус вьется,
Скользя в сиянье ярком дня.
Купец любезный, нет ли шелку,
Совсем немного для меня...

И теперь смотрит Маша в окно, но глаза ее начинают различать что-то еще,

кроме крыш домов и сосновых макушек. Медленно, нехотя, но оттаивают глаза.

Ну как не быть, пойдем со мною,
Я все отдам тебе, краса,
Но только будь моей женою.
Корабль поднял паруса.

Прижимая ладошки к лицу, заплакала Маша обильными, облегчающими сердце слезами.

Антонида Степановна прижала ее голову к груди, прошептала про себя: «Слава тебе, господи, заплакала, родимая моя!»

— Я ведь выросла под эту песню, нянька, — говорила сквозь слезы Маша. — Вы пели, а я представляла: сижу на берегу нашей Сугатки, и ко мне плывет корабль... Пой, нянька, дальше, — попросила, как в детстве.

Нас три сестры: одна — графиня,
Другая — герцога жена.
А я, всех лучше и моложе,
Простой купчихой быть должна...

Вздрагивают плечи Маши...

Ах, не журися, дорогая,
Оставь печальные мечты.
Ведь не купчихою простою,
А королевой будешь ты.
Я много лет искал повсюду
Тебя, красавица моя.
И если хочешь знать ты, кто я,
Я — сын, наследник короля...

Успокоилась будто Маша, припав к теплой груди сестры.

— Уснула никак?

Нет, не уснула!

— Нянька, почему я не поехала с ним вместе тогда? Почему? Ведь он звал меня! Нянька! Ведь выходная я была... Нянька! Как тяжело! Будто не хотел меня оставлять одну! Лучше бы я с ним тогда разбилась! Нянька! — плакала, причитала по-бабьи Маша.

Антонида Степановна, гладила ее плечи, голову, приговаривала:

— Поплачь, поплачь, родимая наша! Давно бы так, поплачь...

Без стука забежала в дом черноглазая, черноволосая, не похожая на остальных сестер Шура. Не успела рта открыть, жестом остановила ее Антонида Степановна: не мешай, мол.

Шура торопливо захлопнула дверь. Бежала по хрустящим ледяным корочкам (март начал пригревать), не замечая усталости. Путь ее был к дому четвертой сестры.

— Лида! Лида! — едва открыв дверь, поторопилась обрадовать сестру. — Маша заплакала! Прихожу, а она уткнулась няньке в кофту и плачет, в голос ревет! А нянька знай себе песню нашинскую мурлычет, будто убаюкивает...

Шура высказала все это одним духом и села на первый попавшийся стул.

— Ох, слава богу! — как и Антонида Степановна, вздохнула Лида. — Теперь отойдет понемногу, раз заплакала.

За столом сидели трое девочек — все погодки. Светлоголовые, светлоглазые, понимали, о чем речь, ждали тихонько, когда мама дальше диктовать станет, — занимались грамматикой.

— Появились первые проталины... — вспомнила о дочерях Лида. — Ну да хватит на сегодня, поиграйте. Катюшку возьмите, — протянула им девочку лет двух, такую же светлоголовую.

— Дай я с ней маленько понывчусь. — Шура торопливо сбросила пальтишко.

— Погоди, потом, — тяжело поднялась Лидия: ждала пятого ребенка. — Помогите мне сначала, ковер в детской убрать надо. А то вот-вот уже на курорт-то мне... А ребятишки выпачкают, потом не дочистишься.

В детской вдоль всех стен стояли одинаковые, аккуратно застеленные одинаковыми покрывалами кровати. Возле каждой, как в детском садике, — небольшие столики. На одних громоздились игрушки, на других — книги. Книжки, впрочем, лежали всюду: на стульях, на подоконниках, на стеллаже в углу.

— Виктору все некогда. Придет устав-

ший, а тут еще дома вся работа на нем. — Лида смотрела, как Шура ловко скатывает ковер, переставляя с места на место столики, стулечки. Сама не наклонялась — тяжело.

Потом Шура на улице так же проворно выколачивала ковер. Лида стояла, смотрела, и обе радовались одному и тому же:

— Я уж боялась, как бы она руки на себя не наложила: ведь уже целый месяц, с самых похорон, ни слезинки. Закаменела вся.

— Ну! — откликнулась Шура, не переставая колотить по ковру. — Коровы и те стали ее пугаться, надою даже упали! Теперь начнет помаленьку оживать. Забыть, конечно, не забудет, а жить-то надо!

— А-а-ах! А-а-х! А-а-ах! — весело и гулко покрикивало в просторном дворе эхо от ударов по ковру.

Лида стояла на крылечке, пальто нараспашку — не сходилось уже на тугом животе, смотрела на оттаившее мартовское небо. Покойно смотрела. Не устало, а покойно. Может быть, мудро. Радовались свободе впервые выпущенные на солнышко куры.

Пол в детской застелили шерстяными, в полоску, половиками. Катюшка поползла по ним, изучая: ведь что-то новое!

Шура поймала ее, подбросила под потолок, потом прижала нежно. Затеплились чем-то забытым глаза.

— Детей тебе еще надо, Шура, — посоветовала Лида, устраиваясь с вязаньем в кресле, — один ребенок — не ребенок...

— А как я хочу маленького, Лидуша! — призналась Шура. — И Галинка все говорит: купите мне сестричку! Дак с моим разве об этом думы?

— Ну как он там? Что пишет? — встрепенулась Лида.

— А ничего и не пишет. Молчит. Опять, видно, дом там строит. Хитрован! Постро-

ит, потом никуда не денешься, ехать надо. Вот уродился на мою голову, бродяга! Дома всю жизнь, как на вокзале живу. Все на узлах! Надоело!

— А все же уважаю я его, Шура,— степенно заметила Лида,— что сам он дома эти строит. Не готовые покупает, а сам, своими руками...

— Сам строит, сам продает,— подбрасывая Катюшку, засмеялась Шура.— И потом, Лида, для себя ведь он только старается, а мы ведь не такие! За двенадцать лет жизни с ним где мы только не жили! На станции Зима жила твоя тетка? — обращаясь к Катюшке, говорила Шура.— Жила! Сбежала? Сбежала! В городе Фрунзе жила твоя тетка? Жила! И оттуда мы сбежали, скажи! Из Молдавии твой дядька непутевый сам уехал! Я уж не считаю его родины. Теперь Кубань. Да что я, цыганка какая?

— Цыганка и есть,— усмехнулась Лида.— В кого ты у нас такая? Никого будто в родове нашей чернявого не было.

— А ты знаешь, Лида, поняла ведь я, чего он по свету мотается: не может он переносить, как меня по работе хвалить начинают. Как только мне какой почет, он сразу и закуражится. А я ведь плохо-то не умею работать.— И похвалила мужа: — Гордый! Только я гордею! Вздумает опять с места трогать — разведусь, а не поеду!

— Ну-ну! Ты говори, да не заговаривайся! — приструнила сестру Лидия.

— Побежала я,— спохватилась Шура.— Я ведь на минутку и вырвалась только. Тебя да Машу проведать. Домой и не успею заглянуть. Ох, у нас такое творится с этой механизацией! Побежала!

— Пстой-пстой! — отложила вязанье Лида.— Что творится? Договаривай!

— Да так, чепуха! Ничего, правда, ничего! Ну ладно, вечером забегу! Ох, как я рада, что хоть Маша-то заплакала,— тараторила Шура уже в снях.

И исчезла, мелькнула молнией мимо окон.

А Лида стояла встревоженная, опустив на живот руки.

Разговаривали вполголоса девочки. Теребила за подол маму Катюшка.

Приземистые краснобокие строения молочной фермы раскинулись километрах в двух от центральной усадьбы совхоза, на опушке березовой рощи, с которой и начинался уже настоящий сосновый да еловый лес с темноватой пугающей глушью, притаившейся за первыми же стволами деревьев.

Лида шла торопливо, но осторожно, чутко выбирая ногой надежное, несколькокое место, то и дело одергивая полы пальто, едва закрывающие живот.

Еще издали услышала она непрерывное голодное мычание коров, доносящееся из самого дальнего, пока единственно занятого животными корпуса.

Когда просят о помощи сразу треста коров,— это страшно. Лида приостановилась было растерянно, не зная, что и подумать, и заторопилась дальше. Подойдя ближе, увидела: мужики — и кормачи, и механики, и даже парторг с самим директором — выдирали двойные рамы, передавали друг другу, осторожно ставили рядами у стены.

Несколько тракторов везли к окнам фермы корм — соломенную резку, силос.

Мужики вилами начали перебрасывать корм с тележек в окна. А там женщины охалками раскладывали корм по кормушкам.

Лиде было не странно видеть Константина Ивановича, парторга, с вилами в руках: Константин, хоть и много учился, и даже в столице, а вырос здесь. И родители его с самого основания совхоза живут здесь безвыездно. Всю крестьянскую работу поэтому Константин умел делать спорно и красиво. А вот Аркадий Евгеньевич, директор совхоза, больше суетился. Силос с его вид сваливался прежде, чем он успевал донести его до окна.

Голодное мычание коров постепенно затихало.

Женщины работали молча. Видно, выкричались раньше, пока не пришло кому-то в голову выставить рамы.

Лида стояла у двери корпуса, глазами отыскивая своих коров. Внутрь входить не решалась: узкий проход между стойлами был занят кормораздаточным транспортером. Он бездействовал. Потому-то и приходилось сейчас кормить коров вот таким способом — через окна. Злость разгоралась в Лидиных глазах, заставляла крепче сжимать губы.

Шура первая из сестер заметила Лиду, испугалась:

— Ты что, сдурела? Зачем пришла-то?!.. — И давай на себя кричать: — Вот дура я длинноязыкая! Вот ботало-то, а не язык! Вот кого бить-то надо, да некому!

Женщины словно только ждали такого заповалу, опять загалдели:

— Механизация называется!

— Сутками дома не бываем!

— Не поймешь, кто мы теперь? Доярки? Поярки? Кормачи?

— Или рвачи! — засмеялся кто-то.

— Подумать только, — тихонько, с болью в глазах проговорила сестре Антонида Степановна, — нынче еще не кормлены! И главное дело, ни зайти, ни заехать с кормом-то. Спасибо Косте, Константину Иванычу, — поправились она быстро, — надумил рамы выставить...

— Так и будем: рамы выставять да вставлять — спасибо Константину Иванычу! — передразнила сестру Шура.

Лида зло молчала.

Маша не вступала в разговор, протягивала и протягивала молча коровам кусочки хлеба, припасенные в карманах, и смотрела, как они, насытившись, нажимают привычно мягкими резиновыми губами в дно поилок, пьют, довольные.

Волю языкам дали женщины потом, когда всех их — и доярок, и скотников, и кормачей — собрали в красном уголке фермы.

Говорили «красный уголок» по привычке. На самом деле это был светлый уютный зал. С трибуной и столом из полированного дерева, с рядами таких же стульев, с горшками цветов в кашпо, с плакатами, стендами для брошюр и боевых листов, с графином и стаканом для выступающих.

Константин Иванович постучал по графину карандашом, призывая к порядку.

— Товарищи, — сказал он устало, — вышел из строя кормораздаточный транспортер....

— А мы не знаем! — сразу бесцеремонно откликнулось несколько голосов. — Объяснил!

— Не успели пустить — уже готово дело!

Константин Иванович терпеливо переждал волну шума, продолжил:

— А так как в помещении для коров проход узкий...

Константин Иванович имел обыкновение говорить обстоятельно, не торопясь, как в аудитории студентов.

— Да знаем мы все, Константин Иванович! Ты лучше скажи, что делать будем? — не выдержали опять в зале.

Нервно жевал соломинку директор, хмурился, думал.

— Что делать? Вот мы и собрались, чтобы посоветоваться.

— Посоветоваться? — опять взвился кто-то. — А когда проекты составляли, советовались? Почему проход заузили? Экономили?

Встал директор:

— Проект готовился специалистами из областного проектного института, не доверять им у нас не было оснований.

— Да видать, какие специалисты! На ферме-то ни разу не бывали! Напрядумывали, а мы — расхлебывай!

— Не знаем, кто мы теперь? — опять не дали договорить директору. — Доярки? Кормачи ли? Домой некогда сбежать!

Константин Иванович морщился от их выкриков, будто самый виноватый.

— Ну вот что, товарищи животноводы! — прихлопнул директор ладонью по столу. — Строительство таких комплексов — дело новое, особенно у нас в области. Определенные издержки неизбежны. Тем более, — не без гордости добавил он, — мы первые в области должны открыть настоящую, механизированную полностью фабрику молока...

— Начали открывать, да открыть не можем!

Не так-то легко было успокоить доярок. Но директор невозмутимо продолжал:

— Проблем встает и будет вставать немало! Среди них — обеспечение комплекса оборудованием, безотказно работающим... Вот!

Присмирили наконец женщины. Раз сам директор так уговаривает, стало быть, не так все просто.

— Сейчас мы пока одну секцию пусти-ли, на триста голов из тысячи, — продолжал директор. — Можно сказать, идет эксперимент...

— Ничего себе экс... эск... — попыталась выговорить Шура, махнула рукой.

— Сначала акт сдачи подписываем, потом экспериментируем, — не удержалась Лида.

«И ты здесь?» — удивленно вскинул глаза парторг.

Директор метнул в ее сторону настороженный взгляд, ничего ей не ответил, продолжал:

— А мы вас просим, несмотря ни на что, постараться, чтобы не упали надои... Несмотря ни на что! Вышел из строя транспортер из кормоцеха, но все остальные технологические операции в кормоцехе могут проходить нормально. Мы вас просим...

Аркадий Евгеньевич не договорил — к столу, волнуясь, вышла Антонида Степановна. Прижимая руки к груди, заговорила:

— Я, конечно, говорить-то не шибко!.. Спеть разве что, так спела бы...

— Давай, Тося, самое время! — съехидничал кто-то.

— Избаловали нас, шибко избаловали, бабы... Сидела я счас, слушала, как Аркадий Евгеньевич нас упрашивал, мамоньку вспомнила...

— В годах ведь уж Тося, а кака все же красавица! — шушукались женщины в зале.

— Красива, да не больно счастлива...

— ...В сорок втором это было, — продолжала Антонида Степановна. — Помню, урави-лась я по дому маленько, побежала на ферму помогчи мамоньке. Тогда ведь все доярка одна делала: и доила, и поила, и кормила. А каки фермы были в те поры, тоже помните... Вот прибежала... Коровы ревут, приглядительно, как сегодня... Где мамонька? Гляжу: она из силосной ямы вылезает — а было время об эту пору, к весне, когда с кормами-то совсем нeвозмо-гу становилось. Вот вылезает из ямы по лесенке. А в руках-то у нее по ведру да в зубах мешок с силосом. Наскребла с боков ямы кое-как... В зубах, ей-богу, не вру!

Смахнула Антонида Степановна непрощенную слезу, продолжала в притихшем зале:

— Вот поставила мамонька все это на снег, отдышалась маленько да и говорит: «Тоська, говорит, придет, говорит, время — на кнопки только нажимать будете. И коров доить-поить через эти кнопки станете. Я, говорит, не доживу до тех времен, а ты успеешь еще, понажимаешь. Дак ты, говорит, Тоська, не забудь, как мать в зубах мешки с трухой коровам таскала...» На всюю жизнь запомнились мне слова эти мамонькины...

Ничего больше не сказала Антонида Степановна, села на свое место.

К столу Шура выскочила.

— Ну, сестры Петровы косяком пошли, — зашущукались опять женщины.

— Они так: куда одна, туда и все!

— Агитировали нас тут счас руководи-

тели наши: мол, проявите сознательность, поработайте на совесть... А нас агитировать не надо,— строчила Шура,— меня так уж точно!

— Порезе маленько, Шурка! — засмеялся кто-то в зале.— Торопыга!

— Да не умею я порезе-то,— прострочила в ответ Шура.— Вот кто из совхоза нашего никуда не уезжал, тот, может, того и не чувствует, чего я чувствую.

Усмехались в зале: мол, знаем, про что сейчас запоешь.

— Слава богу, поехала я со своим разлюбленным по белу свету. Вот жили мы в одном колхозе. Ничего не скажу: хорошо работают там люди. И живут не хуже нас. А разница все же есть. Мы как? Надо — все бросаешь, бежишь на работу. Дома — хоть трава не расти! Так? А в колхозе том иногда и такое бывало: стучит бригадир в окошко утром, Настасья, там, Дарья, в поле пора! А Настасья или Дарья в ответ: «Не поеду нынче! Мне-ка шерсть бить надо на пимы!»

Смеются в зале, смеются в президиуме.

— ...Горжусь я тем, что рабочая! И куда бы он меня, мой разлюбленный, ни увез, уж такая везде и останусь. А почему? Да потому что в совхозе нашем выросла. Вот с таких лет поняла: перво дело — производство. А вы агитировать! — повернулась она к столу.

Шуру, как и предполагали женщины, Лида сменила. Вышла степенная, величаво-важная. Начала:

— Моя сестра Шура очень хорошо про рабочую нашу гордость говорила...

— Эта скажет, только держись! — зашептались в зале.

— Ох и грамотейка! И когда успеvat читать-то? Дети ведь!

— И войну нам, Тося, правильно, не забыть. А только скажу я вам, Аркадий Евгеньевич да Константин Иванович, кормить коров через окна — это все равно безобразие и не государственный подход к делу!

— Ты не волнуйся, Лида, нельзя тебе,— позаботился Константин Иванович.

— Ничего! Пускай привыкает!

Всколыхнулся опять зал.

— Конечно! Наши бабы вывезут! Но вот я вспоминаю то партбюро, когда мы проект этот обсуждали. Тогда все размечтались, распылялись. А я, помню, ночь перед этим не спала, все книжонки и журналы перерыла и нигде такое не видела, чтобы из кормоцеха прямо в коровник шел транспортер. Значит, новое, подумала, прогресс! А вот про то, что заузили проход, не подумала — стало быть, и я виновата! И директор!

— Истинно, истинно,— кивали головами женщины.

— А где младшая-то?..— шептались.— Не до выступления ей...

Неприятно директору, да деваться некуда. Склонил упрямую голову, слушает.

— А ты, Константин, верно, сидел да стишки на том бюро сочинял? И тоже проглядел...

Заулыбались в зале, заоглядывались на «Боевой листок», исписанный короткими строчками.

— Ты не думай, Костя, я не в осуждение,— продолжала Лида.— Стишки твои нам по душе, хоть, правда, иногда и прочитать-то их некогда. А все же приятно: не погнушался человек, да еще парторг, «Боевой листок» в стихах составлять. Вон Дуся, так та стишки твои даже в тетрадочку переписывает, на зубок учит!..

Ну, Лида! Теперь не будет Дусе ходу: уже хихикают, стреляют в нее глазами.

— ...В общем, в принятии такого важного для нас проекта мы все оказались...

Лидия Степановна вдруг охнула тоненько, виновато оглядела всех, схватилась за живот и как-то вся выиг осела, улыбнулась по-детски жалобно.

Женщины сразу окружили ее, засуетились.

— Володя! — закричал растерянно Константин Иванович, выбегая во двор.

Появился шофер Володя. Аркадий Евгеньевич под руки осторожно вывел Лидию.

— За Виктором бы надо! — вспомнил кто-то.

— Не надо, пускай не тревожится, Володя довезет, — слабо проговорила Лида и вспомнила: — Маша-то где же?

Шура и Антонида Степановна уже устроились рядом с сестрой, по обе стороны.

В несколько голосов закричали доярки: — Ма-ша! Ма-а-аша!

Маша прибежала, без пальто, похожая в белом халате на медсестру.

— Здравствуй, Маша, — тихононько сказал Володя. Но главное сказали его глаза. В такой обстановке это было совсем некстати. Да и всегда-то он, Володя, был в ее жизни некстати. Но что он мог сделать, если не могли быть неискренними его глаза.

Маша не услышала его, не заметила. Стояла перед открытой дверцей машины бледненькая, несчастная, смотрела на сестру, страдая вместе с ней.

— Машенька, — через силу улыбнулась Лида.

— Торопись, — шепнул Володе Константин Иванович.

Машина тронулась.

Женщины потянулись к ферме.

Константин Иванович с непокрытой головой стоял и смотрел вслед машине, улыбаясь задумчиво. Увидел Машу, и к корпусу они пошли вместе.

— Машенька, вот какое дело, — Константин Иванович боялся разбередить ее, в то же время знал, чувствовал, что должен сказать что-то такое, отчего ей стало бы легче. — Зоотехники нам очень нужны, девочка.

— Нет, Константин Иванович, не пойду, — резковато ответила Маша и тотчас пожалела: нельзя с ним так. Добавила мяг-

че: — Нравится мне просто дояркой. Перебыла все. Да и характер не тот. Не смогу руководить... Особенно теперь...

И побежала от него, чтобы не увидел наворачнувшихся слез.

Теперь ей вслед смотрел Константин Иванович, думая о ее судьбе.

Сгустились за окном директорского кабинета сиреневые мартовские сумерки.

Аркадий Евгеньевич и Константин Иванович, похоже, не собирались расходиться по домам. Сидели в накуренной комнате озабоченные, утомленные нелегким днем. Говорили все о том же — о неполадках первой секции будущего комплекса.

— Есть и еще просчеты. Пока не поздно, надо переделать. К примеру, мощность кормоцеха достаточна? — спрашивал сам себя директор.

— Да, мощность, — эхом откликнулся Константин Иванович.

— Сколько надо, к примеру, соломенной резки, когда пустим все секции комплекса? — продолжал директор. — Центнеров восемьдесят в сутки.

— Да, около того, — опять откликнулся парторг.

— А производительность установки всего сорок центнеров! Мало! Три зарода в сутки перемолоть надо! Значит, первое: нужна еще одна установка. Второе: нет дозатора. Ведь рацион-то нужен разный! Что? На глазок — дело не пойдет!

Константин Иванович молчал, опустив голову, будто он один был виноват во всех этих просчетах.

— Но обойдется все это нам чуть не вдвое дороже, — сокрушенно сказал директор.

— Да, — вздохнул Константин Иванович, — дорогонький эксперимент!

— И ты! — взбеленился директор. — Делось вам это слово — эксперимент! Сказать ничего нельзя...

И успокоился так же быстро, сказал устало:

— Да, дорого. И все же, несмотря ни на что, выгодно во всех смыслах: и в смысле экономики, и вообще... Выше голову! Придумаем что-нибудь. Проектировщиков вызовем...

Директор прошелся по кабинету, усмехнулся:

— Как она нас сегодня, а? Ох и бойка! Сестрички-то ее попроще... Хорошие бабы!

— Хотя бы все у нее обошлось,— вздохнул Константин Иванович.— Да с Машей надо что-то придумать. Сменить бы ей обстановку.

Директор ходил по кабинету, и непонятно было, слушает он парторга или о своем думает.

— Она ведь техникум кончила,— продолжал Константин Иванович.— Предложил перейти по специальности — не хочет. Вот думаю, может, в институт бы ее... У тебя нет никого в институте, чтобы повнимательней к ней, без лишней травмы?

— Эх, поэт, поэт! — остановился перед ним директор.— Мне бы твои заботы!

И в последующие дни не заработал кормораздаточный транспортер. Чертыхаясь, женщины все носили и носили в коровник охапки сена и силоса. Подавали в окна.

— Девчата! — сверкнула глазами Антонида Степановна.— Что я придумала! Санки надо приспособить для этого. Кто его знает, сколько еще они провозятся!

— И верно! — поддержали женщины.— Чем так-то толкаться!

— Я сейчас это дело спроворю! — пообещала Шура и ловко запрыгала через трубы и перегородки к выходу.

А пока она бежит, улучили женщины минуту отдохнуть. Развязывали платки, вытряхивали из них солому.

Скакал казак через долину,
Через манчжурские края! —

завела было одна из доярок, да никто не подхватил, не откликнулся.

— Эту, Зинша, надо на просторе петь,— объяснила, почему угасла песня, Антонида Степановна.— Высоко да широко. А здесь — что подушечней, поласковей.

И тихонько, вполголоса, свою предложила:

Нипто в по-о-о-о-люшке...
Не ко-лы-ы-ы-шется,—

сразу подхватили песню остальные.

То-олько гру-у-у-устный напев
Где-то слы-ы-ы-шится...

— Галочка! — говорила тем временем по телефону в красном уголке Шура.— Санки! На которых с горки катаешься! Штук десять! И к ферме! Живо!

Ослепительно сверкали под голубым мартовским небом заснеженные пригорки. Звонкоголосо бежали ребятишки гуськом по дорожке, что вела к ферме, тянули за собой состав санок. То с горки прокатятся, то друг дружку наперегонки везут.

С помощью детских санок, которые свободно проходили между стойлами, дело пошло скорее, и повеселели лица женщин:

— Может, вырвемся перед дойкой домой на часок!

— Теперь ни к чему нам и механизация!

— Ну, трогай, Саврасушко, трогай! Натягивай крепче гужи!

— Это чье же предложение? — появился в коровнике щеголеватый, весь подтянутый, с фотоаппаратом через плечо, заведующий клубом Елисей Николаевич.

— А-а, сатира пожаловала да юмор! — балагурили доярки.

— Юмора!

— Давай, Елисей Николаевич, впрягай-ся-ко лучше!

— Ты слушай, Николаич,— зашептала ему на ухо Антонида Степановна, догадавшись, зачем он пожаловал.— Не снимай уж это,— показала глазами на обоз санок, груженный сеном.— Никто ведь не виноватый. А директор-то, может, пуще нас с тобой переживает. А ты лучшеними-ко нас, редко ведь все-то вместе робим.

Во дворе прихорашивались, одергивали халаты, вынимали друг у друга соломинки из волос, облизывали губы на ветру, чтоб поярче были.

Елисей Николаевич примерялся долго: то много свету, то мало; то фон не тот, то тени на лицах.

— А Маша-то! — спохватились сестры.— Ма-а-ша!

— К нам, Маша!

— К нам!

Поколебавшись, Маша шагнула к сестрам. Те обняли ее, замерли.

Щелкнул наконец фотоаппарат. Еще раз для верности, и еще.

К Елисею Николаевичу подошла пожилая Сергеевна, потянула за рукав:

— Ты, Николаич, снял бы меня одну. К фотографу-то некогда, а мне вот как надо дочке в город послать. Пришли, просит, мол, стосковалась...

И заплакала, торопливо смахивая тыльной стороной ладони слезы с морщинок.

— Пожалуйста, Сергеевна!— с готовностью откликнулся Елисей Николаевич.— В чем дело!

— Да нет, Николаич,— застеснялась Сергеевна.— Ты меня тама, в коровнике. Чтобы стеклянные трубочки доильников было видно. Хочу, чтоб, как мы теперь робим, было видно.

— Да там свету мало, Сергеевна!

— Ну ии ладно и здесь...

И заволновалась, как бы получше сняться. Долго искала рукам применение.

За спину? Неладно. По швам? Ровно солдат.

Кто-то догадался доильный аппарат привести. Сразу легче стало, привычней.

Замерла на фоне новых строений строящаяся, до слез простая и этим красивая Сергеевна. Напряженно, боясь моргнуть, чтобы все дело не испортить, всматривалась в глазок фотоаппарата.

Виктор, муж Лиды, большой, с огромными руками, возился в мастерской со своим трактором: подготовка к посевной была в разгаре. Один за другим появлялись трактористы. Проходя мимо Виктора, останавливались, спрашивали:

— Ну, с кем поздравить?

— Да не с кем еще,— всем одинаково отвечал Виктор.

— Опять Антона ждешь? — засмеялся сосед.

— Его.

— В прошлый-то раз получился сын Катерина, кажись?

— Катерина,— крепко закручивал Виктор гайки большими, в ссадинах, руками.

Замолчали вдруг в мастерской, перестали работать. Виктора словно что-то толкнуло изнутри: поднял голову.

В проеме дверей стояли все три сестры. Машинально вытер тряпкой руки, шагнул к ним, как в омут.

— Не пугайся, Виктор,— успела вперед других Шура.

— Кесаря будут делать,— прошептала Антонида Степановна, да так, что все в мастерской услышали.

И кто-то из трактористов вздохнул:

— Беда не приходит одна...

— Поеду! — рванулся к выходу Виктор.

— Да не пуцают к ней, не пуцают! — остановили его сестры.— Потерпи как-нибудь до завтра.

— Ребятишек-то ко мне приведи,— сказала Антонида Степановна.

— Зачем? — не понял Виктор.

Потом он опять работал. Вернее, руки работали, а самого его вроде здесь и не было. Сосед посматривал на него тревожно, неумело успокаивал:

— Ты, это, не шибко... Кесаря часто делают. И ничего. Вон Вальку знаешь Санькину? Тоже кесаря делали...

Вечером Виктор до самых густых сумерек выгребал снег со двора. Так работал, что ходуном ходили лопатки под взмокшей рубахой. Из-под надвинутой на лоб шапки стекали капельки пота.

Там, где лопате было неважно, брал кайло, с силой долбил спрессованный, толстый слой льда. До самой земли долбил, пока не показывалась осенняя трава.

Мертво смотрели на него неосвещенные окна дома — Антонида Степановна увелатаки девочек.

Словно боясь этих окон, этого, ставшего вдруг нежилым, дома, Виктор что есть мочи махал и махал лопатой...

Лиду разрешили навесить в один из самых хмурых мартовских дней.

Сестры и Виктор торопливо облачились в халаты.

— Кто-то один,— приказал врач.

Виктор, боясь, что сестры опередят его, разгреб их огромными руками, рванул дверь палаты.

Лида лежала одна, слабо улыбалась мужу, говорила тихонько:

— Ты не расстраивайся, Витя, вот поправлюсь маленько и все равно принесу тебе сына...

В две погибели согнулся перед ней на низком для него стуле Виктор, молча тискал бледную руку жены.

— Только бы успеть, а то ведь много

лет-то уже мне...— будто оправдывалась она.— Порода, верно, такая, петровская. Сильно в нас бабье семя. И у мамоньки все девочки были, и у Шуры девочка... Да и у бабоньки ведь тоже. И у меня вот видишь...

Виктор перебирал податливые пальцы жены в своих огромных ручищах.

Маша ловко и споро подключила доильные аппараты: один, второй, третий, четвертый. И пока сосали они вымя коров, улучала свободную минуту, подбегала к стельной корове, гладила вздутые бока, кормила лакомыми кусочками, ворковала:

— Зоренька, хорошая моя! Ешь, ешь! Скоро у тебя будет теленок маленький, хорошенький!

И глаза ее светились тихой радостью.

После дойки Маша вышла за ворота фермы и остановилась вдруг, словно впервые сообразила, что ведь март это, март, весна на дворе. Она увидела снега, разрисованные пепельными тенями, прозрачные дали...

И пошла от села к этим далям. Не по дороге пошла, а рядом, по едва приметной тропинке.

Март старался изо всех сил. Он словно давно ждал человека, истосковавшегося по голубому безмолвию и способного поэтому оценить все его достоинства. Ждал и приберегал для него самые свежие краски.

Маша шла, замечала: каждый кустик, каждая малая былинка отбрасывали тени на снежное полотно, словно узоры по нему ткали. А деревья?! Сосны клали тени линиями. Березки-кружевницы рассыпали по снегу нежную вязь. Прилежно учились у них светлобокые осинки. И только неумехи-ели стояли в стороне, чопорные, в застегнутых до пола шубах.

За леском открывалось поле. Припорошенные снегом, угрюмо усталились в зем-

лю стога соломы, будто огромные белолобые быки — привязали их, и они сердятся.

А за этим полем в синей дымке едва-едва просматривался небольшой районный городок. Туда-то и шла Маша, умиротворенная, растроганная услужливым мартом. Шла, не торопясь, и не сразу услышала шум догнавшей ее машины.

Обернулась, остановилась.

Из машины высунулся Володя, обрадовался: не ожидал увидеть ее такой, приветливой, успокоенной. Заторопился открыть дверцу, промахнулся мимо ручки, чуть в снег не опрокинулся.

— Маша! Садись! Ты, наверно, к Лидии Степановне? В больницу?

И опять слишком откровенными были его глаза.

— Спасибо, Володечка,— сказала Маша, как могла бы ему сказать женщина много старше его.— Я хочу пешком, Володечка, не обижайся.

И пошла дальше, оставляя его в этом голубом безмолвии.

Володя долго курил, поглядывая, как удаляется легкая фигурка, растворяясь в нестерпимом сиянии снегов. Потом резко хлопнул дверцей.

Машина развернулась круто, рванулась так, что казалось, вот-вот взлетит с вытравленной клочками дороги.

Лидя сразу заметила перемену в сестре. Но не спрашивала, ждала, когда сама расскажет. Маша переплетала сестре косы — разрешили ей уже сидеть — рассказывала:

— В лесу-то как хорошо, Лидуша! Пешком я шла... А в кормоцехе одно наладят, другое что-нибудь из строя выйдет... А как дочку назывете, Лидуша?

— Да придется, небось, конкурс объявлять на имя-то. Все вроде уж у нас есть, какие только знаем,— засмеялась сестра.

— Лидуша,— вспыхнула Маша, смутилась,— не называйте Олей...

Лидя недоуменно ждала.

— ...Лидуша,— совсем тихо, почти шепотом, созналась Маша,— мне кажется, я... А у нас всегда девочки были. И у мамы. И у Шуры. И у тебя. Может, и у меня... Сережа так хотел Олей...

— Машенька! — поняла, наконец, Лидя.— Радость-то какая!

— Лидуша,— шептала Маша,— поверь, мне больше ничего не надо, только бы его кровиночка со мной осталась...

— Теперь тебе побережь себя надо, теперь волноваться тебе, Машенька, ни-ни...

И, обнявшись, плакали обе от радости.

В один из этих, уже не зимних и еще не совсем весенних дней и получила, наконец, Шура весточку от своего неугомонного мужа. Телеграмму принесла прямо на ферму дочка Галя. Женщины только что закончили дойку, промывали аппараты под кранами, с удовольствием плескались теплой водой, перекликались:

— Говорят, клуб-то новый еще не успели открыть, а уж под контору порешили отдать...

— Кто сказал?

Та, что начала разговор, подмигнула: мол, подожди, посмотрим, что еще будет! И опять к Антонида Степановне:

— Слышала, Тося, нет? Клуб-то новый под контору...

— Правду говоришь, Зинша? — строго спросила Антонида Степановна.

— Точно! Сама в сельсовете даве слышала.

А уж заулыбались вокруг доярки, подзревая розыгрыш.

— Ну, я им сейчас пойду все выскажу! — разгневалась Антонида Степановна.— Я им скажу! Сколь годов ждем клуба нового! Контору!..

— Да разыгрывает тебя Зинша! Не видишь ли, чо ли? — смеялась вместе со всеми Шура.

В это время и подросла дочка с телеграммой.

— От папы! — сообщила радостно.

Шура развернула телеграмму, дрогнули губы. Притихли товарки. Кто из любопытства, кто из сочувствия.

— Что там? — боялась ответа Антонида Степановна.

— Да все то же, — будто устала сразу Шура, погасла.

Подошла Маша, обняла за плечи.

«— ...Выезжайте срочно, — разбирала телеграмму Антонида Степановна. — Дом готовый. Здесь уже садят огороды...»

— Ну и чего ты? — вскинулась на Шуру Зинша. — Мужик зовет! Другую не завел? Не завел. Тебя, дуру, зовет, а ты кочевряжишься, как кака-нибудь мадемуазель!

— Не мадемуазель, а мадам, — робко поправила Зиншу десятилетняя Галя и строго посмотрела на нее.

Все засмеялись. И Шура тоже. Потом спросила себя невесело:

— Ну, мадам, что будем делать?

Шура действительно жила по-походному. В небольшой совхозной квартире было все только самое необходимое. Скромную обстановку скрапивали простиральные до голубизны салфетки, скатерти, pokrивала.

Сестры сидели кто на кровати, кто на сундуке. Виктор на порог пристроился, вытянул неловко большие ноги. Ютилась в уголке за столом Галя, смотрела на всех печальными глазами, слушала. Разговор шел давно.

— Ну не знаю, — с сердцем говорила Антонида Степановна. — Ты, конечно, сама уже, слава богу, не маленькая, можешь и своим умом жить. А только вот тебе мой последний сказ: муж зовет, не дядя чугой, — должна ехать.

Шура, видимо, уже все сказала, молчала, хмурилась.

— Мамонька наказывала всем по-путевому жить. А как я вам заместо матери...

Не договорила Антонида Степановна, Шура взвилась:

— По-путевому! Да разве я-то не хочу по-путевому? Вы в мое-то положение войдите! Здесь мой дом! Наездилась, хватит! Вон и Галинка не хочет!

— Я хочу жить здесь, только чтобы с мамой и папой! И с классом своим... — откликнулась Галя.

— Ты-то что молчишь? — накинулась на зятя Антонида Степановна.

Виктор пожал плечами, мол, чужая семья — потемки.

— Лиды нет! — пожаловалась Шура.

— Лиды нет? — наступала Антонида Степановна. — Лида тебе вечер то же самое сказала. Для нее семья — святое дело!

Неожиданно заплакала Маша. Жалобно, по-детски.

— Ты что, Машенька? — кинулась к ней Шура.

— Если бы... если бы... был жив Сережа! На край света бы.. Куда глаза глядят, только бы с ним!

Может, это и решило дело.

На другой день Шура передавала свою группу в пятьдесят коров молоденькой робкой девушке.

Решив ехать, Шура опять ожила, строчила без умолку, подводя девушку то к одной, то к другой корове:

— Группа вообще-то хорошая. Характеры смиренные... — говорила, как о людях. А есть и поровитые, к тем опять особый подход нужен. Вымя, конечно, промывай только теплой водой. Да сразу-то не плещи, а сперва помассируй руками, приготовь, чтоб не вдруг. А то испугаешь, она и лягнет тебя! Все бывало, ой, бывало!

Девушка согласно кивала.

— Вот эта — Искра — любит, чтоб с ней поговорили. Не встанет ни в жисть; если не поговоришь! Мол, Искорка, светиж ты

наш, как спали-почивали? Что во сне видели да нам бы и рассказали...

Тем временем корова по кличке Искра, шумно вздыхая, поднялась.

— Вот-вот, видишь? — засмеялась довольная Шура. — А вот эта красавица. — Она подвела девушку к огромной корове, действительно, отличающейся от своих подруг особой статью. — Эта мадонна дала мне поначалу жару. Никак не слушалась. Если и растолкаешь, бывало, силой, чуть не на себе ее поднимешь, молоко не все даст.

Корова шевельнула ушами, будто понемало — о ней речь.

— Маялась, маялась — придумала, — рассказывала с удовольствием Шура. — Ты кино «Веселые ребята» видела?

— Нет, — смутилась девушка.

— Не мудрено! Давнишнее кино. Мы-то же успели! Ну вот. Там артист Утесов пауком выступает. Так у него коровы все ту песню понимают! Ну я и давай, как эссов, через песню к этой мадонне подхожу искать. Ведь что ты думаешь? Как можно — безо всяких подымается. Придет себе эту песню выучить.

— Да я и петь-то не умею, — испугалась девушка.

— Ничего, нужда заставит калачики печь! Вот смотри:

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда!
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города!

— Пока Шура пела, Мадонна, раскачивая массивное тело, поднялась в стойле.

Засмеялась девушка, будто не в корове находилась, а в цирке.

Шура номерки свои откалывает! — крикнула Зинша. — Ты еще физкультурцу забыла показать!

— Успеется! — отозвалась Шура и продолжала про любимицу свою рассказ. — Как вызнала я эту ее слабость к музыке, ну, думаю, проучу я тебя! Ты у меня на-

стоишься! Только, бывало, утречком зайду, так сразу эту песню затягиваю. Она вскочит первая, а мне до нее ходу-то целый час, пока ее очередь дойдет. Только вздумает улечься, я опять: «Легко на сердце от песни веселой!..» Она — на ноги! Мне что — горло-то по природе луженое! Ори сколько хочешь!.. А вот и физкультурница моя. Скрипка, — обратилась к корове, — на зарядку становись!

Корова не реагировала.

— Ни за что не встанет! — гордилась своей воспитанницей Шура. — А вот сейчас смотри: делаем, Скрипка, р-р-раз! — И сама, вытянув вперед руки, легко присела. — Два! — Она выпрямилась.

Корова заторопилась, заскользила ногами в стойле, поднялась.

— Вот, пожалуйста, готова, теперь мой ей вымя, дои! — засмеялась доярка. — Ну, вот и все, — погрустнела вмиг. — Ласки побольше — вот и вся наука. С плохим настроением лучше и не подходи. За дверью его оstarвляй. Они все понимают! Люди и люди, только что не говорят! — закончила свою лекцию.

У выхода из светлой просторной секции Шура приостановилась, вздохнула:

— Ну, до свидания, кормилицы мои! — И попросила: — Одна у меня к тебе просьба: вернись, а я чую, что вернись, опять их возьму, не возражаешь?

— Ладно, — согласилась покоренная Шурой юная доярочка.

— Да, — еще раз обернулась Шура, — поначалу они удои сбавят — не переживай, привыкнут...

Константин Иванович, пожалуй, раньше всех в совхозе просыпался. Даже раньше доярки. Вот и сегодня шли они одна за другой к ферме, едва различимые в предутренних сумерках, а он уже впереди похрустывает по снежку ботожком.

— По тебе, Константин Иванович, хоть часы проверь!

— Привычка! — откликается парторг.

...Мучилась около Мадонны молодая дойрочка, упрашивала, уговаривала:

— Ну, вставай! Ну, пожалуйста!

Корова не шевелилась.

— Шурины? — подошел Константин Иванович. — Понятно. Ей петь надо, знаешь?

— Знаю, да я еще песню не выучила, — чуть не плакала девушка.

— Давай вместе. — И парторг запел:

Легко на сердце от песни веселой,
Опа скучать не дает никогда!..

Зашевелилась Мадонна нехотя.

— Ну, подпевай!

И любят песню деревни и села, —

с опозданием подхватывала слова дойрочка.

И любят песню большие города!

Мадонна и встала, покосилась недовольно: мол, кто еще вздумал пользоваться ее слабостью.

— Придется выучить песню-то, — смеялся Константин Иванович и, уходя, успокоил:

— Ничего, скоро вернется их хозяйка, будем надеяться. Тебе дадим первотелочек, сама на свой лад воспитаешь.

— Спасибо, — просияла девушка, подходя боязливо к Мадонне.

А Константин Иванович шел по секции, ворчал на заведующего фермой:

— Ну Игнат, ну додумался! Никто Шуриных коров не брал, так он вышел из положения — молоденькой подсунул. Ну жук!

— Ты с кем это, Костя? — засмеялась Антонида Степановна, когда тот проходил мимо ее коров.

— Тося? — вздрогнул Константин Иванович.

И смутились — давно так не называли друг друга.

— Ох, — кинулась к корове Антонида Степановна, — пора ведь...

Продолжал, будто ничего не произошло в эту минуту, свой обход Константин Иванович.

Смотрела ему вслед, в его постаревшую, ссутулившуюся спину Антонида Степановна.

Домик, построенный мужем Шуры Ивановом на Кубани в большой степной станице, резко выделялся среди других, ровно побеленных хат.

Стоял он несколько на отшибе и был похож на невысокого человека в широковатой для него шляпе. Был он кстати и некстати принаряжен деревянными разукрашенными закорючками, чувствовал от этого себя франтом и высокомерно поглядывал вдаль двумя, в резных ставнях, окошками.

Шуру словно подменили. Шла она по улице станицы как-то робко и не так скоро, как обычно бегала по улицам родного совхоза. Косыночку повязала низко на глаза, будто смотреть ни на кого не хотела.

Только захлопнув калитку своего двора, дала волю чувствам: сорвала с головы косынку, запрятала в ней лицо, глухо зарыдала. Потом, выревевшись, опустилась устало на ступеньку крыльца, усталилась в одну точку бездумно.

Вышла полусонная дочка Галочка, села рядом.

— Мама, почему меня все здесь зовут не Галя, а Халя?

Мать не ответила.

Цвела черешня в саду. Шептались л ствой яблони. За окнами отдыхал самосуд ждал своего хозяина.

— «Дорогие мои сестрички нянька Теся, Лидушка, Машенька! Спешу сообщить вам, что живем мы ничего. Люди здесь хорошие, добрые. Разговаривают, будто поют.

Не то, что мы, тараторки. И климат здесь хороший. Все цветет. Теплынь. Домик Иван построил, какие везде строил,— весь разукрашенный. Построил он его на старой усадьбе, так что есть большой сад: черешня, вишня, яблони,— в общем, все, что положено. Работает он в совхозе. Хорошо работает. Не пьет. И курить собирается бросить...» — Антонида Степановна читала письмо Лиде. Той уже разрешили вставать, и сидели они в больничном коридоре под пальмой.

— Поедем в отпуск к ней фруктами питаться! — засмеялась Лида.

— «...Дорогие мои сестрички,— продолжала читать Антонида Степановна,— а только сбегу я отсюда все равно. Не ругайте меня и не судите. Все здесь мне чужое. Даже коровы и те кажутся не такие, некрасивые какие-то...» — Вот баламутка! — опешила Антонида Степановна.— Хоть корми их с Иваном на заслонке! Мамонька, бывало, как подерется петух с курицей, вынесет заслонку, зерна на нее насыпет. Мирила их так-то...

— «...Иван, конечно, ни в какую. Поглянулось ему здесь. Если, говорит, уедешь, всё порублю. А я ему: милый ты мой, руби, это все дерево да тряпки. А в том ли счастье? Вот еще посмотрю маленько: как по-хорошему не согласится — чемодан в одну руку, Галинку в другую и — айда домой! Думаю, вы меня в беде моей не оставите...»

Опустились руки Антониды Степановны:

— Ну нисколько мы с тобой, Лидуша, не живем спокойно! Не одно, так другое, голова в круг!

— Что сделаешь, Тося,— жизнь,— отозвалась Лида.— А иначе-то и жить, наверно, неинтересно, если голова-то не в круг...

— «...Как себя чувствует Лидуша? Как Мамонька? Сны я про нее худые все вижу. Как провожала меня, созна-

лась: ошиблась она, не будет у нее ребеночка...»

Переглянулись сестры, опять заволновались, теперь уже за младшую.

— То-то я замечаю: опять сама не своя ходит,— покачала головой Антонида Степановна.

Лида смотрела в больничное окно.

Бегали по двору молоденькие девушки в халатах, практикантки, смеялись, розовощекие, беспечные...

А Антонида Степановна читала:

— «...А как хочет она ребеночка, то надо ее замуж выдать. За ней ведь Володьша сызмальства бегаёт... Ну я приеду, что-нибудь сварганим...» Ты мастачка варганить-то! — усмехнулась Антонида Степановна.— Только все шиворот-навыворот оборачивается! «...А Аркадию Евгеньевичу передайте: здесь на фермах корма тоже на автокарах развозят, на транспортеры не надеются. И кормоцех совсем отдельно построен. И стоит коло него «корова» огромная. Так здесь машину зовут, которая муку сенную мелет. Посмотреть, так чисто корова — рогата, брюхата, траву жрет сутками, не нажрется. Как что случится с ней, орет, чисто как корова голодная. Вот бы нам такую...»

— Вот видишь, Тося: «у нас», «нам»... Не прижиться ей там. Здесь только дома она. Что поделаешь, все мы такие.

— Ненормальны какие-то,— засмеялась старшая сестра и забеспокоилась: — Ох, что же с Машей-то, с Машей-то что же будет?

Аркадий Евгеньевич из города привез представителей проектного института, и теперь они ходили по территории фермы. Аркадий Евгеньевич что-то объяснял представителям, энергично размахивал руками, то и дело кричал механику, стоявшему у щита управления:

— Давай!

Начинал работать транспортер.

— Стоп! — орал директор и опять что-то объяснял, доказывая представителям.

Володя сидел за рулем, посматривал в их сторону. Сообразив, что это надолго, он собрался было подремать, да вдруг подобрался весь, подался вперед. По двору шла Маша. Казалось, она не видела ни людей, суетящихся у траншеи, ни его, Володи.

Когда Маша уже выходила со двора, Володя заторопился к Аркадию Евгеньевичу.

— Теперь нам ошибка понятна! — услышал он восклицание представителя. — Надо переделывать!

— Можно, Аркадий Евгеньевич, я на часок...

— Иди! — отмахнулся от Володи директор. — Переделки! Переделки! Будет им копец?

Что-то ответили директору представители.

— А во что это нам выльется? Вместо четырехсот тысяч... — гремел за Володиной спиной раздраженный директорский голос.

Маша шла, с трудом вытягивая ноги из жидкого месива, — развезло дороги, ни пройти, ни проехать. Только на тракторах и добирались от поселка к поселку. И то — по самой большой необходимости. Вот и сейчас тянул трактор тележку, груженную ящиками с хлебом. С боков примостились пассажирки.

— Здравствуй, Маша! — радушно говорили ей.

— Здравствуйте, — не поднимая глаз, отвечала Маша.

— Ишь как перевернуло девку! — жалели.

— А что? — поинтересовалась, видно, нездешняя.

— Да мужик у ней недавно на мотоцикле разбился, вдовой ее сделал.

— Ох-ох-ох! Кака молоденька! Чья же будет?

— Петровых, младшая!

— Знаю, как же. Передовицы все да певуны!

— Вот-вот! Забудет. Вон Володьша поможет.

Им с высоты телеги все было видно: и кто идет, и зачем.

— Тенью за ней ходит. А она, говорят, кочевряжится!

— Любила, стало быть, мужа, — вздохнула нездешняя, и видно было: и о себе вздохнула, и свое что-то на память наворачнулось.

Натужно тархтел трактор, еще больше развозя такую ладную совсем недавно дорогу.

Маша шла лесом — меньше грязи. Чавкала под ногами оттаявшая земля, пестрела клочками светлого, петронутого снега, бесчисленным множеством луж и лужиц.

Маше стало как-то не по себе: словно непривычно немой лес подсматривал за ней всеми своими глазищами. Но скоро она привыкла к этим добрым печальным глазам. Они вызывали даже сочувствие, и Маша, постепенно, сама того не замечая, перестала думать о себе. Чем дальше шла она, тем покойнее, легче становилось на душе.

Монотонно чавкала под сапогами напоянная влагой земля. По колено в воде утонули молоденькие березки. В немом очаровании замерли ранние предвестницы весны — распушившиеся вербочки, заглядевшись на себя в зеркало талой воды.

Маша остановилась у небольшого озера. Рядом к двум соснам была крепко прибита жердинка. От времени да дождей она обветрела, потемнела, отполировалась, гвозди заржавели. На коре сосен прочитывались буквы: на левом стволе — «Маша», на правом — «Сережа».

Маша потрогала буквы на правом стволе, подержала на них ладошку, будто буквы эти могли гресть. Потом примостилась

на жердочке, засмотрелась на мертвую гладь озера.

Долго сидела так, покачивая ногами, прислонившись головой к молчаливой сосне. Не думалось ни о чем. Просто хотелось сидеть так в этом немом, еще не очнувшемся от зимних снов лесу.

Вдруг где-то в вышине, за вершинами сосен, закурьлыкал журавль. Ближе, ближе слышался его полный весенней радости голос. Маша вскочила с жердочки, побежала на крик — так захотелось увидеть журавля — забрела в воду.

Где-то в другом конце леса откликнулся другой журавлиный голос. Над самой головой, торопясь, пролетел журавль, огласив немой лес радостным криком. Маша смотрела туда, где скрылась птица, и опять глаза ее подернулись тоской.

Побрела назад, забывая обходить малые и побольше оконца воды.

Незаметно из-за сосенки вывернулся Володя. Молча, напряженно ждал, когда Маша поравняется с ним. А она будто и не удивилась.

— Здравствуй,— сказала мимоходом.

— Маша! — шагнул он к ней, готовый вот сейчас раз и навсегда сказать ей всё.

— Не надо, Володечка,— опередила его Маша.— Не надо. Ничего мне не надо, Володечка.

И прошла, не заметив его глаз, переполненных жалостью к ней, тоской по ней и отчаянным бессилием...

Когда именно приехала Лида из роддома, никто не заметил. Увидали ее, когда, стараясь не отстать от соседок, она мыла окна, подбеливала штакетник вокруг дома.

— Простынешь, Лида! — предупредила соседка.

— Ничего!

— Здравствуй, Лидуша! — остановился Константин Иванович, опираясь о бото-

жок.— Говорят, сама прикатила? — улыбался приветливо.

— Сама! И так залежалась, да еще вози меня, встречай! — И спросила, смутившись: — Виктор далеко сеет?

— На ближнем поле...

Вдали, сквозь марево парящейся на весеннем солнце пахоты, жуками ползли несколько тракторов. Светлели боками осинки, сливались в непроходимый частокол.

Жирными пластами лежала у Лидиных ног земля. Прыгали по ней отъевшиеся нахальные грачи. Здесь, на островке неспаханной земли, бурлила другая жизнь: трудились муравьи, набухали почки на кустах, сквозь прошлогодние стебли упрямо пробивалась молодая зелень. Лида увидела медунки, их пышные синенькие и сиреневые соцветия. Она стала собирать их в пучки. Очистив сочные стебли, аппетитно ела. На плечи скатился с головы платок. Ветерок приятно трепал льняные волосы.

Такой и увидел ее Виктор из кабины трактора: светлоголовой, с платком на плечах, жующей сочные медунки.

Вот он проехал совсем рядом, пропыленный, перепачканный мазутом и оттого еще более белозубый. Пытаясь перекричать шум мотора, спросил:

— Когда приехала?

Лида не слышала, улыбалась, махала платком.

Облако пыли долго вилось над его трактором, над сеялкой, серебрясь на щедром апрельском солнце.

Лида села на мешки, зачерпнула в пригоршни отборное зерно, перекатывала с ладони на ладонь, с удовольствием ощущая крепость и упругость зерен. Потом опустила ладони в мешок, горсточку кинула в рот, жевала с наслаждением, как самое лучшее лакомство, мурлыкала незатейливый мотив.

...Повариха открывала на телеге фляги с едой. Из них вился парок. С телеги же сняли раскладные стол, стулья.

Молча, торопливо заработали ложками сеяльщики. Виктор ел, поглядывал на жену, ни о чем не спрашивал. И ей не надо было объяснять, почему она, еще не совсем оправившись после трудных родов, пришла к мужу на пашню. Обо всем сказали ее глаза, ее руки, любовно перебирающие зерно, вся ее осанка, выражающая покой и радость.

— Поешь с нами, Лидуша,— пригласил ее пожилой с морщинистым пропыленным лицом сеяльщик.

— Спасибо, дядя Михайло, сытая я...

Виктор протянул ей хороший ломоть поздраватого хлеба, приказал:

— Ешь-ка! На воздухе, знаешь, как естся!

У него не могла не взять. Отламывала от ломтя маленькие кусочки, жевала ароматный хлеб.

Радовался, глядя на них, дядя Михайло, мастерил ловко — еще, паверно, по фронтовой привычке — самокрутку.

Потом Лида смотрела, как Виктор нетерпеливо хватал мешки огромными ручищами, сильно и легко вытряхивал в сеялку мешок за мешком, крепко держа их за углы.

Взревели трактора.

Лида устроилась рядом с флягами на телеге и долго еще смотрела на ползущие по полю могучие машины, на облака серебристой пыли, на теплое струящееся марево, всегда радующее крестьянское сердце.

— Подснежники! Тетя Даша, подснежники! — обрадовалась она вдруг, как девочка, спрыгнула с телеги.

— Ты бы полегче, девка! Неровен час!.. — проворчала повариха, останавливая лошадь.

Лида торопливо брала подснежники, вдыхала их свежесть.

— Сколько много!

— Чему дивиться-то, весна нынче ранняя да дружная...

Мимо фермы Лида, хоть и очень уже торопилась домой, проехать не могла.

— Как младенца-то нарекли? — вспомнила повариха, когда Лида уже сошла.

— Лизой.

— А-а, в честь, значит, бабушки Лизы, мамоньки твоей, царство ей небесное!

Лида уже убежала, а повариха все сама с собой разговаривала:

— Хорошо. Это хорошо. Не перевелись, слава богу, памятливые-то дети. — И почему-то с сердцем хлестнула вожжой лошадь, да еще прикрикнула раздраженно: — Н-но! Лихоманка тебя возьми! Н-но!

На ферме начиналась вечерняя дойка. Женщины, увидев Лиду, кивали ей издалека, звали подойти. Лида подошла к своим коровам. Те узнавали ее, тянулись мокрыми губами. Она скормила им подснежники, на мелкие крошечки разделила несъеденный ломоть хлеба.

Подошли к ней, улучив минутку, Маша с Антонидой Степановной, поцеловались по очереди троекратно в губы.

— Что не сказала? — выговаривала Антонида Степановна. — Приехали бы ведь за тобой... Что-то раскраснелась ты вся, не жар ли? — И потянулась ладошкой ко лбу.

— Нет, — смутилась Лида, — на пашню к Вите бегала.

— Вот непутевая!

Печально смотрела на сестру Маша, и Лиде нечем было ее успокоить.

— Вечерком приходите, — пригласила Лида. — Почайсьем!

Отмытый от пыли и мазута, принаряженный, сидел в переднем углу горницы Виктор, держал в огромных ладонях свое дитя, улыбался блаженно. В праздничных платьях, с разноцветными бантиками в

косичках, подходили к нему девочки, рассматривали сестренку, тянулись поцеловать сморщенное личико.

Лида хлопотала у стола. Чего только на нем не было! Соленья, варенья, груды яиц, румяные пирожки... А она все ставила и ставила закуски, расталкивая сгрудившиеся на столе тарелки.

Маялась Антонида Степановна у самовара, растапливала его лучинками, вспоминала:

— Мамонька уж как любила из самовара почайпить!

Скоро он зашумел, запосвистывал уютно.

Маша взяла из ладоней Виктора девочку, прижала осторожно к груди, затихла так с ней.

Пришлепала двухлетняя Катюшка, ткнула пальчиком, так что едва успели схватить ее за ручонку:

— Газки его, газки его!

— Газки, газки! — подбросил ее под потолок Виктор. — Вот выткнешь сеструхе газки!

Потом все сидели за столом дружной да ладной семьей. Выпили по рюмочке наливки за новорожденную.

— Виктор, а ты-то? — позаботилась о зяте Антонида Степановна. — Может, тебе в стакашек?

— Не-е, чуть свет — на поле.

Крошечная Лиза дрыгала ножонками в качалке.

— Как налиточек! Как налиточек! — хвалила ее Антонида Степановна и тут же спохватывалась, успокаивала мать: — Ты не думай, мы неурочливые! Синий глаз, он неурочливый!

— Да не верю я, — смеялась Лида.

— Вот Шура у нас черношарая, та урочливая! Ох, как там она? Что там с ней деется?

— Катит уж, поди, домой!

— Ну, а теперь споем, — отодвигая посуду, предложила Антонида Степановна. —

Нашенькую, мамонькину любимую. — И первая вполголоса начала:

На берегу сидит девица...

Она шелками шьет платок, —

поддержала ее охотно Лида.

Работа дивная такая, —

подхватил несмело Виктор.

А шелку ей недостает, —

подстраивались и девочки. Незаметно для себя запела и Маша.

И вот по морю парус вьется,
Скользя в сиянье ярком дня.

По-особому, строго и серьезно, пели Петровы эту песню, потому что была она для них не просто песней, каких они перепели вместе немало. Эту песню, как завет, получили они от своей матери. А она — от своей... И неизвестно, на сколько колен уходит корнями своими эта песня в глубь их рода. И теперь той же песней благословляли они новую жизнь.

— Эх, Шуры нет, — пожалела Антонида Степановна. — Вот в этом месте выносить бы падо, а у нас у всех голоса низкие. Ну-ка, — обратилась она к старшенькой Лидиной дочке, — Валюшка, попробуй!

И показала:

— А я всех лучше и моложе... — вот эдак надо. Ну-ка, попробуем, «...и моложе...» поднять надо.

Запели снова:

Нас три сестры: одна — графиня,
Другая — герцога жена.
А я, всех лучше и моложе, —

старалась поднять песню Валюшка.

Простой купчихой быть должна...

— Хорошо! Хорошо! — похвалила ее Антонида Степановна.

Зарделась от гордости Валюшка.

Слушала песню, будто что-то понимала, маленькая Лиза.

...А Шура, действительно, катила до- мой.

Стояли они с Галинкой у окна вагона. Мимо кружились хоровами березовые рощи в облаках молодой зелени, смурые ельнички, сосновые боры.

— Скоро, скоро уже. Смотри! Наши уже места пошли! — приговаривала Шура рас- троганно.—И дома, дома, точно как у нас! Видишь? У нас всё так строят — конь- ком на улицу. И дворы непременно под тесом.

— А папа как там без нас? — вздыхала Галинка.

— Придет, — торопилась успокоить дочку Шура, — обязательно придет! Уж я-то его знаю!

И тянулась нетерпеливо черными гла- зищами к окну.

По улицам родного села Шура бежала, будто кто ее подгонял. Бежала и все ви- дела, все примечала. И новые дома, вы- росшие без нее, — как игрушечки стоят, что в твоём городе. И клуб почти совсем готов.

— Ишь, красавчик, — радовалась она нездешнему, стеклянному фасаду.

— Прикатила? — то и дело спрашивали, посмеиваясь, встречающиеся Шуре сель- чане.

— А долго ли мне! — в тон им отвеча- ла Шура.

Перед дверью в кабинет Константина Ивановича приостановилась, заволнова- лась.

— Это не по правилам, Егор! — кричал в трубку парторг. — Не по правилам! Ты вчера сводку не дал, а сегодня и выскочил за счет двух дней в передовые. Так не пойдет!

Он брякнул трубку на рычаг, повернул- ся к Шуре.

— Ну, здравствуй, путешественница. Остановилась-то где?

— У Маши.

— С квартирой придется подождать.

— Ну-к что! Профукала, так подожду...

— Видала? Скоро два шестнадцати- квартирных сдавать будем, подавай заяв- ление. Если, конечно, до тех пор не рва- нешь еще куда.

— Не рвану, Константин Иванович, ни за что! — И добавила, оглядев кабинет: — Как березка подросла!

В углу, от кадки, с полу до потолка, вытянулся белый ствол.

— У меня с этой березкой история од- нажды вышла, — усмехнулся Константин Иванович. — Давненько это было, тогда она вот такая всего и была-то... Так вот, при- ехал один начальник мой из района, гово- рит со мной, а сам что-то, вижу, фыркает. И то не так, и это неладно. Что, думаю, на него нашло? А уж перед отъездом и гово- рит: что это, говорит, ты, как баба, цветоч- ки в кабинете развел, стыдно даже. Во-он оно что! Долго потом помнил эти цветоч- ки, дались они ему, на всех совещаниях и конференциях все меня ими покалывал. А я еще больше холить стал березку эту...

— На каждый роток не накинешь пла- ток, — сказала Шура.

— Вот именно! — засмеялся парторг, а серьезно продолжил: — Вот что, Шура, хочу я вас, всех сестер Петровых, на одно дело сагитировать...

— Опять эск... эск...

— Да, можно сказать, эксперимент. С Аркадием Евгеньевичем мы уже совето- вались. Надо бы нам начинать наших пе- стрянок высокоудойными коровами заме- нять. Есть такая порода — эстонская, до тридцати литров враз дают...

— Тридцать! — подскочила Шура. — Ну, это вы, Константин Иванович, заливаете!

— Тебе говорят — слушай! — по-свой- ски одернул ее парторг. — Но в наших усло- виях это не проверено...

— Ну-к что, Константин Иванович, — ска- зала польщенная Шура. — Согласные мы! Эск... эск...

— Опыт, — помог парторг.

— Тьфу!.. Опыт так опыт! Только уж как я соскучилась по пестрянкам моим!

Только вошла в корпус Шура, сразу запела задорно:

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда!

Вздрогнула всей кожей Мадонна, вскочила взволнованно. Ах, что это была за встреча!

— Матушка моя, любимица моя,— приговаривала Шура, оглаживая крутые бока.

На ногах уже была вся группа. Нетерпеливо ждали пестрянки прикосновения любимой своей хозяйки, неизвестно где пропадавшей столько времени.

— Ну, что мне вас всех сразу что ли доить? — притворно ворчала Шура.— Еще, гляди, молоко спустите для встречи ради, вот хорошо будет!

Шура, как обещала в письме что-нибудь «сварганить», чтобы отвлечь Машу от невеселых ее дум, так сразу по приезде свое обещание взялась осуществлять.

Собрались все сестры у Лиды. Проводила она девочек на улицу. Только Катюшка копошилась с игрушками в детской да спала маленькая Лиза на руках матери. Помолчали, приноравливаясь, с чего начать, все серьезные, строгие.

Словно чувствовала Маша, ради кого этот сход, перебирала беспокойно бахрому скатерти.

— Маша,— начала по старшинству Антонида Степановна.— Хотим мы присоветовать, как жить дальше...

Замерли руки Маши на коленях:

— Не надо, нянька, не надо!

— Марей,— строго остановила ее Антонида Степановна,— не нами заведено, не нам рушить это заведение. Делай, как знаешь, а как мы твои старшие сестры, вместо отца тебе и матери, то обязаны свое слово сказать...

Маша присмирела, опустила голову.

— А заведение у нас всегда было такое — вместе и горе и радость делить! Не

таиться от кровных своих,— разволновалась Антонида Степановна.— Как тятя умер, все дядя и тетки к нам съехались, чтоб мамоньке полегче было.

— Это и я помню,— вступила Лида.— А ты, Тося, про себя скажи.

— Ну что старое вспоминать,— вздохнула Антонида Степановна.— Одно скажу: не до песен в те поры нам всем было. Я на свою судьбу не жалуюсь. А только не хочу, Машенька, чтобы ты повторила ее. Своих детей каждой женщине иметь надо... Тяжело тебе, да не клином же свет сошелся!

— А если сошелся, нянька, если сошелся? — выкрикнула Маша.

— Ты вон как ожила, когда подумала, что ребенок у тебя будет,— напомнила Маше Шура.— Родишь и все забудешь. Для него жить будешь, для ребенка.

Уронила Маша голову на руки.

— А такие, как Володьша, на дороге не валяются, милая! — строчила Шура.— Ты маешься, он мается!

— Ты подумай, Машенька, подумай,— уговаривала Антонида Степановна.— Мы тебя неволить не хотим, а только глядеть на тебя — вот здесь больно...— Антонида Степановна прижала руки к груди.

Рассыпались по плечам льняные Машины волосы. Вздрагивали плечи.

А за окнами, звонкоголосая, набиралась силы весна.

Торжественно готовились отметить в совхозе конец посевной.

Цвела по-над речкой черемуха.

Нарядные, в костюмах, белых рубашках с галстуками, ходили по селу непривычные к безделью трактористы, сеяльщики,— ждали вечера.

Спешно заканчивали в новом клубе последние приготовления. Развешивались приветственные плакаты, гирлянды флажков.

Накрывали в буфете столики.

И вот уже переполнен зал.

Петровы заняли чуть не весь ряд. По обе стороны Лидии Степановны расположилось все ее семейство. Держа на коленях маленькую двухлетнюю Катюшку, весь наглаженный, застегнутый и затянутый галстуком сидел Виктор. Маленькая Лида покоилась на руках матери. Лидия Степановна оглядывала придирчиво свое принаряженное семейство, приказывала ребятам:

- Завяжи бантик!
- Достань платок!
- Поправь галстук!

И успевала аплодировать вместе со всеми.

С неизменной улыбкой, открывающей ряд белых ровных зубов, сидела рядом Антонида Степановна, радовалась за земляков.

Беспокойно поглядывала чернявая Шура на Машу. Та сидела рядом с Володей, напряженная, неестественно прямая. Володя ссутулился, казался еще более одиноким рядом с ней.

— ...Награждается почетной грамотой тракторист первого класса, член КПСС Виктор Григорьевич Талинкин! — торжественно объявил Константин Иванович.

Виктор торопливо пересадил Катюшку на колени Антониды Степановны, пошел — неловкий, большой — к трибуне. Баянист-самоучка Илья заиграл туш. Со слухом у Ильи было не все в порядке, и нестройно сыгранная им мелодия снова вызвала смех в зале. Илья виновато поморщился.

— Что у нас, оркестра нет? — шипел в ухо заведующему клубом директор.

— На смотре! — оправдывался заведующий.

Директор не успел ругнуться, надо было подниматься из-за стола, пожимать руку Виктору Талинкину.

После этого торжества и собрались Петровы в своем отчем старом доме, где жила теперь Антонида Степановна. Шелестела

за окнами белыми гроздьями черемуха. В углу празднично блестела стеклами старинная горка с посудой. А на столе дымились горячие рыбные пироги.

— Эх, настоящие пироги только и поешь у Тоси! — похваливал хозяйку Виктор и поглядывал на жену.

— Да ну, Виктор, будет тебе. Как раз сегодня тесто не удалось!

— Так у Тоси печь-то русская! — оправдывалась Лида.

— Да уж, — охотно уступала сестре Антонида Степановна. — Да вы ешьте, ешьте, гости дорогие.

— Тебе удобно? — спрашивал Машу Володя.

— Да, — кивала Маша.

— Тебе не дует? — спрашивал опять Володя и с готовностью распахивал пиджак, чтобы накинуть ей на плечи.

— Нет, — отвечала Маша и не отрывала глаз от белого цветения за окном.

Не было веселья за столом.

Захмелевший и от почта и от наливочки Виктор попросил:

— Тося, у тебя где-то водилась бала-лайка?

Частила, выговаривала свое заветное балалайка.

Позванивала в горке посуда. В стороны были сдвинуты половики.

Плясал Володя в хороводе женщин. Эх, как плясал! То замирал на месте, поводя могучими плечами, то срывался и волчком вертелся вокруг своих будущих родственниц, так что светлая его рубашка молнией металась в избе.

Он переплясал всех.

Первой отошла в сторонку Лида, стояла, любовалась им. Потом Антонида Степановна опустила на стол:

— Ох, задохлась совсем, Володьша, с тобой! Ну, мастак ты плясать! Вот не думала!

Шура еще держалась, все упаренная, повизгивала в такт притопам:

— И-и-их! И-и-их!

Но и она сдалась.

— Ну и парень! Я уж думала: нет из нынешних таких плясунов.

И все ходил колесом Володя, наклоняясь, словно рассматривая, хорошо ли дробят ноги. Разбрасывал свободно руки, поводя ими под музыку красиво. Для Маши старался.

Маша смотрела на Володю, будто насильно приучала себя к нему.

Володя выскочил во двор остынуть. Упал на прясло грудью, прикрыл рукавом тоску в глазах, покрутил бессильно головой.

А когда вернулся, пели Петровы свою семейную песню:

Нас три сестры: одна — графиня,
Другая — герцога жена...

Увидел Володя: и Маша вяло, но подтягивает сестрам.

Радостью вспыхнули глаза. Эх! Распахивать душу, так до конца! И завел, наперекор всем, свою, на самых высоких нотах завел, чтоб попереливчатей:

Вы-ы, поля, вы-ы-ы, поля,
Вы-ы, широ-о-оки поля!..

Замолчали все неловко.

А он, сидя рядом с Машей, прикрывал глаза, набирал в грудь силы, заливался самозабвенно, вынося песню в заоблачную высь.

Как на вас, на-а поля-ях,
Грозна битва-а была-а!

— Не надо! — крикнула вдруг Маша. Она зажала ладонями уши и выскочила из-за стола, в тоске повалилась на плечо старшей сестры.

— Нянька! Нянька! Хоть бы приснился он мне! Хоть бы во сне увидеть его — и то счастье! Се-ре-жень-ка!..

— Успокойся, успокойся, родимая, — словно убаюкивала Антонида Степановна Машу, обняв ее за плечи. — Не лиходейки ведь мы тебе, не лиходейки!

— Породу, видно, не переупрямишь, — шептались присмиревшие сестры.

— Однолюбки мы, на беду нашу...

Перебирал реденько струны балалайки Виктор.

Перемахнув через прясло, бежал Володя по грядкам, не разбирая дорожек. К лесу бежал, что начинался прямо за огородами.

Расположились доярки в пышном разнотравье, сидели, бродили по лугу, выскивая съедобные стебельки. Мирно щипали траву коровы на огромном лугу, огороженном пряслом из тонких проволочек, — электрическим пастухом.

— Отойдет нам скоро такая лафа, — подставляя лицо теплым лучам, проговорила Зинша.

— Да, как фабрика заработает, так и всё.

— Коров-то будут пасти, а нам уж не придется...

— Пока она заработает, мы с тобой на пенсию уйдем...

— Аркадий у нас — мужик проворный, расстарается! — сказала Зинша.

Доярки, разморенные теплом, отдохнувшие на воле, смеялись.

— Шура, — окликнула сестру подошедшая Лида. — Тебе письмо от Ивана.

Метнулась к ней Шура, заторопилась. И пока читала письмо, все посмеивалась, приговаривала:

— Вот хитрован, ну, хитрован!

Потом читала письмо сестрам:

— «Жить здесь, конечно, можно, но уж шибко жарко. Это действует на суставы. Болят ноги и подошвы ноют, как у нашей сестры Тоси. Но есть от этого вроде лекарство — солидол...»

Смеялись сестры, понимали хитрость зятя: и вернуться уже надумал, и оправдаться надо.

— «...Надо на ночь солидолом ноги ма-

зять. В пленку и в носок. А утром смыть. И так двадцать раз. Передай это Тосе. Поэтому, хоть и нравится мне здесь, а придется, видно, возвратиться на суровую родину... Присоветуй, родная моя жена...»

Опять покатались со смеху сестры: хитрил зять, да больно уж открыто.

— «...Вернусь я к тебе с одним условием: в казенной квартире жить не желаю. Согласная ли ты, чтобы я там свой дом поставил?»

— А-таки переупрямила я его! — обвела Шура сестер смородинами глаз.

— Ты уж соглашайся на дом-то, горопилась с советом Антонида Степановна.— Может, угомон его возьмет. Ты ведь тоже хороша! Щепочка па ребрышко три года встает, а ты у нас всю жизнь!

Грустили Машины глаза, рассматривая что-то свое за кромкой леса.

Тянулись к корпусам подгоняемые скотниками коровы.

Подъехал молоковоз. Из кабины выскочил шофер, крикнул:

— Возьмите «Боевой листок» — поэму про молочные реки и кисельные берега!

Смеялись доярки, читая «Боевой листок».

Уже в июле план готовы
Сестрицы выполнить Петровы!

— Костя неисправим! — усмехнулась Лида.

И словно ей в ответ, прочитали женщины хором:

Пусть Лида за стихи простит,
Мечтает скромный ваш пиит!

Так со смехом и приступили к дойке.

Покачиваясь в такт движению поезда, сидел за столом вагона-ресторана Иван, выплескивал наболевшее случайному собеседнику. Судя по количеству пустых пивных бутылок, долгонько сидели дорожные приятели.

— Какой дом! Какой дом! — сокрушался Иван.— Окошки — сам, вот этими руками разукрашивал! Кругом сад. Яблоки, вишни... Вот так рот открой — само в рот валится. Все в одночасье порушила!

— Э-ман-си-пи-ро-ван-ная, — по слогам выговаривал собеседник и все листал потрепанную, перегнутую вдвое тетрадку, мусолил палец, перебирал дряхлые листочки, предлагал робко: — Споем, а? Вот здесь у меня русские народные: «Среди высоких хлебов затерялся!»

Он было затягивал, но обрывал, снова перелистывал тетрадку.

— ...Я ей пишу, — продолжал, не обращая внимания на собеседника, Иван.— Если, грю, попросишь как следует, если, грю, покаешься, вернусь...

— Э-ман-си-пи-ро-ван-ная, — выговаривал попутчик и опять просил вкрадчиво: — Споем, а? Здесь у меня р-революционные: «По долинам и по взгорьям»...

— Попросила. Тогда я ей: еду, но с одним условием... — Иван замолчал, уставившись в окно, за которым мелькали поля да перелески.

— Да меня, — постучал он в грудь кулаком, — да меня хоть на Красной площади посели, я все равно и там дом построю и корову заведу! Моя жена должна меня понимать!

— Э-ман-си-пи-ро-ван-ная, — листал тетрадочку попутчик.— Споем, а? Здесь у меня современные: «Вышли мы все из народа»... Пардон, не туда посмотрел, здесь у меня тоже революционные...

Проплывали мимо седые от росы поляны, сонные леса. Сидели за столом вагона-ресторана случайные друзья, цели, обнявшись, тараща глаза в потрепанную тетрадку:

Опять от меня сбежала
Последняя электричка!
А я по шпалам, опять по шпалам
Иду домой по привычке!

Нашли, наконец, современную...

— Приеду, обязательно заведу такую тетрадку. Но сначала дом построю. Построю и заведу. А то спеть захочешь свою любимую, а слов не знаешь! А так — пожалуйста:

— Опять от меня сбежала...— старались в два голоса.

В совхозный поселок Иван заявился как хозяин. Прежде чем разыскать семью, ходил с чемоданчиком по стройкам, осматривал все придирчиво, не обращая внимания на шепоток за спиной:

— Явился — не запылится!

— Наездился!

— Да, неловенький Шуре достался!

— Все повыгодней где ищет!

— А руки все же у него золотые!

Остановился Иван у клуба, обошел кругом. Вроде придраться не к чему. Нет, нашел: у фасада трепетали на ветру высаженные весной топольки.

— Это кто же так делает, а? — возмутился Иван.— Не могли что ли поровнее? Нитку бы протянули! А то насадили, ровно червяк прополз!

Пошел дальше хмураясь.

Иронически осмотрел и квартал новых шестнадцатиквартирных домов.

— Это кто же придумал крестьянина в эти коробки селить? Ни тебе огородика, ни садика, ни стайки, ни ямки, ни поросенка, ни ягненка...

Дал волю языку и на новой ферме. Там, в секционных корпусах, пока коровы жили в лесу, велись срочные переделки. Раздвигали стойла, чтобы и транспортер оставить, и въезжать бы можно было автокару.

— Городские рисовали? — спросил у рабочих Иван.

— Они.

— Вот-вот, они умеют! Читал в «Крокодиле»? Значит, заканчивают у нового дома асфальтировать тротуар. Приходят газовщики: ну, скоро вы свою работу сде-

лаете? А что? — те спрашивают. Да вы закончите, так мы начнем: трубу одну положить забыли! Ха-ха!.. Так и вы!

Потом долго ходил из корпуса в корпус. Осматривал стеклянный молокопровод. Разбирался, как работает система навозоудаления.

Перед входом в сепараторную, с которой уже начинался собственно завод по обработке молока, остановился, заговорил сам с собой:

— Значит, здесь коровники, стало быть — деревня... А здесь,— кивал на сепараторную,— завод, стало быть — город. Хм...

— Ты с кем это, Иван? — окликнул его один из рабочих.

— Да вот смотрю: хитро получается! Все говорим: «стирание граней между городом и деревней». А здесь вроде и порожка никакого нет, не то что грани! Куда, говорю, я прибыл?

— А ты не смейся!

— А я не смеюсь! Здорово все это придумано! Seriously говорю. Только не забудьте трубу-то в сепараторную провести.

Вечером, когда лег на речку туман, укрывая ее заботливо от берега до берега, отправилось семейство Шуры смотреть место для нового дома. Отвели им участок на краю села, по-над речкой, у самого леса.

Стоял Иван, смотрел, как смотрит художник на чистый холст, прикидывал, где что у него будет.

Хлестала по голым ногам Галинка, хныкала:

— Пошли домой... Комары...

— Домой! — усмеялся Иван.— Вот наш дом!

— Березку не будем вырубать,— просила Шура.

— Не будем,— щедро соглашался Иван.

— И елочку вот эту оставим?

— Оставим,— обнимая жену, Иван приговаривал: — Рада небось, э-ман-си-ши-ро-ван-ная моя?

На крылечке моем
Каждый вечер вдвоём
Мы подолгу стоим и расстаться
Не можем никак...

— жевала Антонида Степановна привязавшийся мотив.

Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак...

— А знаете что, девчонки, я надумала? — обратилась, наконец, к сестрам. И посмотрела, не слышит ли Маша. Нет, далеконько отошла, собирая на пригорке клубнику. Остальные доярки бродили по двое, по трое, а она — одна.

— Так людей и сторонится, — вздохнула Шура.

— Великое дело, девчонки, песня, — издали начала Антонида Степановна. — По себе знаю. А у Маши голос-то! Вот кабы запела она, душу песни бы почувяла, и горе бы было не горе...

Не понимали пока сестры, к чему клонит старшая.

— В город я надумала съездить...

— Неужто к Гриньке пойдешь? — догадалась Лида.

— А как нет его дома? Хор-то, слыхла, несколько в области на месте не живет...

Антонида Степановна достала из кармана вырезку из газеты, протянула Лиде.

— Он у них там уже ветеран теперь, солист. Сколь лет-то уж возгудает. Попрошу: послушай, мол, сестру. Мне не пришло, может, она... Ведь интересно это. Разные города, люди. Она у нас и собой недурна, и голос...

— Да, — задумчиво подтвердила Лида. — Красива, да не больно счастлива. Когда, говорит, счастье делили, спала крепко. А как до красоты дело дошло, тут и проснулась...

— Ну, рано так про нее. Ее счастье все впереди... Так как?

Думала Лида, смотрела, как одиноко бродила по пригорку Маша. А для Шуры история нянькиной любви давно превратилась в красивую легенду, поэтому она слушала весь разговор, как продолжение этой легенды, забыв, что и от нее ждут совета.

— Что ж, съездить — не помешает, — сказала Лида.

— Только Марее пока ни слова! Сперва узнать все надо, — заволновалась Антонида Степановна. — Скажите, мол, с нами, в больницу... Коров вместе подоите. Я в один день и обернусь, пока не снялись они с места-то...

Поднялась с травы молодое, заторопилась:

— Ну, пора!

— Надо же! — вздохнула Лида, когда сестра ушла. — Помнит! Вырезки собирает...

— Лида, а правда было или мне приснилось: сватал няньку Константин Иванович?

— Было. Их ведь всего двое и вернулось с войны, ее годков, — Гринька да Костя. Ох, Тося, Тося, закипело, видно, сердце...

С любопытством смотрела вслед старшей сестре Шура.

Не ошиблась Лида: закипело сердце Антонида Степановны. Всю ночь уснуть не могла. Сидела задумавшись, облокотившись о подоконник, засматривалась в темный черемушник.

Потом перебирала платья в старинном шкафу. Достала одно, крепдешинное, с воланчиками, еще в те поры, видно, носеное. Разглаживала воланчики: сколько с ним, с этим платьем, связано!

Прикинула перед старинным же зеркалом на себя, усмехнулась, повесила платье в шкаф. Достала светлую строгую блузку, темную юбку.

Долго, задумчиво протирала мягкой тряпочкой туфли, блестящие лаком.

Затем взялась за волосы. Распустила льняные с серебристыми прядями косы, потрепала ребрами ладоней, как трещлют осенями лен, попробовала по-новому уложить. Засмеялась, заплела косу, свернула калачиком на затылке. Пристально, впервые за много лет, рассматривала лицо, провела пальцами по морщинкам.

Достала из подполья кринку, сняла слой сметаны, густо намазала ею лицо.

— Вот до чего дошло! — она взглянула в зеркало. — Вот посмеялись бы надо мной бабы!

По белому слою сметаны, налепленной на лицо, пробежали две светлые бороздки.

Еще не растаял над речкой туман, когда вышла Антонида Степановна из дому. Шла по улице принаряженная, строгая, красивая. Шла, как давно не хаживала: будто на свиданье торопилась.

Смотрели ей вслед сонными окошками дома.

Приостановилась у недостроенного многоквартирного дома. Здесь, среди груд кирпичика, тосковала по прежней своей усадьбе одинокая старая береза. Висел на сухом суку нежилой скворешник.

Антонида Степановна притронулась к морщинистой коре, и вздрогнула береза благодарно безлистной своей кроной.

— Кланяйся хозяину своему, — шепнула березе Антонида Степановна.

Во всей улице только и увидела Ивана. Ни свет ни заря гудели уже у сруба будущего своего дома, ловко орудовал топором, отесывал бока бревен.

— Бог в помощь! — пошутила Антонида Степановна. — Все тюкаешь, мураш?

— К автобусу, нянька? — вместо ответа, спросил Иван.

— К нему... Когда спишь-то? Ведь с зарей на поле!

— Выспимся, нянька! — И посмотрел

ей вслед, дав отдых рукам. Потом поплевал на ладони, взмахнул топориком.

— Тюк-тюк-тюк, — катилось глухое эхо по лесу.

Хорошо шагалось Антониде Степановне. Как решилась на свидание с молодостью своей, будто не один десяток лет с плеч свалился.

О прошлом напоминали ей и забытые тропинки, давно не хоженные, истоптанные другими, молодыми. Во все стороны от проселочной дороги разбегались они к заветным еланям да опушкам. И открывались навстречу озеру белоголовника, дурманили, кружили голову. Степенно разгоралось летнее небо, обещая добрый день.

Из окна автобуса Антонида Степановна смотрела так, будто впервые за много лет на природе вырвалась.

Бельми островами кружились ромашки. В молчаливой покорности склоняли головы цветы кашки, припорошенные пылью. Умирали в валках скошенные клевера...

В городе ей удалось сесть в такси. Правда, оказалось, что нарушила она правило, не на остановке села. В очереди, у клетчатой таблички, заволновались, замали руками.

— Ладно, — осмелела она вдруг, — мне не часто случается!

— Нездешняя? — спросил немолодой уже, ее возраста, таксист.

— Почему? — Антонида Степановна испугалась, что начнет катать по всему городу. — Здешняя я, да редко бывать дома приходится. — И неожиданно брякнула: — Аргистка я. Народного хора певица.

Таксист покосился на ее старомодную сумочку.

— Или не верится? — спросила Антонида Степановна и завела вдруг повыше:

Семеновна, Семеновна!..

Таксист вздрогнул, машину качнуло, и Антонида Степановна ткнулась лбом о стекло.

Поверил таксист, разговорился:

— Вез я однажды молодую парочку. Сидели они, целовались-миловались, душа глядеть на них радовалась!.. Вдруг, смотрю, рассорились. Сидят по разным углам, друг на друга смотреть не желают... А куда, между прочим, едем, товарищ певица?

— В центр,— продолжала играть придуманную роль Антонида Степановна.— Где остановиться, укажу.

Подозрительно покосился на нее шофер, продолжал рассказывать:

— Думаю: как мне их помирить? Придумал. Вижу, впереди ухаба порядочная. Эх, была не была! Как брякнул свою старушку на ухабу эту. Они, конечно, в объятия друг к другу угодили от толчка, уж больше по углам не разбегались, опять давай целоваться... Так куда прикажете?

«Артистка» давно уже беспокойно приглядывалась к домам.

— Здесь,— выбрала она старинный купеческий особняк.— Ну, спасибо! И за рассказ ваш тоже... Вам с вашей работой книжки писать можно!

Таксист пересчитал монеты, проворчал разочарованно:

— Так и есть — артистка!

Дальше Антонида Степановна все делала, как во сне. В дом идти не торопилась, села напротив в сквере на скамейку, отыскала глазами балкон со скворешником.

Сторона эта была тихая, окна выходили прямо в сквер, и Антониде Степановне видно было даже, как влетали в скворечник и вылетали его обитатели, как поблескивала на цветах, буйно свисающих с перил балкона, роса — видно, поливали недавно.

Но дверь балкона все не открывалась, ни одна тень не мелькнула в окнах квартиры.

— Да что это я, ровно подглядываю! —

спохватилась Антонида Степановна и заторопилась в дом.

И все-таки на площадке долго не решалась нажать кнопку звонка. Проходили мимо люди, подозрительно поглядывали. Наконец решилась. За дверью заверещал звонок. Раз, другой, третий... Никто не отзывался.

Антонида Степановна бесцельно шла по улице. Остановилась у киоска. От нечего делать купила телевизионную программу. Но вот открыла страницу и вдруг охнула тихонько: «Поет Григорий Меньшиков».

— Не случилось ли чего? — поинтересовался продавец.

— Да вот передачу бы мне поглядеть надо одну, а приезжая я,— пожаловалась Антонида Степановна.

Старичок задумался, потом вскинул руку:

— Вон, в том доме, видите, крайнее окно? Там одна моя приятельница живет. Попрефансу приятельница... Она всегда дома. Зайдите к ней...

— Да поди, неловко...

— Ловко, ловко! — подбадривал добрый старичок.

Антонида Степановна пошла нерешительно.

— Пожалуйста,— открыла ей дверь аккуратенькая, красивая, несмотря на годы, старушка. Реденькие, совершенно седые ее волосы были тщательно завиты и серебряным ореолом обрамляли лицо.— Вы по поводу обмена, вероятно, так меняться я не желаю. Да, да, не желаю! Это затея, знаете ли, моей разлюбезной внучки,— не давала хозяйка слова вымолвить Антониде Степановне.— Она решила прибраться к рукам и мою квартиру, и меня. Разумеется, объясняет все благородно: мол, годы, мол, нужен за мной уход... А я, знаете ли, не желаю в няньки! Не же-ла-ю! Я так люблю свою квартиру, в которой прожила всю жизнь! Свой район! Здесь у меня друзья!

И чувствую я себя, как восемнадцатилетняя девушка! Да, несмотря на то, что мне уже восемьдесят...

— Да я...— едва пробилась сквозь эту тираду Антонида Степановна.— Вы уж меня простите, ради Христа! Меня к вам старичок из kiosка...

— А-а,— жокетливо улыбнулась старушка и поправила локоп,— Иван Ильич? Так что же?

— Мне бы передачу посмотреть, недавняя я...

— Телевизионную передачу? А что за телепередача?

— Земляк мой петь будет, Меньшиков, Григорий...

— А-а, слыхала! — включила старушка телевизор.— Так он ваш земляк? Как интересно!

Передача уже началась. Плотный человек в косоворотке пел:

На горе стоит избушка,
Внучка с бабушкой живет, да!

— Возгудает уже! — выдохнула Антонида Степановна и подалась вся вперед, заволновалась.

Ох и вредная старушка-а!
Внучке воли не дает, да!

С интересом присматривалась старушка к гостю, покачивала седыми кудерьками.

Все ходил, все ладно было,
Все веселая была...

Григорий Меньшиков глядел с экрана телевизора прямо в глаза Антониде Степановне, и она даже дышать, кажется, перестала.

Не пришел, так рассердилась!
Ну и совесть у тебя! Да!

— Ох, Гриня, Гриня— шептала Антонида Степановна.— Неужто это ты, Гриня?

Старушка покачивала удивленно голов-

кой, потом деликатно вышла, через минуту вернувшись с подносом.

— Не хотите ли кофе? — подала маленькую чашечку.— Мне врачи запрещают, а я, знаете ли, решительно не могу без кофе...

Не отрываясь, смотрела гостя на экран. Певец уже сидел рядом с ведущей.

— Как началась творческая биография? — переспросил он, спльно окая.— Охотно расскажу. Вырос я в селе одном, в Петровском. Петь у нас ох как любили. Вернулся с фронта, организовали в клубе самодеятельность. Поставили даже музыкальную комедию. Довольно популярная была комедия...

Певцу приятно было вспоминать, волноваться даже начал.

— Да... Была у нас в селе певунья... Редкого голосу, да и красоты редкой обладательница,— подыскивал слова артист.

— Уж и скажешь, Гриня,— шептала Антонида Степановна, пряча лицо в ладонях.

— Да... Тося Петрова. Доярка сейчас, говорят, знаменитая. Вот с этим спектаклем мы и попали в область. Тут нас, меня да Тосю, высмотрел руководитель нашего хора. Тосе не пришлось, правда... А жалко... Очень жалко...

Задумался, будто забыл, где он.

— Григорий Андрейч,— напомнила ведущая.— Вот в репертуаре вашем — народные песни всегда. Не объясняется ли это тем, что вы родились и выросли в селе?

— Конечно, дорогая Нина Васильевна, объясняется! Живу я в городе давно, в самом центре. А на балконе у меня скворешня. Выйду на балкон, глаза закрою, послушаю, как скворцы поют, и словно побывал дома...

— Скворечник на балконе! — восхищалась старушка.— Ах, какой человек! Какой интересный человек!

— У нас во дворе береза стояла,— продолжал певец,— еще прадед мой сажал,

когда сын его, то есть дед мой родился, вот как! Жива ли та березка?

— Жива, Гриня, жива, да только осиротела твоя березка,— разговаривала с ним Антонида Степановна.

— Любил я ладить по вёснам скворешни да на березу вывешивать... Эх, Нина Васильевна, растревожили вы мою душу, до конца выскажусь... Живет в памяти моей местечко одно заветное...

Испугалась Антонида Степановна такой окроветности его, замерла.

— И на фронте я о нем помнил, и сейчас во сне вижу. Проулочек такой между двумя огородами, неезженный, нехоженный. Гусят только там вёснами пасли. Так вот, этот проулочек покрывался сплошь простенькими цветами — одуванчиками... Ну, словно кто золото просыпал... Вот если у кого есть в сердце полянка такая, богатый, я считаю, тот человек!..

...И растворился перед глазами Антонида Степановны телеэкран, увидела она себя девочкой с длинной хворостинкой, гонящейся за гусятами по золотой этой полянке. Не слушаются гусята, норовят в огород.

— Гринька! — кричит маленькая Тося.— Чего смотришь? Помогил!

Срывается с готовностью мальчишка, гонит гусят...

И другое в памяти всплыло: на этой же золотой полянке стоят они с Гриней у прясла. Горят на груди его медали. Припадает к ним головой Тося...

Всю-то я вселенную проехал,
Нигде милой не нашел...

— снова запел с экрана Григорий Меньшиков.

— Ах, какую вы подарили мне сегодня радость! — провожая гостью, вздыхала старушка.— Это же просто готовая новелла! Где паустовские? Я бы назвала ее «Скворечник на балконе»! Вы по поводу обмена? — увидела у своей двери человека.

И пока Антонида Степановна спускалась по лестнице, все слышала ее голос:

— Я меняться не собираюсь... Это моя разлюбленная племянница... Я, знаете ли, люблю свой дом, свою квартиру...

— Нянька! — кинулась на шею Антониде Степановне Маша, как только она вошла в свой двор, уставшая, пропыленная с дороги.— Нянька! Жду тебя не дождусь! Шура все мне рассказала! Нянька, измучила я тебя! Зачем ты поехала? Не хочу я ни в какой хор! Мы ведь с Сережей в институт собирались, заочно! Так я поступлю, нянька, клянусь тебе! Ты будешь мной гордиться, нянька!

— Да я и не поговорила ни с кем, Машенька,— устало опустила на ступеньку крыльца Антонида Степановна.— Институт — это хорошо, Машенька, одобряю...

— Нянька,— испугалась Маша потухших глаз сестры.— Плохо тебе, нянька?

— Худо, Маша.— И вдруг ткнулась младшей своей сестре в плечо, всхлинула.

И как ее успокаивала нянька, теперь так же Маша ей приговаривала:

— Поплачь, нянька, поплачь, родимая моя...

— Лучше бы я его не видела, лучше бы я не ездила...

— Поплачь, поплачь, нянька моя,— напештывала Маша.

Действительно, был проулочек глухой, неезженный, нехоженный среди огородов. Притаилась между двумя пряслами полянка. Баюлили по ней стайками гуси.

А только как ни старалась Антонида Степановна отыскать взглядом хоть один цветущий золотом одуванчик, не отыскала. Отцвела, отгорела полянка. Уже царствовали здесь седые легкие шарики-недотроги. Антонида Степановна сорвала один, дунула, как в детстве,— разлетелись пушинки.

— Куда лезете? Язви-то вас! — кричала на гусят девчонка с длинной хворостинной в руках. — Так в огород и норовят! Так и норовят!

А потом выпал снег. Он падал крупными хлопьями, заметая и полянку, и тропинки, отдавая те события, которые произошли весной и летом. И казалось, что не снегом, а тишиной, покоем укрылось все село.

Но это только казалось. Потому что на окраине села происходило событие исторической, как принято говорить в таких случаях, важности: открывалась совхозная молочная фабрика-«комплекс», о которой столько говорили.

Все работники огромной фермы, кто был свободен, конечно, собрались в цехе, где расфасовывалась готовая продукция.

Горели нетерпением глаза Аркадия Евгеньевича, крутил, волнуясь, пуговицу белоснежного халата.

Испуганно смотрела в зев расфасовочной машины работница цеха. Сгрудились вокруг нее жестяные корзинки для молочных треугольных пакетов. Замерла транспортная лента.

И вдруг из зева машины в подставленную корзину выпал пакет, другой, третий...

— Ур-ра! — первым закричал директор.

Не удержался, перегнулся через транспортер, схватил пакет, сжал его, как пузырь.

Пакет лопнул, и молоко фонтаном брызнуло в смеющиеся лица. Люди обнимались, размазывали молоко по щекам. Остатки молока в пакете Аркадий Евгеньевич допил.

— Совсем опалел от радости, — смеялся Константин Иванович.

— Завидно? — подмигнул всем директор. — Ох, и вкусно! Туш! Оркестр, давай туш! Опять оркестра нет?

Сконфуженный Илья в который уже

раз фальшиво проиграл туш, и опять засмеялись люди.

— Что? Для такого случая оркестр пожалел? — зашипел в ухо заведующему клубом директор.

— С концертами уехали, по плану, — оправдывался тот, но директор уже забыл о нем, хватал наполненные пакетами корзинки, ставил на транспортер.

— А этот пакет, — потрясал он пустым пакетом, — мы в совхозном музее под стеклянным колпаком хранить будем!

— Эх, мамонька не дожила до такого дня, — вздохнула Антонида Степановна.

— С землянок начинали, — вспомнила и пожилая Сергеевна.

— Экскурсию для учеников организовать надо, — позаботилась Лида.

Потом все на улицу высыпали, смотрели, как Иван, муж Шуры, брал с ленты транспортера корзинки с пакетами, ставил рядами в кузов своей машины.

Отправилась первая машина с совхозной фабрики, увозя первую ее продукцию.

Играл расстроенный свой марш вслед ей баянист-самоучка Илья.

И дня не проходило, чтобы кто-нибудь, одетый и обутый в специально для посторонних приготовленные халаты и сапоги, не осматривал цеха новой фабрики. То животноводы из соседних областей, то корреспонденты.

И всякий раз Аркадий Евгеньевич подводил гостей к сестрам, представлял:

— Вот прошу, гордость нашего совхоза, одна из сестер Петровых...

И всякий раз то одна, то другая отвечала за всех:

— Да что особенного-то? Робим и робим... Все и отличие наше от других-то, что все мы, четыре сестры, — доярки. Так это у нас в родове заведение такое...

А однажды после утренней дойки услышали они голос:

— Сестры! Петровы! В красный уголок! Сам пожаловал к вам, собственной персоной!

Аркадий Евгеньевич, вставая навстречу им, заторопился обрадовать:

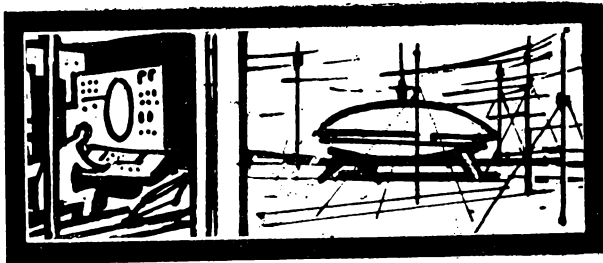
— Ну, Антонида Степановна! Лидия Степановна! Александра Степановна! Мария Степановна! Прибывает первая партия коров новой, высокоудойной породы! Принимайте!

— Эск... эск...— попыталась выговорить Шура.

— Ну, что ж, новый эксперимент, так эксперимент,— сказала Лида.

Шли сестры по заснеженной дороге, разговаривали о чем-то, изредка отрываясь, чтобы поздороваться с односельчанами.

Перед ними, как на ладони, открывалось все их старинное, обновленное современными постройками село.

Э. Тополь

ОТКРЫТИЕ

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ ТОПОЛЬ (родился в 1938 году) после окончания школы и службы в армии работал литературным сотрудником в редакциях газет «Социалистический Сумгаит» и «Бакинский рабочий». Его очерки и корреспонденции печатались также в газетах «Труд», «Комсомольская правда», «Литературная газета»; в журналах «Юность», «Смена», «Вокруг света». Э. Тополь закончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. По его сценариям поставлены художественные фильмы «Там, где длинная зима» («Мосфильм», режиссер А. Давидсон), «Море нашей надежды» (Одесская киностудия, режиссер Г. Овчаренко). По публикуемому в альманахе литературному сценарию «Открытие (Рукопись академика Юрышева)» фильм на Свердловской киностудии ставит режиссер Б. Халзанов.

Я НЕ МОГУ НАПИСАТЬ ВСЕЙ ПРАВДЫ — ЕЩЕ ЕСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПО КОТОРЫМ НЕ ВСЯКОЕ НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ МОЖЕТ СЕГОДНЯ СТАТЬ ГЛАСНЫМ. И ПУСТЬ УЛЫБНЕТСЯ МОЙ КОЛЛЕГА, ОБНАРУЖИВ НЕЛЕПОСТИ В ТЕРМИНОЛОГИИ, НО, Я НАДЕЮСЬ, ОН ПОЙМЕТ МОТИВЫ, ЗАСТАВИВШИЕ МЕНЯ ИЗМЕНИТЬ НАЗВАНИЯ ХИМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ВЕДУЩИХ К ЭТОМУ ОТКРЫТИЮ. А ЧТО ДО ЧИТАТЕЛЯ, НЕ ЗНАКОМОГО С НАУКОЙ, ТО НЕ ВСЕ ЛИ ЕМУ РАВНО — ФТОРИРУЕМ МЫ, СКАЖЕМ, КРЕМНИЙ ИЛИ «КРЕМНИРУЕМ» ФТОР?.. СУТЬ НЕ В ЭТОМ...

Академик С. Ю Р Ы Ш Е В

Низкая облачность укрывала сентябрьские поля Подмосковья.

Старенький «дуглас» отыскал наконец в этой облачности окно и пошел на посадку.

Я, Сергей Матвеевич Юрышев, возвращался из очередной северной экспедиции и еще в дороге узнал, что за разведку заполярного месторождения олова и вольфрама я удостоен Сталинской премии. Видимо поэтому на аэродроме меня встречали чуть не пол-института.

Помнится, во время веселых объятий и поздравлений я посмотрел на Каточкина. Он стоял у служебной «эмки», ждал. Из-под пальто у него торчал край лабораторного халата, и кажется, мы с ним даже не обнялись. Просто пожали друг другу руки и сели на заднее сиденье «эмки».

— В институт? — спросил водитель.

— Конечно, Юра,— ответил я.

«Эмка» вымахнула на Ленинградский проспект. В облике Москвы нового было немного — даже не на всех окнах исчезли бумажные кресты. А у Белорусского вокзала по-прежнему — военные, призывники. Зато автомашин прибавилось. И трофейные «БМВ», и американские «студебеккеры», и наши «газики». Мой водитель, поторапливая идущие впереди машины, по минутно сигналил. Особенно людно было возле кинотеатра «Ударник», где народ толпился даже на мостовой,— женщины, отпускники с фронта. В «Ударнике» шел новый фильм «В 6 часов вечера после войны».

Каточкин достал из кармана три билета, кивнул на афишу кинотеатра, похватал:

— Еле достал. Вечером сходим.

— Небось, с рук? — усмехнулся я.

— Ну...— Он спрятал билеты.— Ты пять

месяцев в тундре... А тут премьера. Самойлов играет, Ладывина...

— Значит, поискам анселия — крышка? — спросил я в упор.

Каточкин пожал плечами.

— Не знаю. Мы проверили все варианты. Лида уже на себя не похожа. А Чанеев...

— Что Чанеев?

— Тебя же нет, он — хозяин. Забирает реактивы, аппаратуру. В общем, сворачивает.

— Я ему сейчас сверну!

— Ну, его тоже можно понять. Люди кругом на войну работают, а мы... — он отвернулся.

— А вы работаете для будущего, — я уже начинал злиться. — Тебе что — обязательно пули отливать для фронта?

— Понимаешь... — произнес он после паузы. — По-моему, мы мурой занимаемся... ну, кустарщиной.

— Ах вот в чем дело! Да, при сегодняшнем уровне исследований шансов получить новый элемент, да еще анселий — очень мало. Ну и что? Если весь институт работает на войну, я могу двоим позволить работать на будущее. И точка! Как мой крестник? Все орет по ночам?

— Почему? — Каточкин даже обиделся. — Андрей уже взрослый мужик — полтора года!

— Это ему. — Я достал из кармана толстую плитку шоколада. — Чуть сам не съел — четыре дня добирался.

— И съел бы, — сказал Каточкин. — Детям до пяти лет нельзя шоколад.

— Ну да? — огорчился я.

Игорь Чанеев, мой заместитель по научной части, шел со мной по коридору института к лаборатории анселия. Здороваясь с сотрудниками института и лаборантами, я на ходу выговаривал Чанееву.

— Конечно! Через двести лет открыть анселий будет легко. Техника позволит. И что — подождем?

— Да я бы подождал, — с улыбкой согласился он.

— А я — нет! И сворачивать исследования я тебе не позволю.

— А кто сворачивает? Это тебе уже Каточкин наскулил? Подумаешь, я взял пару колб...

— Положим, не пару.

— Ну, не пару... Сережа, — он взял меня за локоть. — Я понимаю, чистый анселий — мечта твоей молодости. Но если бы ты хоть сам этим занимался. Ведь между нами, — какой из Каточкина ученый? Вы дружите тридцать лет, ну и что? Жена у него — другое дело, она еще тянет. Но вот вчера у меня были два парня из конторы Иоффе, ты же знаешь мой нюх...

— Стопроцентные гении? — усмехнулся я.

— А что? Я хоть раз ошибся? У этих ребят есть одна идея, и я печенкой чую — если дать им лабораторию...

— Эту? — я остановился у двери с выцветшей табличкой «Лаборатория анселия».

Чанеев пожал плечами.

— Другого помещения нет. А упускать этих ребят...

— Слушай, Чанеев, — перебил я с улыбкой. — А если мы сегодня получим чистый анселий, а?

— Прекрасно! — тут же согласился он. — Но только сегодня, ладно? А если нет...

— Товарища Чанеева срочно вызывает Караганда, — хрипло сообщил динамик. — Повторяю. Товарища Чанеева срочно вызывает...

— Иду, иду! — сказал Чанеев динамику. И иронично бросил мне на прощанье: — Анселий! Ты бы уж занялся эликсиром молодости! Да еще с такими сотрудниками... — он кивнул на дверь лаборатории.

Водород — первый элемент периодической системы Д. И. Менделеева. В 1766 г. получен в чистом виде

Г. Кавендишем и в 1783 г.— А. Лавуазье. Сергений — 108-ой и пока последний элемент периодической системы элементов. Открыт В. Чердынцевым в 1968 г.

Аппаратура в те годы была — не сравнить с сегодняшней, даже реторт не хватало.

В лаборатории чистого анселия жена Каточкина Лида переходила от прибора к прибору, диктовала мужу:

— Запиши: десять сорок — размыв...

Каточкин в расстегнутом халате сидел за столом, записывал в рабочую тетрадь.

— Температура — пятьсот сорок... — продолжала Лида.

Каточкин пожаловался:

— Сделала из меня писателя...

— А если из тебя химик не получается, — сказала она. — Пятьсот сорок, записал?

— Записал.

— Начиная разложение фторида, — она повернулась ко мне, сказала: — Нам его разлагать часа четыре, а вы с дороги. У Чанеева в кабинете диван, даже подушка...

— Еще чего?! — возмутился я. — Вот побриться...

Я провел ладонью по щеке, щетина была порядочная.

— Пошла конденсация? — спросил я.

— Пошла, — сказала Лида. — Муж, запиши: десять сорок семь — конденсация и разложение фторида. Конденсация пипет-ся через «о».

— Да знаю я! — отмахнулся Каточкин. — Сколько там градусов?

— Пятьсот семьдесят. Нормально...

Я вышел, закрыл за собой дверь. Сделал по коридору четыре шага. За спиной прозвучал глухой взрыв. Я рванулся назад, в лабораторию.

Лида лежала на полу, неестественно подвернув руку; тело Каточкина еще клонилось со стула. На покарженном лабораторном столе — битое стекло, пятна от пролитых реактивов, оплывшая жезь вы-

тяжного шкафа. Рядом, на обожженной стене, — таблица Менделеева, пробитая осколками автоклава. Словно эту серую плакатную бумагу прошили пулевыми очередами.

Пулевыми стрельба разорвала тишину, повисшую над покойным течением северной реки и ее круглыми берегами, поросшими сумрачной пихтой и кедром. Кедровые опрокидывались в прозрачное зеркало воды, но сейчас вода, возмущенная мелкой рябью, обратила в дрожь кроны отраженных деревьев. Даже на берегу от долетающих сюда пулевых очередей сыпались наземь ветки и листья.

Посреди реки три белоохранительских катера настырно атаковали нашу утлую плоскодонную баржу.

Мы отстреливались последними патронами, прячась за крытое брезентом и принайтовленное к палубе сооружение.

А с катеров поливали баржу пулевым огнем. Уже шальная очередь срезала с мачты красный флаг, он упал в воду, некоторое время плыл за баржей, потом, намокнув, затонул.

Белоохранительцы с криком «Ура!» двинулись на abordаж.

Сотник, угольбровый молодежавый казак, первым перемахнул на баржу, ворвался в рубку, застрелил капитана. Тот плечом навалился на штурвал, под тяжестью его тела штурвал крутнулся, и послушная рулю баржа пошла по реке кругальями...

...Переступив через покарженную взрывом дверь лаборатории анселия, санитары на носилках вынесли два прикрытых простынями тела. У дверного проема остались лаборанты, я, Чанеев... Молчали. В проем была видна изуродованная взрывом узкая лабораторная комната-пенал. На полу валялась обгоревшая рабочая тетрадь, пачка дешевых папирос «Пушка» и три билета в кино...

Наша баржа тонула, оседающая кормой в воду.

Было тихо, покойно. Отраженные в воде пихты и кедры снова выпрямились. На корме баржи, куда уже подступила речная волна, мы стояли втроем — жилистый флегматик Каточкин, Сеня Илкин, гениальный топограф с одесскими бакенбардами, и я, двадцатилетний Серега Юрышев, комиссар и адъютант-геолог. Лица наши были разбиты, рубашки разорваны, руки связаны за спиной.

Белогвардейцы финскими ножами распоролы брезент на принайтовленном к палубе сооружении. Взгляду сотника открылся бурильный станок — металлическая вышка, ротор, несколько ящиков с долотами, бурильные трубы, мотор...

— Шо цэ такэ? — мягким певучим баритоном спросил он.

— Бурильный станок, — по праву старшего из пленных и с некоторой насмешкой ответил я.

— А на шо воно?

— Землю бурить...

— А што казав, шо цэ пушка? — Сотник повернулся к своим. — Гулявый, ты казав?

— Нет, батько, — отказался молодой белогвардеец, единственный франт, на котором была целиком вся белогвардейская форма, даже значок «гусара смерти» — латунные череп и кости. Опасаясь за свою роскошную амуницию, «гусар» с беспокойством поглядывал на прибывавшую воду. Она уже подступила к его надраенным до блеска сапогам. Но сотник держался спокойно, будто собирался тонуть на этой барже вместе с нами.

— Можэ ты, Пэтрович? — повернулся он к еще одному белогвардейцу.

— Нет, батько...

— Володька казав, — с грустью сообщила своим сотник и повернулся к нам: — Такой хлопец був, спивав... А вы його вбыли...

Мы молчали. Можно подумать, мы на них напали, а не наоборот.

— Так... — произнес сотник. — А дэ вы оцією пушкою землю гвоздзувать думалы?

— В Хантальских горах, — спокойно ответил я.

— А на шо?

— На уголь, на медь... — сказал я все так же насмешливо, хотя вода уже заползала в ботинки.

— А ты знаешь, шо там вугиль е?

— Его Стасовы открыли. Уголь и медь.

— И золото? — быстро спросил сотник.

— Не знаю... Не думаю...

— «Не думаю»... Та шо ты можеш думать, пентюх?! От люды! — сокрушенно сказал своим сотник. — Токо-токо мы отступили, англичане ще в Архангельске, може мы й назад вернемось, а вони вже хапають — вугилля, золото. Бачите, яка власть? — И повернулся ко мне: — Ну на шо воно тоби?

Я отвернулся. Вода поднялась уже выше ботинок.

— Добрэ, — мягко сказал сотник. — Ставайте суды, сынки, коло своей бандуры. Пэтрович, привяжи их. Не бачить вам ни вугилля...

Белогвардейцы, обрадованные концом спектакля, привязали нас к металлическим фермам бурильного станка. Спешили — тоже не все были в сапогах да и баржа угрожающе накренилась. Только сотник стоял спокойно, усмехался.

— Сотник, утонешь! — крикнул ему перебравшийся на катер «гусар смерти».

— Та пидождь! — отмахнулся тот и, ожидая, пока все белогвардейцы покинут баржу, придумал новый вопрос: — А дэ вы ии взяли — оцию бандуру?

— Иди ты... — спокойно сказал ему Каточкин. — Еще тонуть с тобой.

— Батько! — снова крикнул с катера «гусар».

— Та дай побалакать. — Сотник подошел к нам вплотную и сказал вдруг на чистом русском языке: — А может быть, господа геологи, вы для меня здесь золото поищете? Станок еще можно спасти да и ноги мочить не придется — сапоги выдам, хромовые, английские...

Мы молчали. Надоело. Вода уже подбиралась к коленям.

— Понятно,— проговорил он,— вы идённые. Экскюз ми...

И черная голенищами сапог стремительно прибывающую воду, пошел к катеру. С выдержкой был, сукин сын,— до последней минуты держался, словно никакой воды не было.

— Да здравствует мировая революция!— вдруг крикнул ему вслед тихий топограф Сеня Илкин.

— Хай...— насмешливо согласился сотник, уже стоя на палубе катера.

Катер, взревев мотором, отвалил от тонущей баржи. Баржу стало закручивать. Вокруг нее образовалась воронка...

Я сам поехал к прокурору.

На Калужской заставе «эмка» пережидала колонну курсантов; звонкими голосами они пели в такт чеканному шагу: «Но если скажет страна труда...»

Потом «эмка» второй раз за этот день проехала мимо «Ударника», мимо красочной афиши нового фильма «В 6 часов вечера после войны»...

Жилистый Каточкин вытащил меня — задыхающегося, наглотавшего речной воды — на берег. И тут же уплыл спасать Сеню Илкина. Я лежал на песке, меня мугило.

Каточкин вернулся один. Подошел. Сел рядом.

— Ну?— спросил я, тяжело дыша.

Каточкин угнетенно пожал плечами.

— Я... Я сейчас...— Я старался взять себя в руки.— Сеньку нужно вытащить, похоронить...

— Лежи...— грустно сказал Каточкин.

— Мандат?!— Холодея от предчувствия, я рывком сел на песке, с ужасом уставился на свои босые ноги.

— Тут...— Каточкин небрежно кивнул на валявшийся неподалеку мокрый ботинок.— Толку с того мандата...

— Как это — толку!— Я лихорадочно стал отрывать каблук ботинка.— Хантальский рывком — сорок километров. Нам там людей дадут...

В кабинете прокурора я диктовал следователю показания. Прокурор сидел в глубине комнаты, но даже издали я ощущал на себе его изучающий взгляд.

— ...является моей виной,— размеренно говорил я следователю,— и результатом моей поспешности. Записали? Кустарщина, несоответствие задач исследования с техническими и научными возможностями, на что мне неоднократно указывали, привели к гибели...

В кабинет вошел сотрудник прокуратуры, передал прокурору папку с моим личным делом. Видимо, они успели съездить за ним в институт. Прокурор открыл ее.

— ...привели к гибели талантиливых научных сотрудников Каточкина Дмитрия Егоровича,— диктовал я следователю,— и его жены...

Прокурор поднял глаза от папки, перебил:

— Этот ансамбль имеет оборонное значение?

Я повернулся к нему, сказал спокойно:

— Сегодня даже картошка имеет оборонное значение. В то же время ансамбль... Какие бы блага ни сулило это открытие, все равно это дело далекого будущего.— Я повернулся к следователю, продолжил: — Далее. Вина моя усугубляется тем, что во время эксперимента я по халатности позволил себе уйти из лаборатории...

Прокурор закрыл мое личное дело, подошел к следователю и молча вытащил лист из пишущей машинки. Порвал его и сказал:

— Сергей Матвеевич, я вам ничем не могу помочь.

Я удивленно посмотрел на него.

— Вы мучаетесь угрызениями совести и хотите моими руками себя наказать,— он усмехнулся.— Спасибо за доверие, но в

этих случаях прокуратура бессильна. Откуда вы прилетели?

— Из Ханталъска...

— У вас правительственное задание?

— Наш институт ищет руды.

Прокурор посмотрел на меня вопросительно, я объяснил:

— Вольфрам, молибден, свинец, олово...

— Ну вот,— сказал прокурор,— фронт ждет от вас свинец. Вам что, кроме как в прокуратуре, негде излить душу? Все-таки у нас не церковь. Даже для лауреатов...

Очередная тетрадь полетела в камин. Там, набухнув огнем, коробились и с порохом сворачивались листы уже десятка таких, исписанных химическими формулами тетрадей. На обложках было только одно слово «АНСЕЛИЙ».

Я жег свои многолетние записи, и мне не было жаль, скорей наоборот: я совершал этот ритуал со странно мстительным удовлетворением. Анселий отнял у меня Каточкиных... А их смерть... Да, их смерть отняла анселий. Потому что вести эти исследования одному не под силу — да и кто сейчас в науке работает в одиночку?! — а подвергать ради анселия опасности кого бы то ни было... Нет. Вслед за тетрадами в камин полетели несколько моих брошюр. Среди них — «Заманчивый анселий» 1936 года издания и «Чистый анселий — перспективы открытия», изданная в 1938 году. В руке осталась лишь опаленная взрывом рабочая тетрадь погибших. Сжечь ее не хватило мужества...

А рядом с камином сидел на чемодане полуторогатоваль мальш в детской шапке-буденовке и в пальто, заворуженно смотрел в огонь и улыбался. На звезде его буденовки плясали отблески пламени.

...Кедрач уступил сопки низкорослой березе. Тайга перешла в лесотундру, река разливалась все шире — мы шли на север: я, Каточкин и трое мужиков, воору-

женных охотничьими двустволками. Этих людей мне дали в ханталъском ревкоме, дали без проволочек — стоило предъявить мандат. Одеты мы были тепло: оленьи кисы, лисьи треухи.

Взбравшись на очередную сопку, увидели наконец угольный карьер. Десятка три рабочих кайлами долбили породу, гащили тачку с углем к общему копру.

— Вот же гады! — вырвалось у меня.

— Че такое? — спросил один из мужиков.

— Пласт только сверху берут, как сливки снимают...

— Стасова твоего не видно? — спросил Каточкин.

— Пока нет...

Чуть поодаль стояли два барака. Над одним курился дымок. Еще дальше, над рекой, высился бревенчатый сруб, не дом, а крепость — с крепким забором, амбарами.

На крыльце одного из барачков появилась женская фигура, кочергой ударила по рельсу.

Рабочие отложили кайла. Старший — то ли десятник, то ли маркшейдер — повел их к барaku.

Каточкин принялся:

— Мясом пахнет...

— Пошли,— сказал я.

— Щас нас угостят,— усмехнулся он.

Впервые Андрей сказал мне «папа», когда ему исполнилось три года. Произошло это на Казанском вокзале.

— Андрюша Каточкин! Андрюша Каточкин! — зывал репродуктор. — Товарищи, потерялся мальчик, три года...

Растерянного, со слезами на глазах Андрея держала за руку какая-то старушка. Мы с ним оба увидели друг друга издали, он вырвался из ее рук и бросился ко мне, закричав на весь зал:

— Папа!!!

Я подхватил его на руки, он прижался ко мне.

— Папочка...

В роли Анны актриса Жанна Прохоренко

— Здравствуйте, товарищи! — Я во-
рвался в барак и сказал это весело, но
взглядом тревожно обвел всю столовую.

Стасова не было.

Рабочие обедали за двумя грубо ско-
лоченными столами. У большой русской
печи хлопотала молодая повариха. Сле-
дом за мной вошел Каточкин. Мужики
остались снаружи, на всякий случай.

На приветствие никто не ответил, толь-
ко подняли глаза, ждали.

— А где хозяин, Стасов? — спросил я.

— А ты чей будешь? — спросил один,
пожилой и солидный, в меховой безру-
кавке.

Я быстро повернулся к нему:

— Вы тут за старшего?

— Ну, горный мастер... — нехотя под-
твердил он и уточнил: — Штейгер.

— А Стасов где?

— Будет. Через неделю. А ты кто есть?

— Жалко, — сказал я. — Мы с ним учи-
лись вместе, с Илюшкой Стасовым. Ну,

будем знакомиться: адъюнкт-геолог и ко-
миссар Красной Армии Сергей Юрышев,
послан к вам Совнаркомом...

— С самой Москвы? — изумилась пова-
риха.

— Анка! — строго прикрикнул на нее
горный мастер.

— Вот мандат, — сказал я, выкладывая
мандат на стол. — Жрать хотим, честное
партийное слово. Сесть можно, рабочий
класс?

И сел, не дожидаясь приглашения. Ни-
чего получилось, эффектно.

Повариха вопросительно посмотрела
на мастера, тот жестом приказал дать нам
поесть. К мандату он не прикоснулся.

Повариха поставила передо мной и Ка-
точкинским по миске супа. Рабочие смотре-
ли то на нас, то на мастера. Но он мол-
чал, ждал.

Я усмехнулся и принялся за еду нарочито не спеша, чтобы здесь с первых ми-
нут почувствовали в нас начальство. Сей-

час я понимаю, каким юнцом казался им тогда. Хотя, впрочем, я знал одного комдива, которому было семнадцать, и никого в ту пору это не удивляло... Каточкин спокойно накрошил хлеб в миску, только потом принялся есть. Был в этой процедуре элемент демонстрации уверенности в себе. Но рабочие продолжали есть. Только мастер смотрел на меня в упор, ждал. Я понял, что пора переходить к главному, но беспокойства не показал. Доел суп. Каточкин вытер свою ложку хлебом.

— Так что? — спросил мастер. — Реквизировать приехали?

— Спасибо. Вкусно, — сказал я поварихе и повернулся не столько к мастеру, сколько к рабочим: — Значит, так. Именем революции, по декрету о национализации частной собственности, угольные копи купца Стасова и все принадлежащие ему окрестные земли переходят во власть трудового народа. Теперь вы сами хозяева!..

Я сказал это, словно провозгласил, — бодро, с подъемом, ожидая, что уж кто-то, а рабочие этой вести обрадуются. Но один из них лишь усмехнулся:

— Нам эти земли без надобности...

— Так че, — спросил еще кто-то у мастера, — на работу уже не ходить?

— Слышь, — сказал мне мужик лет пятидесяти, худой, как обхлестанный веник, с наколками на груди и на плечах, — а с-сылным от вашей власти а-амнистия есть?

— А кто тут ссылный? — Я не скрыл изумления и чуть не сорвал этим всю игру.

— А все, считай... — насмешливо ответили мне.

— Политические?

— Не-а... Уголовные.

Теперь они поглядывали на меня с иронией, явно наслаждаясь моей растерянностью, и я понял, что каждая минута этой растерянности потом обернется месяцами конфликтов с ними, поскольку других рабочих тут за сотню верст не сыщешь.

— Товарищи! — сказал я, поднявшись, и даже сглотнул от волнения. — Всем, кто согласится работать для новой власти, будет полная амнистия! — Я сказал это громко, как на митинге, хотя никаких прав давать амнистию у меня не было. Но я сознавал себя полномочным представителем нового мира, и это было приятно, не скрою. В конце концов, царизм толкнул их на дно общества, и царский же суд осудил их. — Республике нужен уголь, медь...

— И справки дашь? — перебили меня.

— Дам!

— А платить чем будешь?

— Советским рублем...

— Покажь хоть, какой он есть...

Тут я оплошал. Я не умел врать.

— Дело в том, товарищи... — замялся я. — Нашу баржу потопили белогвардейцы. Погиб наш товарищ, тоже геолог, но я уже написал в Москву. Деньги вскорости будут.

— Э-э! — заусмехались, присвистнули, повставали с мест, направляясь к выходу, рабочие. — Даром пусть лошадь работает... Нашел фраеров... Анюта, давай спиртягу, будем свободу праздновать!..

— Тихо! — закричал я и, кажется, сорвался на мальчишеский фальцет и пошел на рабочих, к их глазам и лицам: — В республике нет гвоздей, подметку прибить нечем. В Мурманске Миллер стоит, англичане. В Питере угля нет, все заборы сожгли. Дети получают вот такой кус хлеба и все. Кто они вам? Чужие? Может, твой сын макуху жрет, а ты тут торгуешься, за какие деньги работать. А за какие вы на Стасова работали?

— Он фунтами платил... — ответил кто-то.

— Фунтами? Фунты у нас в республике не ходят, зря копили! — резко повернулся я и споткнулся о геологическую ступу, лежавшую у груды телогреек.

Кто-то из рабочих присвистнул:

— Фунты не ходят? Это как же теперь?..

— Так что? — не сбавляя я нажима.— Будем работать?

— Все? — спокойно спросил у меня мастер.— Теперь я скажу. Работать будем, как работали. До приезда хозяина. Он в Архангельск пошел.

— К англичанам? — резко спросил я. Мастер продолжил, не отвечая:

— Вернется, будешь с ним решать.— И повернулся к рабочим:— Фунты еще сгодятся. Пошли. Обед кончился.

Он подался к выходу. Следом двинулись остальные. Проходя мимо меня, мастер сказал:

— А насчет меди ошибся ты — нет тут меди.

— Как это нет? — изумился я.— Мне Стасов сам говорил — его отец тут медь нашел.

— Ошибка получилась,— сказал мастер и вышел.

Я растерянно смотрел на Каточкина. Он взял со стола мандат, медленно сложил его и протянул мне. А задержавшийся у двери заика предложил мне:

— У-унтята у тебя хорошие. М-ма-ма-ма? С доплатой...

Андрею исполнилось шестнадцать лет, и по этому случаю мы с ним обедали в ресторане. Сидели за столиком у окна. Андрей вдруг сказал:

— А если я... Пац, а если я возьму твою фамилию, это не будет подло?

— Подло?

— Ну, по отношению к нему... к отцу,— объяснил он, покраснев, но не опустил глаз.— Я ведь его совсем не знаю...

Сергея Юрышев — актер Михаил Кононов

— Это ты должен сам решать,— сказал я мягко.

— Я решил,— торопливо сказал он.— Я давно решил. Мне только перед ним неудобно...— он на мгновение опустил глаза, потом спросил в упор: — Слушай, а почему ты перестал искать анселий? Моррисон и Гаскелл ищут, я читал в «Вестнике химии».

У меня что-то екнуло под сердцем. Я ответил, помедлив:

— Пусть ищут. У меня есть дела поважней. К тому же на сегодняшнем уровне науки получить чистый анселий невозможно. Лет через сто...

— Слушай,— сказал Андрей.— А я могу взять две фамилии? Ведь были же Миклухо-Маклай, Римский-Корсаков и этот... Мамин-Сибиряк, а? А я буду Юрышев-Каточкин.

Я улыбнулся и поднял бокал с вином.

— С днем рождения, Миклухо-Маклай! Только ты закусывай.

Мы чокнулись, он отпил из бокала и принялся за котлету по-киевски. Спросил, словно бы между прочим:

— Папа, ты из-за меня не женился?

— Что? — изумился я.

— Знаешь, я тоже решил никогда не жениться,— сказал он с чуть хмельной доверительностью.— Зачем? Вот Чанеев женился — и что он в науке сделал? Нет, ученому жениться нельзя.— Он взялся за бутылку, хотел наполнить бокалы.

— Эй, эй! — отнял я бутылку.— С тебя хватит.

— Но я же именинник!

— Хватит, хватит,— с грубоватой строгостью сказал я и наполнил свой бокал.

— Папа,— сказал он вдруг совершенно невпопад.— Я тебя очень люблю.

— Ты просто пьян,— улыбнулся я.

— Ага,— радостно подтвердил он.

А на той, пробитой осколками автотрассы, таблице Менделеева жирным карандашом были очерчены пустые клетки — 97-ая, 98-ая, 99-ая...

Первый снег забелил хантальские сопки. Он падал густо и совершенно отвесно.

На одной из сопки, где стоял стасовский заявочный столб, мы долбили вдоль склона длинные канавы. Мы — это я, Каточкин, три мужика, пришедшие с нами из Хантальска, и заика Коровин. На Коровине были мои унты.

— Ну? Это что — не медь? А это? Или вот — тоже не медь? — настойчиво спрашивал я у горного мастера, показывая ему образцы, испещренные блестками.

— Я ж вам по-русски сказал — нет тут меди,— отвечал он.

— Врете вы!

— Вам видней — вы ж геолог,— усмехался он.

— Вот именно!

Долбить канавы приходилось кайлами: лопаты не брали вечную мерзлоту. Снег залеплял глаза, в канавах собиралась вода. Мы работали, стоя в ней по щиколотки, и больше получаса никто не выдерживал: судорогой сводило замерзшие ноги.

— Все,— объявил Коровин.— Не могу больше...

— Но ведь эти блестки — явные признаки меди, Коровин! — сказал я.

— Ноги застыли,— ответил он и выbralся из канавы. Да и у меня уже не было сил. Но я заставил себя окунуть руки в собравшуюся в канаве воду, сгреб расколотую кайлами породу и только после этого вылез. Сказал мастеру:

— Идемте, поможете мне толочь образцы и определять содержание меди.

— Мне не к спеху,— отозвался он.

— Саботируете? Стасова ждете?

— По снегу он быстрее придет...

— Ладно, тогда я сам...

Я наспех рассовал по карманам образцы и пошел к баракам. Знал, что саботажник-мастер смотрит мне вслед, но не обернулся. Сзади звучал одинокий стук кайла — это по-прежнему долбил породу Каточкин.

В бараке Анна возилась у плиты. Я выложил на стол образцы, попросил:

— Хлебнуть бы горячего, а?

— Умойтесь сначала. И обросли, как на иконе. Может, подстричь?

— Некогда...

Я сполоснул руки под кухонным краном, достал из кованого сундука растрепанный учебник геологии.

— Это ж быстро. Гляньте, на кого похожи,— поп! — Она протянула мне осколок зеркала.— Чистый поп!

Бакенбарды у меня были, действительно, жуткие — клочьями, а волосы и того хуже.

— Давай,— решил я и сел на лавку.— Только я буду делом заниматься, а ты стриги...

Я открыл учебник геологии, нашел раздел по методике анализов породы. Анна достала расческу, ножницы, набросила мне на плечи полотенце, поправила на столе зеркало.

— Скучно тебе? — спросил я, разглядывая рисунки в учебнике и пробегая глазами по строкам. Прекрасная это штука — старые учебники. Все тебе нарисовано: что породу нужно размельчить в ступе до муки, потом насыпать горкой, потом разделить эту горку крест-накрест на четыре части.

— Мне-то? — Анна усмехнулась, принимаясь расчесывать мою шевелюру.— Мне нигде не скучно. Еще такого мужика не было, чтоб повеселить не скотел. Хотя б Каточкин ваш...

— Ты что плетешь? Он мне жизнь спас!

— Ну и что? — резонно спросила она, удерживая мою голову.

— Ну и ничего... Во всяком случае, я за ним не замечал...

— Вы заметите... — опять усмехнулась она.

Ее руки гладили мои волосы, прикасались ко лбу, к затылку, и движения эти были легки и обжигающи. В биографии того двадцатилетнего Юрышева это были

первые после материнских женские руки, которые вот так прикасались к нему. Помню, как я стал деревенеть, как стали ватными ноги... А она говорила:

— Ко мне, может, каждую ночь стучают. Токо я не пускаю. Жду тут одного залеточку...

— Стасова? — выдохнул я.

— Может, и Стасова, может — еще кого...

— Секрет? — Нет, я не хотел поддаваться этим ласковым рукам и пытался голосом, разговором сбросить оцепенение: — Мне-то можешь сказать...

— Могу... — тихо ответила она, и в полной тишине я услышал ее близкое дыхание. Ее руки замерли, сжали мою голову, а губы были совсем рядом и зеленые глаза тоже...

И тут я увидел, что в углу, возле груды телогреек, нет геологической ступы. Нет ступы!!!

Я вскочил, метнулся к телогрейкам, переворошил их.

— Здесь... Здесь была ступа! — повернулся я к Анне.

— Что? — не поняла она, еще не придя в себя.

— Здесь была ступа! — крикнул я снова, лихорадочно разбирая телогрейки.— Ты взяла?

— Нужна она мне!

— Но она тут стояла! Утром еще! Кто ее взял?

Анна пожала плечами и ушла к плите, где закипала огромная кастрюля с супом.

— Анна!

Она повернулась и увидела у меня в руках маузер. Ничего глупей я, конечно, не мог придумать.

— Это саботаж! — сказал я.— Мне нужно знать содержание меди в породе, растолочь образцы. Кто взял ступу?

— Да идите вы!.. — вдруг со слезами в голосе выкрикнула она. Отвернулась к плите, вскинула голову, отбросив волосы за спину.

— *Хорошо!.. Ладно!.. Все вы саботажники! — бормотал я, пряча маузер. Не хотелось признавать себя виноватым в этой дурацкой сцене. Двадцать лет мне было, неполных двадцать!..*

В Домодедово было, как обычно. Шумно, пестро, суетно.

Я прилетел из Ханталъска, в аэропорту меня встречал весьма располневший Чанеев и давний, постаревший ровно на 26 лет водитель Юрий Федотович. Только теперь он водил «Волгу».

Я отдал ему жетон на багаж, сказал Чанееву:

— У тебя нет других дел, как встречать меня в аэропорту?

— Ну, в последний раз... — усмехнулся он.

— ?

— Академия считает, что Заполярью уже нужен свой институт геохимии. Позавчера была коллегия — директором назначили меня.

— Та-ак. Поздравляю. Добился-таки? — ~~Опорная база будет в Ханталъске,~~ так что милости прошу...

— Ладно. А почему Андрей не поехал в экспедицию? Ты его распустил своим покровительством.

Юрий Федотович принес мой чемодан и широкополый, выдавший виды накомарник, сел за руль и спросил:

— В институт?

— Нет, — сказал я. — Домой. Ванну, душ — все, что полагается. Я два месяца горячей воды не видел... Сын называется! Ты меня встречаешь, а ему некогда...

Машина свернула с проспекта в переулок и почти тут же остановилась у высокого здания с модным бетонным козырьком над парадной дверью. Это и был мой институт, верней — его новый корпус, стеной примыкавший к старому, трехэтажному. В распахнутых окнах лабораторий, прямо на подоконниках сидели, конечно, эти молоденькие пигалицы-лаборантки, ку-

рили, но увидев директорскую машину, исчезли разом, словно их сдуло.

— Может, заглянешь? — Чанеев кивнул на институт.

— Нет, — сказал я. — Сначала домой. Скажи Андрею, чтоб он мне позвонил.

Чанеев помялся, потом сказал:

— Понимаешь, я его сам уже четыре дня не вижу...

— Как это? — удивился я.

— Он... он позвонил во вторник, сказал, что берет отпуск за свой счет. На две недели.

— Посреди полевого сезона?! — возмутился я. — Зачем?

— Знаешь, я думаю... Я думаю, он у тебя просто влюбился. Нет, это не страшно, уже и пора, но я должен тебе сказать — это такая, ну... современная любовь — он живет у нее... Нет, это, в общем тоже ничего...

— Ты ее видел? — перебил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Н-да... — протянул я. — Ну-пу. Хотел бы я взглянуть.

— Та я видел, — вдруг пренебрежительно сказал Юрий Федотович. — На шо там смотреть?

Под вечер моя машина остановилась у подъезда с шестью вывесками различных учреждений. Ветер гнал вдоль тротуаров тополиный пух. Вскоре из подъезда хлынул народ — рабочий день кончился. Юрий Федотович молча всматривался в людской поток. Наконец сказал:

— Вон, в желтом платье.

Он кивнул в сторону молодой женщины лет двадцати семи. Стройная, с красивыми ногами. Но лицо неброское и немного усталое...

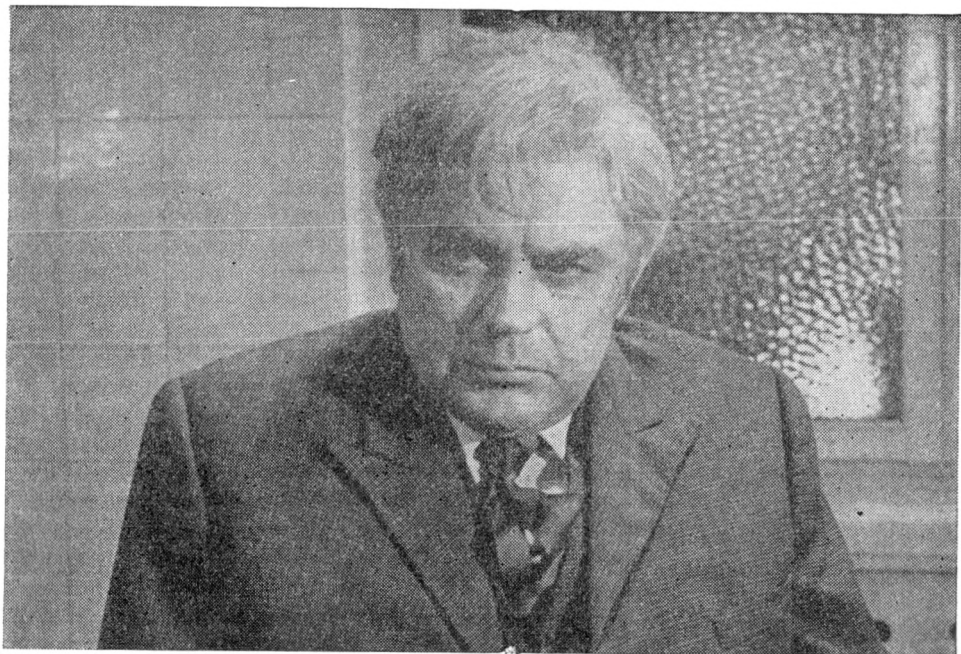
— Ну, что же вы? — сказал мне водитель.

— Неудобно как-то, я же ее не знаю...

— Да чего там неудобно! Так и так, здрасте, я сын... то есть я — отец Андрея. Где мой сын? И все дела!

— Ладно, — сказал я. — Попробую...

Я вышел из машины и двинулся вслед

Академик *Сергей Матвеевич Юрышев* — актер *Донатас Баннионис*

за женщиной в желтом платье. Водитель медленно ехал за нами.

Она вошла в магазин, а я остался у входа. Сквозь стекло витрины я видел, как она покупала коробку овсяного печенья, пачку чая и лимонные дольки.

При попытках получить свободный фтор погибли, получили тяжелые ожоги и легочные заболевания ирландские академики Георг и Томас Нокс, бельгийский профессор А. Луйе, французский химик Джером Никле, а также Гей-Люссак, Деви и Тенар.

У дверей магазина я заступил ей дорогу:

— Извините. Я отец Андрея.

Она вскинула глаза и как будто не удивилась.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте,— сказал я и нашелся: — Позвольте вас подвести — я на машине...

Оказалось, она живет в Черемушках.

Стандартная однокомнатная квартира. Тахта, зеркало, допотопный телевизор. Журнальный столик и письменный стол завалены техническими журналами и брошюрами на русском, английском, немецком.

Я сел в единственное кресло. Заметил: на полу у тахты — две пары домашних тапочек. Одни с помпончиками, женские, другие — сорок третьего размера.

— Я заварю чай. Или вам кофе? — Лиза ногой задвинула тапочки под тахту.

— Лучше чай. Кофе мне как-то уже не по сердцу...

Она тут же метнулась на кухню. Она еще не знала, как держаться со мной.

— Лиза, вы тоже геохимик? — спросил я вдогонку и потянулся наугад за какой-то брошюрой на журнальном столике.

— Я термометрист... — откликнулась она с кухни, но я уже не слушал ее.

То, что я держал в руке, заставило сжаться сердце. Это была рабочая тетрадь Каточкиных, обернутая в целлофан, с ак-

курратно подклееными углами опаленных давним взрывом страниц.

Я встал, подошел к письменному столу. Так и есть. Здесь лежит моя брошюра «Заманчивый анселий» все того же 1936 года издания и еще одна, на английском, изданная в те же годы, — «Чистый анселий — перспективы открытия». Фамилия моя в английской транскрипции была искажена, как обычно. А рядом с этими брошюрами — толстая общая тетрадь с размашистой надписью навскось: А. Юрышев. А Н С Е Л И Й.

Я медленно открыл ее. По строчкам лезли цепи химических формул... Анселий, все тот же проклятый чистый анселий! Андрей пробовал вылущить его из соединений атаками фтора, центрифугированием и адсорбированием, но... анселий упорно не поддавался очистке.

Я положил тетрадь и пошел на кухню. Чайник на газовой плите уже начинал шуметь. Лиза возилась с посудой.

— Когда вы поженитесь?

Она испугалась.

— Я не знаю...

Ей нужно было куда-то девать свои руки, она убавила огонь в горелке плиты и стала собирать в ладонь крошки с кухонного столика.

— Лиза, понимаете, я отец... мне можно спросить... Давно вы так?..

— Второй год, — сказала она.

— Он вас любит?

Она пожалала плечом. Я понимал, что этот разговор становится для нее пыткой, но я не мог не спросить еще об одном.

— А-а... ребенка не хочет он или вы?

— Он... — тихо сказала она.

— Значит... была ситуация? — грустно спросил я.

Она всхлипнула.

— Ну, не нужно, не нужно... — растерянно сказал я. — Вот уже и эти... ресницы потекли, не надо плакать. Чайник кипит... Лиза, можно я вас на «ты» буду называть?

— Ага, — она сглотнула слезы, вытерла глаза. — Извините...

Она поспешно засыпала чай в заварочный чайник, залила кипятком.

— А где он сейчас? — спросил я.

Она пожалала плечами.

— Может быть, в институте. Он часто работает по вечерам, у него есть пропуск...

— В институте! — разозлился я. — Он там уже четыре дня... — я сдержался, чтобы все-таки не выдать Андрея, — бездельничает. Сукин сын!

Она ответила полуулыбкой — наверное, ей показалось смешным, что я собственного сына назвал сукиным сыном.

Теперь я разглядел в уголках ее глаз чуть наметившуюся сеточку морщин — слезы смыли косметику. В ней было что-то милое, доверчивое, трогательное.

— Ладно, — вздохнул я. — Давайте чай пить...

Лиза взяла чайник, но звонок в прихожей остановил ее. Она пошла открывать, я остался на кухне.

— Салют! — Андрей прошел мимо Лизы в прихожую — эдак буднично, руки в карманах пиджака, словно у себя дома. — Ты давно пришла?

И осекся — увидел меня.

— Ты? — изумился он и посмотрел на Лизу, потом опять на меня, нахмурился. — Очень мило...

— У нас чай готов, — сказал я. — Мы не знали, когда ты придешь, и хотели пить без тебя, ты уж прости... — Я попес в комнату поднос с чашками и заварным чайником. — Сделай бутерброды.

— Ничего, ничего, я сделаю...

Лиза заторопилась, да он и не собрался выполнять мою просьбу. Он стоял у дверного проема комнаты, облокотившись о стену. Руки все так же в карманах.

— Сядь, — сказал я ему. — Что ты стоишь — руки в карманах? Сядь. Мы тут решали вопрос, с Лизой. Когда вы подарите мне внука? Или впучку?

Он прищурился. Я не люблю, когда он щурится, а мои подчиненные не любят, когда щурюсь я. И я сказал уже мягче:

— Мне шестьдесят девять, Андрей. Как ты считаешь, мне пора иметь внуков? Хотя бы одного?..

— Папа,— перебил он спокойно.— Это бестактно.

— Конечно! — вспыхнул я.— Мое появление здесь — бестактно!

Я подошел к нему и закрыл дверь, чтоб нас не слышала Лиза.

— А превращать ее...— Я не нашел слов, потом выпалил ему в лицо: — Держать свои тапочки под ее тахтой полтора года — это тактично, это у вас теперь в порядке вещей, да?

— Все? — сухо спросил он.— Ты выказался?

— Почти. Что это значит? — я кивнул на рабочую тетрадь Каточкиных.

— Что я занимаюсь анселием,— ответил он спокойно.

— Угу,— подтвердил я.— Значит, когда я говорю, что сегодня получить анселий нельзя, я заблуждаюсь? Я — определивший анселию место в таблице Менделеева и предсказавший его свойства. А мой сын — гений. Весь институт занимается ерундой — ищут слово, ругать, ищачат в болотах. А директорский сын ищет анселий. Вот на этой тахте. Чистая наука, не нужно кормить комаров. Очень мило устроился, поздравляю!

Носком ботинка Андрей открыл дверь и направился в прихожую. Я понял, что он сейчас уйдет, хлопнув дверью.

— Вот именно! Пойди проветрись! Только дверью не хлопай! Ушел он, видали?! — я повернулся к Лизе, стоявшей у дверей кухни.— Ничего, Лиза, такие далеко не уходят...

И замолчал, потому что в глазах ее стояли слезы. Конечно, в этих новых квартирах такие стены — она все слышала.

— Ну ладно... пошумели и ладно... — сказал я неизвестно кому.— Андрей!

Я вышел в прихожую. Андрей стоял

спиной ко мне, возился с дверным замком, и тут я увидел его руки. Нет, не руки, а две туго перебинтованные клешни, распухшие от тампонов и бинтов. Как боксерские перчатки. С искаженным от боли лицом Андрей пытался этими клешнями открыть дверной замок. Я испуганно бросился к нему.

— Андрей!..

Он повернулся ко мне, спрятал руки в карманы.

— Андрей, что это?

Он шагнул в сторону, сказал холодно:

— Открой дверь.

— Что у тебя? Покажи руки.

В прихожую вошла Лиза.

— Открой дверь! — жестко сказал Андрей.

И я покорно выполнил этот приказ. Он посмотрел мне в глаза и проговорил, усмехнувшись:

— Далеко уходят такие, как я, или нет — зависит от тебя тоже. Адье! — И тут же бегом сбежал по лестнице.

— Андрей! — крикнул я.

Он не оглянулся.

Я растерянно посмотрел на Лизу.

— Что с ним?

— Ожог. Фтористым водородом. Но кости целы, вы не беспокойтесь... Зачем вы пришли?

Глаза у нее были уже почти сухие, но лучше бы я не видел этих глаз. В них не было ни осуждения, ни укора — только боль. Потом она будто сглотнула ее и сказала негромко:

— Идемте чай пить. Остынет...

Асфальт вечерней мостовой стремительно летел под колеса такси. Почти тем же маршрутом, что и тогда, в сорок четвертом,— мимо Белорусского вокзала, по улице Горького, мимо кинотеатра «Ударник», где народ толпился перед началом какой-то новой кинопремьеры...

На такси я подъехал к институту. Здание было темным, только три подвальных

окна светились неярким, словно от свечей, светом.

Вахтерша направила мне в лицо луч карманного фонарика, узнала, открыла дверь.

— Почему вы сидите без света?— спросил я.

— Так это ж... Ваш сын в подвале опыты проводят, они не велят...

— Чанеев знает?

— Знает, поди. А как же? У них же пропуск есть, чтоб ночью работать...

Я взял у нее фонарь и пошел в подвал. Я не был здесь сто лет, а то и двести. В коридорах уйма лабораторного хлама, выставленного сюда за ненадобностью,—недолго и шею сломать... Еще издали услышал я, как за дверью в конце коридора гудит трансформатор. Я открыл эту дверь.

Да тут и впрямь целая лаборатория! Вытяжные шкафы, плавильная печь, электролизер, емкости, вакуумный насос, автоклав... У экрана одного из приборов сидела лаборантка, что-то записывала в тетрадь. За ней стоял, склонившись к экрану, Андрей. Темно-синий халат накинут на плечи, руки по-прежнему в карманах пиджака. А посреди лаборатории, за столом, какой-то рыхлый парень в кожаной куртке пил чай. Над столом вполнакала горела единственная лампочка...

Все трое встрепетались. Лаборантка уставилась на меня с тревогой, Андрей глядел исподлобья, ожидающе, рыхлый парень почтительно встал.

— Сидите,—сказал я и прошелся по комнате.

Да, многое тут было мне знакомо. Андрей восстановил ту цепочку получения чистого анселия, которая так трагично оборвалась тогда, в сорок четвертом... Даже на стене—такая же таблица Менделеева... Только теперь у каждого прибора работали самописцы, отмечали параметры процесса. Переходя от прибора к прибору, я сказал спокойно:

— Андрей, ты у врача был?

— Был,—ответил он.

— Ну и что!

— Ничего. До свадьбы заживет.

— А точнее?

— Через неделю снимут бинты,—сказал он и напоил лаборантку:—Таня, следите за экраном, не отвлекайтесь.

Я повернулся к рыхлому парню, переставшему пить чай.

— А вы что здесь делаете?

Андрей опередил его.

— Это наш электрик, папа. Он мне отремонтировал трансформатор...

Я усмехнулся:

— И когда ты собираешься получить анселий? К утру?

— К завтраку. На десерт. Клеве, чтобы получить концентрат туллия, шесть лет не выходил из лаборатории...—сказал Андрей.

— Ты что—собрался тетю Дусю шесть лет держать без света?—Я сел к столу.—А если у нее котлеты в холодильнике протухнут?

— У какой тети Дуси?—не понял рыхлый электрик.

— Это он образно, Толя,—пояснил Андрей.—Он считает, что мы должны спросить у нашей вахтерши тети Дуси, что ей важнее—чистый анселий неизвестно когда или сегодня мясо в холодильнике. Я правильно объяснил?

— Так она же не знает, что такое анселий,—сказал электрик.—Подумаешь, мы на пять часов выбрали напряжение!

— А вы знаете?—спросил я у него.

— Мне Андрей Сергеевич объяснил. Если получить чистый анселий...—электрик даже покраснел от этого экзамена.

— Не надо, Толя,—мягко остановил его Андрей.—Гипотезу о том, что даст чистый анселий, отец высказал еще в тридцать четвертом. Правда, с тех пор многие превратили свои гипотезы в космические корабли и лазеры, а анселий...

— Анселий не получишь вот так, лабораторным путем,—прервал я его.—

Нужны миллионные затраты, усилия сотен людей. А так мы уже пробовали.

— Во время войны,— хмуро сказал Андрей, поглядев мне в глаза. И во взгляде его было нечто большее, чем простое упрямство или укор.

Я выдержал этот взгляд.

— Да, во время войны.

— И поэтому ты бросил исследования?

— Стране нужен был молибден, и я искал молибден, марганец для брони, свинец,— ответил я резко.— И если бы я не нашел их, вы бы не сидели здесь.

— А после? — спросил он спокойно.

— И после войны тоже были дела поважней. Ты собрал из рухляди эту лабораторию, сжег себе руки, и твоим друзьям кажется, что ты герой, подвижник. Конечно, это красиво — подарить потомкам энергию плазмы или чистый анселий. Но если сегодня государство дает огромные деньги на научные исследования, это не значит, что их можно пускать налево и направо. Сегодня наука должна, я считаю, делать в первую очередь то, что крайне нужно ему, ей...— я кивнул на электрика и лаборантку.— Всем и сейчас. И если я не стал гоняться за анселийным журавлем в небе, не посвятил ему жизнь...

— Отец, зачем ты оправдываешься? — негромко перебил Андрей.

Я встал. Осталось последнее средство. Ради него же.

— Вот что,— сказал я сухо.— Прежде чем отбирать у государства даже копейку на свои затеи, потрудись вернуть ему то, что оно потратило на тебя. Почему ты сейчас здесь, а не в экспедиции? Нет, за все эти художества,— я окинул взглядом лабораторию,— Чанеев завтра получит выговор. У меня институт прикладной, а не...

Андрей не спеша подошел к трансформатору. Обими забинтованными руками взялся за рубильник и, поморщившись от боли, отключил его от сети. Я осекся.

Я добился своего и только теперь почувствовал, как устал. А в лаборатории сразу стало светло и тихо — электролампочки вспыхнули в полный накал, трансформатор перестал гудеть.

Андрей подошел к лаборантке.

— Переверните страницу.

Она перелистнула страницу своей рабочей тетради, следующий лист был чистым, Андрей продиктовал:

— Пишите: директору ВНИИ академику Юрышеву С. М. от старшего научного сотрудника Юрышева А. С. Прошу освободить меня от занимаемой должности по собственному...

— Андрей, это глупо,— сказал я.

Мы стояли в аэропорту, у турникета. К самолету уже прошли последние пассажиры. Андрей молчал, держал руки в карманах куртки. Глаза у Лизы были сухие, только окрашены сверх обычного.

— Это мальчишество,— начал я.— Ты даже без вещей...

Он усмехнулся.

— Рюкзак мне дадут в Хантальске...

Левой рукой он достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. Губами вытянул из пачки сигарету, попробовал чиркнуть зажигалкой, но кожа на пальцах была еще тонкой, свежей. Он поморщился от боли и протянул зажигалку Лизе.

Лиза чиркнула зажигалкой, я сказал:

— У тебя еще руки никуда не годятся! О чем ты...

— Папа,— прервал он.— Я работал в твоём институте, а это действительно неудобно. Пока я занимался анселием, мне было плевать на сплетни, но теперь... Чтобы искать руду, не нужно работать под крылышком папаши — зачем?

— Вы летите или нет? — спросила Андрея дежурная по посадке.

— Лечу,— ответил Андрей и повернулся к Лизе.— Ну? Прости меня. Если хочешь, еще можно успеть взять второй билет,

Лиза покачала головой.

— Прости,— снова сказал он, поцеловал ее, и она не отстранилась, а даже провела ладонью по его щеке. Медленно, едва касаясь пальцами. И было в этом скупом жесте что-то такое, от чего у меня защемило сердце.

Андрей повернулся ко мне:

— Не сердись, отец. Все будет нормально. Поработаю в экспедиции — ничего страшного.

Я обнял его, но он тут же высвободился и пошел к самолету. Он шел, не спеша и не оборачиваясь, держа руки в карманах куртки. И помнится, я чуть не окликнул его...

Самолет пробежал по бетонной полосе, оторвался, круто взял вверх и, накренившись, исчез в низких сырых облаках.

Полярная ночь — это не так темно, как может представиться не бывавшему на севере человеку. Если нет ветра, то нет и облачности, и озорный, докрасна надраенный боценок луны висит над тундрой. А чистый снег фосфоресцирует, и работать можно вполне — света хватает.

Мы работали. Пока грунт не схватило морозом, гнали шурфы и канавы, впрок отбирали образцы породы. Мы — это все те же: Каточкин, заика Коровин, три мужика из Ханталъска и я.

А неподалеку от нас во главе с горным мастером трудились остальные — по-прежнему хищнически выбирали угольный пласт.

Оленья упряжка появилась из-за сопки, скользнула по склону и пропала в ложине, вновь вынырнула поближе к барраку.

Первым ее заметил кто-то из рабочих. Выпрямился. Вгляделся. Сказал буднично: — Хозяин...

Упряжка уже подкатывала к барракам. Было видно, что олени тянут из последних сил. Только запах жилья еще толкал их вперед.

Я переглянулся с Каточкиным. И мы, и рабочие горного мастера прекратили работу. Звонкий стук кайл остывал в морозном воздухе.

— Давай, давай, работай! — крикнул своим мастер и побежал к барракам.

Но никто не взялся за кайла.

Я перехватил на себе взгляды рабочих, поправил на боку маузер и тоже направился вниз.

Меж тем упряжка достигла барака, олени остановились и тут же легли на снег. Сверху, со склона сопки, по которой я спускался, можно было разглядеть плотную, укутанную в меха фигуру Стасова. Он медленно поднялся над нартой и, качаясь, двинулся к крыльцу барака.

На крыльцо выбежала Анна — простоволосая, в одном сарафане. Всплеснула руками, бросилась к Стасову, и Стасов почти упал ей на руки. На помощь Анне подошел мастер, вдвоем они втащили Стасова в барак.

Я подошел к бараку и увидел у крыльца оленей стасовской упряжки — глаза навывкате, языки вывалились, частое дыхание вздувало тощие бока. На вдохе четко проступали ребра.

Стасов лежал на лавке, раздетый до исподнего. Анна, подведя ладонь ему под затылок, отпаивала его горячим чаем. Стасов пил с закрытыми глазами. Косынка на Анне сбилась, волосы мешали ей. Она характерным движением головы отбросила их за спину. Мастер спиртом растирал побелевшие стасовские ступни.

Я стоял, не зная, как мне поступить, и лишь когда Анна бросила на меня укоризненный взгляд, тоже включился в работу: разорвал на Стасове исподнюю рубашку, плеснул из бутылки спирт ему на грудь и стал растирать изо всех сил.

— А, Серега... — открыл глаза Стасов и даже усмехнулся. — Давай, давай, три... — И объяснил мастеру: — Мы, Петрович, учились с ним... Потом, правда, разошлись дорожки, в семнадцатом... Зря ты сюда приперся, Серега, — я тут хозяин...

— Народ тут хозяин, ясно? — наставительно ответил я.

Он отрицательно покачал головой, цокнул.

— Англичане берут эти горы в концессию. А хозяином останусь я, Стасов!

В его глазах были торжество и насмешка.

— Врешь!

Он усмехнулся, устало прикрыл веки.

— Суну!

Анна подала миску с супом, мастер приволок разносолы и смирновскую водку... Я с трудом усваивал значение стасовских слов, потом выскочил на крыльцо, подбежал к оленьей упряжке, увидел, что вожак уже при последнем дызании, а остальные близки к этому. Я стоял и смотрел, как вместе с оленями умирает надежда добраться до железной дороги.

Подошел Каточкин, тронул меня за плечо. Я очнулся.

— Мы пойдем пешком! До железной дороги, — сказал я скорей не ему, а самому себе. — Да, пешком! Возьмем образцы и пойдем. И тогда посмотрим, кто кого. Понял?

Каточкин, конечно, ничего не понял и чистосердечно покачал головой.

— Не-а...

— В геоложме предатели. Сдают Хантальские горы в концессию. Уголь, медь — все отдают. Ясно! Стасова и мастера — под домашний арест.

— Так кто ж их стеречь будет? — резонно спросил он.

— А? Ну это потом...

Андрей рывком распахнул дверь моей приемной. Он был в меховой шапке, дубленке параспашку, с дорожной сумкой в руке. А главное — борода. Эдакая модная, окладистая.

— Здравствуйте, товарищи, — весело сказал он секретарше и референту и положил на стол меховые оленьи тапочки. — Клавдия Петровна, это вам.

— Ой, какая прелесть! Спасибо. Как ты возмужал! — запричитала секретарша.

— Отец у себя?

— Да. А какая борода!.. Настоящий таежный волк.

— Козел, — поправил ее Андрей и спросил, кивнув на дверь моего кабинета. — Кто у него?

— Акоюн, — сказал референт, — зам по науке, вместо Чанеева.

— И только? — обрадовался Андрей, сбросил дубленку на стул и, толкнув дверь, шагнул в мой кабинет. — Вернулся блудный сын. Разрешите?

Он сказал это насмешливо, и эта интонация, и присутствие Акоюна удержали меня в кресле — я не встал и не обнял сына, хоть мы и не виделись полтора года.

Андрей пересек кабинет, подошел к столу.

— Здравствуйте, Ашот Геворкович. Сесть можно? Отец, ты летишь со мной в Хантальск. Сегодня или завтра — это крайний срок...

— Посиди, — ответил я. — Тут срочное письмо в Академию... — И повернулся к Акоюну. — Где мы остановились?

Акоюн показал карандашом, я углубился в текст, Андрей встал, нетерпеливо прошелся по кабинету и не выдержал, вмешался:

— Слушайте, академики. Как по-вашему, что двигает науку? Талант? Научная интуиция? Не-а! Заказчик!..

— Здесь про фонды нужно отчетливей, там ведь тоже экономисты сидят, — негромко сказал я Акоюну, поставил на полях письма галочку и продолжал читать дальше. Проявив выдержку.

— Слушай, — Андрей подсел к столу. — Помнишь, я пробовал получить анселий в подвале? Ты еще говорил, что это кустарщина, что нужна настоящая опытная установка. Так вот — заказчик построил установку. И какую! Охлаждение гелием. В аппаратуре для ректификации все открытые — платиновое, ты сам увидишь.

Заказчик солидный, идею купил на корню — фтористый анселий взамен космической сварки, представляешь? Между прочим, ты сам это предсказывал в тридцать четвертом...

— Так много нам, пожалуй, не дадут, но попробуем,— сказал я Акоюяну. Тот собрал листы черновика, ободрил Андрея улыбкой и вышел. А я повернулся к сыну, спросил хмуро:— Это афера Чанеева?

— Какая же это афера?! — возмутился Андрей.— В Хантальске он взял меня в свой институт, дал лабораторию, толковую группу, нашел заказчика, и какого!.. Когда там главному доложили, что исследование ведет твой сын, Юрышев, сразу все решилось. А ты говоришь! Чанеев — умница!

— У нас в Туле,— сказал я,— до революции, когда Слиозберг выгонял плохого мастера со своего самоварного завода, Баташевы брали его на свой завод — просто так, в пику Слиозбергу... Ты очень изменился, Андрей. Именем моим пользуешься. Прямо как званием.

Андрей помолчал, встал, прошелся по кабинету.

— Это получилось невольно, папа. Поверь, я взял тогда твою фамилию не для этого...— Он вдруг повернулся ко мне, спросил в упор:— Но если бы и вольно, так что? Пойди сейчас без званий докажи, что ты не псих, что чистый анселий это не бред сумасшедшего. Даже ты теперь в это не веришь.

— Не передергивай,— спокойно сказал я.— Анселий получают наши потомки. Может быть, даже мой внук. Если ты мне его когда-нибудь подарить. Ты знаешь, где сейчас Лиза?

— Слышал,— сказал он с несколько наигранной беспечностью.— В КБ у моего заказчика. За год написала диссертацию, собирается замуж. Там все в порядке.

— Дурак ты...— огорченно произнес я.

— Ну хорошо — я дурак,— согласился он.— Я же прилетел не для этого, папа. В тундре стоит огромная установка,

все готово, я хочу, чтоб ты был на испытаниях.

Я посмотрел ему в глаза и почему-то именно в этот момент вдруг вспомнил...

...Казанский вокзал, трехлетний малыш бежит ко мне с криком «Папа!!!». Я подхватываю его на руки, лицо у него зареванное, он крепко обнимает меня за шею и лепечет: «Папочка!».

— Ты трусишь? — спросил я.

— Честно говоря, да...

— Почему?

— Сам не знаю,— он пожал плечами и улыбнулся виновато.— Все идеально, но... Знаешь, сколько стоила установка?

— Андрей, кого ты обманываешь,— горько произнес я.— Ведь до чистого анселия нам так же далеко, как до управляемой энергии плазмы. Неужели это не ясно? За эту истину заплачено уже двумя жизнями.

— Мне не нужен чистый анселий! — сказал он зло.— Фтористый, с примесями, любой концентрации, уже это будет шагом вперед! Менделеев тоже не верил в возможность получения свободного фтора. И может быть, именно это задержало развитие химии фтора на сто лет! А сегодня фтор загоняют даже в зубную пасту...

Я не слушал его. Я смотрел на этого бородатого ребенка, митинговавшего сейчас в моем кабинете точно так же, как когда-то, почти полвека назад, я сам, двадцатилетний, митинговал перед стасовскими рабочими. Я смотрел на него, и снова сквозь всю эту шелуху демагогических доводов об истории фтора, сквозь всю андюшкину горячность ко мне бежал тот трехлетний малыш, протянув руки, с криком «Папа!»

— Хорошо,— прервал я Андрея.— Когда у тебя испытания?

Это был почной рейс.

Мы с Андреем сидели в первом салоне самолета, здесь было полутемно. Пасса-

жиры, убаюканные шумом двигателей, дремали в креслах. И Андрей тоже спал, вытянув вбок, под узкий столик, свои длинные ноги. Я смотрел в черный иллюминатор и не видел там ничего, кроме пульсирующего на крыле красного сигнального фонаря. Казалось, сквозь мрак и безлюдье вселенной самолет несет на своем крыле красную мигающую звезду...

Черт с ним, с Чанеевым, думал я. И со всей этой дурацкой ревностью к тому, что анселием занялся именно его институт, его, а не мой. И все-таки, как это вышло, что мой сын, сын Мити и Лиды Каточкиных, работает не у меня и не где-нибудь, а именно у Чанеева? Того Чанеева, который ни в грош не ставил его отца и вообще не верил в анселий? Конечно, шансов получить чистый анселий у них столько же, сколько... А впрочем, черт его знает! Будет анселий или нет, а на пути к нему — теперь на пути Андрея — уже тоже появились жертвы. Обожженные руки, Лиза, брошенный отцовский дом... Господи, ведь бывают же люди, которым все в жизни дается легко — и любовь, и открытия!..

— Ты спишь? — спросил я у сына.

— Угу... — промычал Андрей, не открывая глаз.

— Знаешь, я думаю... неужели действительно в жизни все предопределено? Ведь так не может быть.

— Может, — неожиданно отозвался он, не открывая глаз.

— Что? — удивился я.

— Тебе на роду было написано открыть анселий.

Я усмехнулся:

— А тебе?

— Мне? — Андрей открыл глаза.

Напротив нас, через проход, сидела девушка в шубке, с книжкой в руках. Волосы, упавшие на лоб, мешали ей читать, и она характерным жестом отбросила их назад, взглянула на нас — на меня и Андрея.

Андрей чуть усмехнулся.

— Ну, мне б чего-нибудь попроще бы... — И, пробуя поудобней устроиться в кресле, снова закрыл глаза, попросил мягко: — Старик, давай спать.

— Ох, Андрюха... — тихо вздохнул я. — Ты когда-нибудь думал о том, что история науки оставляет нам только имена победителей. А сколько далеко не бездарных ушли и уходят в тупики. Ведь часто кажется, что вон там, за тем поворотом, — уже открытие. Ну — еще полгода, год. И мы идем — год, два, десять, теряем близких... А потом оглядываешься — все, в итоге — нули и старость, и жизнь утекла... Ты слышишь?

— Угу... — промычал он сквозь дрему. — Утекла. Догоним. Спи.

Я печально улыбнулся его молодой беспечности и, вздохнув, отвернулся к иллюминатору. Там, в черной темноте ночи по-прежнему пульсировала красная сигнальная звезда.

И вдруг в стекле иллюминатора я увидел, что девушка в шубке внимательно глядит на меня. Я удивленно повернулся к ней, мы встретились взглядами, но она не смутилась — в ее глазах было сочувствие.

— Хотите чаю? — спросила она и кивнула на термос в сумке.

Я улыбнулся:

— Нет, спасибо.

— Может быть, журнал? Здесь Агата Кристи.

Я не успел ответить — в салоне вспыхнул яркий свет, вошла стюардесса, и пассажиры, просыпаясь, заерзали в креслах.

— Внимание! — сказала стюардесса. — Через двадцать минут наш самолет приземлится в аэропорту Ханталъск. Температура в Ханталъске — минус сорок два градуса...

— Ой! — испуганно воскликнула девушка, и я понял, что она летит на север впервые.

В Ханталъске был обычный мартовский буран. Снегозащитные заборы кренились

под напором ветра. Словно паруса, плыли по улицам снегоочистительные щиты. Сквозь снежную заметь сияла неоновая реклама кинотеатров и ресторанов.

Я сидел в ресторане при гостинице «69 параллель».

Здесь было пусто и тихо. Ветер швырял в окно сухим морозным снегом, внизу по метельной улице шла компания молодежи, на ходу играли в снежки.

Но я видел другое. Там, за окном...

...Там, за окном, сквозь буран, грудью ложась на встречный ветер, шли Серега Юрышев и Каточкин. Проваливались в насте. Вытаскивали друг друга, и Серега кричал на Каточкина, который предлагал отлежаться в снегу. Морозный ветер срывал с его губ крик. Серега уходил вперед, а Каточкин поневоле брел следом...

Я налил в рюмку коньяк. Не столько себе, сколько им — тем, кто уходил от меня в буран и кого я не мог остановить. Что ж, одного из них этот коньяк подождет. Прошло всего каких-нибудь полвека, и он прилетел сюда на реактивном «ТУ-134», зная, что в этом городе все — от первого, вбитого в тундру колышка, до стометровой вышки телевидения — результат его открытий, его поисков, его упорства.

Неожиданно я почувствовал на себе изучающий взгляд. Через несколько столиков от меня сидела моя соседка по самолету. Наверное, она была в ресторане впервые в жизни — с такой прямой спиной сидят обычно школьницы при первых выходах в «свет». Она опустила глаза.

И тут с шумом, веселыми криками в ресторан ввалилась компания молодежи. Впрочем, молодежь для меня — это ведь и те, кому под сорок... Их было человек десять, и среди них — Лиза. Раскрасневшаяся, с распущенными волосами и живым блеском в глазах. Увидев меня, она поздоровалась коротким и спокойным кивком головы, взяла под руку своего спут-

ника и прошла в конец зала, где их компания уже сдвигала два столика.

Я отвернулся к окну — этому стереоэкрану прошлого. Однако теперь под долетающие от их столиков отзвуки спора о способах получения кристаллических решеток ванадия и целебных свойствах чистого спирта в сочетании со свежемороженой оленьиной — под этот шум вызвать в памяти картины прошлого мне не удалось.

А в зале становилось многолюдно. Кто-то включил музыкальный автомат, кто-то пошел танцевать. Я с горечью взялся за свою рюмку — я видел, что Лизе покойно, весело и просто в ее компании. Да, она явно похорошела за полтора года, ей к лицу распущенные волосы, а в глазах живой блеск уверенной в себе женщины...

— Тебе же нельзя!

Я вздрогнул — Андрей подошел сзади, я не заметил его, а он увидел на моем столике коньяк и сказал укоризненно:

— Тебе же нельзя. Ты кого-то ждешь?

Я усмехнулся:

— Тебя...

Он сел за столик, тут же отобрал у меня рюмку.

— А поскольку тебе нельзя... — и залпом выпил коньяк. — Ну, ты видел мою установку?

— Видел.

— И что? Ну, не тяни душу!

Я пожал плечами.

— Впечатляет... Я вот сидел и думал: наверно, сегодня можно построить черт-те что. Посули человечеству синтезировать манну небесную и строй установки — хоть всю жизнь. Оклады, звания. А?

— Глупости! — отрезал он. — И вообще, при чем тут анселий?

— А ты никогда не задумывался? — спросил я. — Сегодня техника дает нам такие возможности! И ЭВМ, и синхрофазотроны. А вот мы, мы, которые на гребне этих технических и научных достижений, добытых целыми поколениями предков, —

соответствуем ли мы нравственно этому высокому уровню?

— Папа, да ты философ! — изумился он и несколько иронично улыбнулся. «Соответствуем» — «не соответствуем!» Каждое поколение думает о себе, что оно уже венец развития. Гордится и даже кичится своими достижениями. Посмотри на фотографии первых авиаторов — Уточкина и всех прочих. Какие у них гордые позы. Им казалось, что их самолеты — предел мечтаний. То же самое будет с нашими установками. Ровно через двадцать лет синхрофазотроны будут продавать в «Детском мире» в отделе «Собери сам»...

Лизина компания ушла танцевать. И Лиза — тоже. С тем сорокалетним мужчиной, который сидел от нее по правую руку.

Андрей повернулся к подошедшей официантке:

— Катюша, мне как всегда.

— Две брусники под сахаром, строганинку из нельмы и...? — спросила она.

— Какого-нибудь мяса. Сама придумай.

Она отошла, а я усмехнулся:

— Ты все еще сладкоежка?

— Ты же мне до пяти лет не давал шоколада, — сказал он. — Чертов буран! Кажется, придется отложить испытания. Между прочим, стоило тебе прилететь, директор комбината подбросил мне еще двести тонн сырья, полный бункер. До чего у нас любят начальство...

И все-таки, в нем было какое-то внутреннее беспокойство, наверное, потому он опять и задирался.

— Здесь Лиза, — я посмотрел ему в глаза.

— Знаю. Ну и что? Даже с женихом. Приехали принимать у меня установку. Их целая комиссия, завтра прилетает генерал Брусков. Так что видишь — анселий уже ждут...

— Ты с ней не разговариваешь?

— Почему? Нормальные деловые отношения.

— Она очень похорошела...

— Отвяжись, — он потянулся за графином с коньяком, но я остановил его руку.

— Ты ее любишь?

— Нет. Дай мне коньяк. Я замерз...

— Врешь. У тебя спина деревянная. Ты сел к ней спиной, и все равно...

Я осекся. Где-то в глубине его глаз была боль, но он тут же спрятал ее, словно отгородился от меня. Выпил коньяк, оглянулся на танцующих, на Лизу, танцевавшую со своим партнером. И вдруг встал, подошел к той девушке, с которой мы летели в самолете. Не знаю, как ему удалось уговорить ее, — я видел, что сначала она растерянно отстранилась. Потом все-таки поднялась и пошла с ним танцевать.

Они танцевали твист. Это был какой-то отчаянный твист. И я понимал, что Андрей просто демонстрирует Лизе эдакую бесшабашность. А его партнерша... Она легко вошла в ритм непостижимого для меня танца, она танцевала красиво и будто забывшись, изредка одним движением головы отбрасывала волосы за спину. Что-то знакомое было в этом движении. Оно тронуло меня еще тогда, в самолете... И вдруг меня словно обожгло! Ну, конечно! Как я мог забыть? Именно так почти пятьдесят лет назад отбрасывала волосы Анна!..

А Андрей... Он уже перешел с твиста на танго и что-то говорил девушке, а она смеялась свободно и доверительно. И вдруг, прямо посреди танца они остановились, и Андрей повел девушку к выходу. Ну, это уж слишком, подумал я, заметив, как коротко и недоуменно глянула на них Лиза. Это уж свинство и хамство, позер несчастный!..

Андрей оставил девушку у выхода, подошел ко мне, сказал лихорадочно:

— Мы поспорили. На коньяк. Что на катке нет ветра...

— Ну что за демонстрация, Андрей? — я старался увидеть его глаза.

— Почему? — он взял из вазы яблоко,

сунул в карман.— Познакомился с красивой девушкой, поспорил, что на катке нет ветра. Сейчас мы пойдем и проверим.

— Ты же проиграешь. Кто она?

— Не знаю. Какая-то практикантка. Зовут Аленой. Только прилетела. Вот возьму и женюсь. Адьё!

Схватил еще одно яблоко, на ходу бросил появившейся с подносом официантке: «После, Катюша, завтра! Или пусть отец съест...» И поспешил к девушке.

Мне было неловко за него, неловко за эту мальчишескую выходку, и я не решился больше смотреть на Лизу. А она...

Оставив своих, она спокойно подошла к моему столику, села.

— Добрый вечер. Налейте мне коньяку. Я хочу с вами выпить.

Я наполнил две рюмки. Она взяла одну из них, подняла и, спокойно глядя мне в глаза, сказала:

— За встречу.

Мы выпили.

— Спасибо вам.— Она поднялась и ушла к своей компании.

Вот и все. Я ничего не понял. Я только почувствовал в ней какую-то внутреннюю собранность, цельность. Я еще раз убедился, что она очень красивая. Очень. Дурак мой Андрюшка, подумал я, просто дурак...

Они прибежали на каток, и Алена радостно крикнула:

— Я выиграла!

Она прыгнула на ледяную дорожку и едва удержалась на ногах — ветер на катке был, да еще какой!

— Ага! — весело согласился с ней Андрей и тоже прыгнул на ледяную дорожку.— Зато смотри!

Он распахнул дубленку, чуть наклонился навстречу ветру, держа полы совком, и очередной порыв ветра понес его по льду. Это был старый фокус, который показывают всем приезжающим в Ханталск и вообще в Заполярье. Но Алена

была на севере впервые, у нее заблестели глаза. Она тут же расстегнула свою шубку и, подражая Андрею, придержала полы совком. Ветер и ее понес по ледяной дорожке, она хохотала от удовольствия. Но тут требуется опыт: чтобы не упасть, нужно чуть наклониться, иначе опрокинет. Она упала, продолжая смеяться. Андрей подбежал к ней, помог подняться.

— Ну как?

— Еще! — она потащила его к краю катка, чтобы начать все сначала. Теперь они стали рядом, и ветер понес их через весь каток и там опрокинул в снег.

— Здорово! Еще! — вскочила Алена.

Андрей лежал в снегу, и на лице его не было прежней бесшабашной улыбки. Он лежал с закрытыми глазами, и от снега, набившегося в бороду, выглядел куда старше своих неполных двадцати восьми. Старше и мудрей.

— Вставайте, вы простудитесь,— сказала ему Алена.

Он медленно открыл глаза. И в них уже не было никакого веселья.

— Что с вами? — встревожилась Алена.— Вы ударились?

Он горестно усмехнулся одними глазами, сел на снегу.

— Нет. Я просто разбился. Как последний дурак.— Он вздохнул.— Идемте домой, Алена. Все это мелочи жизни, и не в этом суть.

Гусеничный вездеход с ревом взял подъем и покатил по шербатову зимнику. Мы с Чанеевым ехали на испытания установки. Вездеход прошел вдоль корпусов горнообогатительного комбината.

Чанеев воодушевленно и без умолку рассказывал о своем институте, о новых исследованиях своих сотрудников, но я не слушал его. Я вглядывался в четкую красоту горнообогатительного комбината. Я любил этот заполярный гигант, его алюминевые, заиндеветшие от мороза стены, я любил здесь каждый камень, потому что

все вокруг было моим детищем, а вернее — детищем того Сереги Юрышева.

Вездеход вышел в тундру. Тут, километрах в трех от комбината, на абсолютно голом блюде тундры стояла опытная установка для производства чистого анселия — детище моего сына. Это было несуровое сооружение: огромный бункер, сферические емкости, рефракционные колонны и стальной яйцеобразный реактор, заполненный, очевидно, инертным газом. Впрочем, еще не пришло время публиковать точные характеристики этой установки.

Чанеев, конечно, стал хватать параметры установки и своей личной гордостью — яйцеобразным реактором, выполненным из чистого титана. Наконец, я не выдержал, прервал его на полуслове:

— Зачем ты затеял это?

— Что? — не понял он.

— Это. — Я показал на установку.

— Сережа, — сказал он, помолчав. — Наверно, разговор назрел давно. Я ведь знаю, как ты ко мне относишься. Ты считаешь меня почти авантюристом... — Он усмехнулся. — Да, я сам не совершил никаких открытий. Ты большой ученый, Юрышев, а я — только Чанеев. Но я могу другое, Сергей. Я могу угадать в человеке талант, поверить в него и помочь ему, не примазываясь. И вот — построить такую установку. Заставить работать на талантливую идею десяток КБ. Да, сейчас говорят, что крупные открытия делаются коллективами ученых, чуть ли не планируются заранее. А я, старый идеалист, верю в самородки. И мне плевать, что ты, Юрышев, запланировал открытие анселия только в следующем столетии. Мы надеемся получить его сегодня. Сегодня, а не через столетие! Извини, я должен подержаться за дерево... — Он поискал глазами, но в машине уже давно ничего деревянного, как известно, нет.

Вездеход подошел к шлагбауму, возле которого стояли два автоматчика в армейских полушубках. Увидев налешпен-

ный на ветровое стекло пропуск с красной полосой, один из них стал поднимать шлагбаум, но Чанеев сказал водителю: «Остановите» и полез из машины.

— Да перестань ты! — попробовал удерживать я его.

— Нет, это обязательно нужно сделать, как же! — сказал он и, выбравшись из машины, снял рукавицу и взялся за шлагбаум рукой. Потом кряхтя забрался в машину, и мы двинулись дальше.

На металлических лестницах, опоясавших установку, бригада наладчиков последний раз перед пуском проверяла готовность системы, герметичность емкостей. Неподалеку был бетонный бункер — укрытие и пульт управления. Возле бункера наблюдал за приготовлениями генерал Брусков — в овчинной дохе и каракулевой папахе. Рядом с ним стояли еще несколько военных и гражданских инженеров. Среди них — Лиза и все те, кто был с ней в тот вечер в ресторане гостиницы «69 параллель».

Водитель затормозил у бункера, мы с Чанеевым вышли из машины.

Кто-то открыл нам дверь бункера.

— Наконец! — сказал Андрей, увидев меня и Чанеева. — У нас все готово. Ждем вас.

В бункере было тепло — рядом с пультом управления светились докрасна раскаленные спирали обогревателей. Я снял шубу и стал греть руки над одним из них. Генерал Брусков и Чанеев тоже разделались, сели за отдельный столик у стены. На столике стояли разнокалиберные чашки, початая пачка рафинада, в электрочайнике бурлил кипяток.

Брусков по-хозяйски налил чаю мне и Чанееву.

— Пора начинать, — сказал между тем Андрею пожилой майор, руководитель испытаний. И приказал молодому лейтенанту: — Мансуров, уберите людей с площадки.

Тот с микрофоном в руке подошел к смотровой щели.

— Всем покинуть установку! Повторю. Всем покинуть установку. Краснухин! Твоих что — не касается?

Андрей занял свое место у пульта управления, рядом с ним сел майор, а по обе стороны от них — еще четверо инженеров и Лиза. Каждый перевел на ноль все рукоятки, ползки и тумблеры своего сектора. По экранам осциллографов побежали цветные линии — желтые, зеленые, голубые...

— Ну что, поехали? — спросил майор то ли у меня, то ли у Брускова и Чанева, а скорее — у всех троих.

Мы переглянулись. Брусков спросил у меня:

— С богом?

— С богом! — сказал Чанев.

Признаться, я еще никогда так не волновался.

— Мансуров, доложите готовность, — приказал майор.

Лейтенант доложил:

— Готов, площадка пуста.

Майор перевел взгляд на сидевшего с краю инженера, спросил:

— Вакуум?

— Готов, — откликнулся тот.

— Открыть вентиль фторирования...

— Готов.

— Включить холодильную систему и дать инертный газ.

— Готов.

— Включить вентили рефракционных колонн.

— Готов.

— Включить установки термоконтроля.

— Готова, — сказала Лиза.

— Включить машину программирования...

Слушая доклады о готовности каждого сектора установки, я вдруг успокоился, ощутив уверенность, что все будет в порядке, процесс пойдет.

— Установка готова, — доложил майор Андрею.

— Ну что ж... — буднично сказал Андрей. — Первую секцию в режим...

— Первую секцию — в режим! Породу — в камеру!

— Есть... Есть... — откликнулись с разных сторон пульта инженеры.

Даже в нашем бетонном укрытии стал слышен глухой, отдаленный грохот. Это из главного бункера в камеру фторирования ссыпалась первая порция породы. Затем донеслось шипение вакуумных насосов. Установка начала работать.

А майор, сверяя время с графиком испытаний, уже задал режим второй секции, третьей...

— Возгопка! — командовал он. — Конденсация! Пошла конденсация?

— Пошла, — откликнулся кто-то из инженеров.

— Третья секция! — командовал майор. — Фтор. Температура?

— Четыреста ровно... — доложила Лиза. — Четыреста сорок два...

Хотя Андрей был свободен от непосредственного управления кнопками и тумблерами, он не глазел на установку, как все мы, а слушал ее... Слушал и следил за работой инженеров. Я вдруг подумал, что сейчас он разительно отличается от того молодого Юрышева, каким я был в двадцатые годы, и от того молодого Каточкина. Он был взрослее нас. Взрослей, серьезней. Он очень органично вписывался в эту обстановку и не только своим спокойствием и деловитостью, но и какой-то внутренней собранностью, цельностью. Мы встретились с ним взглядами. Он молча, глазами, пригласил меня к пульта — принять участие в работе. Я улыбнулся и отказался — сегодня его день, ему уже не нужна моя помощь. Мы оба равно видим, что процесс идет, мы оба равно слышим пульс установки, и между нами протянулись незримые нити взаимопонимания, которые появляются только у настоящих соратников. И пусть я не верил в него, пусть я ошибался в собственном сыне, зато теперь... Я непроизвольно взялся за край деревянного стола.

101-ый элемент — менделевий — открыт в 1955 г.; 103-ий — лоуренсий — открыт в 1961 г.; 104-ый — курчатовий — открыт в 1964 г.

Чанеев подошел ко мне, сел рядом. Глаза его ликовали.

— Каточкиных бы сюда... — тихо сказал он.

Я взглянул на Лизу. Она работала сосредоточенно и спокойно, что-то записывала в тетрадь и снова следила за приборами. Во всей ее фигуре чувствовалась уверенность в себе, собранность. Иногда она поглядывала на майора и на Андрея. Я видел, что она тоже — как я, как Чанеев — любитесь им. Этого нельзя было скрыть, это нельзя скрыть! — радостно подумал я, и новая надежда родилась в моей душе.

Внезапно глаза у нее расширились, в бункере разом повисла тишина. Кто-то крикнул:

— Горят термопрокладки! Прорвался фтор.

Я повернулся к смотровой щели.

Установка горела.

Я было подался вперед, к пульта, но тут же остановил себя — там, за смотровой щелью, горел во фторе металл, а это уже не остановить. К тому же, чем меньше сейчас суеты, тем лучше.

— Перекрыть фтор! Снять энергопитание! — скомандовал майор инженерам. Те перевели на ноль все рукоятки и тумблеры.

На Чансее не было лица.

— Выключить термоотводы! — командовал майор. — Мансуров, пожарный вертолет! Температура?

— У меня пятьсот семьдесят, нормально, — растерянно отозвалась Лиза.

А за смотровой щелью синий огонь катился по рефракционной колонне, прожигая тугоплавкую сталь.

— Фтор, — сказал кто-то за моей спиной. — Реакция фтора со сталью. Во фторе

горит все, даже вода... Нет, это не останавливать.

Генерал Брусков посмотрел на меня, на Андрея и сказал майору — руководителю испытания:

— Олег Михайлович, назначьте комиссию по расследованию причин аварии. Андрей Сергеевич, приготовьте документацию...

Но Андрей даже не повернул к нему головы. Он смотрел на горевшую установку, сжав челюсти и чуть прищурившись. Это длилось долго — может быть, минуту. Потом он встал. Молча подошел к Лизе и сказал ей спокойно:

— Лиза. Выходи за меня замуж.

И все вокруг опешили куда больше, чем Лиза. Для нее и Андрея нас тут сейчас вообще не было. Она смотрела ему в глаза, в ее взгляде было все, что может сказать любящая женщина. Мне даже показалось, что сейчас она точно так, как когда-то на аэродроме, медленно проведет ладонью по его щеке.

— Поздно, Андрей, — наконец сказала она. — Не нужно об этом. Поздно.

— Извини... — Он отошел к смотровой щели и, повернувшись к нам спиной, широко расставив ноги, стал смотреть, как горит его установка.

Спустя еще минуту раздался грохот. Это расплавленные стойки опор не выдержали двухсоттонной тяжести загруженного бункера. Там, где была установка, в мертвой тишине опадал лишь столб пыли и крошево металла.

Пурга заметала мертвые геологические шурфы и каналы. Снегом заносило кайлы, ломы, лопаты. Никто не работал. В бараке рабочие резались в карты, валялись на нарах, спали, бездельничали. Бастовали, поскольку жрать было нечего и платить им тоже было нечем. Мы вернулись с Каточкиным без продуктов и без денег.

Пришлось идти к Стасову.

Кадр из фильма «Открытие»

Фото Ю. Райдугина

Стасов принял меня в хорошо протопленной горнице своей пятистенной избы. Они обедали — Стасов и горный мастер. На столе — ржаной хлеб собственной выпечки, наваристый суп, жареная медвежати́на, строганина из нельмы, даже брусника. Я не отказался.

— Денег у меня нет, но есть спирт, — обратился я к Стасову.

— Мой спирт, — усмехнулся он, — который ты же реквизи́ровал.

Рядом со Стасовым лежала колода карт. Он поминутно поднимал ее и ссыпал карты на стол.

— Твой спирт, не твой — не важно, — сказал я. — Мне нужен хлеб, мясо, овощи.

— Даже овощи? — Стасов явно издевался, и я понимал это. — Что, цы́нга начинается?

— Да или нет?

— Ты ведь знаешь, я непьющий...

Я встал, собираясь уйти.

— Сядь, — прищурившись, сказал Ста-

сов. — Торговать не умеешь. Я тебя поучу, по старой памяти. — И объяснил мастеру: — Я с ним в детстве на конке ездил, мамаша его меня блинами кормила. Надо же отплатить...

В общем бараке тридцать голодных ртов напрочь отказывались работать без кормежки. И я снова сел.

— Значит, денег у тебя нет, — сказал Стасов. — А спирт мне вроде бы тоже ни к чему. Конечно, можно поехать на стойбища, самоедов спить, собомей взять, но нездорово это, правда? Остается даром тебе продукты отдать. Я бы отдал, мне не жалко, но опять же нельзя — эксплуататор, барышник, кровопийца и вдруг — даром. Подорву всю вашу пропаганду. Давай так — за пуд муки пять мешков бра́зцов породы. Идет?

— Издеваешься?

— Нет, серьезно. Конечно, это все равно что даром, но все же видимость торговли, натуральный обмен...

— Порода пустая,— угрюмо сказал я.— Я делал анализ на пламенную реакцию — меди нет...

— Я ж вам говорил,— сказал мастер. Стасов усмехнулся.

— Ну ты даешь! Из тебя купец в жизни не выйдет! Конечно, порода пустая, я знаю. Но вы будете работать, а труд... Как там ваш Энгельс сказал?

Я промолчал.

— Ну что? — спросил Стасов.— Договорились? Смотри. а то подниму цену — десять мешков...

Я встал. Я не считал Стасова дураком и понимал, что тут что-то нечисто, но что? Может быть, анализ на пламенную реакцию дал неверные результаты? Или я без ступы не смог измельчить образцы породы до муки и потому не нашел в них меди?

— И мясо дашь? — спросил я.

— И мясо. По той же цене, в пересчете на деньги...

— Ладно.— Я повернулся к мастеру.— Отдайте ступу...

— Она в озере,— усмехнулся тот.— Утонула сразу, без пузырей.

— Вот это вы зря,— укоризненно сказал ему Стасов.— Погорячились. Как же он будет породу на медь проверять? Нужно образцы в тонкую муку истолочь — тут ни молотком, ни...— Он повернулся ко мне: — А, может, кувалдой? Каждый образец?

В глазах у него было столько насмешки...

Но работа возобновилась. Все-таки удивительно, до чего может изменить настроение людей хорошая еда. Рабочие трудились легко, играючи. Породу собирали в мешки, грузили на нарты, и, подхватив скотромки нарт, я наезженной дорогой скатывался с сопки к барачу.

Там, взвалив на плечо мешок, вносил его в свой кабинет-каморку. В столовой вкусно пахло булькающим на печи мясом, поджаристым злебом и прочей анкинской кулинарией. Анка, распаренная, в од-

ном сарафане, с блестящими оголенными плечами и прибранными под косынку волосами, колдовала у печи.

Я проносил мешки с породой в свою каморку, ставил вдоль стены и принимался за работу: из каждого мешка отсыпал на лежащий на полу железный противень несколько образцов породы — крупных и мелких камней — и принимался их крошить. Ступы не было, вместо нее я придумал хитрое сооружение: к потолку через блок был подвешен обшитый железом кряж весом в добрых три пуда. Эту прадедовскую дробилку я обрушивал на образцы породы, снова тянул за канат, подтягивал кряж к самому потолку, потом опускал. И снова — вверх, к потолку, и через секунду — глухой удар...

Анну грохот моей дробилки выводил из себя. Она приходила, спрашивала.

— Опять?

— Ну а что он, дурак, Стасов? Мясо нам за мерзлоту дает? В этих мешках должна быть медь, должна! Только где? На каком участке?..

Камни на противне дробились в муку на восьмом-десятом ударе, когда пот уже заливал глаза. Я закреплял канат, оставляя кряж под потолком. Затем осторожно собирал раскрошенную породу, насыпал на стол холмиком, делил, как было показано в учебнике геологии, на четыре равные части, одну четвертую ссыпал в мензурку с соляной кислотой. Получался мутный раствор — никакой реакции. Но я упрямо брал самодельным пинцетом и совком крошево оставшейся в холмике породы, вводил в пламя примуса. Синего свечения — признака меди — тоже не было.

Только после этого я собирал с противня всю раскрошенную породу и ссыпал обратно в мешок. Теперь этот мешок можно было спокойно отдавать Стасову — я был уверен, что меди здесь нет. Но на очереди были другие мешки, из других шурфов и канаев, и я принимался за них. Снова полз вверх кряж, снова пот зали-

вал глаза. Затем начинали дрожать руки, и краж полз вверх не равномерно, а короткими — из последних сил — рывками... Не знаю, как я выдержал это напряжение — изо дня в день...

— Ну как, ничего нет?

Я поднял глаза. На пороге моей комнаты стоял Стасов. Он снял меховой полушубок, по-свойски сел на мою койку.

— Ну, что смотришь? — сказал он. — В гости пришел. Подыхаю со скуки под твоим домашним арестом. Чаем угостишь?

Я закрепил канат, вышел на кухню. Анна смотрела вопросительно.

— Чаю, — сказала я ей, подумал и добавил: — Ты вчера коврижки пекла — остались?

— Каждого уroda коврижками кормить... — проворчала она.

— Но он же наш гость...

Вернувшись, я увидел Стасова у своего стола. Он взболтал в мензурке раствор, посмотрел его на свет, взял пинцетом крошечку породы, ввел в огонь примуса.

— И так проверяешь каждый мешок? — спросил он.

Я опять промолчал. Стасов осмотрел мою дробилку.

— Н-да, работка... Загнешься ты...

— Ты же сам в институте говорил, что здесь есть медь.

— Ну, прихвастнул малость, — сказал Стасов. — Ты на Тихом ручье видел заывочный столб?

— Я его снял...

— Эх, Серега! — вздохнул Стасов. — Снял — не снял. Дело не в этом. Столб поставил мой дед. А отец работал здесь семнадцать лет и замерз в Кислой долине. Понимаешь, что значит для меня эта земля?

— Это уже не твоя земля...

— Временно не моя, — усмехнулся он. — Ваша власть, Серега, долго не продержится. Я потому и сижу, не убегаю из-под твоего дурацкого домашнего ареста. Жду, когда она сменится.

— Наша власть навсегда. Это власть народа...

— Не надо меня агитировать, Сережа, — перебил Стасов. — Мне ваш коммунизм не подходит как принцип. Он требует служения народу, общему благу. А я никому не хочу служить, Серж, никому...

— Даже науке?

— Я учился, чтобы наука служила мне. А не я ей...

— И сделала тебя миллионером?

— А разве плохо быть миллионером?

— А остальные?

— А что остальные? Я сам не из князей — мой дед был каторжником, отец — купцом. Но мы пробились... И Ханталские горы открыты нашей семьей, могила моего отца здесь. Нет, эту землю я вам не отдам. А ты бы отдал?

Вошла Анна, принесла чай и коврижки. Тревожно посмотрела на меня, скользнула взглядом по Стасову и вышла.

— Как она тебе? — глядя ей вслед, спросил Стасов.

— Что? — не понял я.

— Ты идеалист... — вздохнул Стасов. — Ничего, весной я познакомлю тебя с какой-нибудь англичанкой... — Он отпил чай из кружки.

— Англичан здесь не будет, — сказал я.

— Будут, — спокойно возразил Стасов. — Ты же не докажешь, что здесь есть медь. А уголь даже твоя Москва согласна отдать англичанам в концессию, все равно его по реке возить слишком дорого...

— Но медь все же есть? Где она?

— Не знаю, ищи... — Стасов насмешливо улыбнулся.

Из чего состоит работа ученого, если он — директор института, депутат, член редколлегии нескольких научных журналов и т. д. и т. п.?

Конечно, я заседал в ученых советах и голосовал в ВАКе, просиживал в Комитете по составлению металлогенетической карты страны, посещал заседания редколлегии журналов, но при всем том... Ко-

нечно, проще всего сказать, что я был задумчив или погружен в себя. Нет, это не то. Просто внутри зрело нечто неясное, родившееся от беспокойства, от какой-то мучительной странности нескольких совпадений, разделенных двадцатью семью годами. И в этой суете бурных заседаний, в одиночестве своей пустой квартиры, за стаканом остывшего чая и даже во сне вдруг всплывали отчетливые фразы: «ОТКРЫТЬ ВЕНТИЛЬ ФТОРИРОВАНИЯ!»... И возникало лицо Лиды Каточкиной, и она говорила мужу: «ЗАПИШИ, ДЕСЯТЬ СОРОК — КОНДЕНСАЦИЯ И РАЗЛОЖЕНИЕ ФТОРИДА»...

«ВОЗГОНКА! — командовал майор на испытании установки. — КОНДЕНСАЦИЯ! ПОШЛА КОНДЕНСАЦИЯ?»

«КОНДЕНСАЦИЯ ПИШЕТСЯ ЧЕРЕЗ «О», — говорила Лида Каточкина мужу.

Мысль свербила, стучала...

«СКОЛЬКО ТАМ ГРАДУСОВ?» — спросил Каточкин.

«У МЕНЯ ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ, НОРМАЛЬНО», — растерянно сообщила на испытании Лиза, когда уже горела вся установка.

«ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ, НОРМАЛЬНО», — сказала тогда, двадцать семь лет назад, Лида Каточкина, и это были ее последние слова.

Теперь мысль стучала набатом, требовала, звала к бумаге и карандашу, к формулам и цифрам. Ухающий грохот звучал и в тот момент, когда я поспешно вытаскивал из стола лист чистой бумаги, торопливо исписал его цепями структурных соединений и вдруг ясно увидел четкое движение процесса...

Это было уже остервенением. Я спал по три часа в сутки, осунулся, перестал бриться, забыл о времени. О рабочих, об Анне. Обо всем мире.

Только грохот падающего, обитого железом кряжа, только канат, натерший на руках кровавые мозоли. Рукавицы не держивали и суток — рвались. Этот про-

клятый кряж отказывался подниматься к потолку, потому что у меня не хватало сил, я возненавидел его лютой ненавистью, будто классового врага...

Дрожащие от усталости руки часто просыпали раскрошенную породу мимо мензурки, в глазах плыли круги от пламени примуса, а в голове постоянно, даже во сне, ухал этот кряж — тупые, однообразные удары...

От этого бьющего в виски грохота не было спасения. Я выходил из барака в черную ночь тундры, растирал снегом лицо, шею, затылок. Но эхо ударов не отступало. Порой я встречался взглядом с Анной и читал в ее взгляде то, чего больше всего не терплю в жизни, — жалость. И это подстегивало. Это и визиты Стасова. Он приходил теперь чуть ли не каждый день, значит, боялся, что я эту медь найду. А раз так — она где-то рядом, здесь, может быть, вои в том мешке из 116-ой штольни... И я возвращался в барак, заставлял себя снова и снова крошить породу...

Но меди не было. Не было! А потом...

...Спирт ожег так, что нечем стало дышать. Это тупых ударов на несколько секунд стизло в голове, затем вернулось, но было уже мягче, глуше. Я налил себе еще и сидел совершенно опустошенный, хмельно пошатываясь над кружкой — моему истощенному адовой работой организму было достаточно и ста граммов... Стены моей каморки, стол с мензурками и горящим примусом, окно, распянутое тусклому краешку тундрового весеннего солнца, кряж-дробилка — все плыло перед моими глазами. А когда я напряжением воли остановил на секунду эту карусель, в двери своей каморки я увидел Анну. Она смотрела на меня и плакала.

Я усмехнулся. Хмельно произнес:

— Иди сюда...

Она отрицательно покачала головой.

— Глупенькая! — заикаясь, с блаженной улыбкой сказал я. — Смотри, я платину нашел... Тут не медь, а хромистый же-

лезняк, и в нем платина, ясно?.. А мама от тифа скончалась, как я ей покажу? Поэтому Стасов у нас породу скупал...

Анна шагнула ко мне, но я, пошатываясь, поднялся навстречу.

— Нет! Не надо меня жалеть! Не надо! Ты иди, почему не работаешь?

Но ее уже нельзя было остановить. Она рванулась ко мне и стала целовать в глаза, в брови.

— Дурак! Господи, какой дурак. Сдохнуть можно — я же люблю тебя.

— Аня... — И вдруг я разревелся. Все перегрузки этой зимы, все ее бураны и каторжный поиск меди, обернувшейся платиной, все, что было зажато, по сути, еще мальчишеской волей, прорвалось наружу, и я разревелся.

— Ну что ты? Что? — встревожилась она.

— Зачем? Зачем ты? Мне плакать нельзя, я комиссар... — говорил я, размазывая слезы.

87-ой элемент таблицы Менделеева франций был впервые получен француженкой М. Пере в 1939 г. Франций просуществовал 21 минуту и исчез, поэтому свойства его не изучены. Поиск франция продолжается.

Машина остановилась у подъезда моего института. На подоконнике третьего этажа, у распахнутого окна сидели все те же лаборантки — конечно, с сигаретами во рту, как же иначе! Впрочем, увидев меня, они опять исчезли.

В вестибюле было прохладно и шумно. Только что одна из групп вернулась из экспедиции, сгрузила в вестибюле ящики с кернами, рюкзаки и оборудование.

— Добрый день, — на ходу бросил я, направляясь к лифту. У лифта стояла бывшая лаборантка Андрея Таня.

— Здравствуйте, — сказала она, почему-то покраснев, и я понял, что ей не

очень-то хочется ехать со мной в одном лифте. Но деваться уже было некуда — она вызвала лифт.

— Вам — шестой? — спросил я, когда мы вошли в кабину.

— Да.

Я нажал кнопку. Стоять с ней в одной кабине было тягостно, к тому же я невольно обратил внимание на ее чрезмерно укороченный рабочий халатик.

После шестилетних усилий по получению 20-процентного концентрата туллия шведскому химику П. Клеве понадобилось еще четыре года для выделения туллия в чистом виде. По сообщениям прессы, сегодня туллий творит чудеса. Конкретные данные не публикуются. Один килограмм туллия стоит 300.000 долларов.

Перехватив мой взгляд, она покраснела. Но слава богу, лифт наконец остановился.

В приемной сидели секретарша и референт. Поздоровавшись, я сказал:

— Клавдия Петровна, выясните, пожалуйста, где сейчас поисковая партия моего сына. И закажите мне на завтра билет.

— На завтра? — удивленно переспросила она. — Андрей сейчас на реке Сытыкан, в Якутии. Вы же назначили на завтра ученый совет. Отчет хибинской экспедиции...

— Придется извиниться и отложить...

Километровый белопенный шлейф водосброса качнулся под нами и стал медленно уходить вниз и вбок. Вертолет пролетел над плотинной Вилюйской ГЭС — пилот провел его у самого языка ревущего семидесятиметрового водосброса, и сотни тонн этого рыжего и яростного водного обвала хлестнули в иллюминатор. А за дамбой открылось Вилюйское море...

Пилот — молодой, почти мальчишка —

глянул на меня с гордостью — мол, ну как? Я улыбнулся, Вилюйская ГЭС действительно впечатляла.

Вертолет, набирая высоту, взял курс на север.

Я летел над якутской тайгой, над местами, в которых никогда не был, и все же что-то родное было в этих прелых болотах и чистых северных реках. Далекие двадцатые годы, не остывшие в памяти даже за полвека.

Стасов с горным мастером возились в амбаре. Амбар был полон мешками с породой, ровными рядами угодившими под потолок. Я усмехнулся — спокойно и недобро:

— А ну, выходи! Платину хотел англичанам продать, гад? — В руке у меня был маузер, за спиной стояли Каточкин, Коровин и все рабочие.

Стасов выпрямился. Я никогда не забуду эти глаза — в них сначала мелькнул испуг, затем они наполнились ненавистью... такой ненавистью, что я чуть не нажал курок. Я сам испугался этого желания и потому поспешно сказал:

— Выходи, выходи, Илюха, все! Мешки арестованы в пользу республики!.. Не будет здесь никаких концессий!..

Стасов озирался, словно еще прикидывал, сможет ли справиться с нами. А потом обмяк, стал даже как-то ниже ростом и вышел из амбара. Следом за ним плелся мастер.

Я поднял руку с маузером, радостно обратился к рабочим:

— Товарищи! Теперь эта платина принадлежит вам, всему трудовому народу, Советской республике! Каточкин, поставь у амбара охрану!

Весна и солнце сгоняли с сопки снег, заливали наши штольни водой, но мы работали, как очумелые. Рабочие знали, что такое платина, и теперь, когда казавшийся раньше бесполезным поиск приобрел новый смысл, и какой — платина! — мы,

перемазавшись в грязи, не обращая внимания на появившееся комарье, загружали в тачки и нарты добытую породу и кубарем, отрывая последние подошвы с последних сапог, спешили к реке. Берег реки был в толстых припаях льда, но мы сделали прорубь, и в самодельных лотках промывали породу.

— Дашь мировую революцию!..

Даже Каточкин тогда улыбался. Помоему, впервые в жизни...

Я устал от полета — мы летели уже третий час. Внизу, под нами, плыла лесотундра. Явные признаки будто совсем недавнего оледенения — громадные валуны из гранита, так называемые «бараньи лбы», срезанные вершины сопки, серо-зеленый мох. Подумать только! Именно здесь, подальше от людей легкой удачей, от слабых духом, от безвольных и мелочных, природа схоронила якутские алмазы, оградив их и тайгой, и болотистой тундрой, и скалами, и гнусом, и шестидесятиградусными морозами.

Неожиданно сбоку, в стороне, у берега небольшой тундровой речушки мелькнули три яркожелтые палатки.

— Они! — крикнул мне вертолетчик. — Отряд Юрышева.

И повел вертолет к бивуаку геологопоискового отряда.

На шум вертолетного двигателя из палатки выскочила девушка и побежала к берегу реки, показывая, где нам сесть.

Сели у воды, на речную гальку. Я надеялся, увидевший виды накомарник, опустил сетку, вышел из вертолета и... изумленно остановился. Девушка, которая меня встречала, была моей давней знакомой — той самой, с которой мы прошлой зимой летели в Ханталск. Теперь на ней были джинсы, мужского покрою рубаха и пестрый накомарник. Лицо блестело от диметилфтолата, а над головой девушки жужжал комариный нимб.

Узнав меня, она несколько испуганно отстранилась.

— Здравствуйте...— произнесла она, отмахиваясь от комаров, и на руке ее блестяло обручальное кольцо.— Вы меня узнаете?

— Конечно. Здравствуйте,— я улыбнулся и протянул ей руку.

— От винта!— крикнул пилот из кабины.

Она взяла меня за руку, потащила от вертолета.

Вертолет взмыл вверх, завис над рекой, потом взял курс на юг.

Возле трех походных палаток, поднятых над вечной мерзлотой, на подстилку из сушняка и досок, дымил костер. Над огнем что-то булькало в котле, рядом торчал широкий пень, иссеченный топором, и сам топор тоже торчал в пне, отвесившая на солнце зазубренный лезвием. Возле него стоял чайник с чуть свернутым набором посуды, а дальше, на стволе березы, висели рукомоийник и чистое полотенце...

Я сидел в походной палатке-кухне, мазал лицо, руки и шею диметилфтолатом.

— Совершенно невозможные твари!— говорила Алена, ловко очищая картофелину.— Ну никакого спасенья. Сейчас еще что! Сейчас гнус сошел, одни комары. А у нас на свадьбе, ой, у меня вместо фаты накомарник был, честное слово. Вы только часы не намажьте, диметил стекло разъедает... Андрюша сейчас в маршруте, они на Сытыканской впадине песок пашли, тут ведь скоро будут город строить, Алмазный...

Она говорила, боясь, видимо, остановиться, потому что чувствовала себя сомпой, своим тестем, еще стесненно. А я смотрел ей в глаза, улыбался, но... уже не слышал ее. Я только видел ее до боли знакомый жест, когда движением головы она отбрасывала волосы. Неужели бывает такое сходство?

Когда задули первые апрельские ветры, мы устроили на ледяном припае каток. Распахнув полушубки и драные телогрейки, мы становились лицом к ветру, и ветер нес нас по льду. Мы дурачились. Анна сыпала мне снег за шиворот— снег и крошево лыдинок. И глаза ее сияли, такие родные глаза. И падая в снег, я целовал ее— я был влюблен в нее, в весну, в Ханталские горы... И Анна целовала меня. А потом вскакивала, бежала к краю катка, распахивала навстречу ветру свой полушубок, и ветер нес ее по льду ко мне— мою Анну, мою невесту...

Выстрел прозвучал ночью— сухой и негромкий. Я почувствовал, как Анна— Анята, Аннушка, моя Анка!— дернулась всем телом и замерла на койке. Я приснул. Звон разбитого стекла еще стоял в воздухе. Казалось, стекло медленно опадает с оконной рамы к полу и звон этот будет бесконечным, как звон ямщицкого колокольчика.

Пуля предназначалась мне, но Анна лежала на краю кровати. То была наша первая брачная ночь... Через пятнадцать лет я первыми буквами наших имен назову новый, еще не открытый элемент— анселий...

Мы гнались за Стасовым и горным мастером на оленях, на лыжах, пешком. След стасовской нарты пропадал на оттаявших боковинах сопок, вновь возникал в заснеженных распадках— взрылленный копытами оленей снег и две тонкие струйки, оставленные полозьями удирающей нарты.

Внезапно наткнулись на еще живого, но уже агонизирующего оленя. Он лежал на земле с перерезанными постромками, глаза покрывались смертельной пленкой.
— *Одного з-загнал, с-сука,— мстительно сказал Коровин.— Д-догоним!*

Я молчал. Я сжимал карабин и думал только о том, как унять дрожь в руках.

Потом мы увидели мастера— с прострелянным животом, головой в снегу.

Коровин с разбегу направил оленей вброд какой-то речушки. Олени выскочили на противоположный берег. Здесь был ясный — по чистому снегу — след ударающей нарты. Но Коровин на всем скаку перехватил нашу упряжку, упершись хореем в землю.

— Вперед! — заорал на него Каточкин, впервые в жизни он вышел из себя.

— П-пустые нарты,— показал на след Коровин.— С-сам речкой поплыл, с-следы замаетае. Я так с-с каторги бежал...

— Гони!

Помчались вдоль берега реки. С крутой вершины сопки увидели вдали лодку с гребцом. Я и Каточкин выстрелили одновременно. Еще. Еще. Но у меня нервной лихорадкой дрожали руки. А для Каточкина далеко было. Лодка уходила за выступ скалы, в излучку.

— Гони, Коровин!

Каточкин прыгнул в нарты, но Коровин не спешил, взял у меня карабин.

— Зачем зря оленей гонять? — спокойно сказал он. Перевел прицельную планку, опер карабин в развилку колченогой березы и крепко расставил ноги. Только после этого приложился к прикладу.

Прошла еще вечность, пока он нажал спусковой курок.

Фигура в лодке ничком наклонилась к борту, лодка зачерпнула воду бортом, медленно пошла по дуге и затонула.

— А если он выплывет? — спросил Каточкин.

Коровин посмотрел на него, на меня. Усмехнулся:

— К-кабы м-мертвые выплывали, меня бы сюда не с-сослали...

Мы долго смотрели на реку. Но никто не всплывал... Для мертвеца было рано, для живого — поздно...

Тундровая река медленно плыла вдоль берега, мимо догоравшего вечернего костра.

Андрей подложил в костер свежена-

рубленных веток, чтобы дымом отогнать комаров.

Мы сидели вдвоем у костра, верней, полулежали, оперевшись о чьи-то рюкзаки. За спинами у нас были три освещенные изнутри палатки, там рабочие отряда собирались ко сну, но еще играл у кого-то транзисторный приемник, стучали костяшки домино.

Алена, умывшись под рукомойником, прошла мимо нас к палатке и на ходу тронула Андрея за шею. Андрей ответил на эту мимолетную ласку нарочитым рычанием.

— Она мне нравится,— сказал я, глядя вслед Алене.

Он усмехнулся.

— Мне тоже...

— Только вы с внуками не тяните,— сказал я строго.— У Аюкопяна шесть внуков, а у меня?

— Ты бы не сидел на земле,— попросил Андрей.— Все-таки мерзлота. Зачем ты прпехал?

— Поздравить вас,— усмехнулся я.— Помнишь, в шестнадцать лет ты говорил, что ученому жениться нельзя...

— Помню,— он улыбнулся.— В «Национале». Но я уже не ученый. Просто геолог, ищущий песок...

— И только? — спросил я с прищуром.

— А что еще? — он пожал плечами.— Алмазы тут нашли без меня...

— Комиссия по выяснению причин аварии на твоей установке решила... Ты знаком с заключением?

— Меня это уже не волнует, пошли спать...

— Постой. Сядь,— сказал я.— Я ведь тоже когда-то забросил анселий. В сорок четвертом. Смерть твоих... Идею анселия и до того многие считали бредом, и я... Если честно, я уже боялся новых поражений.

— Папа, ты что приехал — исповедоваться? — спросил Андрей негромко.

Я никак не отреагировал, только голос стал чуть жестче.

— Так вот,— сказал я.— И ты, и комиссия ошиблись. Установка сгорела не от фтора и не от того, что там не выдержали термопрокладки. Она вообще не сгорела, а потекла. И виноват в этом чистый анселий. Он был, понимаешь? Ты ждал фтористый, ты устроил для него приемник после восьмой стадии очистки, а он проявил себя раньше. Даже если он был не дольше секунды, он успел превратить огнеупоры в жидкость, и — уже как следствие — прорвался фтор. Я убежден в этом. Когда-то я тоже искал медь, а...

— Папа,— спокойно перебил Андрей.— Я все это знаю.

— Что ты знаешь? — оторопел я.

— Я знаю, что установка потекла, что там был анселий. Я понял это месяц назад.

— То есть как? Ты знал, что был анселий и молчал?

— А кто бы мне поверил? — усмехнулся оп.— Ты бы первый назвал меня идиотом.

— Мало ли что!

— Нет, папа. Нужны доказательства, что был анселий, а для этого — новая установка. И знаешь какая? Проект нужно утверждать чуть ли не в Совмине. А мне это уже не по зубам. Кто я? Рядовой геохимик, около тридцати...

— А когда я открывал Ханталские горы,— спросил я, чуть ли не чеканя каждое слово,— сколько мне было?

— Это было в другое время, отец. Ты был комиссар, с мандатом Совнаркома...

— А ты мой сын! И не только мой! — я уже с трудом сдерживал себя от гнева.

— Папа,— мягко сказал он с эдакой улыбкой столетнего мудреца.— Сейчас мы с тобой похожи на двух генералов, которые, проиграв сражение...

— Значит,— перебил я и произнес вразяжку: — Несмотря на то, что ты и твои родители получили чистый анселий...

— Они? — изумился он.— С чего ты взял?

— Две аварии при равных параметрах не могут быть случайностью. Я сделал расчеты. Каточкины получили чистый анселий при той же температуре — пятьсот семьдесят.

Серая плакатная бумага таблицы Менделеева была пробита осколками автоклава, словно ее прошили пулеметной очередью. На таблице жирным карандашом были очерчены еще не заполненные в те годы клетки — 97-ая, 98-ая, 99-ая.

— Действительно,— проговорил Андрей после паузы.— Какая простая мысль...

— Андрей! — Алена вышла из палатки, сказала с укором: — Андрюша, пора спать, отец с дороги. Сергей Матвеевич, я вам постелила...

— Постой, Алена,— попросил ее Андрей и повернулся ко мне: — Значит, ты предлагаешь...

— Да. Только не я предлагаю. А предлагать будем мы. Ты, я и вот эта тетрадь.— Я достал из кармана рабочую тетрадь Каточкиных, опаленную давним— 1944 года — взрывом.

КАЖЕТСЯ, СИМОНОВ СКАЗАЛ, ЧТО С ГОДАМИ МЫ ВСПОМИНАЕМ ВСЕ СОВСЕМ НЕ ТАК, КАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ. НО, МОЖЕТ БЫТЬ, ПО ПРОШЕСТВИИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ МЫ СНОВА ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ПРАВДЕ? ВЕДЬ СТАРОСТЬ ЛЮБИТ ДОБИРАТЬСЯ ДО СУТИ... КАК БЫ ТАМ НИ БЫЛО, Я ТВЕРДО ЗНАЮ, ЧТО НИ ОДНО ОТКРЫТИЕ — ДАЖЕ В САМОМ СЕБЕ — НЕ ДАЕТСЯ ДАРОМ. НИ НАУКЕ, НИ ЛЮДЯМ.

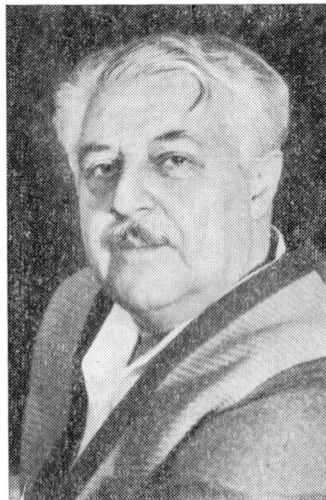
Р. Хигерович

**ЛАСТОЧКЕ-
ЛЕТЕТЬ!**

РАФАИЛ ИСАЕВИЧ ХИГЕРОВИЧ (родился в 1911 году) начал свою трудовую жизнь на заводе, затем служил в военной авиации, закончил филологический факультет Института истории, философии и литературы и защитил кандидатскую диссертацию. В 1941 году ушел на фронт. После окончания войны и демобилизации Р. Хигерович работал корреспондентом газеты «Гудок». Им написано несколько пьес, повести: «Путь писателя», «Помилован каторгой», «Младший брат», «Виа Антонио Грамши» и др.

По итогам Всесоюзного конкурса на лучший киносценарий о современном рабочем классе литературному сценарию писателя Р. Хигеровича «Ласточке — лететь!» присуждена вторая премия.

Говорят, одна ласточка не делает весны; но неужели от того, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться?

Л. Толстой

Почерневший от времени, но еще крепкий, срубленный на долгие десятилетия, из двенадцативершковых бревен старый уральский дом. Глухой забор. Окованные железом массивные, под тесовым козырьком, ворота, в них врезана маленькая калитка.

Из калитки, пригнувшись, выглянула старуха с котомкой за плечами. Перешагнула порожек и, не оглядываясь, пошла по пустынной улице.

Темно в доме, ни огонька за плотно притворенными ставнями.

Но вот по темной крыше забегали верткие огненные змейки, их все больше, больше, и вдруг языки пламени взметнулись вверх, к темному низкому небу.

Обернулась старуха. Угрюмо смотрит на полыхающий дом. По сухому, недоброму лицу катится одинокая слеза. Перекрестилась старуха и пошла своей дорогой. Больше она не оглядывалась.

С оглушительным треском занялись стены — напоенные смолой старые бревна...

В отблесках пламени мечутся люди.

С пронзительным ревом клаксона подъехала пожарная машина. За ней вторая. На землю посыпались люди в касках и брезентовых робах.

Выносят домашний скарб. С трудом протискивают через оконный проем огромный, окованный железом сундук.

Застрял сундук.

Медленно, нехотя пополз вперед и грохнулся на землю. Рассыпался сундук на мелкие части.

Электровозное депо. Над станками, над электровозами с разобранными частями плывет огромный — от стены до стены — мостовой кран. Во всю ширь крана кумачовый плакат: «Член бригады коммунистического труда! Предложи, продумай, изготвь и внедри!».

И как бы продолжая движение крана, из ворот депо медленно выплывает мощный электровоз. На его серебристом обтекаемом корпусе, похожем на фюзеляж большого самолета, играют блики станционных фонарей.

Рядом с электровозом, прихрамывая, шагает маленький пожилой мужчина в замасленной спецовке. Низким басом, неожиданным для его щуплой фигуры, он говорит невидимому пока машинисту:

— Будешь завтра церемонию открывать, от меня лично старику привет.

Плавно ускоряет движение электровоз.

— Стой!.. Стой!..

Высунулся из окна машинист.

— Ну чего там еще? Узнай, Фомин.

Лет машинисту около пятидесяти, широкоплечий, наверное, сильный, лицо твердое, спокойное.

— На мотоцикле гонит... Алехин, кто

еще,— прикрыв глаза рукой от спешащих фонарей, ответил Фомин.

Из темноты выскочил мотоциклист и, сделав крутой вираж, затормозил у самого электровоза.

— Андрей Ильич!.. Горит!.. Наш.. рыжакинский,— выкрикнул Алехин, с трудом переводя дыхание, и указал рукой на побарошевшее небо.

Алехину лет тридцать пять. Одет он в кожаную куртку с немислимым количеством молний.

По улице с воем промчалась еще одна пожарная машина.

— Кто в доме? — отрывисто спросил машинист.

— Никого. Старуха ушла.

Облегченно вздохнул машинист.

— Пускай горит...

— Андрей Ильич! Дом ведь, вещи, добра сколько! — ошеломлен Алехин.

— Обойдемся без рыжакинского добра, Вячеслав. Поехали.

— Погодите, Андрей Ильич. Сундук бабкин развалился, а там письма... Андрею Шувалову.

— Мне?

— Тридцать лет пролежали. Здесь колечко еще... Не уроните.

Берет протянутую ему пачку писем Шувалов. Дрожит сильная рука.

— Так что, Андрей Ильич?..

— Пускай горит!

Тронувшись с места электровоз. Набирает скорость. Идет мимо станционных построек, кирпичных домов поселка. Приближается зарево. Пелена дыма стелется по крышам, цепляется за раскидистую вершину сосны, непонятно как уцелевшей на заливной асфальтовой площади.

Шувалов перебирает пачку писем. Лицо застыло. Высунулся из окна кабины, напряженно всматривается в зарево...

...Порыв холодного мартовского ветра ударил в кирпичные стены недостроенных заводских корпусов, вихрем мелких сне-

жинок закрутился между деревянными домиками поселка и скрылся за горой, поросшей частым и густым ельником.

Заскрипела одинокая сосна возле дощатого здания клуба, заколебался фанерный щит с обрывками афиш кинобоевиков: «Медвежья свадьба», «Яд», «Праздник святого Иоргена». Парусом выгнулся натянутый над входом кусок грязно-белой материи. И под порывами ветра устрашающе заиграл мускулами нарисованный на ней силач в трико. На плечах силач держит нечто вроде качелей, на которых непринужденно раскачиваются двое других гимнастов. А под рисунком большими фиолетовыми буквами, вперемежку с красными восклицательными знаками, значится:

**А Н О Н С! А Н О Н С!
ОДНА ГАСТРОЛЬ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫХ
ГЛАДИАТОРОВ!
3 — ЛЕОПОЛЬДУС — 3
в двух отделениях**

I отделение

Упражнения с гириями, как-то: мельница, крест и прочие мировые рекорды. Первый раз в сезоне!

**Гвоздь программы:
!КАЧЕЛИ СМЕРТИ!**

2 отделение

ПИРАМИДА ЕГИПЕТСКИХ ФАРАОНОВ!

Торопливо проходят в клуб запоздалые посетители. В дверях, в яростной надежде на чудо, теснятся мальчишки. Среди них вихрастый, бедно одетый мальчуган лет восьми — юный Алехин, в те времена попросту Слава.

— Как есть весь проход загородили! — выходит из себя контролер, пушлый мужчина с подвязанной щекой. — А ну, марш отсюда!

Славка, улучив момент, нырнул под локоть контролера.

— Стой! Держи его!..

Но Славка с разбегу влетел в какую-то дверь и оказался в зрительном зале у са-

мой сцены. На него шикают. Славка сжался комочком в проходе, не отводя сияющего взгляда от сцены.

А на сцене в этот момент происходит как раз то, что изображено на афише — настоящие, без обмана, «качели смерти».

От восторга замер Славка, не замечая, что по проходу к нему приближается контролер с подвязанной щечкой. И плохо бы пришлось Славке, если бы чья-то рука не поманила его и чей-то голос не проговорил шепотом:

— Сигай сюда, хлопец.

Под аплодисменты зрителей «гладиаторы» спрыгнули на пол сцены. Освобожденный от груза молодой «гладиатор» подошел к рампе и поклонился публике. В натуре он оказался молодым добродушным пареньком, совсем не похожим на свирепого силача с плаката.

Бешено аплодирует юный Слава Аলেখин.

Салютуя публике, «гладнаторы» убежали за кулисы.

На сцену вышел администратор — пожилой мужчина в потертой бархатной толстовке.

— Минуточку внимания: сейчас членами заводской ячейки Осоавиахима будут распространяться билеты лотереи. Цена билета — один рубль. Антракт десять минут.

— А ну, герой, давай знакомиться, — обратился к Славке его спаситель, усатый пожилой железнодорожник. — Как звать?

— Славкой.

— Аলেখина покойного сын, — густым басом говорит сидящий рядом с железнодорожником парень. По басу догадываемся, что это Фомин, тот самый, который в первых кадрах провозжал Шувалова в рейс. На груди у молодого Фомина значки «Ворошиловский стрелок», ГТО и еще множество других, ныне уже полузабытых.

Железнодорожник сочувственно вздохнул.

— Так, так... Добрый оружейник был. А ты кем будешь? Оружейником?

Славка отрицательно помотал головой: — Не, в цирк пойду... А я вас знаю, — вдруг оживился он. — Сад у вас хороший.

— Лазил?

— Лазил.

— За уши тебя драл?

— Было, — мрачно кивнул Славка.

— Значит, старые знакомые. И фамилию мою знаешь?

— Назаров фамилия, звать Иван Игнатьич. По паровозному делу. — Славка, видно, повторил чьи-то слова.

— Точно, — улыбнулся Назаров. — Паровозный машинист. Хорошая профессия, лучше цирка. Если надумаешь, приходи, я тебя к машине приспособлю.

— Не, не надумаю, — твердо ответил Славка. — В цирке работа ух как интересная и заработок хороший!

К Назарову подошла молоденькая девушка в косынке, из-под которой выбивались непослушные светло-русые кудри.

— Здравствуй, Шура, здравствуй, красавица, — ласково проговорил Назаров.

В руках у Шуры пачка лотерейных билетов.

— Поддержите, Иван Игнатьевич. Возьмите десяток.

— Ого, десяток! Давай три штуки. Сколько еще осталось?

— С полсотни.

— А ты этим предложи — «гладнаторам». У них, Славка говорит, заработок хороший.

— А что — почему бы нет? Пойду и предложу...

Комната за сценой была завалена клубным имуществом. На подоконнике штабелем сложены шахматы и шашки. На дверце облезлого шкафа белел лист бумаги с изображением черепа, скрещенных костей и грозной подписью: «Не трогать! Опасно для жизни! Староста струнного кружка». На противоположной стене — электрофицированная схема паровоза.

— Рад бы всей душой, — прижимая руки к груди, говорит администратор главному Леопольдусу. — Но, увы, не имею права.

— Что такое право? — вздыхает Леопольдус, картинно кутаясь в цветастый, изрядно поношенный халат. — Уважаемый, этого не знали даже древние римляне.

Тем временем молодой Леопольдус сосредоточенно водит металлическим стерженьком по контактам паровозной схемы на стене, безуспешно пытаясь зажечь лампочку.

— Оставь, Леонид, ведь не сбежит, — бросил он, не оборачиваясь.

— Гражданин Андрей Шувалов, прошу вас заниматься своими научно-техническими изысканиями и не лезть в мои дела... Деньги на бочку, — командует старший Леопольдус администратору, — срок пять минут. Галопом ма-арш!

Администратор исчез. Леопольдус развалился на кушетке и наконец заметил в дверях Шуру, с любопытством разглядывающую обоих «гладиаторов».

— С кем имею честь? Полагаю, из местной прессы?

— Из местного Осовиахима. Купите билеты лотереи.

Леопольдус сразу теряет интерес к разговору.

— Посторонним за кулисы вход воспрещается. — Театральным жестом он указывает Шуру на дверь.

Шура растерянно теревит в руках пачку билетов. Неожиданно раздается голос Андрея:

— Я возьму. Давайте.

— Сколько? — обрадованно спрашивает Шура.

— Все! — выпаливает Андрей. Он лихо радочко шарит по карманам халата и брошенного на спинку стула пиджака.

— Не ищите, сэр. У вас нет ни одного цента, — вмешивается в разговор Леопольдус. Он явно наслаждается этой сценой.

В комнату вбегает запыхавшийся администратор.

— Вот деньги, — он кладет на стол пач-

ку, — и ради бога, скорее на сцену. Публика волнуется.

Андрей берет несколько бумажек из пачки. Леопольдус вскакивает.

— Позвольте, сэр!

Но Андрей отстраняет его плечом и протягивает деньги Шуре.

— В расчете.

— До свидания. — Шура небрежно запихивает деньги в сумочку и направляется к двери. На секунду она задерживается у схемы паровоза и уходит. Андрей ошалело смотрит на загоревшуюся лампочку.

— Отдай деньги! — наступает на Андрея Леопольдус.

— Даю занавес, — кричит администратор. Слышны громкие аплодисменты.

— Пошли, — хрипит Леопольдус.

И «гладиаторы» с традиционной улыбкой выходят на сцену. Эта улыбка превращается в злобную гримасу, как только Леопольдус по ходу «пирамиды египетских фараонов» оказывается спиной к зрительному залу.

— Ну погоди же у меня, — наклоняется он к уху Андрея.

Аплодирует зрительный зал.

Раскланиваясь, «гладиаторы» убегают за кулисы.

— Ну, пойдем, что ли, до дому, — говорит Назаров Славке. — Мать, должно, заждалась?

— Мамки дома нет. Она на заводе, в ночной. А ключи у нас под половицей лежат, — неохотно отвечает Славка.

— Эх ты, горемыка. А есть, должно, хочешь?

— Хочу.

— Пойдем в буфет, пока не закрыли.

Славка в нерешительности. Он голоден, но ему еще раз хочется посмотреть на «гладиаторов».

— А «гладиаторы»?

— «Гладиаторы» твои, небось, деньги делят. Пошли.

Назаров угадал. Леопольдус производил расчет со своими подручными.

— Это тебе, — он протянул несколько

бумажек третьему «гладиатору», парню с бычьей шеей и сонным лицом.

— А у вас, синьор, перебор сорок рубликов,— обратился он к Андрею.— На какое-то колечко дурацкое брали. И сегодняшний княжеский дар. Погасить изволи-те — или записать в дебет? Да брось ты эту дурацкую схему. Имей в виду, в последний раз терплю твою антраша. Я тебя человеком сделал. Если бы не я, на какой-нибудь стройке социализма лопаточкой, лопаточкой!..

— И лучше было бы. Честнее.

— Честнее! — передразнивает Леопольдус.— А что такое честность? Честных людей нет на свете. Есть умные и дураки. Честность придумали, чтоб морочить голову нашему брату. Ну, хватит философии на пустой желудок! Пошли ужинать!

Он идет к выходу, за ним парень с бычьей шеей. Помедлив немного, идет вслед за ними Андрей..

У входа в клуб на опустевшей площади с одинокой сосной стоит Шура. Хлопают двери. Шура оборачивается. Это выходят «гладиаторы» с чемоданчиками в руках.

Шура в раздумье смотрит на них, затем решительно подходит к Андрею.

— Подождите.

Тот останавливается. Он удивлен и обрадован. Шура протягивает ему деньги.

— Вы дали лишних двенадцать рублей. Возьмите.

Оборачивается Леопольдус, цинично усмехается.

— А-а, прекрасная леди из Осоавиахима. Вижу, мой молодой друг произвел на вас впечатление.

— Замолчи! — выкрикнул Андрей.

— Ого, деточка показывает коготки. Бери барышню под ручку и пойдем ужинать. Это очень просто. Разрешите, мадемуазель.— И он развязно берет Шуру под руку.

Она вырывается. Андрей хватает Леопольдуса за плечи:

— Оставь девушку!

Леопольдус, не выпуская Шуры, пово-

рачивает к Андрею искаженное злобной гримасой лицо.

— Пошел вон, соплик!

И тут же, отпустив Шуру, летит от сильного удара Андрея.

Как кошка, упруго вскакивает Леопольдус.

— Прелестно. Теперь я с тобой рассчитаюсь. Ты мне надоел, соплик! — И неожиданно коротким ударом бьет Андрея в подбородок.

Падает Андрей.

Вскрикивает Шура.

Но Андрей уже на ногах, и от сильного удара летит на землю Леопольдус.

Спешит ему на помощь парень с бычьей шеей.

Клубком сцепились дерущиеся. Двое на одного. Но силен Андрей, недаром держал на плечах «качели смерти». Снова и снова стряхивает с себя противников. В руке Леопольдуса блеснул нож... Отбивает удар Андрей.

С криком бросается к дерущимся Шура, но парень с бычьей шеей легко отшвыривает ее. И в этот момент появляется Назаров со своими товарищами.

— Это что такое!

Оценивает обстановку Леопольдус. Вытирает рукавом кровь с разбитых губ, хрипит:

— Ничего существенного. Подготовка нового аттракциона. Пошли,— кивает он парню с бычьей шеей.

Уходят в темноту Леопольдус со своим безмолвным спутником.

В комнате за сценой Шура бинтует Андрею пораненное плечо. Чтобы затянуть узел, она прикусывает один конец бинта зубами. Волосы Шуры щекочут лицо Андрея, и он вздрагивает.

— Больно? — озабоченно спрашивает Шура.

— Вот еще,— глядя в сторону, грубовато бросает Андрей.

— До свадьбы заживет,— добродушно говорит Назаров.

Шура и Андрей смущенно отодвигают друг от друга.

— Теперь куда подаешься, парень? С этими вроде дело разладилось? — сочувственно спрашивает Назаров.

Молча натягивает рубашку Андрей.

— Возьмите к себе. Буду хорошо работать.

— А специальность у тебя какая?

— Нету специальности... Не возьмете, не надо. Сам проживу.

— Да погоди же, горячка! Возьми да возьми. Я же не отдел кадров. Вот что — ночевать у тебя есть где? Наверное, нету. Что же мне с тобой делать?.. Софья Прохоровна — женщина строгая. На ночь глядя не впустил. Если тебя тихарем на сеновал...

— Дяденька, пушай он ко мне пойдет, — неожиданно вмешался Славка. — Мамки до утра не будет. Ключи под половицей.

— И то дело. А утречком пораньше приходи ко мне. Утро вечера мудренее, что-нибудь придумаем. Улица Короленко, спросишь машиниста Назарова.

Солнечное утро. Морозно, но крыши и карнизы домов уже разукрашены весенними сосульками.

По улице поселка шагают Андрей и Славка.

— Правой два пуда десять раз выжмете? — спрашивает Слава, забегая вперед.

— Выжму. Дивчина эта, Шура, деповская?

— Не, практикантка. А левой выжмете?

— Выжму. Где учиться?

— Кто ее знает? А правой и левой?

— Выжму. Долго нам шагать?

— Не. Вот.

Остаповились Андрей и Славка. Дом, как испокон веку строили на Урале, — что твоя крепость.

Гордый своей ролью, Славка старательно повторил слышанные от матери слова:

— Вот этот самый дом. Мамка гово-

рит — его еще старый Прохор Рыжакин строил. Мамка говорит, богатейший золотнишник был. Ивана Игнатъча, говорит, приймаком в дом взяли. А сад уже Иван Игнатъч посадил. Хороший сад, мамка говорит, на весь Урал знаменитый. Иван Игнатъч только по саду, а в доме, говорит, всем Софья крутит...

И словно на его голос отворилась врезанная в ворота калитка и показалась сама Софья Прохоровна — женщина могучего сложения с суровым, недобрим лицом. За ней появился Иван Игнатьевич. Рядом с супругой он выглядел как-то меньше, незаметнее.

Софья Прохоровна несла сундучок Ивана Игнатьевича, прокопченный, отполированный до блеска сундучок машиниста, который служит своему хозяину без малого двадцать пять лет. За калиткой Иван Игнатьевич обычно забирал у нее сундучок и шагал себе в депо. А Софья Прохоровна, проводив «хозяина» глазами до угла, возвращалась в дом.

На этот раз отлаженную церемонию нарушил приход Андрея и Славки.

— Ага, пришли, герои!

Андрею показалось, что басовитый голос машиниста стал вроде пожиже, чем вчера.

— Вот, Софьюшка, тот самый парняга. А это — прошу любить и жаловать — Софья Прохоровна, моя законная супруга... и дочь Верунька.

В калитке показалась высокая девушка лет двадцати. Увидев незнакомого парня, она пугливо отпрянула назад.

Андрей молча поклонился.

— Как звать-то? — прервала молчание Софья Прохоровна высоким с «визжинкой» голосом, никак не соответствующим ее могучей комплекции.

— Андреем Шуваловым.

— Отец и мать живы?

— Умерли в гражданскую. Мне четыре года было.

— Приютский, значит. Воровал?

— Не доводилось,— Андрей вспыхнул, но сдержался.

— А ежели доведется?

Хотел что-то ответить Андрей, но махнул рукой, повернулся кругом и зашагал по улице.

— Погоди! Пстой ты, горячка,— заторопился вдогонку Иван Игнатьевич.— Порох, право, порох. А ты, Софьюшка, того, не очень. Парень честный, верный.

— У тебя все честные да верные,— проворчала Софья Прохоровна, но уже помягче обратилась к Андрею: — Вишь, у старика моего надежда есть — свою специальность хорошему человеку передать. Да где возьмешь хорошего? А сыны не выжили. Были сыны, да не выжили.— Софья Прохоровна не то кашлянула, не то всхлипнула.— Взяли мы тут одного... Слава тебе, господи, не поджог, так ушел... Значит, решили мы с Иваном Игнатычем взять тебя, как бы это, в нахлобички. Иван Игнатыч тебя в депо схлопочет, специальность получишь. А в доме, заруби себе, парень, я хозяйка: что скажу — мне не перечь. Понял? Ну как, согласный? Думай, парень, думай, чтобы опосля обиды не было. И еще смотри, чтобы этого разного баловства ни-ни. У нас устав старинный, строгий.

Заколебался Андрей. Отказаться бы от этих хлебов, но встретил добрый, будто просящий взгляд Ивана Игнатьевича и ответил:

— Согласен.

Окутанный облаком черного дыма стоит паровоз серии «ОВ», на языке машинистов «овечка», который сейчас можно увидеть разве только на заводских подъездных путях.

Из-под паровоза торчат чьи-то длинные ноги. Ноги зашевелились, поползли назад, и вот на пути уже вынырнула долговзаяя фигура Андрея в замасленном комбинезоне.

— Готово, Иван Игнатьевич. Можете ехать.

— Это ты, Андрюша,— обрадовался Назаров.— Никак тебе самостоятельно доверяют?

— Доверяют,— блеснул белозубой улыбкой на запачканном мазутом лице Андрей.— А вот когда вы машину доверите? Эх, ты, конек вороной! — Он с фамилярной нежностью погладил закопченный корпус старой, выдавшей виды «овечки».

— Сдашь на четвертый разряд — пачну на помощника готовить. Мое слово твердо. А ты там все как следует? — вдруг забеспокоился Назаров.

— Гарантия — шесть месяцев, как в часовом магазине,— сверкнул зубами Андрей.

— Ну то-то! Книжку, что я дал про паровоз, почитывай! Комиссия, понимаешь, здорово вашего брата шпигует.

— Да в книге этой невесть что написано... Будто паровоз небо топят! Только самый чуток угля в дело идет, остальное в небо. Как это понимать, Иван Игнатыч?

— Как, как?.. Вот что я тебе скажу, Андрей: нет на свете машины вернее паровоза и не будет.

— Образуешь мальчика-то? — визгливым тенорком сказал незаметно подошедший худенький старичок.

— Савелию Кузьмичу низжайшее,— уважительно поклонился Иван Игнатьевич.— Как живы-здоровы?

— Здоров, здоров... В слесаришки полагаешь? — спросил он, в упор разглядывая парня колючими и, как показалось Андрею, злыми глазами.

— В машинисты,— сердито буркнул Андрей.

— Глянь-ка,— удивился старичок,— всякая козявка в букашки лезет.

— Я не козявка,— огрызнулся Андрей.— Я человек!

— Че-ло-век,— протянул старичок.— А знаешь ли, малец, что есть такое человек? Не знаешь. Поумнее тебя голову ломали. Сам граф Лев Николаевич Толстой,

а еще — писатель Максим Горький. А ты че-ло-век... Ну-ка, подойди, подойди...

Андрей подошел. Савелий Кузьмич приблизил свое сухое личико к его уху и как величайший секрет сообщил:

— Человек — это который другим людям пользу приносит. Значит, не для брюха живет... Что? Верно?.. На, оботри лицо-то.

Он вынул из кармана клубок чистых обтирочных копцов, протянул Андрею и отошел.

— Поправился ты ему, — шепнул Назаров. — Это Савелий Кузьмич, учитель мой. Ты что думал, я сразу машинистом родился? — усмехнулся Иван Игнатьевич. — Я, Андрияша, у него десять лет в помощниках ходил. Строг, конечно, но золото человек, а машинист — другого такого не сыщешь. Так ты, Андрияша, того, почитывай про паровоз. Все-таки умными людьми книжка писана.

...Во дворе дома Рыжакиных, под навесом, стоял верстак. Здесь на чурбачке и пристроился с книгой Андрей.

— Эй, кто там есть? — крикнула с крыльца Софья Прохоровна.

Андрей продолжал читать.

— Долго я буду глотку драть? Интеллигенция...

Андрей вздохнул, положил книжку на верстак и двинулся в сарай.

Через минуту, слегка согнувшись под шестипудовым мешком муки, он легко прошел через двор. Сзади с решетом шла Вера.

...Андрей выгребал вилами навоз из коровника. Корова лениво переступала с ноги на ногу, и Андрей ласково похлопывал ее по крутому боку.

Сзади с ведром появилась Вера. Заметив ее, Андрей выпрямился и в сердцах сказал:

— Ходишь, надзираешь. Эх, ты... хозяйская душа!..

Встрепенулась Вера:

— Что ты, Андрияша! Ведь я...

И вдруг залилась краской, бросила ведро и убежала.

Растерянный смотрел вслед Андрей. Похоже, причина вовсе не в «хозяйской душе». Ну, да бог с ней!.. И как в прибрежье от всех бед снова уткнулся в книжку: «При движении поезда на него действует большое количество самых различных сил...» Оторвался от книжки, прислушался — с улицы доносились звонкие, молодые голоса:

Наш паровоз, вперед лети,
В коммуны остановка...

Андрей подходит к забору.

По улице шагает колонна молодежи. На транспарантах: «Все на комсомольский субботник!», «Даешь комсомольский хозяйственный паровоз!».

В первом ряду шла Шура. Встретились взгляды Шуры и Андрея. Девушка презрительно отвернулась, сказала что-то Фомину. Оба засмеялись. Отшатнулся от забора Андрей, схватил книжку, остервенело прочел вслух: «При движении поезда на него действует большое количество самых различных сил...»

— Вера... Вера! — визгливо прокричала где-то в глубине двора Софья Прохоровна.

А с улицы, удаляясь, доносилось:

Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка...

Тишина. В темноте причудливо громоздятся какие-то конструкции. По площадке бредет Андрей. Вот он задержался у массивной колесной пары, которую катили, но так и не докатили до моста ребята. Пригнулся Андрей, ухватился за колесо... Не сдвинуть... И вдруг тронулись, покатались колеса. Оглянулся Андрей. Это Фомин поддел ось ломиком.

Молча докатили до места колесную пару. Выпрямылись.

— Погреться решил, — смущенно объясняет Андрей.

— Дело, — говорит Фомин. — Шура тут

на субботнике косынку потеряла. Да разве найдешь! Ну, бывай.

Полная луна освещает согнувшегося под тяжестью металлической плиты Андрея. Вот он свалил плиту, нагнулся, что-то поднял с земли...

Огромная чаша горного озера. Противоположный берег теряется в дымке и кажется, что это настоящее море, неведомо как забравшееся в поднебесье, к вершинам гор. А на этом берегу — веселье! Духовой оркестр, танцы, волейбол...

У куста орешника расположилось семейство Назаровых. Играют в лото. Софья Прохоровна важно восседает на специально захваченной подушке, объявляет фишки:

— В обед девяносто лет...

— Две хворостинки...

— Дедушка!..

— Девяносто девять у тебя, Андрей. Да ты кончил! — говорит Вера, ревниво следя за взглядами Шувалова.

Играют неподалеку в волейбол парни и девушки. Среди играющих — Шура. Поиграла немного и отошла...

— Везет шлопутам! — недовольно ворчит Софья Прохоровна, тасуя карточки лото.

— Прощу — к нашему шалашу, — приглашает Назаров подошедших пожилого рабочего с женой.

— Вот сюда на одеяло, — галантно усаживает Андрей гостью на свое место, — а я пойду пройдусь. Что-то ноги затекли.

Довольный своей светской хитростью, Андрей уходит, провожаемый грустным взглядом Веры и подозрительным — Софьи Прохоровны.

Лесистый склон круто спускается к озеру. Между красноватыми стволами пробирается Андрей.

По песку, у самой воды, идет Шура. Вдруг остановилась, увидев лодку с тремя мальчуганами. Один из них — вездесущий Славка...

— Назад!.. Назад! — кричит Шура и машет рукой.

Слава с большим камнем в руках нырнул в голубовато-серую воду.

Ломаю кусты лесной малины, на ходу сбрасывая с себя одежду, Андрей ринулся вниз...

Скинула платье Шура и тоже прыгнула в воду.

Стремительно плывет Андрей широкими саженками. Обогнал Шуру.

Круги на воде...

Ныряет Андрей...

И снова голубовато-серая гладь.

Тяжело дыша, сбиваясь с ритма, торопится Шура. Метрах в двадцати от лодки из воды появляется голова Андрея. Выгребая правой рукой, левой он обхватил обмякшее тело Славки. Добравшись до лодки, рывком переваливает его через борт.

Дрогнули веки Славки. Открыл глаза.

На весла сел старший мальчуган. Подгребая одной рукой, Андрей другой рукой толкает лодку.

Лодка поравнялась с Шурой. Увидел Андрей ее бледное усталое лицо, глаза, в которых застыл страх перед немеряной глубиной озера, и заторопился к ней.

— Не нужно, — шепчет Шура, но помимо своей воли инстинктивно обнимает шею Андрея.

И слова, как в тот памятный вечер, близко, близко от лица Андрея ее лицо. Волосы Шуры мокрыми прядями свисают ей на глаза. Бережно отводит Андрей потемневшую от воды русую прядь.

— Пусти! — вырывается Шура и на мигновение снова погружается в воду.

Подплывает к берегу Андрей и Шура, следом подходит и лодка с ребятами. Андрей на руках выносит Славку.

— Эх ты, кладоискатель...

У костра молча сидят Шура и Андрей. Где-то вдалеке играет духовой оркестр. Догорает костер, и видно, что сидят так они уже давно.

По склону, между темными стволами деревьев, пробирается Вера.

— Я тебе напишу из Свердловска,— тихо говорит Шура.

— Уезжаешь?

— Завтра.

— А как же я? — вскочил Андрей.

— Мало ли в поселке девушек,— смеется, поднимаясь, Шура.

— Ой, смотри, звездочка пролетела... Куда ты смотришь? Вон там...

Но в этот момент Андрей меньше всего интересовался космосом. Он смотрел не на далекие звезды, а на такое близкое, милое лицо. И поцеловал Шуру в губы.

Где-то неподалеку раздался не то крик, не то стоц, и темная фигура метнулась между деревьев...

Вырвалась Шура.

— Не смей!..

— Не пуцу в Свердловск, все равно не пуцу!

— Подумаешь, какой феодал нашелся,— рассердилась Шура.

— Понятно,— угрюмо говорит Андрей.— Не пара. Ты образованная, культурная, а я дурак малограмотный. Прощай.

— Может быть, ты все-таки проводишь меня домой? — примирительно спрашивает Шура.

Они остановились у маленького домика с палисадником.

— Это мое окно,— показывает Шура.— Видишь, где рябина. Зимой я ее рвала прямо через форточку. До чего они вкусные, ягоды, когда подмерзнут... Правда?

Угрюмо насупившись, молчат Андрей.

Вошли в палисадник.

— А это моя липа,— ласково трогает Шура шероховатую кору огромного столетнего дерева.— Протяни руки. Дальше. Вот так!..

Вдвоем они пытались обхватить ствол.

— Слушай, Шура... Я жить без тебя не могу! Люблю! Вот! — выпаливает Андрей и прижимается щекой к шероховатой коре.

— Я тоже...— выдохнула Шура.

От порыва ветра зашелестела листва на старой липе, и не услышал Андрей первого девичьего признания.

— Шурочка, это ты? — в окно выглянула старушка.

— Сейчас, бабуся... До свидания, Андрюша. Я тебе напишу. Может, приедешь в Свердловск?

— Пока на помощника не сдам — не приеду. Вот, надень.

— Что это?

— Кольцо с малахитом. Видишь, прожилки какне. На прииске купил, когда с Леопольдусами этими ездил.

— Да не ношу я колец, Андрюша.

— Возьми, Шура, ну прошу, возьми!..

...Вбегает в свою комнату Вера. Лихорадочно шарит в ящиках комода...

— Слышь, отец, что там Вера? — тревожно говорит Софья Прохоровна, зажигая ночник.

Спиной к ним стоит Вера. Подносит что-то ко рту. И сразу — страшный звериный крик Софьи Прохоровны:

— Отдай!..

Бросается к оседающей на пол Вере.

— Доченька моя, кровинушка!..

Нюхает пустой пакетик.

— Молока скорее! — кричит она растерявшемуся Ивану Игнатьевичу.

Дрожащими руками наливает в кружку молоко Иван Игнатьевич.

На пороге появляется Андрей, удивленно смотрит на лежащую на полу Веру.

— Доктора! — командует Софья Прохоровна и, подняв голову Веры, льет молоко в ее полуоткрытый рот.

Убегает за доктором Андрей...

Сидит у постели Веры Софья Прохоровна.

— Как же ты могла, доченька? Ведь одна ты у нас. Грех-то какой!..

— Не буду жить без него, мама,— говорят Вера с той отчаянной решимостью, которая иногда пробуждается у самых слабых людей.

— Доверься матери,— шепчет Софья Прохоровна,— придет он к тебе, сам поклонится.

— Не верю я в ворожей, мама,— болезненно кривится Вера.

— Без ворожей обойдемся.

У окна сидит Софья Прохоровна. Подолгу сидит, кого-то выглядывает...

По улице идет женщина-почтальон.

У калитки встречает ее Софья Прохоровна. Берет письмо, прячет в карман цветастого своего передника.

— Было мне письмо? — спрашивает Андрей, когда возвращается вечером из депо.

— Нет... — пожимает плечами хозяйка.

И снова встречает почтальона Софья Прохоровна, делает очередной стратегический ход.

— Намедни видела я Аграфену Семёновну. В Свердловск ездила.

— Зачем? — интересуется Иван Игнатьевич.

— Мануфактуру оттуда привезла. Обувку. Ботинки предлагала... Видела, говорит, в Свердловске Шуру Гришиных. Вся разодетая такая, что твоя артистка...

Впились глазами в Софью Прохоровну Андрей. Замер, зажав ложку в кулаке.

— Откуда, говорит, Шурочка, гардероб у тебя такой? Замуж, говорит, тетя Груня вышла...

Падает на тарелку ложка. Раскалывается тарелка.

— Безрукий,— ворчит Софья Прохоровна.— Ну ничего, бьется, старики говорят, к счастью... Ах, я беспамятная, да вот оно, и счастье-то. Письмо тебе.

— Где?! — вскакивает Андрей.

— На шифоньере. Письмо или бумажка какая... Нарядчик принес. Переводят, говорит, вашего постояльца в помощники ма-

шиниста. Ты все письмо пытал, вот оно — письмо...

Срывается с места Андрей. Назаровы продолжают обедать.

— Положить тебе, отец, кость? Сахарная!

— Не по зубам,— бурчит Иван Игнатьевич.

— Волковат ты ныне, старый. Ай стряслось что?

Не отвечает Иван Игнатьевич. Без аппетита хлебает щи.

— Тебя спрашиваю.

— Паровоз мне другой дают,— нехотя роняет Назаров.

— Ну! — насторожилась Софья Прохоровна.— Небось, опять на гробницу сажают?

— Вызывает меня намедни начальник депо...

— Ручку пожал, выручайте, мол, Иван Игнатьевич,— закипает Софья Прохоровна.— Дурень ты, дурень безответный!

Иван Игнатьевич поднимается, говорит виновато:

— Пойду я. Под яблошки снег подгresti. Вишь, морозно как.

Не отвечает Софья Прохоровна.

В саду к Назарову подходит Андрей. Старается быть серьезным, но лицо непроизвольно растягивает улыбка.

— Разрешите доложить. Помощник машиниста Шувалов Андрей явился в ваше распоряжение.

— Получил, значит, свидетельство? — вяло спрашивает Иван Игнатьевич.— Что ж, сынок, примем машину и поведем.

Неподалеку от депо на подъездных путях, пританцовывая, чтобы согреться, стоит группа железнодорожников. Среди них Савелий Кузьмич, Иван Игнатьевич, Андрей и кочегар Назарова — долговязый парень с подвязанной щеклой.

В руках у Савелия Кузьмича газета.

— «Живой организм транспорта,— с выражением читает Савелий Кузьмич,— разъедает язва обезлички...»

— Кака така язва? — плачущим голо-
сом спрашивает кочегар.

— Язва, значит, обезличка... Понял?

— Стынь на дворе. Долго ли еще то-
миться? — стонет кочегар, поддерживая
рукой подвязанную щеку.

— «Ликвидировать обезличку в четвер-
том квартале, встретить будущий 1932 год
славными победами — наша первоочеред-
ная задача».

— Так дергает, так дергает флюса
проклятая, — стонет кочегар.

— «На стальных магистралях скрещи-
ваются сейчас основные пути хозяйствен-
ного развития страны»... На магистралях,
значит, скрещиваются... Красиво пишут, —
восхищается Савелий Кузьмич.

— Идет!.. Наш!.. — кричит Андрей.

Астматически дыша, с железным скре-
жетом, подходит паровоз.

— Что же это? Дядя Иван!..

Плачевное зрелище представляет паро-
воз, покрытый толстой обледенелой корой
многолетней грязи.

— Гляди да не заглядывайся, малец!
Окривеешь. Вои она язва, та самая, —
взвизгнул Савелий Кузьмич.

Скользя по обледенелой лестнице, слез-
ла с паровоза пригнанная его бригада.

Савелий Кузьмич быстро бежал ма-
шину, словно фотографируя маленькими
выцветшими глазами все ее болезни и,
размахивая сухонькими кулачками, набро-
сился на прибывшего машиниста.

— Зачем приняли? Шелопуты!

— Попробуй не прими, — угрюмо за-
щищался машинист. — Двенадцать их при-
шло таких на дорогу.

Тяжело, как большой человек, дышит
паровоз. Растеряно смотрит на него Анд-
рей. Укачивает свой флюс кочегар.

— Чинить не перечинить, — уныло го-
ворит Назаров. — Золотники — раз, порш-
ни — два, насос — три, дымогарные тру-
бы — четыре...

— Пальцев, Валя, не хватит, — вздыха-
ет Савелий Кузьмич.

— Перво-наперво — очистить падо, —
решительно говорит Назаров. — Давай,
хлопцы, в депо за инструментом. Кирку
там, лом, лопату...

— Обещали в Свердловск отпустить на
сутки, — напоминает Назарову Андрей.

— Обещал, верно. Да что поделаешь...

Молча поворачивается Андрей, уходит.

— В этом деле я не участник, — заявля-
ет кочегар. — У меня флюса.

— Гляди, парень, — осуждающе трясет
бородой Савелий Кузьмич.

— А чего мне глядеть, — наглет коче-
гар. — Выгоните? Адью вам с кисточкой!
Пшеша вашего не видел да мерзлой кар-
тошки! Пошли, кореш!

Это он Андрею, который уже вернулся с
киркой и лопатами. Бросил лопаты на снег
Андрей и остервенело начал киркой ска-
лывать с паровоза грязный лед.

Перрон вокзала в Свердловске припоро-
шен первым снежком. К вагону подходят
Шура и провожающая ее группа девушек.

На соседний путь прибывает поезд. Из
последнего вагона выходит Андрей с меш-
ком за плечами. Впереди толпа пассажи-
ров. Андрей прыгает с платформы, пере-
секает пути. Его внимание привлекает
странный локомотив без трубы. Из окошка
его кабины высунулся паренек лет восем-
надцати.

— Что за штука такая? — удивился
Андрей.

— Проходи, проходи, много вас тут...

Вспыхнул Андрей.

— Добром спрашиваю, ну?

— Электровоз серии «СС», что значит
Советско-Сурамский, понял? — нехотя от-
ветил паренек, косясь на широкие плечи
Андрея.

Лавина пассажиров понесла его к вы-
ходу.

— А вот я за институт совсем не пере-
живаю, — говорит одна из провожающих
Шуру, чернявая Зоя. — Факультет новый,
кем еще выйдешь. У нас в техникуме вер-

нее будет... Ты куда? — удивленно спрашивает она Шуру.

— Я сейчас, девочки, только письмо брошу.

— С ума сошла! — хватается ее за рукав Зоя.— Два звонка было. Давай письмо, опусти... Эх, гордости в тебе нет!..

— Последнее,— твердо говорит Шура. Отрывисто, три раза, ударил стационарный колокол. Засвистел кондуктор.

Прощаются девушки. В шуме голосов тонут последние фразы...

Трогается поезд. Машет рукой Шура.

По перрону к выходу в город идет Андрей. Обгоняет девушек, провожавших Шуру. Хочет что-то спросить, замедляет шаги и мешком задевает Зою.

— Осторожней, деревня! — фыркает та.

Молча пропускает вперед девушек Андрей. И видит, как Зоя опускает письмо в почтовый ящик.

...В комнате общежития на кровати полужелит Зоя с гитарой. В ногах небрежно брошено пальто. Лицо у Зои сейчас жалкое, измученное — подстать песне:

Не надо ничего — ни слез, ни уверений,
Не все ли мне равно, что станет со мной,
И хочется хоть раз поверить без

сомнений...

— Можно?

— Попробуйте.

Входит Андрей с тем же мешком за спиной.

— Здесь проживает Шура Гришина?

Зоя садится на кровати, со злым любопытством осматривает Андрея. Небрежно отвечает:

— Проживала.

— То есть как?

— А вот так. Значит, самолично прибыли? Осчастливили? Поздновато надумали, молодой человек.

Ответы Зои да и сама она раздражают Андрея.

— Я вас спрашиваю: где Шура? Ну!

— Не нукайте, не лошадь! — вспыхивает Зоя.— Уехала ваша Шура. Насовсем уехала. Понятно?

Андрей ошеломлен. Нерешительно спрашивает:

— Одна уехала?

— Вдвоем. Вопросы еще будут?

Андрей молча поворачивается.

— Пойдите! Куда же вы? — встревоженно кричит вдогонку Зоя.

Выходит на улицу Андрей. Остановился. Смотрит на окно Шуриной комнаты. Вдруг резким движением сдергивает с плеч мешок и вытряхивает содержимое на тротуар. Рассыпаются по снегу ярко-красные гроздья рябины...

Из подъезда выбежала Зоя, на ходу застегивая пальто.

Увидела рябину, красные следы на снегу.

— Пойдите... Погодите!

Но Андрея уже не видно.

Снова сидят за обеденным столом Иван Игнатьевич и Андрей. Иван Игнатьевич ест суп, кривится.

— Ну и пересол! Влюбилась ты, старая, что ли?

— Не я нынче варила — Верулька, — поджимая губы отвечает Софья Прохорова.

Залилась румянцем Вера и опрометью выбежала из комнаты. И тогда Софья Прохорова нанесла последний удар:

— Не думаешь ты, старик, о счастье дочери. Вот тебе и верный, вот тебе и честный. Завлек девуку, травилась из-за него, а он в кусты... Ежели честный, женись, а нет — вон со двора.

С грохотом отодвинув стол, выходит из комнаты Софья Прохорова.

Смуценно глядит в сторону старый машинист. Говорит тихо:

— Ты мне как сын родной, но сам видишь, какая Верулька стала: краше в гроб кладут. Знаю, ничего плохого не дер-

жал ты в уме, а вишь, как обернулось. Что-то делать надо, Андрюша...

Молчит Андрей.

— Трудно детей родить, еще труднее вырастить,— шепчет Назаров, и по лицу его катится слеза.

Выбегает из комнаты Андрей.

С низкого наспуленного декабрьского неба падают крупные белые хлопья. Прижавшись щекой к холодному шершавому стволу старой груши, стоит в саду Андрей.

...Вот так стояли они тогда: твердая шероховатая кора... Две пары рук пытаются обхватить могучий ствол...

Отшатнулся от груши Андрей, ударил кулаком по стволу, словно виповато дерево в его беде. Посыпались с ветвей тяжелые белые хлопья.

Вынул из нагрудного кармана обернутую в шелковую косынку пачку бумажных листов. Развернул пачку, разорвал листки на мелкие части. Вместе со снегом падают на землю белые клочки.

Медленно подходит Иван Игнатьевич.

— Чего это у тебя, Андрюша?

— Так... билеты лотерейные.

— Не повезло, значит... Да-а... Шел бы ты, сынок, домой. Простынешь. А о чем говорили — забудь. Силком, значит, мил не будешь... Так-то оно...

— Отдайте за меня Веру, Иван Игнатьич,— глухо говорит Андрей.

У калитки провожает Софья Прохоровна «мужиков» в рейс.

— Не забыли, что за дело завтра-то? — сердито спрашивает у мужа.

— Полно тебе, Софьюшка,— обижается Иван Игнатьевич.— Как забыть — свадьба. Дочка-то одна.

— То-то, что одна,— ворчит Софья Прохоровна.— А сам так и норовит из дома.

— Так ведь график. Вернемся аккурат утречком.

— Смотри у меня, чтобы утречком.

— Андрюша! — зовет Иван Игнатьевич

замешкавшегося во дворе Шувалова.— Пошли, сынок.

Зашагали со своими сундучками Иван Игнатьевич и Андрей. Смотрят им вслед Софья Прохоровна и Вера.

— Вот этак — двадцать пять годов, в жару ли, в непогоду, днем ли, ночью,— растроганно говорит Софья Прохоровна.— Дал мне бог счастья, дожила, вместе с доченькой своих мужиков провожаем.

И вдруг буднично:

— Прибирайся скорее, Вера, на крупорушку к дяде Фролу поедешь. Гостей-то сколько, каждого накорми, напои... Все моя забота. Одна слава, что муж. Небось, за калитку вышел и думать про свадьбу забыл.

Не забыл, конечно, про свадьбу Иван Игнатьевич, да вышла в рейсе крупная неувязка...

На разъезде стоял паровоз с прицепленным к нему длинным составом. На вагонах и платформах транспаранты: «Да здравствует первая в мире комсомольская домна!», «Дадим стране комсомольский чугуун»... Паренек в кепке и легком не по сезону бушлате, с комсомольским значком на алой розетке приколачивал к вагону кусок картона. На картоне не очень умело выведено:

Подвиги сможет кто перечесть их?

И звонкий лозунг несется вдаль:

— Магнитострой для нас дело чести, А честь ударника — сталь!

Позади паренька стоял Андрей, шевеля губами, читал про себя. Обернулся паренек.

— Вникай, друг... «Честь ударника — сталь!»... Это про нас Ромэн Роллан написал.

— Тоже с Магнитки? — осторожно спросил Андрей.

— Вот деревня! — расхохотался парень.— Писатель это французский, друг наш... Слышь, скоро поедем?

— Не поедем. Колосники прогорели,— сердито буркнул Андрей.

Вскочил паренек — и к паровозу. Несмотря пошел за ним Андрей.

Возле паровоза — «консилиум».

Кондуктор отмахнулся от паренька с комсомольским значком, сказал Назарову:

— Что ж, Иван Игнатьевич, времечко зря тратить, ставь на запасный.

— Железяки, что ли какие особенные? — небрежно кивнул Андрей на платформы, где громоздились какие-то металлические конструкции.

— Кому железяки, а кому большая чугунная чаша, большой ковш.. Да что с тобой толковать! — расстроился паренек.

— А они к чему, эти ковши, пригодны?

— Пригодны?!.. Как черти гнали,— воплем вырвалось у парня...— Комсомольская домна! А тут — припухай с вами. Шей гвоздем да пошли тюрю хлебать... Р-работчий класс!..

Загудел паровоз, выдохнул облако пара.

— Андре-е-й! — высунулся из будки Назаров.

Демонстративно повернулся спиной парень с комсомольским значком, пошел к станции.

Посмотрел ему вслед Андрей, тронул за плечо кондуктора, спросил нерешительно:

— А ежели заменить колосники на месте?.. На горячем паровозе?

— Это же топка, топка, молодой человек, а не предбанник,— вмешался в разговор дежурный, тощий, желчный мужчина в красной фуражке. — Поясни ему, товарищ Назаров.

Загоревшимися глазами смотрел снизу на старшего машиниста Андрей:

— Ведь делали люди... Сами рассказывали. Люди могли — и мы совладаем. Груз то какой, Иван Игнатьич...

Заколебался Назаров. Решился:

— Семь бед — один ответ. Снизить давление пара! — скомапдовал он кочегару.

Обернув голову тряпкой, собрался лезть в топку Андрей.

— Погоди, горячка,— вздохнул Наза-

ров.— Что же мне тебя, жареным на свадьбу доставить? — Обернулся к кочегару: Ну-ка, накидывай уголек, слоem, быстро... Клади доску. А ты, Андрей, становись под колонку!

Под струями ледяной воды в одежде стоял Андрей.

С полдороги вернулся парень со значком. Следом за ним торопился к паровозу начальник депо вместе с дежурным.

Андрей у топки. С него течет вода. Правой рукой в брезентовой рукавице схватился за сектор регулятора, левой — за поводок водомерного стекла. Заметив начальника, застыл.

— На мою ответственность, Алексей Силыч,— негромко сказал Назаров.

— Ответственность, Иван Игнатьевич, на старшем по чину,— усмехнулся начальник депо.— За это его и хлебом кормят.— И после паузы, которая показалась Андрею долгой-предолгой, разрешил:

— Действуй, Шувалов.

Ногами вперед, спиной к огню полез в топку Андрей.

С уважением смотрит паренек с комсомольским значком.

— Как говоришь, его фамилия? — вдруг спросил Андрей.

Паренек не понял.

Скрылся Андрей в отблесках пламени.

— Ромең Роллан,— запоздало догадался паренек.— Слышь, Ромең Роллан его фамилия! — надсаживаясь, кричит он в топку, как будто от этого зависит жизнь Андрея.

Назаров и кочегар встали наготове с колосниковыми плитами.

Во двор Назаровых входят гости.

С почетом встречает Софья Прохоровна Савелия Кузьмича. На старом машинисте допотопный черный сюртук с твердым столчим воротничком.

Входят новые гости.

— Наше вам с кисточкой, племянница,— вихляется уже подвыпивший Фрол

Рыжакин, брат покойного Прохора, вздорный старик, еще смолоду известный как еретик и дебошир.— А где женишок-то?

— Без ножа зарезали! — шипит Софья Прохоровна Вере, и громко продолжает:— Проходите, гости дорогие, отдыхает жених...

Внутри топки возится Андрей. Лицо искажено от боли. Рука, протянутая к очередному колоснику, непроизвольно прикрывает глаза.

Тревожно кричит Назаров:

— Как, Андрюша?

— Хорошо-о-о...— глухо доносится из топки.— Давай плиты-ы...

Мчитя, наверстывая опоздание, паровоз. В будке бригадир и парень с комсомольским значком. На Андрея страшно смотреть: обгорела одежда, почернело от копоти лицо. Свинчивает парень с бушлата значок, протягивает Андрею.

— Держи, друг. От пролетариата Магнитки и персонально от Сергея Корзуна. Корзун — моя фамилия.

Мчитя паровоз. В окне Андрей и Корзун. Ветер обжигает лица.

— На свадьбу не могу, а на крестины приеду-у-у! — сквозь грохот кричит Корзун. Андрей шутливо нахлобучивает ему на глаза кепку.

— А что — нормальное дело,— сверкает зубами Корзун.

Мчитя паровоз навстречу морозному ветру. Пронесется мимо зеленые раскидистые ели.

Шепчутся, судачат гости. На кухне ораторствует толстуха Фролиха — жена Фрола Рыжакина.

— Летось, кума сказывала, в ихнем селе свадьбу играли. Справили, как положено, чин-чинарем. Молодой муж, значаца, и говорит: чтой-то покурить охота. Вышел на

двор, жена ждет, томится сердечная, может полчаса, может час. Идет за им. Ночь темная, темная. Глядит, за сараем два огонька красных, ровно глаза волчиные и серой воняет. Подогнулись у бабы ноженьки, кличет: «Вася, Васенька», а оно как... ай, батюшки-светы! — завопила вдруг Фролиха и мелко, мелко закрестилась.

На пороге кухни стоит обгоревший, закопченный Андрей. Не так уж был он схож с чертом, как показалось Фролихе, но уж на жениха походил еще меньше.

И вот уже переодетый и умытый Андрей, с аккуратно забинтованным лбом сидит рядом с Верой за праздничным столом. К борту пиджака Андрея прикреплен комсомольский значок на красной розетке.

— Горько! — кричат подвыпившие гости.

Андрей и Вера наклоняются друг к другу.

Пляшут гости. В центре круга дружок жениха — маленький, подбористый Фомин. Лихо пляшет Фомин:

Эх ты, матушка Маланья,
Чем ты лечишь от страданья?
От страданья от лихого
Нет лекарства никакого.

— Разве так пляшут? А ну, разойдись народ честной...

В круг вваливается уже сильно пьяный Фрол Рыжакин.

— Давай! Сыпь! Покажи, как в старину плясывали,— подначивают гости.

— И покажу! — куражится Фрол.

Пошел по кругу Фрол. Пьяный-пьяный, а в пляске силен, видать, в молодости не одну пару сапог на кругу оттоптал. Вот, избоченившись, вызывает он Софью Прохоровну.

А что же ты стоишь,
Глазюньками водишь,
Дочке в круг не велишь
И сама не ходишь.

Не выдержала Софья Прохоровна. Выплыла.

— Давай, Софьюшка, крой его, лысого,— кричат гости.

Уступает круг Фрол:

Раздвинься, народ,
Моя дролюшка идет,
Весу десять в ней пудов,
Не жалеет каблуков.

Подхватила Софья Прохоровна:

Ой, пол провались,
Потолок обвалился,
На доске остануся,
С милым не расстануся.

И снова вступает Фрол:

Топни-ка, пожка,
Правая немножко,
Левая маленько,—
Стало веселенько.

На лихом коленце споткнулся Фрол и упал, а Софья Прохоровна и припечатала:

До чего дозавлекала
Молодого паренька —
Ничего его не держит,
Ни болото, ни река.

Смеются, аплодируют гости. Запыхавшаяся и довольная, выходит из круга Софья Прохоровна.

С удивлением смотрят на нее Андрей и Вера.

— Такой я маму еще никогда не видала,— говорит Вера отцу.

— Ты ее не знала, дочка, молодой,— отвечает растроганный Иван Игнатьевич и подходит к жене.

— Софьюшка, ты лучше всех...

— Горько!..— кричат гости.

Иван Игнатьевич и Софья Прохоровна целуются.

— Вот какая может быть мать, когда хочет,— наклонился Андрей к Вере.

Это слышит Фрол, который после неудачи на кругу давно уж ищет, к чему бы придраться.

— Ты что, критикуешь?! — надвигается он на Андрея.

— Что вам надо? — спокойно отстраняет его Андрей.

— Да ты знаешь, кто я? — куражится Фрол...— Я Рыжаккин. Чей это дом — Рыжаккиных! Чей стол — Рыжаккиных!

— Дом это — Ивана Игнатьевича Назарова,— раздражается Андрей.

— Ивана Игнатьевича Назарова! — передразнивает Фрол.— Да ты знаешь ли, что братан, наперед как строиться, триста верст проскакал за черными тараканами, чтобы богатство в доме держалось. Вот каков мой братан был, а ты говоришь — Иван. Сопля твой Иван.

— Молчали бы... Напились, как свишня,— в сердцах говорит Андрей.

— Кто свишня? Я свишня? Ах ты...— Фрол замахивается, но ударить не успевает. Андрей хватает его, и... Фрол исчезает.

И вот он под самым потолком сидит на поперечной балке и кричит:

— Сыми меня, слышишь? Не имеешь никакого полного права меня под потолком держать.

— Братцы, да он ровно петух на песте! — крикнул кто-то из гостей.

— А ну, покукарекай, Фрол Савич! — крикнул другой под дружный хохот гостей. Даже помрачневшая было Софья Прохоровна засмеялась.

Утро. Та же комната, но здесь уже все по-будничному. Молодые пьют чай. Рассказывает жене Андрей:

— Незавидный такой паренек, а, смотри, доверили... Советско-Сурамский... Говорят, будто еще в гражданскую сам Ленин приказ написал: миллион золотом тому, кто машину лучше паровоза придумает... Подучиться бы мне...

Входит Софья Прохоровна. На ее лице нет и следа вчерашнего оживления.

— Чаевничаете? — спрашивает она и без паузы строго выговаривает: — Хрюшка-то не кормлена. Зашла в хлев, а она мне в подол тычется.

Молодые не отвечают.

— Молчишь, принцесса заморская! — взрывается Софья Прохоровна. — Брось в молчанку играть, когда мать с тобой разговаривает!

Молчит Вера, уткнулась в свою чашку.

Доведенная до белого каления пассивным сопротивлением дочери, Софья Прохоровна замахнулась было, но рука ее застыла в воздухе, схваченная на лету рукой Андрея. Он встал, высокий, сильный.

— Не позволю жене бить. Зарубите это себе, Софья Прохоровна. Пошли, Вера.

И вывел Веру из комнаты.

Зверем смотрит ему вслед Софья Прохоровна.

— Из грязи да в князи!.. «Не позволю». Голь перекатная! Ты мне только вчучонка представь, наследника, а там хоть на все четыре стороны!..

По улице поселка идет своеобразная процессия. Впереди, с грудным младенцем на руках, шествует Софья Прохоровна, за ней под руку Вера и Андрей. Замыкает шествие Иван Игнатьевич.

— С прибавлением семейства, Иван Игнатьич!.. — кричит кто-то из соседей.

— Цыц, вы, — грозно оборачивается Софья Прохоровна, — спит девка-то...

Обернулась и Вера. Болью и страхом повело лицо — она заметила Шуру, вышедшую из проулка. От неожиданности вздрогнула Шура. Проводила глазами процессию, которая уже приблизилась к дому.

Крестит порог Софья Прохоровна, осеняет крестом ребенка, вносит его в дом. За ней входят остальные.

— Эй, папаша!..

Оборачивается Андрей. Перед ним улыбающийся Корзун с чемоданом в руке.

— Серега! Молодец, что приехал! — Андрей вводит Корзуна в дом.

— Корзун, Сергей, — представляется гость. — Профессия — доменщик, специальность — первый горновой, место работы — гигант социалистической индустрии Магнитогорский комбинат. На этом торжест-

венную часть считаю закрытой и приступаю к вручению премий.

Он открывает чемодан, вынимает детское платье.

— Новорожденной. Размер великоват. Как говорится, гримасы торговой сети. Однако учтите — девочки быстро растут.

— Спасибо, Сергей, не знаю, как по батюшке, — церемонно благодарит Софья Прохоровна.

— Счастливой маме, — Корзун ставит на стол флакон одеколона. — И наконец — счастливому папе: собрание сочинений французского писателя Ромена Роллана. Получай!..

И снова зима. Из дома Рыжакиных выходит доктор, сухой старик в пенсне. Андрей несет докторский саквояж.

— От чего она заболела, доктор? Так, вдруг!..

— Это «вдруг», мой милый, накапливалось годами. Медицина здесь, увы, бессильна... Дальше не провожайте. Разрешите саквояж... Весьма признателен.

Доктор задерживает руку Андрея в своей руке.

— Вашу супругу, Веру Ивановну, я пользую с детских лет. Она росла замкнутым, но здоровым ребенком. Но видите ли, этот эксцесс, я имею в виду отравление, не прошел бесследно. В пищеводе образовались рубцы, которые могут явиться причиной опухоли... Почаще показывайте Веру Ивановну, не запускайте. А Ивану Игнатьевичу рекомендую покой. Это единственное лекарство. Покой, покой и еще раз покой.

В пышном весеннем цветении сад Ивана Игнатьевича. У молодого деревца склонились Иван Игнатьевич и Андрей.

— Сейчас мы тебя, дружок, самую малость подрежем... Потом приложим... и забинтуем... Вот и готово, — говорит Иван Игнатьевич, обращаясь к дереву, как врач

к пациенту.— Тут, Андрюша, точность требуется,— говорит он, тяжело опускаясь на подставленную Андреем скамью.— А то, как говорится, напечешь пирожки, а выйдут тебе покрывки на горшки.

— Устали вы, Иван Игнатыч, может, в дом пойдете,— встревоженно говорит Андрей, глядя на побледневшее лицо Назарова.

— Нет, Андрюша, здесь лучше, в саду... Хороший я сад вырастил, Андрюша. Умру, а сад останется людям на радость.

— Поправитесь вы, Иван Игнатыч, встанете...

— Помню, насадил первых пять яблонок, а они зимой померзли. Что делать? Попал как-то в Козлов. Дай, думаю, зайду к самому Мичурину. Авось, не выгонит. Припяд, яблоками своими угостил, саженцев дал и посоветовал: «Выводите местные сорта, в них будущее ваших садов»... Вот они, красавицы — «Алтайский голубок», «Золотая тайга»... Ничего не боятся. Ни мороз, ни ветер им зла не сотворит... На тебя оставлю мой сад, Андрюша...

С почетом похоронили старого машиниста.

Ночь. В комнату пробивается робкий лунный свет. Чуть белеют лица Веры и Андрея. Слышен шепот и сдержанные всхлипывания.

— Жалко батью...

— Жалко... Уйдем, Вера, отсюда...

— Куда?

— Комнату дадут...

— В бараке. Ты о дочке подумай...

— Будем жить, как люди живут.

— Это я, значит, не по-людски живу? — сдавленным голосом спрашивает Софья Прохоровна, неожиданно появившись в дверях.

Никогда она не плакала, женские слезы водой почитала, а тут вдруг залилась, запривчала жалобно, по-бабьи, бросилась к фамильному, окованному железом сун-

дуку, рывком подняла тяжелую крышку и начала выкидывать на пол слежавшиеся старинные платья, поддевки, шубы — добро, скопленное еще Прохором Рыжакиным. Были там и вовсе непонятные предметы, вроде маскарадного домино Арлекина, купленного, должно быть, спяну загулявшим «золотнишником». Все, что хранилось десятилетиями, пропитывалось нафталином да крепчайшей махоркой, сейчас летело на пол под ноги Андрею. А он стоял, ошеломленный этим неожиданным взрывом.

— Ничего мне не надо! В гроб с собой не возьму! Пускай все прахом идет!.. Рвите! Жгите!

В каком-то бешеном иступлении Софья Прохоровна схватила со стола керосиновую лампу, выплеснула керосин на кучу одежды и начала лихорадочно чиркать спичками.

— Что вы, мамаша! — схватил ее за руку Андрей.

— Руки на себя наложу,— шептала сквозь рыдания Софья Прохоровна.— Я ли вам враг, детям своим!

Вера бросилась на колени:

— Мамонька родная... Не пойду против твоей воли, мамонька...

— Ты — добытчик в доме, ты — голова. Все твое, хозяйнуй, Андрей Ильич,— уже спокойнее проговорила Софья Прохоровна и низко, в пояс, поклонилась Шувалову.

— Не по Сеньке шапка,— угромо усмехнулся Шувалов.— Один уговор — до Натальи не касаться. Не дам детскую душу калечить!

Целует Наташку Андрей Шувалов. Это расставание — идет посадка на пассажирский поезд.

Группа парней и девушек окружила Славу. Он в фетровой шляпе, в модном костюме с широченными плечами.

— Возьми,— сует Славе толстый блокнот одна из провожающих, черноглазая девушка решительного вида.

Тот недоуменно разводит руками.

— Для впечатлений,— поясняет девушка.— Что увидишь — записывай. Ясно?

— Увидишь, к примеру, краlechку симпатичную,— прыскает белобрый паренек,— раскрывай, Славка, блокнот и записывай: так, мол, и так...

— Неостроумно, Горюнов,— холодно отрезала девушка.— Приедешь, Алехин, поставим на бюро твой доклад.

— Болит у меня сердце, Андрей,— говорит Вера, обнимая мужа.— Не к добру эта поездка... Все ты да ты. Послали бы кого другого меняться опытом.

— Никак это невозможно, Вера Ивановна,— торопливо вмешивается Слава,— как есть мы инициаторы движения!

Мчится скорый поезд. Раннее июньское утро. В купе мягкого вагона, у окна, Шувалов пишет письмо. На противоположной нижней полке спит пассажирка, на верхней полке — Слава.

Просыпается Слава, потягивается, выглядывает в окно.

— Киев проехали?

— Тс-с...— Шувалов показывает на спящую, шепотом: — Вот в Киеве села гражданка. В четвертом часу его проехали, а ты вставай, раз не спишь, сейчас станция. Бросишь письма. Сегодня какое у нас?

— Двадцать второе... Привет припишите.— Славка спрыгивает с полки.

Дописывает Шувалов, повторяя вслух:

— Двадцать второе июня 1941 года...

Привет Наташе от Славы...

Останавливается поезд. Спрыгивает на перрон Слава.

У мягкого вагона останавливаются две женщины в железнодорожной форме.

— Утро-то какое, молодое, счастливое...— говорит одна из них, брюнетка с черными глазами.— А мы с тобой, Шурка, старые старухи уже...

— И не очень счастливые, Зоенька,— улыбается Шура, и непонятно — в шутку, всерьез ли.

— Товарищ Суханова? — с трудом переводит дыхание подбежавший к Шуре железнодорожник.— К начальнику станции, срочно!

— Иди, иди, Шуренок. Служба. Никак не привыкну: «товарищ Суханова»...

— Что случилось?

— Беда, Александра Григорьевна,— железнодорожник шепчет что-то Шуре на ухо.

На лице Шуры смятение.

Трогается, набирает скорость поезд. Еще веселый, еще мирный поезд...

...Идет тот же поезд в обратном направлении. На ступеньках гроздьями люди.

В вагоне, набитом людьми, чемоданами, корзинами, сидят угрюмый Шувалов и присмиривший Слава.

Мерно громыхая на стыках, идет состав. За окном цветущее украинское лето. И вдруг в шум поезда врывается угрожающий гул.

— Летят... Летят! — пассажиры бросились к окнам.

— Ох, что-то будет? Что-то будет? — стонет женщина, закутанная, несмотря на жару, в шерстяной платок.

Летят фашистские самолеты. Один отваливается от строя, идет в пики...

Поезд затормозил так резко, что с верхних полок посыпались тюки и чемоданы...

К паровозу подбежал начальник поезда.

— Почему стал?

Высунулся из окошка машинист.

— Тормоза схватили... Перебил, гад, тормозной шланг... Перехожу на ручное...

Пошел поезд вперед, задержался, дал задний ход...

— Маневрирует,— сказал мужчина в серой фетровой шляпе.

Снова промчался над вагонами фашистский самолет, строча из пулемета.

Поезд перестал дергаться и ходко пошел вперед.

— Кажется, ушли. Уф-уф...— облегченно вздохнул мужчина.

— Слава тебе, господи,— перекрестилась женщина в платке.

Поезд шел ровню, и все успокоилось.

Но прислушивается к стуку колес Андрей, тревожно поглядывает на него Слава. Мелькнул за окном красный сигнал. Поезд идет тем же ходом. Вскочил Андрей. Рвагул стоп-кран... Поезд не остановился.

Андрей пытается пройти по вагону, но проход забит.

А на разъезде отчаянно кричит в телефонную трубку железнодорожник. Слова его тонут в грохоте пронсящегося поезда.

За семафором ближайшей станции другой железнодорожник торопливо подкладывает на рельсы сигнальные петарды...

Андрею все-таки удастся выбраться в тамбур. Открыв наружную дверь, он карабкается на крышу вагона...

— Не смей лазить за мной, слышишь, не смей! — кричит Андрей пробившемуся за ним Славе.

Вагон — третий от паровоза.

Идет на большой скорости поезд...

В будке паровоза на полу лежит раненый помощник машиниста. Из окна высунулся и так и застыл прошитый пулеметной очередью машинист. Кочегара пет — он, вероятно, выпрыгнул...

Перескакивает с крыши своего вагона на соседний Андрей...

На главном пути станции, той самой, где совсем недавно мы встретили Шуру, стоит воинский эшелон. Подает какие-то команды высокий военный. Слов не слышно.

Андрей уже на крыше головного вагона...

Поезд проходит предупредительные щиты. Взрываются петарды.

Прыгает на тендер Андрей. Пробирается в будку локомотива.

Облако пара окутывает паровоз. С лязгом и скрежетом замедляет ход поезд. Ос-

танавливается в нескольких метрах от воинского эшелона.

Выскакивают пассажиры. Обступают паровоз. Вытаскивают раненого и убитого.

Выходит из паровозной будки Андрей. К нему подбегает Слава.

— Андрей Ильич!

— Жив, жив...— И тут замечает Шуру.

— Вот мы и встретились, Шура.

— Где машинист?.. Убирай пассажирский!.. Сейчас прилетят,— кричит высокий военный.

Оглянулся Андрей, ищет Славу. А тот уже позирует перед певесть откуда взявшимся фоторепортером.

— После будешь сниматься, когда война кончится. Лезь на паровоз!

Гудок. Трогаются-пятится состав. Андрей смотрит на Шуру.

— Уводи поезд, Андрей! — кричит она.

— Скорее, скорее! — не то приказывает, не то просит начальник станции.

Рванулся поезд.

— Прощай, Андрей! — кричит Шура.

В небе загудели самолеты. Взрыв! Еще один...

Ведут поезд Андрей и Слава. Остаются позади горящие станционные постройки.

...У окна в приемной Министерства путей сообщения стоит Шувалов. Седа я женщина в железнодорожной форме протягивает ему бумагу, говорит:

— В кадрах МПС Гришина Александра Григорьевна не значится. Но мы еще запросим...

Вынимает Шувалов из кармана пачку бумажек, добавляет еще одну. Безнадежно смотрит на пачку.

Через горные перевалы идет на восток эшелон с оборудованием. Метет метель. Крутятся снежные вихри...

В будке паровоза, за реверсом, подавшись вперед, в едином стремительном порыве с машиной словно застыл Андрей Шувалов.

У левого окна помощник Слава Алехин. Пожилой кочегар нажимает рычаг топочной дверцы. Раздвигаются тяжелые створки, обдает людей горячей волной, и видно, как внутри бурлит ослепительное белое пламя.

Подходит поезд к знакомой нам станции уральского города.

Спускаются по обледенелой лесенке локомотива Шувалов, мрачный Алехин, шатается от усталости пожилой кочегар.

К паровозу подходит диспетчер.

— Некем мне тебя подменить, товарищ Шувалов,— говорит он простуженным голосом.— Хоть коли, хоть режь!..

— Когда отправляться?

— В четырнадцать десять. Выдержишь?

— Отдыхай, Никанор Фирсович,— ласково говорит Шувалов кочегару. И к диспетчеру: — Поеду. Бригаду обеспечить новую...

Идут рядом Шувалов и Алехин.

— За что это вы меня, Андрей Ильич? Или обидел чем? На кой черт мне эта учеба! — жалобно тянет Алехин.

— Дурень ты, дурень. За что? За умение твое, за голову смекалистую, за характер настойчивый. Вот за что.

— Вам шутки, Андрей Ильич, а мне слезы.

— Не до шуток нынче, Слава. Так надо.

— Да почему надо?

— Потому, товарищ Алехин, что электровоз — это... машина будущего. Понял?

— Чего же вы сами на эту будущую машину не торопитесь? — не сдается Алехин.

— Почем знать, может и тороплюсь... Вот переведут наше депо на электротягу, я к тебе в помощники попрошусь. Примешь?

— Отчего не принять,— улыбнулся Алехин невероятной, по его мнению, перспективе,— работник вы ничего, подходящий.

— Вот и договорились.

...И снова по бесконечным путям идет товарный состав. У Шувалова осунувшееся, с глубоко запавшими глазами лицо. С сомнением смотрит он на своего нового помощника и кочегара — совсем малолетки!

— Детский сад,— ворчит Шувалов.— Курсы давно кончили? — спрашивает у помощника.

— Вчера.

Вздыхает Шувалов, говорит кочегару:

— В угле мерзлые комья есть, дробь получше. Неровен час, поломаются стокерный винт — беда.

— Разве это уголь: пыль да комья! Нас учили — нельзя на таком угле ездить, — выпаливает помощник.

Обругать помощника, облегчить душу? Нет, польза, совсем скиснут ребята. И через силу улыбается Шувалов:

— Уголек по специальному заказу. На хорошем всякий дурак — мастак.

И в этот момент случилось то, что должно было случиться.

— Отказал стокер! — растерянно лепечет помощник.

— Следи за сигналами! — командует Шувалов и, схватив лопату, сильными движениями швыряет уголь в топку.

Медленно, слишком медленно ползет состав на подъем. Так медленно, что соскочивший с переднего вагона мужчина в кожаном пальто с меховым воротником легко догоняет паровоз и, ухватившись за поручень, вскакивает на ступеньку.

Швыряют уголь и Шувалов и щуплый паренек-кочегар.

— За растяжку поезда отдам под суд,— сурово говорит мужчина в кожаном пальто.

Рывком сует ему лопату Шувалов.

— Отдашь потом, а пока шуруй!..

Измученно посмотрел на него мужчина. Улыбнулся. Заработал лопатой.

Нехотя, медленно поезд берет подъем.

— Ну — вышли на площадку,— со вздохом облегчения говорит Шувалов.— Доберемся.

— Распарил косточки, в баню ходить

не надо,— ухмыляется мужчина в кожанке.— Жаль, не знал, что такая оказия выйдет, а то б приятеля прихватил. Есть у нас на Магнитке один, Ромен Роллан фамилия. Может, слышал?

— Корзун, Серега!... Ах ты, чертушка! Под суд, значит?

— Ты тоже, гусь,— ухмыляется Корзун,— лопатку в руки и давай. С начальством, брат, надо обращаться деликатно.

— А обнять начальство можно?

— Кости не сломай, медвежатник...

Поезд подходит к станции.

— Так-то, Серега,— говорит Шувалов.— Война — это как экзамен. Слаб человек, а нет предела его силам. Люди выдерживают, машины — нет... А я, Серега, перестал уважать свой паровоз. Люблю, сроднился с ним, как с живым, а не уважаю... Понимаешь?..

— Понимаю. Трудно тебе будет, Андрей.

— Ничего. Сам виноват. Сколько молодых годов зря прошло. Все мы как маленькие, когда надо за книжку садиться. Завтра да завтра. Война кончилась. Пора и мне новую жизнь начинать сначала на железных наших путях...

— Значит, за парту сидешь?

— За парту,— вздохнул Шувалов.

— Шу-ва-лов! — отчетливо, по слогам произносит женский голос.

Близоруко шурясь, молоденькая преподавательница оглядывает класс.

— Тебя, дорогой,— громко шепчет черноволосый паренек и толкает Шувалова локтем. Тот вздрагивает, встает.

— Задумался, извините.

— Пожалуйста, к доске,— почему-то виновато приглашает преподавательница. И рассердившись на себя, добавляет строгим голосом: — В дальнейшем попрошу быть внимательней.

Идет к доске Шувалов. Ежидно подмигивает толстогубый паренек, по всем ухваткам, местный остряк.

— На старт, папаша, на старт.

— Расскажите о генри,— предлагает преподавательница.

— О Генри — это... американский писатель, юморист.

Хочет класс. До слез обижена преподавательница.

— Неумная шутка... Ведь вы взрослый человек...

— Других Генри я не знаю,— угрожно поясняет Шувалов.

— Что мне с вами делать, товарищ Шувалов? — беспомощно вздыхает преподавательница.— Всю группу назад тянете...

Последние ее слова прерывает звонок...

...Звенит звонок, но уже не в классе, а в фойе Дворца культуры железнодорожников. Шувалов и Вера торопливо проходят через фойе, мимо стенда с портретами влиятельных людей дороги.

— Андрюша, что они делают?! — Вера хватается мужа за руку.

Смотрит Шувалов, как рабочий топором отдирает со стенда его портрет. Внизу приклоненный к стене портрет Алехина.

— Как вы смеете?! — кинулась к рабочему Вера.

Оглянулся тот. Заметил Шувалова, посмотрел на него, на портрет,— узнал.

— Я, конечно, что же... Начальство приказало. К встрече порядок наводим. Иностранная делегация. Может, сходите к директору, договоритесь...

— Отрывай, отрывай, раз приказано. Наводи порядок... И чего ты, Верочка, расстраиваешься, не понимаю,— неуклюже пытаюсь обратить инцидент в шутку, улыбается Шувалов.— Ты же всегда говорила, нос у меня на этом портрете кривой. Неудобно, вроде, с кривым носом-то, девушки любить не будут.

— Пойдем домой, Андрюша. Устала я...

Шувалов и Вера возвращаются домой.

— Что так рано? — подозрительно спрашивает Софья Прохоровна.

— Скучно там, мама, дома веселее,— с

наигранным оживлением говорит Вера.— Да и время позднее.

— И то,— соглашается старуха.

— Спокойной ночи, Софья Прохоровна,— вежливо говорит Шувалов.

Уткнувшись головой в подушку, лежит в кровати Вера. Андрей на кушетке листает книгу. Бросает взгляд на жену.

— Свет мешает? Тушу.

И поворачивает выключатель.

— Подал заявление на путевку тебе в санаторий,— слышен в темноте его голос.— Обещали... Спишь?

Вера молчит.

На кухне Софья Прохоровна проверяет дверные запоры. Зевает. Крестит рот.

— Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие.

В комнате тишина. Слышно мерное дыхание уснувшего Шувалова.

— Спишь, Андрюша? — тихо спрашивает Вера.

Подождав минутку, она встает с постели, зажигает ночник. Вздохнув, вынимает из шкафа кучу белья и садится работать. Неловко поворачивается на кушетке Шувалов. Просыпается, видит Веру. Невольно подходит, берет со стола питье — наволочку.

— Для кого?

Вздрагивает Вера.

— Для детского дома. Петли обметываю.

— Зачем?

— Так ведь деньги,— тихо отвечает Вера.

— Сколько с наволочки?

— Сорок копеек,— еще тише говорит она.

— Не густо. Мать знает?

Вера качает головой.

— Дом от добра распирает, а ты грошники к моей стипендии добавляешь,— горестно усмехается Шувалов.— Чтобы не было крику. Сама, как лимон, желтая. Эх, Верунька, Верунька! — привлекает ее к себе Шувалов.

Вся замерла от давно позабытой ласки Вера, прижалась к Андрею и с неожиданной силой прошептала:

— За тебя — всю кровь по капле, по капле...

— Виноват я перед тобой, Верунька,— тоскливо сказал Шувалов.

— Не забыл ее, Андрюша? — не спросила — выдохнула Вера.

Осторожно отстранился Андрей.

— Ложись, спи. А это завтра назад отнеси. Хватит денег. Люди живут — и мы проживем.

— Не забыл... Сердцу не закажешь.

Кабинет начальника дороги. За массивным, покрытым зеленым сукном столом уже знакомый нам Алексей Силыч. В пору молодости Шувалова был он начальником депо. Теперь это погрузивший, сановитый — с генеральскими погонами — человек. Перед ним стоит Шувалов. Он в форме с погонами техника-лейтенанта, с орденами.

— Да... известно,— говорит в телефонную трубку генерал...— Вот он стоит, виновник торжества... Разберусь, Василий Яковлевич...

Он сердито кладет трубку, обращает взгляд к Шувалову:

— Садитесь... Из редакции. Спрашивают, известно ли мне об инциденте с Шуваловым... Четвертый звонок за утро: секретарь обкома — раз, замминистра из Москвы — два, член правления ВОКСа — есть такое Всесоюзное общество культурной связи с заграницей — три... Международный инцидент,— усмехнулся генерал.— Приехали люди за тридцать земель познакомиться со знатным Шуваловым, а такого в списках не значится. Мифическая фигура, подпоручик Кижее...

— Не я портрет вешал — не я снимал.

— За портрет взгрею кого следует. Не в нем суть. Портрет новый нарисовать можно, было бы с кого...

Начальник дороги закурил и протянул коробку «Казбека» Шувалову:

— Курите, прошу... Итак, нет больше знатного машиниста Шувалова, есть только рядовой слушатель курсов машинистов электровозов.

— Проживу, товарищ генерал.

— Проживете, не спорю. Ваше дело. Пойдем дальше. Образование у вас, я знаю, четыре класса, а машинисту-электровознику требуется минимум семилетка — физика, химия, электромеханика... Значит, учиться трудно, ох, как трудно. И еще неизвестно, осилите ли. А люди... Люди, как известно, разные бывают. Один плечами пожмет, другой пожалеет, а кто и хихикнет. Вот так-то, Андрей Ильич... Слава, дорогой мой, это пелегкая ноша, но ее не сбросишь, как куль с мукой. Славу нужно носить красиво, с честью.

— Отстало, отошло наше дело паровозное, товарищ генерал-директор,— тихо и как-то торжественно произнес Шувалов.

— Ого, смело! — вскидывает глаза генерал. — Конечно, возможности паровоза отстают от требований народного хозяйства, но вот умные люди заверяют: на наш с вами век паровозов хватит.

— Нет, не хватит, товарищ генерал-директор. Скажут нам по-хозяйски: будет, друзья дорогие, небо коптить. И сами вы еще станете вызывать машинистов и приказывать: а ну, мил человек, давай-ка учись, переходи на новую технику или в депо слесарить иди.

— Фантазер вы, товарищ Шувалов.

Начальник дороги рывком открыл ящик стола, бросил на стол толстую папку.

— Вот тоже фантазии в неслужебное время. Как в ученых диссертациях пишут: к вопросу о некоторых вопросах... Одним словом, цифирью доказываю, что капиталовложения на электрическую тягу полностью окупятся уже через три-четыре года... Спросишь, что же ты, товарищ генерал, эту папку в столе хранишь?

— Спрошу.

— Не хочу, чтобы меня по носу щелкнули. Понял? В министерстве тоже не дети сидят. Вы, говорят, доказываете, что пироги вкуснее хлеба. Это мы и сами знаем. А вам, дорогой товарищ, следовало бы знать, что у нас сто семнадцать тысяч километров дорог, а из них электрифицировано три тысячи. Вот и поспорь...

— Надо спорить! — с силой сказал Шувалов. — И послать надо папку эту в министерство, не поможет — повыше, а не под замком держать.

В дверь просунулась голова секретарши.

— Алексей Силыч, там уже собрались.

— Да-да, сейчас... Ну, Андрей Ильич, собирался я тебе мораль прочитать. Не вышла мораль. Действуй по своему разумению. Учителя дополнительно к тебе прикрепить? Это я могу.

— Не надо, Алексей Силыч. Дочка, если что, поможет.

— Тогда все. Смотри, на поблажки, на жалость — не рассчитывай...

— Без жалости проживу. Разрешите идти?

Шувалов выходит. В дверях секретарша.

— Пускать, Алексей Силыч?

— Через десять минут. И не соединяйте ни с кем.

Шагает в задумчивости по своему большому кабинету начальник дороги.

...Комната в доме Рыжакиных. Входит Шувалов.

— Что Вера? — спрашивает он Софью Прохоровну.

— Лежит твоя Вера... Доканал, радуйся.

Заглядывает в спальню Шувалов, тихо притворяет дверь.

Накрывает на стол Софья Прохоровна. Протягивает ей деньги Шувалов:

— Стипендию получил.

Поджав губы, считает деньги Софья Прохоровна. Потом со стуком, демонстра-

тивно, ставит на стол кружку, кладет краюху черного хлеба.

— Кушайте хлебушка, дорогой зятек. Больше ничего не будет. По деньгам и еда.

Не торопясь «ужинает» Шувалов. Он спокоен, только на скулах играют желваки.

За окном затрещал и смолк мотоцикл, и через минуту в комнату входит Слава Алехин. Он возмущал, форменный китель сидит на нем как-то особенно ладно и элегантно.

— Андрею Ильичу... Софье Прохоровне,— весело приветствует он хозяев.— Не помешал? А где Наталья Андреевна? Я ей готовальню принес, она просила давеча...

— Рано ей еще в Андреевках ходить-то... Балуешь ты девку,— говорит Софья Прохоровна с непривычно ласковыми интонациями в голосе.— Садись, чего потолок подпираешь. Небось, опять не ужинал?

— Не буду врать, Софья Прохоровна, чего не было, того не было,— широко улыбается Слава.

— Человек ты самостоятельный, большие тыщи получаешь, а живешь, как чалдон,— говорит Софья Прохоровна.

— А я коплю свои тыщи,— хохочет Слава.

— Тише ты, голосистый, Веру разбудишь, забылась она,— притворно сердится старуха, но видно, что для нее этот шуточный разговор не без значения.— А много ли накопил?

— Желаете освидетельствовать? — Слава вытаскивает из кармана кителя сберкнижку и помахивает ею.

— Очень мне интересно чужие капиталы считать,— ворчит Софья Прохоровна, но тут же берет книжку и внимательно ее листает.

— Хватит ли невесте да теще богоданной на гостинцы, как считаете, Софья Прохоровна? — веселится Слава.

— Жениху виднее,— улыбается та в ответ...— Ну, кормить надо молодца...

Выплывает из комнаты Софья Прохоровна. Заговорщически подмигивает Шувалову Алехин.

— Любит старушка почет. Хлебом не корми — окажи уважение.

Молча жует хлеб Шувалов.

Софья Прохоровна ставит на стол блюдо.

— Неужто с рыбой? — восхищается Слава.— Мой самонаилюбимейший. Не пирог, а мечта!

— Чебак летошний год даже костистый,— скромно замечает Софья Прохоровна.

— Первого класса чебак,— с набитым ртом говорит Слава.

— А вы что не кушаете, Андрей Ильич?

— У меня своя еда, диетическая...— глядя в сторону, отвечает Шувалов.

Слава еще ничего не понимает. Он подвигает Шувалову блюдо.

— А если за компанию, Андрей Ильич...

Софья Прохоровна молча ставит блюдо на старое место.

— Вы что, Софья Прохоровна? — растерялся Слава.

— По деньгам и еда! Вот что,— отрубает Софья Прохоровна.

Алехин наконец повял. Он густо покраснел, резко встал из-за стола и, не прощаясь, вышел из комнаты.

— Это еще куда? — кричит ему вдогонку Софья Прохоровна.

Но Алехина и след простыл. Только слышен шум удаляющегося мотоцикла.

— Что ты на меня глаза таращишь! — налетела Софья Прохоровна на зятя.— Не испугаешь.

У окошка сберкасы Алехин. Протягивает сберкнижку. В окошко высовывается голова кассирши.

— Закрыто, гражданин. Пожалуйста, в понедельник.

...Поздний вечер. Затененная абажуром лампа освещает только часть стола и голову склонившегося над книгой Шувалова...

Из темноты возникает фигура Наташи.

— Нужна я тебе сегодня?

— Нужна, — сокрушенно вздыхает Шувалов, — запутался вконец, не выберусь.

— Что ж ты не понял? — Наташа садится рядом с отцом.

— Вот это, про генри, будь оно неладно... — Шувалов протягивает Наташе толстенную книгу с надписью на обложке: «Электротехника».

Наташа, шевеля губами, читает про себя.

— Это совсем несложно, папа. Разберем по порядку, — говорит она с учительскими интонациями...

Наклонились над столом, почти соприкасаясь головами, Шувалов и Наташа.

— Теперь все понятно? — спрашивает Наташа.

Неожиданно привлекает ее к себе Шувалов. Целует.

— Спасибо, дочка, если бы не ты... Вот был отец для дочки примером, все-то он как будто знал, все-то он как будто мог. А на поверку оказался отец непутевым да еще и не шибко грамотным.

— А я люблю непутевых, — смеется Наташа. — Без них скучно...

Хорошо отцу с дочкой. Самые близкие они на свете люди. И нужно же, чтобы в эту минуту распахнулась дверь и раздался гневный оклик Софьи Прохоровны.

— Дня вам мало?!

— Мы, бабушка, тихонько! — вскинулась Наташа.

— Марш спать! — Софья Прохоровна повернула выключатель.

— Зажгите свет, Софья Прохоровна, — едва сдерживая бешенство, глухо говорит Шувалов. — Слышите, зажгите свет, ну!..

И Софья Прохоровна послушалась.

— Ну, зажгла, дальше что?

Аккуратно сложив книжки в стопку, Шувалов, не торопясь, надевает шинель.

Только по глазам да по взбухшим на скулах желвакам видно, как трудно ему сдержаться.

— Ты куда, папка? — метнулась Наташа.

— Ложись, спи. Я пройдуся чуток.

Освещенное здание вокзала. Шувалов проходит в ресторан, останавливается у стойки. Роемся в карманах. Считает мелочь. Покупает кружку пива и бутерброд.

К стойке подходит толстый представительный мужчина с большим желтым портфелем.

— Нацедите мне коньячку, — отдуваясь, говорит он буфетчику, — и закупить... рыбки...

Его взгляд падает на Шувалова. Он морщит лоб, силясь вспомнить.

— Где-то я вас видал, товарищ? — И вдруг хлопает себя по лбу. — Андрей?!

— Леопольдус?

— Собственной персоной. А проще говоря, Леонид Викентьевич Субботин. Сколько же лет прошло? Пятнадцать, не меньше. А ты, брат, и сейчас в форме, хоть опять на арену. Не то, что мы, грешные... Ну, рассказывай, рассказывай, как живешь, что поделяешься. Нет, уж такую встречу грешно не обмыть! Бутылочку «Юбилейного» нам, и соответственно...

Уселись за столик Шувалов и Субботин.

— До чего я рад, что повстречались, — говорит Субботин, — посидим, вспомним былое...

— Как подрались на прощание... — усмехается Шувалов.

Сделав вид, что не расслышал, Субботин разлил коньяк по рюмкам.

— За встречу.

Комната Веры. У постели больной Наташа.

— Что там... шум был какой-то? — ли-

хорадочно блестя глазами, спрашивает Вера.

— Ничего, мама, тебе показалось.

— Ушел он? Ушел? Совсем?..

— Да нет же, мама. Честное слово...

— Он мне обещал... Дождаться... Немного осталось, Андрюша, немного,— чуть слышно шепчет больная.

За столиком беседуют Шувалов и Субботин.

— Да, брат, не повезло тебе в жизни,— поддевая вилкой ускользящую кильку, качает головой Субботин.— Не легко в сорок лет начинать всю музыку сначала.

— Зачем только я рассказал тебе про это?— угрюмо спрашивает немного захмелевший Шувалов.— Ты ведь чужой.

— Нет на свете ближе тебе человека,— уверяет Субботин и подливает Шувалову.— Жалко мне тебя, Андрюша. Разве жил ты? Не жил. Честность свою показывал. Кому нужна твоя честность? Тьфу, растереть и плюнуть.

— Подлец ты, Леонид! Был подлец, таким и остался.

— Ну подлец. Ну и что? А ты дурак. Уши развесил... Они, брат, мастера зубы заговаривать... Идеалы... Человечество... Давай, давай... Ну и давайте себе на здоровье... А нам это вредно для здоровья. Лучше будем брать! Ха-ха-ха...— Субботин засмеялся визгливым смехом.

Но смех тут же перешел в хрип, потому что Шувалов левой рукой схватил его за горло.

В ресторане стало сразу тихо. К месту происшествия поспешил официант. В дверях показалась бравая фигура сержанта дорожной милиции...

И тут в ресторан вошел Алехин. Он мгновенно оценил обстановку и бросился между Шуваловым и Субботиным.

— Андрей Ильич! Что вы делаете?

Увидев Славу, Шувалов опомнился, отпустил Субботина.

— Я жаловаться буду!— прохрипел Субботин.— Директора! Милицию! Я его кормил, поил, как друга, а он... Хам!

— Не знаю, какие там еще у вас разговоры были, а за хама ответить можно, гражданин,— сурово сказал Слава.— Что касается кормежки, то мы сами кого хочешь накормить можем... Получи-ка снас, друг,— обратился он к официанту.— За все.

— Сто девяносто два рублика.

— Пропу. Урегулировано? А этому передай— может доедать бутерброды за наше здоровье. Все в ажуре, товарищ начальник,— подмигнул он сержанту милиции.— Пошли, Андрей Ильич.

По темным улицам идут Шувалов и Алехин. Шувалов весь под впечатлением ссоры с Субботиным.

— Еще жалеет! Ах ты, гадина!

— Да ну его к лешему, Андрей Ильич! Я вам тут денегат припас,— Слава неловко сует Шувалову смятую пачку.

— Что в ресторане заплатил, спасибо. А больше не возьму, не уговаривай. С книжки взял?

— Нет, закрыта сберкасса. Мотоцикл продал,— весело смеется Алехин.

Подходят к дому.

— У Веры свет,— тревожно говорит Шувалов и, пригнувшись, торопливо входит в калитку.

В комнате Веры над большой склонился знакомый нам старый доктор. Тут же Софья Прохоровна и Наташа.

— Умру я, доктор?— с усилием спрашивает Вера.

— Вот уж чепуха, голубчик,— говорит доктор особенно бодрым голосом, каким врачи обычно разговаривают с безнадежными больными.— Вы еще всех нас переживете. А теперь спать, спать! Не провожайте меня, Софья Прохоровна.

— Как я рада, что ты пришел, Андрюша,— с трудом говорит больная.— Боялась,

умру, не повидавшись... Оставьте нас, мама... И ты, Наташа, тоже...

Выходят из комнаты Софья Прохорова и Наташа.

— Прости меня, Андрюша... Не сумела быть тебе хорошей женой,— чуть слышно говорит Вера.

— Верочка, ну перестань, ради бога.

— Тяжело тебе, Андрюша, знаю... Потерпи еще... ради Наташи... Обещаешь?

— Обещаю.

— Я очень виновата перед тобой, Андрюша.

— Не надо, Верочка. Ни в чем ты не виновата.

— Виновата,— с трудом, тяжело дыша, повторяет больная.— Обманула тебя... Мать тебя обманула... ради меня... После сказала. Были письма... девушки той... Шуры... Хотела прижаться... боялась... Больше я ни в чем перед тобой не виновата... Прощай, родной...

За столом, уронив голову на руки, сидит Шувалов. Из соседней комнаты с плачем и причитаниями выходит Софья Прохорова:

— Отмучилась доченька, отмучилась болезная... Господи, прибрал бы меня, старую... Зажилась... Прости, ежели что не так, Андрюша... Сироты мы с тобой, родимый, сироты...

Уронив голову на руки, сидит Шувалов. Вздрагивают широкие плечи...

В такой же позе сидит Шувалов в классе, за партой.

— Поразительная разболтанность,— приглушенным басом говорит женщина в очках своему соседу.

За столом экзаменационная комиссия: знакомая нам молодая учительница, женщина в очках, Алехин и председатель комиссии — пожилой мужчина с вислыми запорожскими усами. Перед ними — учебная модель электровоза.

Председатель что-то объясняет женщине в очках, искоса бросая взгляд на Шувалова. Потом громко спрашивает:

— Может быть, отложим экзамен? Вы не возражаете, товарищ Сенькина?

— Как человек, как женщина, я сочувствую горю товарища. Как старший инструктор ГУУЗа я не смогу санкционировать нарушение инструкции.

— Странное раздвоение личности,— пожимает плечами председатель.

— То-есть, позвольте...

Весь подтянулся Шувалов:

— Прошу экзаменовать — за тем и пришел.

— По электротехнике у вас в году двойка была. За что? — спрашивает председатель, листая журнал.

— Спутал писателя с коэффициентом,— мрачно объясняет Шувалов.

— Как?.. А, понятно. Что же, попробуйте восстановить истину.

Ерзает на стуле Алехин. Недоброжелательно сверкает очками Сенькина.

— За единицу коэффициента самоиндукции в электротехнике принят генри,— глядя в упор на Сенькину, говорит Шувалов.— Стало быть, генри — это коэффициент самоиндукции проводника, в котором...

В коридоре, у стеклянной двери стоит Наташа. Волнуясь, следит за силуэтом Шувалова, что-то объясняющего на модели электровоза.

Шувалов ведет электровоз. На пульте знакомые нам сильные руки, но как робко, как неуверенно они двигаются, преодолевая давно усвоенные навыки. Скептически наблюдает за его действиями Алехин.

— Сигнал! — напоминает он.

Шарит левой рукой по пульту Шувалов.

— Правой, правой... это вам не паровоз,— покровительственно говорит Алехин.

...И снова в кабине электровоза Шувалов. В первый раз самостоятельный рейс, без опекуна. Напряженное, сосредоточенное лицо.

— Андрей Ильич, привет! — кричит пожилой дорожный мастер.

— Товарищу Шувалову, — машет дежурный по станции в красной фуражке.

Разглаживаются морщины на лице Шувалова, становятся увереннее движения.

Заводское отделение связи. Молоденькая девушка передает по телефону телеграмму. Облокотившись о барьер, стоит парень в спецовке.

«Держись старик точка, — диктует девушка. — Подвиги сможет кто перечесть их вопросительный знак и звонкий лозунг несется вдаль двоеточие...»

На телеграфе сухопарая девица с постным лицом принимает текст телеграммы.

— Кто подписал?.. — кричит она в трубку. — Ромен Роллан? Прекрати глупые шутки, Мария. Все вижу: опять Лешка на тебя глаза пялит...

— Нет здесь никакого Лешки... И вовсе он не пялит, — не слишком логично отвечает девушка, мельком взглянув на парня в спецовке, который сокрушенно разводит руками. — А телеграмму, к твоему сведению, завизировал сам товарищ Корзун. Вот!

Электровоз подходит к станции.

— С благополучным прибытием, Андрей Ильич, — слышит Шувалов знакомый визгливый тенорок.

Это Савелий Кузьмич, еще более подсохший, но по-прежнему бодрый и подвижной. За ним еще четверо седоусых.

— Спасибо, Савелий Кузьмич. Спасибо вам всем, — растроганно говорит Шувалов.

— Со спасибо шубы не сошьешь, — под-

мигивает друзьям Кузьмич. — Верно я говорю, старики?

Все они входят во двор рыжакинского дома.

Еще краше стал сад Ивана Игнатьевича. Склонились ветви под тяжестью налитых румяных плодов. В сильное, зрелое дерево превратилась молоденькая яблонька, которую так любовно холил Иван Игнатьевич.

Под этой яблоней стоит лестница-стремянка. На стремянке Наташа. Она срывает яблоки и бросает их в корзину, которую держит Слава Алехин. Слава больше смотрит на Наташу, чем на яблоки, и они часто летят мимо корзины на землю.

— Как ты держишь, Слава! Подними выше... левее... ниже. Ну и недотепа ты, — хохочет Наташа, глядя, как Слава послушно, но поразительно невопад двигает корзину то вверх, то вниз.

— Красивая ты, Наташа.

— Глупости! Держи ровнее.

— Всю бы жизнь смотрел на тебя.

— Бессмысленное занятие... Повыше, левее...

— Выходи за меня замуж, Наташа!

— Ой, не могу! — приснула Наташа. — Какой ты муж?!

— Чем же не муж? — обиделся Слава.

— Самолюбный очень.

— Самолюбивый что ли?

— Само-любный. Так дедушка Кузьмич говорит. Сам себя слишком любил.

— Слово какое несуразное. Вот же вредный дед!..

— Я тебе сейчас все объясню, Слава, — говорит Наташа, удобно усаживаясь на верхней ступеньке стремянки. — Самолюбленность и эгоизм собственника — это страшные пережитки капитализма в сознании...

— Наташа!

— Не мешай. Ты — собственник, Слава.

— Я?..

— Ты. И жену сделаешь рабыней.

— Тебя?

— Почему меня? Жену. «Жена — при-

неси!.. Жена — подай!.. Жена — где была?..»

— Да я... я тебя... на руках носить буду!

— Причем здесь я?

— Смотри, пожалеешь, поздно будет!.. За Вячеслава Алехина в поселке, только подморгни он, любая пойдет.

— Ну и моргай, мне-то что.

— Никому я моргать не буду до самой, самой смерти. Не могу я без тебя, Наташа,— с отчаянием выкрикнул Славка и рывком поставил корзину на ступеньку стремянки.

— Ой!

Стремянка пошатнулась, и Наташа слетела вниз прямо в объятия Славы. От толчка он, не выпуская Наташи, сел на землю, а сверху из опрокинутой корзины на них посыпались яблоки.

Именно в этот момент в сад вошли старики и Шувалов...

Сыплются, падают с деревьев зрелые плоды... И вот уже падают на ветви, на землю белые снежинки...

Снова в пышном весеннем цвету сад... Жаркое лето.

И снова осень.

В серой осенней мути оконные стекла. Наташа накрывает на стол. Шувалов на тахте читает книгу. Вытираясь на ходу полотенцем, входит Алехин, бросает полотенце на табурет. Садится за стол, наливает стопку водки.

— За компанию, Андрей Ильич. Для аппетита.

— Я уже отобедал.

— Сегодняшняя газета. Интересуетесь? — небрежно говорит Алехин, вынимая из кармана многотиражку. Наташа берет ее.

— «Старший машинист Алехин взял на себя обязательство регулярно водить поезда весом в 2500 тонн. Товарищи машинисты! Равняйтесь по Алехину», — читает

она вслух, с уважением поглядывая на мужа.

— Лишняя тыщенка в хозяйстве всегда пригодится,— по-своему комментирует сообщение Софья Прохоровна.

Откладывает книгу Шувалов:

— Фомин говорил, с машиной у тебя не все ладно.

— Фомин, Фомин!.. Член партбюро, ему бы поддержать тяжеловесников, авторитет создать, а он — как бы чего не вышло. Что я, меньше вашего Фомина понимаю?

— Смотри. Тебе виднее,— уклончиво говорит Шувалов.

— А вы тоже, Андрей Ильич... Было время, по всей стране гремели. Дерзко работали, с огоньком...

— Договаривай. Затух огонек? Что ж, старость, говорят, не радость. Только учти, Вячеслав, никогда я очертя голову в воду не прыгал...

— Эх, Андрей Ильич, зачем тень на плетень наводить? Был бы здесь, в газете, пропечатан не Алехин, а Шувалов... Да что говорить!..

Бросив на стол смятую газету, Алехин вышел.

— Мне кажется, папа, ты несправедлив к Славе,— осторожно говорит Наташа.

— Не знаю, дочка... Может быть...

Шувалов поглядел на газетный лист. Крупным шрифтом набрано: «Товарищи машинисты! Равняйтесь по Алехину!»

«Товарищи машинисты! Равняйтесь по Алехину!»

Это уже плакат. Он висит на стене депо. Рядом второй: «Целинному хлебу — зеленую улицу!»

Возле алехинского электровоза стоят Шувалов и мастер Фомин.

— Дырливое дело,— мрачно говорит Шувалов,— коллектор подплавился, изоляция проводки на честном слове...

Молча кивает головой Фомин.

— Начальнику депо докладывал? — спрашивает Шувалов.

— А что может сделать со знаменитым начальник депо? Попробовал он выговор Алехину дать, так ему самому сверху строгача вlepили за то, что тормозит движение тяжеловесников... Ты бы по-родственному вразумил его, Андрей.

— По-родственному,— угрюмо повторяет Шувалов.— Мы теперь как чужие...

— Чужие! Это Наташа чужая? Вячеслав чужой?!..

К электровозу подходят Алехин и Сенькина.

— Мой драндулет,— небрежно указывает на машину Алехин.

— Именно драндулет,— угрюмо говорит Шувалов.

Подозрительно косятся на Шувалова Алехин. А тот продолжает:

— Смотрел я твою машину, Вячеслав. И стыдно мне за тебя стало. Понимаешь, стыдно.

— Раздуваете, Андрей Ильич,— хмурится Алехин и указывает рукой на электровоз: — А за это слесаря зарплату получают.

— Зарплаты мне хватает, за чужой же гонось,— рассердился Фомин.— А тебе, Вячеслав, видно, мало. Вот они, лишние рублики, боком и выходят.

— Позвольте, товарищи,— решительно выступила вперед Сенькина.— Происходит явное недопонимание задач, которые на сегодняшний день стоят перед транспортом, а также недооценка, скажу прямо — игнорирование движения тяжеловесников. Отсталые настроения у вас, товарищи.

— Вы давно на транспорте, товарищ Сенькина? — прерывает ее Шувалов.

— Какое это имеет значение, товарищ Шувалов? Да, я молодой железнодорожник, но хорошо знаю историю борьбы с предельчеством на транспорте.

— Мы тоже хорошо знаем историю, товарищ Сенькина,— стараясь говорить спокойно, заметил Шувалов.— Но вам следовало бы хоть немного знать и технику.

— Осень. Наледь. Вот и перегреваются двигатели,— пытается снять конфликт Фомин.

— Летом им жара мешает, осенью, видите ли, дожди! — искренне возмущена Сенькина.— Стыдно, товарищи!

— Хватит толочь воду в ступе,— резко обрывает ее Шувалов.— Мы все члены партии. Поставим этот вопрос на партийном собрании.

Молча входят в дом Шувалов и Алехин. Молча садятся за стол. Подает ужин Софья Прохоровна. Первому Славе, потом — Шувалову.

Торопливо входит Наташа. Подозрительно смотрит на обедающих.

— Случилось что?

— У отца спроси,— зло передергивает плечами Слава.

Садится Наташа. Молча принимается за еду.

Подкладывает на тарелку Славе Софья Прохоровна:

— Давеча ходила к Хомутовым. Корова ладная, справная. Четыре тысячи просят.

— Мы на «москвича» собрать решили, бабушка,— морщится Наташа.

— Внучатам «москвича», бабке буренку, так что ли, Слава? — заговорщически подмигивает Софья Прохоровна.— За слезы материнские дал бог тебе мужа, Натальюшка. Добытчик.

— Теперь все, Софья Прохоровна. Ни «москвича», ни буренки! — Слава со злостью поддел вилкой кусок селедки.— Кому-то мои рублики поперек горла стали.

— Да говори толком, стряслось что?

— У него спросите,— снова кивает Слава на Шувалова.— Он вам все расскажет.

— Ты с ума сошел, Славка,— вскинулась Наташа.

— Та-ак!.. Опять воду мутить, зятек богоданный?

— Помолчите, Софья Прохоровна. Не ваше это дело. А ты, Вячеслав, постыдился бы.

— Нет, мое дело,— закипела Софья Прохоровна.— Мое! Дочку единственную, кровинушку, в могилу вогнал. Мало тебе? Мало?! Ему-то стыдиться нечего, он для дома добытчик. А ты...

— Помолчите, вы! Слышите!

— Бабушка, перестань!..

— Рот зажимаешь? Мне?! В моем доме живешь. Вон из моего дома, вон!

Встал Шувалов:

— Двадцать лет измывательства терпел. Себя смирял. Хватит. Ноги моей больше не будет в этом доме. Слышите, Софья Прохоровна!

— Вон, аспид! Вон, кровопийца!..

— Как вам не стыдно, бабушка. Сию минуту перестаньте!

— Защитница! Так-то ты за мою любовь, за слезы...

— Он мой отец, и я никому не позволю...

— Во-он!

Шувалов вышел, а за ним бросилась Наташа.

За столом сидит ошеломленный Алехин. Он тупо смотрит на зажатую в руке вилку и швыряет ее на тарелку. Тарелка со звоном разлетается на куски.

— Прочитать жену надо, чтобы не фордыбачила,— жестко бросает Софья Прохоровна, подбирая черепки.

— Ушла она...

— Воротится. Муж-то один. Нынче сколько берешь, Славушка? — вкрадливо интересуется старуха.

— Две пятьсот,— неохотно буркнул Алехин, натягивая куртку.

— Дай те господи...

На соседних путях стоят готовые к отправке два электровоза. Высунулся из окна Шувалов. Внимательно смотрит на электровоз Алехина с прицепленным длинным составом, на толпу провожающих. Держит речь Сенькина. Слов не слышно, но жесты оратора очень выразительны.

Встретились глазами Шувалов и Алехин. Демонстративно отвернулся Алехин.

Торопливо поднимается на электровоз Шувалова помощник с поездными документами. Трогаются электровоз. Плавно набирает скорость.

...Заканчивает речь Сенькина. Аплодируют провожающие.

...Крутой подъем. Высовывается из окна Шувалов, смотрит назад. Все закрыла пелена неожиданно повалившего мокрого снега.

...Тяжело, слишком тяжело идет на подъем аলেখинской электровоз. Все медленнее вращаются колеса. На мгновение они застыли и вдруг дернулись в обратную сторону. Окаменело от напряжения лицо Алехина.

Дрогнули колеса и замерли...

...Диспетчерская — небольшая комната, обитая войлоком и плотной тканью. У селектора женщина-диспетчер, Сенькина и Фомин.

— Одна тысяча ноль один сжег мотор, стал на перегоне,— гудит из репродуктора чей-то бас.— Я задержал двести пятидесятый.

— Позовите двести пятидесятый к селектору.

Придвигаются к матерчатому кружку репродуктора Сенькина и Фомин.

— Двести пятидесятый, Шувалов слушает,— отчетливо доносится знакомый спокойный голос.

— На разъезде тринадцать ставьте вагоны на запасный. Возвращайтесь, вытаскивайте по частям Алехина.

— Ясно... Разрешите действовать по обстановке.

— Действуйте... Выручайте, Андрей Ильич, миленький,— вдруг совсем домашнему взмолилась диспетчер.

Стоит поезд Алехина, а за ним, если взглянуть сверху, угрюмая вереница присыпанных снегом товарных составов. Кажется, что стоят они так давно, давно...

Безобидное в быту слово «пробка» — страшно на транспорте.

Вплотную к алексинскому подошел электровоз Шувалова.

— Сдох бобик,— криво усмехнулся Алексин.

— Да вы что, Андрей Ильич, всерьез?!— растерянно спросил он, наблюдая за неторопливыми приготовлениями Шувалова.— Две с половиной тысячи да моя телега сто тридцать! Я в этом деле не участник.

И он соскочил на насыпь, закурил и уселся на придорожный столбик, но тут же затоптал сигарету и поднялся.

— Дойду до линейного телефона,— небрежно говорит он помощнику.— Пускай принимают меры.

...Дрожит, вибрирует от напряжения корпус шуваловского электровоза...

...В диспетчерской тишина, но напряжение словно висит в воздухе.

— Наложите запрет, Клаша, наложите запрет! — умоляюще шепчет Фомин.

Дрогнули колеса электровоза... Чуть тронулись... Пол-оборота.оборот... Медленно вращаются колеса. Тянет, медленно, медленно, но тянет алексинский состав.

...Не оглядываясь, шагает Алексин. Подошел к домику путевого обходчика. Оглянулся. Его нагоняет поезд. Обогнал.

...Бросился Алексин за своим поездом... Нет, не догнать!..

...Шагает по насыпи Алексин. Другой поезд проносится мимо. Пробки больше нет...

Диспетчерская. Женская рука прочерчивает на графике жирную зеленую линию.

Осенний рассвет. Алексин, мокрый, забрызганный грязью, входит в депо. Тускло, словно они тоже притомились за ночь, горят электрические лампочки.

Из-под брюха электровоза с номером 1001, волоча больную ногу, вылез Фомин.

— Дядя Степан...

Оглянулся Фомин.

— Замерз я,— нерешительно говорит Алексин.— Поворочать со слесарями, что ли? Погреться?

— Без тебя обойдемся... Хозяин!

— Все мы хозяева... на килограмм дюжина.

— Уходи, Вячеслав. Душа от тебя болит.

Дом Рыжакина. Из калитки появляется Наташа, с трудом волоча две большие связки книг.

— Наташа!..

Не оглядываясь, она идет дальше.

— Дай... Ведь тяжело,— пытается взять связки Слава.

— Без тебя обойдемся.

Второй час идет партийное собрание локомотивного депо.

— Спрашиваю, товарищи,— говорит с трибуны Сенькина,— кто виноват в том, что Алексин растянул состав? И отвечаю: все мы виноваты.

Шум в зале. Продолжает свою речь Сенькина:

— Но в этом вопросе есть и другая сторона. Сам не желая того, товарищ Шувалов доказал правоту Алексина. В этом диалектика нашей жизни, нашей борьбы. Я кончила, товарищи.

— Какие будут предложения? — спросил председатель.— Прекратить прения? Кто за? Принято. Мы тут в президиуме кое-что набросали. Разрешите зачитать?

— Прошу слова,— поднялся в задних рядах Алексин.

— Прения кончены.

— Дать, дать!.. — зашумел зал.

— Я виноват, и больше нет виновных,— негромко сказал Алексин...

— Ишь ты,— удивился Савелий Кузьмич.— Критика и самокритика.

— Ты, дед Кузьмич, меня самолюбным окрестил,— повернулся к нему Алехин.— Нет, не самолюбный я.. Цацкались со мной много, вот что.

Заинтересованно слушает зал.

— Легко слава ко мне пришла, по ровной дорожке. Слава к Славе,— невесело усмехнулся Алехин.— Камешек, и тот старались убрать, чтоб, не дай бог, не зашибся. И решил я, что так и быть должно. Забыл, что дорогу мне люди проложили по целине, через горы и овраги. Шагай, товарищ Алехин.

— Что же тут плохого? — не выдержала Сенькина.— Нашей молодежи живется легче, чем нам. Радоваться надо.

— Что значит легче? Калорий-витаминов больше, штанов — пять пар вместо одной? Не желаю жить легче. Богаче — да. Веселее — да. Но — трудно! По-настоящему!

Зааплодировал зал. Алехин вдруг озорно подмигнул Сенькиной.

— Спросят у меня— когда ты, товарищ Алехин, таким умным стал? Конкретно отвечаю: вчера в ночь. Шагал я по шпалам, шагал, а мимо поезда бегут... Бегут поезда! Конкретно советую: кому про жизнь подумать надо — валяй по шпалам. Очень способствует...

Смеется, снова аплодирует зал. Улыбнулся Шувалов — давно мы не видели улыбки на его лице,— словно помолодел...

Шувалов и Алехин с сундучками, Наташа с чемоданчиком стоят в пустой комнате в новом доме. Вид у Алехина и Наташи растерянный.

— Что приуныли, новоселы? Стены есть, пол и потолок имеются, чего вам еще?

Шувалов выходит на балкон.

Знакомая нам улица поселка. Деревья в осеннем багрянце. На противоположной стороне — потемневший от времени ружа-

кинский дом. В одном из окошек — недоброе лицо Софьи Прохоровны.

Встретились взгляды. Захлопнула окошко Софья Прохоровна, задернула занавеску.

Вечер. По темным комнатам ружакинского дома серой тенью бродит Софья Прохоровна. Отодвинула оконную занавеску, прикинула к стеклу. Впиалась в освещенные квадраты окон в новой квартире Шуваловых, в силуэты сидящих за столом Андрея Ильича, Славы, Наташи. Встает Шувалов, за ним Алехин. Оба уходят.

Возвращается за стол Наташа, читает.

Бродит по пустому дому Софья Прохоровна. То тронет одну вещь, то другую, словно прощаясь с ними. Рухнула на колени перед образами, истово крестясь, бьет земные поклоны.

Чиркнула спичка, вспыхнул огонек...

...И вот уже струится к небу багровое пламя.

Просторная площадь перед Дворцом культуры железнодорожников. На невысоком постаменте навечно установлен паровоз «Красный коммунарь» номер ЕС-350 — детище первых коммунистических субботников. Тот самый паровоз, который весной 1920 года притащил в Москву подарок уральцев товарищу Ленину — поезд с двадцатью семью тысячами пудов хлеба.

Как и в дни его боевой молодости, паровоз украшает лозунг: «Вперед, без страха и сомненья!» и стихи неизвестного поэта:

Из мрака прошлого, из
рабства испытаний
Ты мчи нас в мир любви
и братского труда,
Где нет ни слез, ни тьмы,
Где нет глухих страданий,
Где светит нам одна
лишь красная звезда.

В торжественном молчании стоят у паровоза старые машинисты — ветераны. Тихо позванивают ордена и медали. Стоит Шувалов. На кителе поблескивает Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

С куском каменного угля в руках поднимается Шувалов на паровоз, опускает уголь в топку. Застыли участники церемонии. Спускается по лесенке Шувалов.

— Куда сейчас, Андрей Ильич? — спрашивает один из присутствующих.

— Домой.

Кабина электровоза. Машинист — высокий молодой человек. На его кителе эмалевый ромбик выпускника ВТУЗа. Не себе машинисту — еще бы, самого Шувалова везет! Понял его состояние Андрей Ильич. Похвалил:

— Хорошо идем.— И, указав на ромбик, спросил: — Инженер? Какой кончал?

— Транспортный. Прохожу стажировку.

— Много еще ездить?

— Три недели. Думаю рапорт подать, хочу остаться на электровозе.

— Не по-хозяйски это,— покачал головой Шувалов.— А вот лет через пять, кто знает, может, это и будет как раз по-хозяйски.

Покосился на него машинист.

— Завидую я вам. Какую жизнь прожили!

— А я тебе завидую. Вам всем. С другой отметки начинаете.

Мчится электровоз. Убегают рельсы. Стальной путь втиснут в узкую расщелину — бесконечный туннель без свода, и на поворотах кажется, что горы каменной грудью вот-вот преградят путь машине.

...Остановился электровоз. Сходит с чемоданом Шувалов. Приветственно машет молодому машинисту.

...Подходит к своему дому Шувалов. Напротив, в буйном весеннем цветении, сад Ивана Игнатьевича. И нет даже следов рыжакинского гнезда.

Ставит Шувалов на крылечко чемодан, роется в карманах, вытаскивает ключи, отпирает дверь.

И входит в дом. К своей семье.

Ю. Чибряков

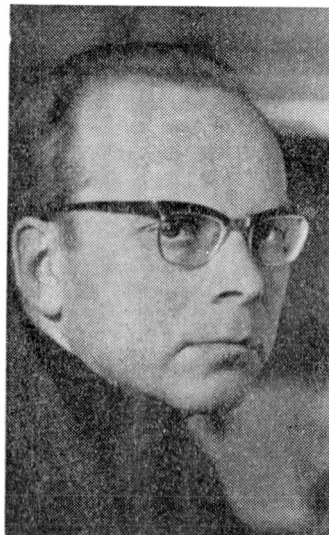
ВСТАТЬ И УЙТИ?

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИБРЯКОВ (родился в 1931 году) окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. Он работал редактором сначала на Новосибирской, а затем — на Нижне-Волжской студиях кинохроники. По его сценариям поставлено около двадцати документальных лент. Ю. Чибряков снял несколько фильмов и как режиссер-документалист. Живет и работает в Саратове.

Публикуемый в альманахе литературный сценарий «Встать и уйти?» на Всесоюзном конкурсе киносценариев о современном рабочем классе удостоен второй премии.

На трехпалубном теплоходе плыл по Волге высокий светловолосый латыш. Много ли забот у туриста?

Делать по утрам на палубе зарядку, на ветерке (если есть привычка и настроение). Часами лежать в шезлонге с журналом, подставляя солнцу то грудь, то спину.

А на долгих остановках бродить вместе со всеми по улицам старинных волжских городов, фотографировать местные достопримечательности, слушать пояснения экскурсоводов. Ну и, конечно, посещать базарчики, откуда уходить с пучком редиски в руке (кормят на теплоходах очень даже неплохо, вот только свежей зеленью не балуют).

По вечерам на корме играла музыка. Там танцевали.

— Сам-то из Риги? — спросил нашего знакомого сосед по каюте, пожилой, начальственного облика мужчина.

Они сидели на палубе, смотрели на развлекающуюся молодежь и пили холодное пиво из бумажных стаканчиков.

— Пoblзости. Из Майора.

— Умеешь устраиваться, — уважительно сказал сосед. — Взморье... Шумно только, когда сезон. И работаешь там?

— Нет, езжу. Тридцать минут на электричке.

— А профессия, позволь полюбопытствовать?

— Секретная, — серьезно сказал латыш. — Слесарь.

— Слесари мне вот как нужны, — вздохнул сосед. — Завод — первый на весь Союз. А рабочих не хватает. И квартиру бы в момент дали. Да ведь не пойдешь.

— Не пойду! — улыбнулся латыш.

— То-то и оно, — понимающе проговорил сосед. — С курорта-то! Сам бы не пошел.

Музыка вдруг оборвалась. Из динамика послышался шум — по микрофону постучали пальцем. Потом громоподобный голос объявил, что через несколько минут в салоне начнется киносеанс. «Картина старая, но хорошая: «Волга-Волга!» — доверительно добавил радиоголос.

— Реклама! — заявил, поднимаясь, сосед. — Только я — пас. Завалюсь сегодня пораньше, отоспаться напоследок.

— Когда пристаем? — латыш тоже встал.

— В восемь. А ты чего? Тебе еще плыть да плыть.

— Также чего-то дремлет. Целый день на солнце. А может, с пива...

— Да, вот он и отпуск, — заговорил сосед, запихивая в чемодан шлепанцы, когда они вернулись в каюту. — В понедельник о утра планерка — и пошло, закрутилось на целый год.

Латыш лег в постель, просматривал при свете ночника записную книжку.

— Григорий Семенович, — спросил он вдруг, — вы ведь хорошо знаете город?

— Как-никак родился в нем!

— Где это — Заовражная? Далеко?

— Не так далеко, да район бестолковый, запутаешься. Что там, знакомые?

— Товарищ. Воевали вместе.

— И давно не виделись?

— Да лет десять. Списались однажды и встретились — в Москве. — Латыш спрятал книжку, погасил ночник. Помолчал. Потом из темноты: — Этот человек мне дважды жизнь спас.

— Что ж, к такому не зайти, как говорится, грех на душу, — сказал сосед. — Меня с машиной встретят, подброшу.

Светлосерая «Волга» не спеша пробиралась по пыльной, как в деревне, улице. Дома на ней были деревянные, около них — самодельные сарайчики, небольшие садики.

— Частный сектор, — сказал с неудовольствием Григорий Семенович. — С удобствами здесь — не ахти.

— Зато соловьи поют, — заметил шофер. — Ехал как-то ночью, слышал.

— Лягушек здесь больше, чем соловьев. Видал, какой каньон? Они как раз проезжали по мосту через городской овраг. Овраг был, действительно, грандиозный. Дождевые потоки трудились над ним, наверное, много десятков лет.

— Чудо природы. Хоть заповедником объявляй, — проворчал Григорий Семенович.

«Волга» завернула за угол и остановилась.

— Это и есть Заовражье, — сказал Григорий Семенович. — Сам понимаешь — туристы сюда ни ногой. Район не показательный. Так что ты исключение. Обратную дорогу запомнил?

— Не потеряюсь. — Латыш выбрался из машины. Ему подали в окно сверток. Несколько секунд помолчали.

— Особенно-то не разворачивайтесь «со встречей!» — сказал, наконец, Григорий Семенович. — А то на теплоход опоздаешь.

И протянул руку:

— Ну, бывай.

— Спасибо. До свидания.

— Не за что. Хорошо мы с тобой поплавали. Жаль, что мало...

На крыльце сидела кошка, умывалась. Латыш постучал. Ему никто не ответил.

Постучал еще раз.

Кошка встала, потерлась боком об его ногу, замурыкала.

За дверью по-прежнему было тихо.

— Что, иль дома нет? — раздался за спиной звонкий голос.

Он обернулся. Женщина в ярком халате и домашних туфлях на босу ногу смотрела на него, улыбалась. В руках она держала кастрюльку.

— Я ему тут обед принесла, а он уж ухлыстнул куда-то.

— Кому обед? — вежливо поинтересовался латыш.

— А Генке! Наталья-то в больнице, а в столовках этих — сами знаете. Написано: суп с курицей, а курицы там всего — кусок шей плавает! Да и с деньгами у него не густо — по столовкам рассиживать.

Она говорила быстро, весело, а сама с откровенным любопытством рассматривала незнакомого мужчину, свертки в его руках.

— А где же хозяин? — ему было неловко от этого взгляда.

— Генка-то? А кто его знает, — беззаботно сказала женщина. — С дружками, может, на Волгу ушел, купаться.

— Да нет, я про Петра Федоровича.

— Вы что? — удивилась женщина. — Его же два года как схоронили.

Латыш даже не сразу понял.

— Как схоронили?

— Хорошо схоронили... — вздохнула женщина. Она по-своему поняла вопрос. — Оркестр был. Ограду для могилки на заводе сделали. Орден несли на подушке. Болел он много, Петр-то... Наталья с ним намаялась тогда, ой намаялась! А теперь

и сама вот... Ай не знали? — догадалась наконец она.— Вы что ж, приезжий?

Он сошел с крыльца. Взглянул растерянно на свои свертки.

— Да вы подождите Геннадия-то...— участливо захопотала женщина.— Должен прийти. Есть захочет, деваться некуда.

Она достала из-под лежащего на крыльце коврика ключ. Как свою отомкнула дверь, пригласила:

— Проходите. Чего на солнце таять.

Незнакомец, видимо, вызвал у нее полное доверие.

В большой комнате было светло, но неуютно, неприбрано. Женщина поставила кастрюльку на стол, огляделась. Покачала головой. Вышла в прихожую и сразу же вернулась оттуда с веником и совком.

— Плохо парню без матери, конечно,— говорила она, быстро загоня мусор в совок.— Да и ей там не спится, в больнице. Заходила на неделе — все про Генку. Не похудел ли да какая рубашка на нем...

— Ведь у них двое было,— сказал латыш.— Старший, кажется, Борис?

— Есть такое сокровище! — в сердцах сказала женщина.— Может, она из-за него, Наталья, и слегла.

— Он же в армии должен быть?

— Как же, возьмут такого! В тюрьме он, шапошник!

— Кто? — не понял гость.

— Шапошник! Ходил с ватагой таких же охломонов и шапки с прохожих сдергивал. Конечно, которые получше. Плохих не брали. Потом продавали. На толкучке его и взяли, дурака. Воровать — и то не научился как следует.

Она собрала мусор в совок и пошла за дверь, сказав:

— Сейчас я.

Он остался в комнате один.

Прямо напротив него, над столом, висели два больших портрета, раскрашенных фотографом от руки.

На одном — молодая женщина с про-

стым, чуть напряженным («Внимание, снимаю») лицом.

Зато мужчина рядом улыбался. Был он в гимнастерке без погон, с орденом «Славы» и медалями на груди. Наверное, снимался вскоре после демобилизации.

Латыш сидел и молча смотрел на портрет.

Негромко тикали часы.

И так же молча со стены смотрел на него, улыбаясь, его фронтовой товарищ.

Во двор вошли трое.

Невысокий паренек лет шестнадцати, в сетчатой майке, еще один — постарше, гощий, с транзисторным магнитофоном, облепленным портретами красоток, и пожилой мужчина в мятой капроновой шляпе.

Мужчина снял с головы шляпу, обнажив большую желтую лысину, вытер платком пот. Спросил:

— Ну, где твоя тарактелка?

— Там... — кивнул невысокий паренек на сарай.

— Тащи на свет,— сказал лысый.— А ты, Серый, выключи свою бандуру, голова звенит.

— Не с того она звенит, Михалыч! — фыркнул тот, кого называли Серым, однако прижал громкость.

Паренек тем временем отпер сарайчик, раскрыл пошире дверь и выкатил на солнце пыльный мотоцикл.

— Дедушка! — презрительно сказал пожилой и пнул ногой спущенную шину.

— Да батя на нем мало ездил,— точно извиняясь, сказал паренек.— На рыбалку только, когда здоров был.

— Твое дело торговое — хвалить да наваливать, это нам ясно! А наше дело — слушать и не верить.— И пожилой присел на корточки у мотоцикла.— Сейчас все прощупаем, как в больнице.

На шум во дворе выглянула соседка.

— Его тут ждут целый час, а он вот где! — сердито сказала она, обращаясь к паренюку.— Гена, иди-ка сюда, слышь.

— Чего там? — недовольно оглянулся Геннадий. — Я занят.

— Да гость у тебя!

Женщина махнула рукой.

Паренек подумал, затем с независимым видом направился к крыльцу. Но приезжий уже сам вышел из дома.

Они встретились на середине двора. Латыш, чуть прищурившись, смотрел на паренька.

— А ты похож на отца, — сказал он. И протянул ему руку. — Круминь. Ян Янович.

— Гена, — не проявив особого интереса, ответил паренек. Оглянувшись — его больше волновала, кажется, судьба мотоцикла.

— Что же не написали? — с упреком сказал Круминь. — Я все думал — почему Петр на открытки перестал отвечать? Он ведь меня раньше и поздравлял всегда. С днем Победы... А тут — ни строчки. Решил — наверное, переехал...

— Переехал — да только не туда, — вздохнула соседка. — Не дождался... Столько лет уж обещают нашу улицу ломать. Да толку пока мало. А ты, Генка, тоже хорош. Не мог пару строк человеку написать.

— Некогда было, — пробормотал Генка.

— Деловой больно стал.

Тут Генку, наконец, окликнули — осмотр мотоцикла был закончен.

— Эй, хозяин, на минутку...

— Я сейчас, — сказал Генка гостю.

Пожилый явно не хотел, чтобы разговор услышали посторонние.

— Вот что, — сказал он негромко пареньку. — Толку из него не будет. Конечно, завести бы не мешало, послушать мотор. Но и без этого видно — двигатель весь надо менять. В общем... — он подумал и, наконец, назвал цену: — Четвертную я тебе дам, по знакомству. Но с тебя банка!

— Ладно, — сказал Генка. По его лицу было заметно, что надеялся он на значительно большую сумму. Но спорить с покупателем постеснялся.

— Забрать могу сейчас. А деньги —

завтра, с Сережкой передам. — И лысый похозяйски взялся за руль мотоцикла.

— Завтра так завтра, — согласился Генка.

— Чего это надумал?! — вдруг сердито закричала на Генку соседка. Она, видно, догадалась, о чем был разговор. — А мать спросил?!

— Чего — мать... — хмуро сказал Геннадий. На женщину он не смотрел. — Нужен он ей! Сама говорила — ржавеет зря, место занимает.

— Мало что скажешь под настроение. А вещь такая большие рубли стоит! — не сдавалась соседка. — Нельзя без матери!

— Вы, гражданочка, разбираетесь в цах да борцах, а я — в таких вещах, — с ядовитой вежливостью сказал лысый. — Этому экспонату одна светлая дорога — в утиль. Беру только для запчастей. Винтики там, шурупчики. Может, пригодятся. Другой бы и даром не взял!

— Тетка Марина! — подмигнул тощий парень. — Хотя ты и горластая, а мужиков не перекричишь! Нас много, и в таком деле мы — доктора-профессора!

— В пивнушке ты уже профессор, вот где! — отпаривала соседка. — Видела вчера, как у киоска терся!

И тут Круминь, до сих пор безмолвно наблюдавший в сторонке эту сцену, вдруг решил вмешаться. Он подошел к мотоциклу.

— Извините... — вежливо сказал он покупателю. — Можно взглянуть?

— Не купил еще... — с деланным безразличием ответил лысый.

По всему было заметно, что латыш знает толк в мотоциклах. Лысый с некоторым беспокойством наблюдал за его осмотром.

— Хорошая машина, — сказал наконец Круминь, вытирая руки. — Немного почистить — будет как новая. Сколько вы предложите?

— Пятьдесят, — буркнул покупатель.

Услышав, что он удвоил цену, Генка удивленно поднял глаза.

— Ну, это вы пошутили, — так же спо-

койно заявил Круминь.— Меньше трехсот он не стоит.

Шея и лысина покупателя начали медленно багроветь.

— Слушай! — с неожиданной злостью обернулся он к тощему парню.— Чего ты меня сюда привел? Делов у меня мало?!

И решительно направился прочь.

Серый растерялся и недоуменно пожал плечами:

— Сам же просил!

Сплюнул и тоже пошел со двора.

— И чего ты с ним связался, с этим Сережкой,— миролюбиво сказала соседка Генке. Она была довольна таким оборотом дела.— Мало, что он Бориса с панталыку сбил. К тебе теперь примеривается. Мать тебя за это по головке не погладила бы.

— Заладили — мать да мать! — Генка был, кажется, всерьез расстроен несостоявшейся продажей.— Уже не в яслях...

Он вытащил из кармана паспорт, показал. И пошел к сараю.

— Яслях! — передразнила женщина.— Сначала купи на свои, а потом расторговывайся, купец Калашников!

Она обернулась к Круминю.

— Правильно барыгу этого отшили! А Генке дай волю — в доме одни стены останутся.

Тут она вдруг вспомнила, всплеснула руками:

— А ведь у меня каша дома прееет! Со всем без памяти! Иль старею?

Она не без кокетства поправила волосы (они у нее были красивые) и направилась к своему дому. Но, сделав несколько шагов, вновь спохватилась:

— Генка, слышь?! Там суп стоит, в domu. И к матери сходи, бесстыдник, ведь зажалаась!

Генка не ответил.

Круминь остался один посреди двора. Соседка ушла, а Геннадий сидел в сарайчике и, как видно, выходить из него не собирался.

Ян Янович вздохнул и пошел к сараю.

Когда он вошел, паренек быстро и как бы невзначай прикрыл что-то на верстаке старенькой телогрейкой. Но латыш, казалось, ничего не заметил.

— Да тут целая мастерская,— сказал он, с уважением осматривая верстак, всевозможные инструменты, в величайшем порядке разложенные на полочках, в нишах.— Отец занимался?

Геннадий что-то неразборчиво буркнул в ответ.

— Слушай, брось ты сердиться,— доверительно сказал Круминь Геннадию, как бы не замечая неприязни парня.— Мотоцикл, действительно, в порядке. И стоит уж конечно не пятьдесят рублей.

— А кто его купит? Вы, что ли? — грубо сказал Генка.— Вон их, полны магазины, новеньких. Уж если возьмут — так «Яву»!

Круминь спорить не стал. Он уселся на отполированный до блеска чурбан, служивший табуретом; не торопясь, закурил. Будто и не собирался уходить.

Генка, демонстративно отвернувшись, рылся в коробке с разным железным хламом.

— Деньги очень нужны? — вдруг громко спросил Круминь.

— А то нет...— не сразу ответил паренек.

— Чего же не работаешь?

— Уволили...

— Почему?

— Мастер сволочь попался.

— И это бывает...— не стал спорить Круминь.— Восемилетку-то кончил?

Геннадий кивнул.

— Знаешь, что,— подумав, сказал Ян Янович.— У меня есть сейчас немного лишних. Все-таки отпускник.

Геннадий поднял на него глаза.

— Взаимы, конечно. Я не миллионер, я слесарь,— так же спокойно пояснил Круминь.— Оставляю адрес — пришлешь, когда заработаешь. Тебе ведь сейчас нужны, по-

нимаю. Мать хочется побаловать чем-то в больнице. Верно?

Генка опять кивнул. Но по глазам было видно — ждет подвоха.

Круминь вынул из кармана блокнот. Вырвал страничку, написал адрес. Свернул листок и вложил туда деньги.

— Держи.

— Спасибо,— хмыкнул удивленный паренек.

— И знаешь что, привнеси-ка мне холодной воды. Жара здесь. Как только живете!

— А вы в июле приезжайте! — ухмыльнулся Генка и отправился за водой. Настроение у него поднялось.

Когда его шаги затихли, Круминь встал, неторопливо подошел к верстаку и поднял лежавшую на нем телогрейку.

В тисках был зажат самодельный, поблескивающий, почти готовый кастет.

Что-то дрогнуло в лице Круминя.

После нескольких мгновений раздумья он ударом кулака по рычагу расслабил тиски. Кастет выпал из стальных челюстей. Круминь подхватил его, взвесил на ладони. Брезгливо примерил на пальцы, вздохнул и положил в карман. Потом накрыв пустые тиски телогрейкой.

Он вышел из сарая. Геннадий как раз нес воду.

— Спасибо.— Круминь вернул пустой стакан. Предложил: — Сядем? На минутку..

Они присели на скамейку у крыльца.

Ян Янович пристально смотрел себе под ноги. Он напряженно думал о чем-то.

— Ну, расскажи, как живете без отца,— сказал он наконец.

— Как живем? Нормально...— ответил Геннадий.

— А брата что не видно? — словно невзначай спросил Круминь.

Тут Генка бросил на него быстрый испытующий взгляд: знает или нет?

Круминь не отрывал глаз от земли.

— Нет его,— сказал Генка. Ему не хотелось, видно, говорить правду. Но и особенно врать — тоже.— Уехал...

— Куда?

— В Сибири работает.

— По зову сердца? — в голосе латыша не было издевки.

Генка промолчал.

— Ну, а сам чем заняться думаешь?

— Из армии вернусь — там решу.

— До армии еще дожить надо. Не у матери же на шее сидеть. Так и мотоциклов на продажу не напасешься.

— Устроюсь куда-нибудь,— равнодушно сказал Генка.

Круминь вздохнул, посмотрел на часы.

— Поговорить мне с тобой надо. По настоящему. Только трудно так... сразу. Да еще теплоход скоро отходит — я ведь здесь проездом.

— О чем говорить-то? — спросил паренек.

— Есть о чем, есть.— И потрогал массивную холодную вещь, лежавшую в его кармане.— Да разговор такой в пять минут не уложишь.

Вдруг спасительная, казалось, мысль пришла ему в голову.

— Знаешь, что? Обрато буду плыть — приди к причалу. Узнай, когда «Доватор» вернется, — и приди. Договорились?

— Ладно...— не очень уверенно сказал Генка. Просто ему не хотелось прямо отказать человеку, ни с того, ни с сего одолжившему деньги.

— Ах ты, черт...— Он опять посмотрел на часы.— Идти мне надо.

Сверток, принесенный им, попался ему на глаза. Круминь взял его, подержал в руке. Сказал:

— Твоему отцу вез. Но раз уж так получилось...— Он протянул сверток Геннадию.— Возьми. Тебе...

— Сувенир, что ли? — небрежным тоном спросил паренек.

Ян Янович вздрогнул.

— Память,— жестко ответил он.— Отец твой делал. Береги — вещь музейная.

— Спасибо...— Генка размышлял: сейчас посмотреть, что в свертке, или потом. Решил — лучше потом.

— Что ж,— сказал Круминь.— Опаздываю я. Будь здоров!

Он пожал Генке руку.

— Так помни обещание.

И пошел со двора. Паренек смотрел ему вслед.

Ян Янович сидел в кресле, думал о чем-то.

А по каюте расхаживал новый его попутчик, благодушно настроенный молодой человек, уже успевший облачиться в пижаму. Он вынимал из чемодана и рассовывал по ящикам тумбочки электробритву, одеколон, номер толстого журнала, банку растворимого кофе и массу других, необходимых в долгой дороге вещей.

— Значит, вы здесь старожил! — бодро сказал он Круминю.— Это хорошо. Как кормят?

— Прилично кормят...— рассеянно отозвался тот.

— Ну, а наш город — понравился?

— Да я его почти не видел.

— Но в художественном музее, конечно, были? Он у нас гремит!

— Не успел...— Круминь думал о чем-то другом.

— Ничего, на обратном пути еще время будет,— утешил сосед.— А как насчет этого?

И он вытащил из чемодана колоду карт.

— Почему никто еще не додумался бронировать каюты специально для преферансистов? А? Купил билет и заранее знаешь — партнеры обеспечены!

Где-то на причале ударил колокол.

Круминь закрыл глаза.

Что-то туманилось... клубилось... расплывалось вокруг.

И из этого хаоса доносились такие же странные расплывающиеся, непонятные звуки.

Из смутного тумана — будто невнимательный киномеханик спозвятился и установил фокус — появились ноги.

Грубые солдатские ботинки с трудом идут по вязкой глине.

Он видел тогда их совсем близко — эти облепленные грязью ботинки, и обмотки, и обтрепанный край куцей серой шинели. Они были у самого его лица, и когда ботинок с размаху ступал в лужу, ледяные брызги попадали ему на лоб, на щеки.

Он хотел приподнять голову, посмотреть, куда его тащат, но вместо этого громко застонал.

Чавкающие звуки оборвались.

И вот из тумана приблизились к нему, взглянули оттуда, из сорок второго... глаза.

— Очнулся, Ян? — донеслось словно издалека. Небригое лицо расплылось в улыбке.— Вот и хорошо... Надо потерпеть, браток. Холодно? Дай-ка пощупаю...

Лицо стало озабоченным.

— ...Может, глотнешь? Потроха целы, значит, можно.

Появилась мятая алюминиевая фляжка. Закрыла на мгновение все вокруг.

— Теперь выживешь, точно! Поехали?

Глаза подмигнули. Лицо скрылось.

Солдатские ботинки вновь зачавкали по грязи.

Вдали ударил колокол. Дважды.

Круминь сидел с закрытыми глазами.

— Сволочь...— негромко, но внятно сказал он вдруг по-латышски.

— Простите, вы чего? — не понял сосед.

— Это я о себе,— ответил Круминь.

— Давай, гаси! — сказал Серый.

Генка щелкнул выключателем. В комнате стало темно.

Сергей зажег спичку, поднес к фитилю.

В комнате посветлело. Только в углах прятались глубокие тени.

— Горит,— сказал Генка, подходя к столу.

И только тут все заметили, что горит не свеча, не лампа, а «катюша» — солдатская самодельная коптилка из стреляной гильзы со сплюсненным концом.

Ребята сидели за столом, смотрели на пляшущий язычок огня. Кроме Генки и Сергея — Серого, были здесь еще Жорик, рыжий паренек лет четырнадцати, с лицом, усыпанным крупными веснушками, и увалень и молчун Толька, самый сильный, но и самый ленивый в компании.

— Как в блиндаже,— сказал Жорик.

— Точно! — хохотнул Серый. И оживился: — А что в блиндаже полагается солдату?

Жорик не знал.

— Лопух! Вот что полагается солдату!

— И он вытащил из кармана бутылку. — Как отец говорит, по военному заказу... Генка, гони стаканы!

Серый разлил вино. Ребята выпили. Жорик поперхнулся — не привык еще.

— Трудно без закусона? — ухмыльнулся Серый.

Геннадий придвинул к себе поближе «катюшу». Огонек метнулся в сторону.

— Написано что-то,— сказал он, разглядывая гильзу.

На потемневшей от времени латунной стенке была нацарапана дата: «30.XI-42».

— А где этот дядек живет, который такую штуку привез? — спросил Серый у Генки.

— В Латвии. Батя про него рассказывает.

— Неужели он эту жестянку с войны домой приволок? Для чего? — спросил Жорик.

— Память... — объяснил Генка.

— Тоже мне — память! — пренебрежительно сказал Сергей. — Вон Михалыч... Кое-что из Германии привез. Вот это — память!

— Зато отсидел потом,— заметил Генка.

— Ну и отсидел,— спокойно сказал Се-

рый. — Теперь поумнее стал, не попадает. А вот мой папаня только и привез с войны — протез вместо ноги да глаз стеклянный.

Генка невольно взглянул на стену.

При мягком колеблющемся свете огонька лицо отца казалось живым.

— Я мальчишка законный! — вдруг хрипло зашел голос.

Серый неожиданно включил свой разболтанный магнитофон.

— Добьем... — Серый разлил остатки вина. — Как, братва, махнем к Эршу?

— Неохота,— ответил Генка.

— Посидим, побалакаем. С ним весело. Ты что, опять проиграть боишься?!

— Ничего не боюсь...

— Конечно, бояться нечего. Учиться просто надо. Карты — это наука хитрая. Сегодня ты продул, завтра — я. Гроши у тебя есть. Сколько тебе этот друг отвалил?

— Пока хватят,— не стал уточнять Генка.

— И я говорю — хватят. А кончатся — Михалыча опять приведу. Ругаться, правда, будет. Да я знаю, за какой его бок взять. Сплавим твой драндулет. Для друга — все сделаю.

Жорик, прищурившись, смотрел на огонь. Кажется, он немного захмелел.

— Па-па-па-па-па! — вдруг изобразил он автоматную очередь. — Ложись, братва! Фашисты!

Серый насмешливо взглянул на него. Потом, включившись в игру, пронзительно засвистел, подражая звуку летящего снаряда, и с размаху шлепнул Жорика по плечу.

— Окосел, гвардеец!

И тут они услышали стук в дверь.

— Кто это еще? — спросил Серый.

— Может, тетка Марина? — Генка растерянно посмотрел на пустую бутылку. — Начнет разоряться. Матери еще накапят...

Схватил ее и сунул под стол.

Потом пошел в прихожую.

— Не забыл? — сказал Круминь.

Генка растерялся, увидев его на крыльце.

— Теплоход ушел? — неуверенно спросил он.

— Что-то вроде, — улыбнулся латыш. — Ничего страшного. Вернется, не утонет. А мне — так просто повезло. Город хоть ваш по-настоящему посмотрю. В музей схожу... Что? Не рад?

— Да нет, почему... — протянул Генка.

— Раскладушка у тебя свободная найдется? У матери, конечно, разрешения спросим. Квартирант я тихий, не капризный. Кофе в постель мне подавать не надо. Договорились?

— Ладно, — без особого энтузиазма сказал Генка. Кажется, его не очень-то привлекала эта перспектива.

— Ну вот и хорошо...

И перешагнув порог, Круминь решительно закрыл за собой дверь.

Следующий день был выходной.

Вовсю палило солнце, и народу на городском пляже собралось великое множество.

По речному песку неторопливо шагал молодой милиционер. Было ему жарко, и он, наконец, с удовольствием снял бы с себя форменную рубашку. Но — дисциплина не позволяла. Он был на службе.

В конце пляжа народу было поменьше. Милиционер постоял здесь немного, уже собрался было повернуть обратно — и вдруг насторожился.

Из кустов ивняка чересчур поспешно вышли парень с девушкой. Вид у паренька был растерзанный, глаз — подбит. Девушка на ходу прикладывала к синяку смоченный водой платок.

— Что случилось? — спросил милиционер.

— Попадешься, сволочь! — пробормотал парень. Он не взглянул на милиционера. — Разыщу — тогда поговорим, не обрадуйся.

— В чем дело, гражданин? — еще резче спросил страж порядка.

Девушка посмотрела на него. В глазах ее стояли слезы.

— Не видите, что ли? — сказала она прерывающимся голосом. — Когда надо — вас не найдешь...

И вдруг заплакала.

— Брось, Таня. — Парень скомкал мокрый платок, сунул в карман. — Понимаешь, сержант, — объяснил он со злостью, — привязались там, в кустах...

— Кто привязался?

— Пацаны какие-то. Ватага целая...

— А ну — пойдём! — решительно сказал милиционер. — Покажете.

Они вышли на небольшую полянку среди кустов.

— Смылись уже, — с ненавистью сказал паренек. — Догадливые...

Под кустом лежала бутылка из-под «Солида», пустая консервная банка.

Убедившая компания расположилась на новом месте — за спасательной станцией.

— А здорово Генка ему припаял! — сказал Серый. — Верно, Ерш?

— Молодец, — похвалил Ерш. Только зачем размахивался? Это тебе не деревенская драка. Бить надо вот как. Коротким...

И он показал удар. Ерш разбирался в боксе.

Нет, совсем он не напоминал привычный образ репидивиста-вожака. Не было ни маленького лба с начесанной челочкой, ни тупого подбородка, ни бегающих глаз, ни стального зуба во рту. Он был по-своему красив, неплохо одет, и, когда шел днем по улице, девушки с удовольствием смотрели на его смуглое, немного калмыцкое лицо.

Генке было лестно услышать похвалу от Ерша.

— Зачем только Толяка влез? — сказал он. — Что я, один бы его не сделал? Да и нечестно — сзади бить.

— Нечестно! — скривился Серый. — Пока ты о честности будешь думать, тебя милт за холку и — знаешь куда? — Серый взглянул на Ерша, ожидая его одобрения.

Но тот неожиданно поддержал Генку.

— Да нет, зачем всем козлом — так и драться по-настоящему не научишься. В газетках пишут — мы мол, трусливые, только оравой не боимся нападать. Трепотня! Побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто злей. Конечно, если лоб здоровый попадется или компания. — тут товарища вырывать надо, хоть сам пропадай.

Он встал.

— Айда, поплавам.

Первым вскочил Жорик, за ним — остальные. Один Генка почему-то остался на месте.

— Ты чего? — оглянулся Толик.

— Высохнуть надо.

— Домой что ли собрался? — спросил Ерш. — Мать ведь не ждет.

Серый схибно сказал:

— Он с квартирантом в музей идет!

— Что за квартирант? — удивился Ерш.

— Да батин знакомый от теплохода отстал, почувет... — Генка немного смутился. — Обещал его по городу поводить.

Но Ерш смеяться не стал, сказал спокойно:

— Подождет-подождет — и один ходит, если ему уж так приспичило. Не маленький, не заблудится.

И Генка решил остаться на реке. Ему и самому не хотелось бродить по каким-то музеям. Особенно в такую жару.

Пришел он домой, когда жара начала немного спадать, — часов в пять.

Дом был не заперт. Генка прошел через прихожую, открыл дверь в большую комнату и — остановился на пороге, озадаченный.

В комнате царил полнейший хаос. Мебель была почему-то сдвинута в сторону, на полу расстелены старые газеты, лежали вещи, принесенные из других комнат...

Он даже подумал сначала — не ограбили ли дом?

Но тут Генка услышал пение. Квартирант был дома, в соседней комнате. Он что-то негромко напевал на латышском языке. Песня сопровождалась непонятным мерным шарканьем.

Геннадий пробрался среди разбросанного барахла, потянул дверь...

Круминь стоял на столе, весь перепачканный, и большой кистью из мочала смывал с потолка старую, грязную побелку.

— Слушай, а купороса у тебя случайно не найдется? — как ни в чем не бывало спросил он Генку.

Несколько секунд паренек растерянно молчал. Вид у него был довольно-таки глупый.

— Вы же в город хотели? — сказал наконец он.

— Да я подождал немного... — никакого укора не чувствовалось в голосе Круминя. — Потом понял — ты где-то задержался. Значит, дела у человека срочные. Ну и решил... — Он с удовольствием оглядел проделанную работу. — Ту, вторую комнату я уже вымыл. Завтра побелим, покрасим... Мать вернется — будет ей приятно.

Без стука вошла соседка. В руке она держала малярную кисть.

— А-а! Явился — не запылится! — приветствовала она Генку. Показала кисть Круминю: — Такую, что ли?

— Вот-вот! — обрадовался латыш. — Спасибо, Марина Николаевна. Положите песка на окно.

— Мелу у меня целое ведро — от своего ремонта остался. Хороший мел, берите. А ты, купец, чего стоишь — руки в брюки? — решительно обратилась она к Генке. — Давай-ка переодевайся и помогай. А то маляр двойную цену заломит — не расплатишься!

И рассмеялась.

Генка, разморенный пляжным солнцем и вином, предпочел бы поваляться сейчас на диване. Но делать было нечего.

— Чего придумали! — сердито проворчал он, но переодеться пошел.

— А ловко у вас все получается, — сказала соседка, с удовольствием наблюдая за работой Круминя. — Ой, что-то не верится, что слесарь! Наверное, малярничаете там у себя? А что, дело выгодное, заработки у них — дай боже, особенно летом, когда налево хватают.

— Да нет, не маляр я... Просто пришлось сестре помогать дом ремонтировать — вот и научился.

— У нее что же — свой?

— Зимняя дача.

— И большая?

— Не очень. Три комнаты.

— А у вас? Тоже дом или квартиру имеете?

— Нет! — засмеялся Круминь. Он слез со стола, передвинул его к другой стене. — Я пес бездомный! У сестры живу.

— Так вы что — неженатый? — заинтересовалась Марипа.

— Не берут! — добродушно сказал Круминь. И опять забрался на стол. — По-есть люблю! Женщины как увидят — пугаются. Наверное, думают: на такого не наготовишься!

Ночь была теплая, тихая. Лишь изредка из-за оврага доносились далекие звонки последних, спешащих в депо трамваев.

Круминь и Генка лежали на раскладушках в саду, смотрели в небо.

— Интересно... — сказал Генка.

— Что?

— Да вот — спать так интересно.

— Дождик пойдет — будет еще интереснее, — усмехнулся Круминь. Листья яблонь неподвижно темнели на фоне неба, и сквозь редкую крону были видны звезды.

— Не пойдет — вон звезды какие, — сказал Генка. — А соберется — в сарай переедем.

— Ты что ж, никогда под звездами не спал?

— Не... — с сожалением признался Геннадий. — Не приходилось.

— Да, ведь ты городской.

— Почему — городской? — Генка, кажется, обиделся. — Мы заовражные. А городские — на той стороне.

— Подумаешь, большая разница — овраг перейти.

— А вот и большая! Спросите-ка в городе. наших, заовражных, все боятся!

— Так уж и все?

— Такой мы народ, — не без гордости сказал Генка. — Любому накостыляем!

— Что ж... Храбрость — это здорово, — согласился Круминь. — Если она не трусливая.

Генка хмыкнул насмешливо:

— Какая же это храбрость — трусливая? Разве такая бывает?

— Бывает.

— Ну, а настоящих храбрых вы встречали?

— Приходилось... Отец твой, например, был таким.

— Батя?! Тю... — Генка не сдержался, присвистнул недоверчиво. — Да он тихий был!

— А ты что же думаешь, от храброго звон на километр?

Генка подумал, потом сказал убежденно:

— Нет... Слишком уж он был тихий, — протянул руку, сорвал листок с яблонь и добавил: — Когда мотоцикл купил, приехал домой. Говорит, давай, садись, да держись покрепче! Ну, думаю, сейчас газанем — все ребята от зависти спекутся! Сели. А батя — как старушка на базар. Любая телега нас обгоняла. Так и не научился он по-настоящему ездить. Робел...

— Просто осторожный был. А вот хочешь — другая история, — сказал Круминь. — Сидим в кольце. Ночь. Патронов почти нет. А пробиться надо. Иначе нас утром голыми руками возьмут. Ну никак не могли решиться сначала — молодые почти все были, неопытные. Страшно... И знаешь, кто первый решился? Петр...

Вздыхнул, сказал: «Айда, ребята...» И полез из окопа. С пустой винтовкой... А немец — из всех калибров.

— Ну и что — пробились? — спросил Генка.

— Иначе бы я с тобой здесь не разговаривал. Так что храбрость — она разная бывает. Одна — когда с одними кулаками на пули лезешь. А другая... другая. Ну, например, когда идешь на безоружного человека с кастетом...

И словно не желая больше продолжать разговор на эту тему, латыш повернулся на другой бок. Раскладушка заскрипела под его тяжелым телом.

Генка лежал, смотрел на звезды. Думал.

В музей они все-таки сходили. На следующий день, после того, как побелили комнаты.

Уставшие, они бродили по пустым залам, довольно неискусно скрывая равнодушие к висевшим на стенах потемневшим от времени картинам.

— Чего это они? — спросил Генка.

У грязной стены в рубище стоял Иисус и смотрел на Пилата, одетого в золотистый хитон. Край хитона освещало солнце.

— «Что есть истина?» — прочел вслух Круминь, подумал и сказал: — Не знаю.

— Нравится? — не без ехидства спросил паренек.

Круминь решил не притворяться.

— Нет... — ответил он медленно. — Не понятно...

Генка, кажется, не ожидал такой откровенности.

— Мура... — убежденно сказал он, глядя на картину.

— Ну почему же так сразу... — возразил Круминь.

— Вы же сами сказали — не нравится?

— Сказал... — печально подтвердил тот. — Но, может, это я вповал, а не он,

не художник? Может, я слишком мало знаю. Не умею понять.

— Учиться что лп — на картинки смотреть! — насмешливо и громко сказал Генка.

Пожилая женщина, дежурная, дремавшая на стуле в проходе между залами, встрепенулась:

— Потихе, пожалуйста!.. Вы в музей!

— Спать помешали, бабуса? — вежливо поинтересовался Генка. И пошел из зала.

— Ну а теперь куда? — лениво спросил он Круминя. Они стояли у щита с рекламными плакатами.

— Вот еще выставка! — добавил насмешливо он. На плакате было написано: «Русский самовар XVIII—XIX веков». — Пойдем? Или туда только со своей заваркой пускают?

— Это уж чересчур будет, — усмехнулся Круминь. — Да и не такой я любитель чая.

— Может, пива выпьем? — оживился Генка.

— А что — это мысль. Только где? Слушай, а в вашем ДК буфет есть? Заодно и здание посмотрим. Может, концерт какой...

— А!.. — пренебрежительно сказал Генка. — Разведут там самодеятельность!..

Девушки были в белом. Юноши — в строгих черных костюмах, лакированных туфлях.

Пары появлялись из-за занавеса, неторопливо спускались по красивой широкой лестнице... Ступив на сцену, юноша наклонил голову... девушка приседала. Она опустила руку на его плечо — и вальс медленно выносил их на середину сцены.

Затем выходила следующая пара.

И вот уже вся сцена была заполнена танцующими.

А из зрительного зала смотрели на них принаряженные заводские девчата, молодые и пожилые рабочие, курсанты городского военного училища.

— Красиво!.. — вздохнула Генкина со-

седка, толстая женщина в платье из какого-то сверкающего материала.

— А вон Наташка Сизова! — громким шепотом обратилась к ней подруга. — Полировщица, из второй смены...

— Она! Точно! — восхитилась толстуха. — Ну чистый лебедь! А когда шремиш лишили, помнишь, как на цехоме ругалась? Боевая — не перекричишь!

Последняя пара скрылась за кулисами.

— А сейчас, — переждав аплодисменты, объявила ведущая, — выступят самые молодые солисты нашего ансамбля. Людя Коновалова и Сергей Гутченко. Кубинская румба!

Оркестр сразу же грянул нечто зажигательное.

Пара, действительно, была отличная. Парень, правда, чересчур серьезничал. Танцевал он хорошо, но как-то уж слишком старательно — видно, боялся ошибиться. Зато на лице его партнерши — черноволосой девушки в ярко-красном платье — было написано самое настоящее удовольствие. И чем сложнее и эффектнее были их танцевальные фигуры, тем радостнее она улыбалась.

Генке она очень приглянулась. Но хлопать он все равно не стал. Такая уж у него была привычка — смотреть на все с чувством превосходства. Даже если он его и не испытывал.

— Руководители, наверное, здесь хорошие, — сказал довольный Круминь, когда они вышли на вечернюю улицу. — И клуб мне понравился — весь зал стеклом отделан. Никогда такого не видел!

— Стекла у них на заводе завались. Свое...

— Может, твой отец варил? Он ведь стекловаром был?

— Пока врачи не запретили. Жарко там, в цеху...

— А ты откуда знаешь? Был?

— Не... Рассказывали... — равнодушно сказал Генка. И тут он заметил Ерша. Тот

стоял в тени, под деревом, и с явной насмешкой смотрел на него.

— Вот это кстати... — Круминь смотрел в ту же сторону. Но не на Ерша — он ведь его не знал — а на булочную рядом. — У нас на ужин ничего нет. Подожди минутку, я сейчас...

И быстро зашагал к магазину.

— Что не заходишь? — лениво спросил Ерш. — Культура заела?

— Да нет, это только сегодня, — смущенно ответил Генка. — Ремонт у нас дома, целый день работали...

— А этот, — Ерш кивнул в сторону магазина, — долго еще жить будет?

— Теплоход вернется — уедет.

— Слушай, — властно сказал Ерш, — дело одно есть. Приходи завтра вечером. Шарага вся будет. И скажи своему квартиранту, что задержишься на ночь. Придумай что-нибудь. Засек?

Генка кивнул.

— И вот еще... Ножовка хорошая есть?

— Найдется.

— Возьми с собой. Заверни только, чтоб не видели. Пока... — И он неторопливо зашагал в темный переулочек.

— Кто это? — спросил Ян Янович. Он подошел в это время со свертком в руке.

— Знакомый... — ответил Генка.

На следующий вечер Круминь сидел в сарайчике и перебирал двигатель старого мотоцикла. Ярко горела лампочка, кружилась вокруг нее налетевшая мошкара. На верстаке были разложены детали.

К двери подошла соседка, остановилась у входа.

Он не слышал ее шагов — возился с карбюратором, что-то мурлыча себе под нос.

Женщина долго смотрела на его широкую спину, спокойно движущиеся сильные руки. Почувствовав взгляд, Круминь оглянулся.

— Добрый вечер, — обрадованно сказал он и встал. — Извините, я весь в масле...

— Не надоело работать? — спросила Марина. — Так и отпуск пролетит, не заметишь.

— Разве лучше, когда он тянется? — сказал Круминь. Он посмотрел на нее внимательно, заметил новое платье. — А вы нарядная сегодня. Собрались куда?

— За вами... — усмехнулась женщина. — Хотела к себе пригласить, да вот что-то не решаюсь.

— А что, спасибо, с удовольствием, — и добавил добродушно: — Я еще мальчишкой в гости любил ходить. Только редко случалось.

И стал вытирать руки ветошью.

— А Геннадий где? — спросила соседка, взглянув на темные окна дома.

— С приятелями на остров уехал. С почечкой...

— Чего это они надумали? — удивилась соседка. — Комаров там сейчас — тучи...

Стол был под белой скатертью, весь щедро заставлен закусками — покушными и домашнего изготовления.

— Праздник что ли у вас? — растерянно спросил Круминь. Он уже переоделся и только что вошел в комнату.

— Праздник! — с непонятной усмешкой сказала Марина. — Такой праздник — хоть плачь, хоть смейся!

Она быстро прошла на кухню, щелкнула там дверцей холодильника и вернулась с запотевшим графинчиком.

— Садитесь.

Сама налила рюмки, пододвинула одну гостю. Улыбнулась, сказала звонко, вызывающе:

— И не принято вроде — а признаюсь. Три с половиной десяточка мне сегодня грянуло. Вот оно как! И число, кажется, не круглое, а все равно ой как весело! Наготовила гору, — посмотрела на многочисленные блюда, — кормить только некого. Одна на вас надежда. Помните, грозилась, что поесть любите? Выручайте!.. Давайте поухаживаю.

Она взялась за салатницу.

— Это уж скорее мне полагается ухаживать... — смутился Круминь. — Не знал я... И вот — без подарка. Нехорошо.

— Человек хороший рядом — разве не подарок? — с какой-то бесшабашной искренностью сказала женщина. — Наталья в больнице, Катька Шелюгина на курорт укатила, путевка подвернулась. А других подруг душевных у меня нету. На заводе, конечно, с бабами пошумели! Вазу вот подарили... — И она кивнула на стол, где действительно, возвышалась большая ваза.

— Ну что ж... — Гость взялся за рюмку. — Поздравляю вас! Ваше здоровье!

Она потянулась к его рюмке, чокнулись. Выпили.

— А что, родных у вас нет? — спросил гость.

— Здесь — никого... — охотно ответила хозяйка. — Сестра в Астрахани, за капитаном замужем. Воблу каждый год присылает. И тетка жива, старенькая. Только она совсем далеко — в Хабаровске.

— А это кто — племянница? — Круминь смотрел на фотографию маленькой белокурой девчущки, стоявшую на буфете.

— Нет, у знакомой выпросила. У меня таких много — целый альбом. Да все чужие...

И впервые в ее голосе прозвучала плохо скрытая горечь.

Ребята сидели на скамье, посматривали через улицу на небольшой деревянный магазин с вывеской «Культтовары».

— Да там нет ничего... — сказал неуверенно Серый. — Пеналы одни да резинки.

— А ты что — сберкассу хочешь брать? С одним «пером» в кармане? — спокойно сказал Ерш. — Транзисторы есть. Фотоаппараты сегодня были по сто рубликов.

— А что далеко так? — шепотом спросил Жорик. Он заметно волновался. Для него это была увлекательная, хоть и опасная игра. — Около нас такой же, ближе.

— А почему волки никогда около сво-

ей норы скот не режут, знаешь? — ответил вопросом Ерш.

— Не...

— За волчат боятся...— вполголоса объяснил Ерш.— Чтобы логово не разыскали. А потом...— Он показал глазами на улицу.— Здесь на отшибе, шухеру меньше... И смываться хорошо — вон через садик. Это тебе не по улице драпать.

Он замолчал — мимо проходила женщина с детской коляской.

— А что я делать буду? — выждав, когда она прошла, спросил Жорик.

— Вон там, за углом постоишь. Все видеть, все слышать — ясно?

— Ясно...— прошептал Жорик. Да, это было настоящее приключение!

— Фонарь не горит...— впервые подал голос Генка. Ему было немного не по себе — это уже не драка на пляже. В таком деле он никогда не участвовал.

Ерш положил руку на плечо молчаливого Анатолия:

— Это Толик постарался, вчера еще...— Он поднялся.— Пойдем, что тут сидеть. Ра-но...

Ян Янович сидел на старомодном диване с высокой спинкой и круглыми валяками по бокам, смотрел телевизор.

Стол был уже прибран, остатки закусок вынесены на кухню. Хозяйка теперь готовила все к чаю.

— Что это? — спросила она, мельком взглянув на экран.

— О, да это же наша Рига! — оживился Круминь.— Посидите минутку, интересно!

Передавали видовой фильм о Латвии.

— Знаете, как у нас этот памятник прозвали? — засмеялся гость.— Мадам «Коньяк»!.. Видите: три звездочки!

Действительно, символическая бронзовая женская фигура держала в вытянутых руках три звезды.

— Он еще от буржуазии остался, — объяснил Круминь.— А вот здесь меня маль-

чишки один раз побили и деньги отняли... А дома еще отчим за это добавил.

Хозяйка слушала его объяснения, смотрела на экран. Ее оживление почему-то заметно поубавилось. Казалось, она чего-то ждет. Круминь молча смотрел на знакомые места.

Фильм был без текста, играла только музыка.

И тут раздался звонок. Звонили словно по уговору: один длинный, два коротких, четких.

Круминь отглянулся на дверь в прихожую. Но хозяйка не пошевельнулась. Она продолжала смотреть на экран, будто и не слышала.

— Пришел кто-то...— сказал удивленный Круминь.

Вновь прозвучали звонки — один настойчивый, длинный, два коротких. По экрану телевизора пробежала рябь.

И опять Марина не встала с дивана. Только чуть заметно прикусила губу.

— Нет...— сказала она наконец.— Нет там никого.

Больше звонков не было.

Гость молча смотрел на телевизор, хотя глядеть было уже нечего — картина кончилась, на экране мерцала «заставка».

Точно прогоняя навязчивые мысли, хозяйка встала, достала из буфета чашки, сахарницу.

— Как вам, покрепче?

— Средний...

Из открытой форточки донеслись далекие глухие раскаты.

— Дождь никак собирается? — прислушалась Марина.— Палатка хоть у них есть?

Она имела ввиду Генку.

— Наверное...

— А, мальчишки!..— закончила она весело и бесшабашно, как раньше.— В их-то годы ничего не страшно!

Ерш пилил решетку. Он стоял на пустом деревянном ящике: окно было до-

волью высоко. Услышав раскаты грома, на мгновение прервал работу, взглянул на небо. Пробормотал:

— Нешлохо...

— А сигнализации здесь нет? — шепотом спросил снизу Серый.

— На витринах только и на двери. Толька, держи...

И спрыгнув, он передал Анатолию ножовку. Тот забрался на его место, а Ерш быстро обошел магазин и выглянул на улицу.

Прижавшийся к стене Генка был почти незаметен.

— Как там Жорик, не заснул? — тихо спросил он.

Жорик прятался на углу, в тени большого тополя.

Всматривался в ночную улицу. Прислушивался. Было тихо, только чуть слышно доносился издали скрежет ножовки.

Круминь и Марина стояли на крыльце, под навесом. По крыше ровно шумел теплый летний дождь.

— Не далеко, добежите, — сказала соседка. — А то зонтик дам. Хотите?

— Спасибо, не промокну... — глухо отозвался Круминь.

Пауза была долгой, нестерпимо долгой. Они стояли близко друг к другу — только оторвать от косяка руку...

И рука дрогнула. Большая, сильная, она неожиданно легко коснулась ее волос. Потом мягко легла на плечо.

Женщина не шевельнулась. Она смотрела на уличный фонарь, растушеванный сеткой дождя, и глаза ее были темны и неподвижны.

А потом он что-то тихо сказал по-латышски.

— Что? — чуть слышно произнесла она.

— Потом... — сказал Круминь. — Не беспокойтесь, это хорошие слова. Но по-русски я их скажу потом.

Он осторожно снял руку с ее плеча.

— До завтра.

Он не побежал под дождем. Только поднял воротник пиджака и, немного ссутулившись, широким шагом пошел к темневшему соседнему дому.

Большой город спал. И ночной дождь не будил его.

Спали старые, дореволюционной постройки, дома в мало изменившемся центре; пузатые купеческие особнячки в переулках; многоэтажные башни современных микрорайонов; блестяли мокрые крыши троллейбусов, тесно столпившихся в одном из тупиков. Будто стадо слонов на ночевке...

Негромкий свист прозвучал неожиданно.

Серого словно ветром сдуло с ящика — он допиливал как раз очередной железный прут решетки.

Ерш в несколько прыжков выскочил со двора и чуть не столкнулся с Генкой.

— Что там? — прошепел он. Не дожидаясь ответа, выглянул на улицу. И сразу же бросился обратно, к забору, отделявшему двор магазина от садика: из-за угла выезжал патрульный милицейский газик.

...Обрушивая с мокрых кустов каскады брызг, они бегом пересекли сад и, запыхавшись, остановились у выхода.

— Ну! — прошептал Ерш. — Теперь если что — по одному. И в разные стороны.

— Ерш! — спохватился вдруг Серый. Он был здорово напуган. — Я...

— Ну?!

— Я... — От волнения Сергей начал вдруг заикаться: — Н-н-н-ножовку забыл...

— Падла! — Ерш от злости даже замахнулся на него. Но сдержался. Прислушался. — Может, еще не заметят? Вернемся...

Тут со стороны магазина залился милицейский свисток.

Один за другим выскользнули за калитку.

...Серый листок бумаги, шурша, просунулся в дверную щель, кружась опустился на пол прихожей.

Круминь поднял его. Вошел в кухню, посмотрел — это было извещение о ценном письме на его имя.

Взглянул в окно.

По улице уходили Марина и почтальон. Соседка на ходу поправляла свои красивые волосы. Яркая косынка развевалась на ветру.

Когда они скрылись за кустами акаций, Круминь отошел от окна и открыл дверь в комнаты. Заглянул.

Пустые комнаты сверкали свежей краской. Он подумал, потом снял туфли и босиком прошелся по блестящим полам. Потрогал пальцем оконные переплеты: не пачкают ли? Все было в порядке. Можно, пожалуй, вносить мебель.

Довольный, он вернулся на кухню, опять обулся. Забрав ведро из-под краски и кисти, стал осторожно открывать дверь на улицу: она была тоже выкрашена, но еще не просохла.

У порога стоял лейтенант милиции и растерянно смотрел на перепачканную охрой ладонь.

— Извините, не знал... — смущенно сказал он латышу. — Хотел постучать... Испортил вам работу.

— Ничего, подмажу... — ответил Круминь, мельком взглянув на дверь.

Милиционер пошевелил липкими от краски пальцами и полез было в карман за платком.

— Лучше керосином, — посоветовал Круминь. — Пойдемте, плесну.

Он зашагал к сарайчику.

— Ремонтируете, значит... — сказал лейтенант, идя за ним. — Из комбината или частник?

— Частник! — усмехнулся Круминь.

— А хозяйка где? Все болеет?

— Да, пока в больнице.

— А сын ее? Геннадий, кажется?

— На Волге, с приятелями. — Круминь осторожно налил лейтенанту в подставлен-

ную ладонь немного керосину из бутылки. Подождал, пока он отмоем краску, протянул тряпку:

— Чистая...

— Спасибо, — сказал лейтенант. — Значит, на Волге. Жаль.

— Что передать, может?

— Да нет, познакомьтесь просто хотел, — сказал лейтенант и пояснил: — Участковым меня здесь назначили. С сегодняшнего дня.

— А-а... — понимающе протянул Круминь.

— Район для меня новый. Надо начинать с кого-то...

— Конечно, — согласился Круминь. И осторожно поинтересовался: — А что, говорили про него что-нибудь плохое? Про Геннадия?

— Да особых «подвигов» за ним вроде нет. Но у нас он фигурирует... — уклончиво ответил участковый. — Без присмотра. И брат у него не из лучших.

Участковый окинул взглядом мастерскую.

— От отца, наверное, осталось? Прямо, как в цеху. Любитель, видно, был... Полный набор!

Лейтенант собирался уже уходить. Но какая-то неожиданная мысль пришла ему в голову.

Он еще раз, уже внимательнее, оглядел ряды инструментов, развешанных в идеальном порядке. Взгляд задержался на пустом прогале.

— Я, конечно, не специалист... — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. — Но, по-моему, здесь чего-то не хватает.

Круминь несколько недоуменно посмотрел на полки, пожал плечами.

— Хорошей ножовки! А? — спросил участковый. — Разве без нее обойдешься?

— Действительно, нет... — подтвердил удивленный Круминь.

— Ерунда какая-то в голову пришла, — сказал лейтенант. — Так, значит, на Волге... — вернулся он к старой теме. — Что ж,

придется как-нибудь попозже зайти. И не спеша двинулся к выходу. Уже за порогом, опять как бы между прочим, задал еще вопрос:

— А он сегодня ночевал?

— Нет, с почевкой они уехали.

— Ага...— удовлетворенно сказал лейтенант.— Ну, до свиданья. А на двери хоть бумажку повесьте — «Осторожно, окрашено!»

— Придется! — засмеялся Круминь.

Лейтенант ушел.

Круминь вернулся в сарайчик. Задумчиво посмотрел на полки. Выдвинул ящик, поискал там...

Что-то не понравились ему эти невинные вопросы.

— Вкусно!..— Генка с апетитом уплетал приготовленный квартирантом завтрак.— Как это называется?

Круминь назвал по-латышски, потом перевел:

— Крестьянский завтрак.

— А кто вас научил?

— Поживешь с мое один — всему научишься,— сказал латыш.— Было бы из чего готовить.

И он демонстративно поболтал банкой из-под сахара. Она была пустая.

— В магазин что ли сбегать? — предложил Генка. Ему было неловко, что в доме хозяйничает мужчина да еще гость. И Генка захотел чем-нибудь ему помочь. Хоть и не любил заниматься «бабскими» делами.

— Видишь ли... для магазина нужны...— Круминь выразительно пошевелил пальцами, словно пересчитывая деньги.— А они куда-то подевались. С собаками не разыщешь!

Генка помрачнел. Видно, решил, что это намеки на его долг. Пробурчал:

— Я ж отдам... потом.

— Разве в этом дело. Жить нам сейчас надо, а не потом.

— Матери по бюллетепю должны...

— Ну, мужчине так говорить немного стыдно. У нас же вот что есть...— И Круминь положил на стол свои тяжелые руки.— На работу завтра пойдем устраиваться.

— Придется...— скучно сказал паренек.— Только лучше — с понедельника.

— Ага. А в понедельник скажешь: лучше с первого числа. Нет, так не пойдет! Решили завтра — завтра и отправимся.

Его твердый тон не очень понравился Генке.

— Поведете, что ли?

— Почему поведу?.. Не тебе ж меня кормить. На себя для начала заработай! Я тоже пойду устраиваться.

Генка опешил:

— А теплоход? Он же вернется?

— Ушел теплоход,— сказал вдруг Круминь. Посмотрел на часы. Уточнил: — Час назад отчалил...

Генка растерянно смотрел на него.

— Не успел тебе сказать. Я ведь в больнице был, с Натальей Семеновной познакомился. Мы и договорились. Понравилось мне на Волге. И вообще, человек я любопытный. Почему бы не пожить подольше. Ведь верно?

Генка ничего не ответил. Он переваривал новость.

— Ну вот, ты тоже согласен,— спокойно закончил Круминь.— А теперь давай посуду вымой. Я готовил — ты убирай. Разделение труда.

Генка решительно вывалил груды грязных тарелок в раковину. Одна не выдержала такого обращения. Лопнула... Что ж, мыть меньше... Он оглянулся.

Круминь просматривал газету, насвистывая свою любимую песенку.

Генка подобрал осколки, украдкой сунул в мусорное ведро. Затем пустил воду. Струя была слишком сильной — обрызгала ему рубашку. Он недовольно отрихнулся, затем неумело, двумя пальцами, начал тереть тарелку.

— Да, кстати... К тебе заходили,— сказал Ян Янович, перевернув страницу.

— Из ребят кто? — спросил Генка.

— Нет, участковый.

Звякнула вторая тарелка.

— Что ты там развоевался? — спросил Круминь из-за газеты.

Генка промолчал. Но потом все-таки не выдержал:

— Ничего не спрашивал?

— Нет... — безразличным тоном сказал Круминь. — Вот только поинтересовался, почему ножовки нет.

Генка не обернулся. Но и по его спине было видно, как он встревожен. И все-таки нашелся:

— На чердаке, кажется...

Днем Круминь зашел на почту. Протянул в окошко извещение и паспорт.

— Проверьте содержимое по описи, — сказала строгая девушка в окошке.

— Да, конечно. — И распечатал конверт. В конверте была трудовая книжка.

А Генка в это время выкладывал Ершу неприятные свои новости.

Разговор проходил в парке, в маленькой будке около детской карусели. Ерш время от времени устраивался на какую-нибудь «непыльную» работу. Здесь, например, он выключал и включал мотор карусели, проверял билеты.

— Ничего... — выслушав рассказ, хладнокровно сказал Ерш. — Обыкновенная ножовка. Никаких примет. Поди, докажи... Знаешь, что? — Он полез в карман, вытащил десятку. — Купи в магазине другую и повесь. Пусть любятесь хоть всем отделением. И не мочи икру! Не пойман — не вор. Закон номер один!

— Помельче нет? — спросил Генка.

— Настоящий человек, — Ерш подчеркнул слово «настоящий», — помельче с пола не поднимет. Побрезгует!

Он любил пустить пыль в глаза.

Ребятишки сидели на конях и оленях карусели, изо всех сил вцепившись в по-

воду, важные, будто занятые серьезным делом.

Генка долго смотрел на них, а потом сказал:

— Знаешь, я, наверное, на работу пойду.

Ерш внимательно взглянул на него.

— Что, мать запилила? Не хочется, небось...

Генка кивнул.

— Ясное дело. А тебе сейчас только и погулять! Кому охота пупок надирать... — убежденно заявил Ерш. — Это только в газетах пишут, выдумывают: товарищ Сидоров не успел родиться, в мокрых пеленках лежит, а уже мечтает стать комбайнером. Или, там, токарем-пекарем... Трепотня!.. Человеку что хочется? Побольше покемарить. Побольше сюда залить... — Он щелкнул себя по кадыку. — И побольше таких вот...

Кивнул на проходившую мимо девицу в цветастом брючном костюме:

— Видал?! Мой сорт. А вообще — устривайся!.. — И он сплюнул. — Я вот тоже герой труда. Иначе еще выселят!

Ерш остановил карусель и пошел впускать очередную группу ребят.

— А что так быстро?! — недовольно сказал какой-то въедливый старичок, принимая своего плачущего внука: карапузу хотелось покататься еще. — Я на часы смотрел: то три минуты крутите, то еще меньше! Никакого порядка!

— Пятилетку в четыре года выполняю, папаша... — мгновенно отпарировал Ерш. — Может, я тоже передовик?!

— ...Ненавижу таких! — сказал он, вернувшись, Генке. — И шарманка эта осточертела. Второй месяц кручу. А все-таки лучше, чем на заводе...

— Каком заводе? — спросил Генка.

— Да на любом.

— А ты работал?

— Сдурил раз, по молодости лет, — сказал Ерш. — Поучить некому было. Как я вас учу, лопухов!

...Бесконечная тускло поблескивающая лента стекла медленно ползла по рольгангам. Было видно, как стекло пружинит, прогибается под собственной тяжестью.

Черной молнией промелькнул автоматический резчик, оставив на ленте чуть приметный след.

Один из валиков приподнялся. Словно выстрел прогремел в цехе... Толстенное стекло отломилось точно по линейке.

И тут на него опустилась стальная рама с резиновыми присосками. Шипение воздуха — и прилипшее к присоскам стекло осторожно перенеслось на ровный, покрытый мокрой байкой стол конвейера. И вот уже неутомимые станки тяжелыми стальными щетками начали предварительную его шлифовку.

Цех был огромный, и станков работало в нем множество.

— Здорово! — сказал Круминь.

— На новичков действует, — снисходительно ответил провожающий его поммастера. — Только все это ломать в следующем году будем.

— Почему? — удивился латыш. — Завод ведь довольно молодой.

— Я вот тоже довольно молодой, — сказал поммастера, — а переучиваться придется. Устарела уже техника. Будем стекло без шлифовки и полировки, сразу гладким выпускать!

— Как же это?

— Сам еще не совсем понял, — признался помощник мастера. — Но если грубо... Стекло, когда из печи выходит, — оно, как мед, тянется. Его мы и положим на расплавленное олово. Поверхность получит идеальная...

Генка не очень-то слушал пояснения. Он с интересом смотрел, как девушка в брючках деловито поднялась по лесенке на стол конвейера и смело прошлась прямо по стеклу. Лист выдержал.

Несколько работниц с бутылками молока в руках, весело переговариваясь, вышли из соседнего пролета цеха. Генка решил заглянуть туда.

...Первое, что он увидел, — это маленькую радугу, висевшую в воздухе.

Девушка в прозрачной косынке и так-ом же фартуке склонилась над станком.

Генка подошел поближе.

Станок шлифовал края стеклянного круга. Мельчайшая водяная пыль висела над станком — в ней-то и играл луч солнца.

Девушка подняла голову, заправила волосы под косынку. Генка узнал ее. Это была та самая Люся Коновалова, что ганцевала кубинскую румбу на концерте.

Девушка бросила на него равнодушный взгляд. Выключила мотор, вынула готовое стекло. Закрепила новую заготовку.

Резец очертил на стекле идеальную округлость. Люся вынула из кармана фартука алмаз, молниеносно провела несколько точных линий. Постучав легонько по стеклу, отбила наружные куски и, подхватив их, ловко, не глядя, бросила в специальный бункер. Попала в него — осколки со звоном провалились куда-то вниз.

Проделано все это было в считанные секунды и не без шика!

Генка смотрел во все глаза.

Люся опять на него взглянула, на этот раз повнимательнее. Потом насмешливо показала ему кончик языка и вновь склонилась над станком.

Генка подумел немного и решил не обижаться. Он усмехнулся и пошел обратно. У выхода еще раз оглянулся.

Над девушкой снова зажглась радуга.

Главный механик производства Курышев производил впечатление занятого человека. Это впечатление усугублялось еще и тем, что говорил он очень быстро.

— Какой разряд? — спросил он Круминя, роясь в ящиках письменного стола.

— Шестой.

— С ВВС знакомы?

Круминь посмотрел на него с недоумением.

— За шпиона приняли?! — Курышев,

на мгновение подняв глаза, фыркнул: — Не те ВВС! Вертикальная вытяжка стекла — паша система...

— В этом деле я новичок, — откровенно признался Ян Янович.

— Ничего! Специфика, конечно, есть, но с таким разрядом дело схватить можно быстро! Если, конечно, он не липовый, разряд...

— Как — липовый?

— А что, не бывает? Надо человека удержать на месте, вот и повышают ему зарплату, хоть он ее и не заслуживает. У нас тоже такое случается. Не от хорошей жизни — текучесть! Ну, а что касается работы, она здесь не столько тонкая, сколько нелегкая. Машинки у нас довольно горячие!

Курышев встал из-за стола, быстро рассовал по карманам какие-то бумаги и устремился было к выходу.

— Простите... — остановил его Круминь. — У меня к вам просьба.

— Еще не работали, а уже просьба! — то ли в шутку, то ли всерьез бросил главный механик. — Аванс? Тогда не по адресу.

— Нет. Тут к вам паренек заходил. Ученик новый...

— Ну?

— Нельзя ли его за мной закрепить?

— Знакомый?

Круминь утвердительно кивнул: — Присмотреть надо...

— Там решим! — уже на ходу неопределенно сказал Курышев и заспешил по коридору.

Слесари, обливаясь потом, возились у одной из шести машин — меняли отработанные асбестовые валы. Работа была, действительно, горячая. Шахта дышала жаром, хоть стекла в ней сейчас не было: «отсекли» на время ремонта.

Тем не менее некоторые рабочие были в валенках: ноги припекало сквозь подшвы.

Генка подошел, осторожно держа в ру-

ках стеклоблок с водой, который слесари приспособили вместо графина. Прозрачный куб сверкал, как глыба чистого льда.

— Тебя только за смертью посылают! — зло сказал загорелый парень в насквозь пропотевшей майке.

Он первым взял воду, сделал жадный долгий глоток. Но вдруг перестал пить, спросил с отвращением:

— Ты что принес?

— Нет газировки... — попытался оправдаться Генка. — Из водопровода взял.

— А на другой этаж не скумекал заглянуть? — грубо сказал загорелый. Он неожиданно выплеснул воду прямо на стальные плиты пола, протянул пустой сосуд Генке. — Давай! Одна нога здесь, другая там!

Растерявшийся Генка стоял, держа в руках блок.

Кто-то из слесарей насмешливо фыркнул.

Кровь бросилась пареньку в лицо. Он поставил стеклоблок на край тележки с валами. Буркнул:

— Сам сходишь, если хочется!

Теперь растерялся на мгновение загорелый.

— Рога еще не выросли бодаться!.. — наконец нашелся он и угрожающе сжал кулаки. — Что, показательный урок дать?

Круминь вытер руки, спрыгнул со станины на пол. Неторопливо подошел к поссорившимся.

— Моя бабка говорила: «Ругаться — черта тепшить»... Умная женщина была, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Взял стеклянный куб и направился к лифту.

Его проводили молчаливыми взглядами.

— Чего зря на парня напал? — сказал один из слесарей, Митрохин — наверное, самый старший по возрасту в бригаде. — Откуда ж ему в первый день все знать!

Загорелый сплюнул и, не ответив, подошел к окну. По дороге стянул с себя

мокрую майку. Открыл фрамбу, встал на сквозняке, спиной к товарищам.

— Суд у него завтра, вот и срывает-ся...— негромко объяснил вдруг один из молодых рабочих.— Меня тоже утром обругал ни за что.

— Что за суд? Из-за Саньки, что ли? — спросил заинтересованный Митрохин.

— Ага.

— Не выгорит у него это дело,— с сожалением сказал Митрохин.— Детей — их всегда матери отдадут. Разве уж совсем стерва окажется... Понимаешь,— обернулся он к Генке,— Николай с женой недавно разошелся... По сыну заскучал, отсудить хочет.

Генка взглянул на загорелого парня.

Николай по-прежнему стоял ко всем спиной, смотрел в окно.

— А ты тоже кипяток...— сказал вдруг Митрохин.— Тебя ж не он — бригада за водой посылала. А вообще, конечно, безобразия: второй месяц электрики с автоматом чикаются. Самая жара впереди. Надо в цехком сходить, пусть пошевелится.

Готовые листы еще не совсем остывшего витринного стекла неспеша проходили по транспортеру к резчикам.

У стен цеха громоздились заполненные контейнеры с фирменным знаком «Завод технического стекла».

—пустили шестую?— спросил начальник производства. Он совершал обход своего огромного цеха.

— Уже час работает,— ответил главный механик.

— Не боит?

— Пока вроде нет.

— Быстро управились,— похвалил Федоров.

— Бригада хорошая,— сказал довольный Курышев.

— Ну вот,— начальник, видно, исподволь проводил какую-то свою линию,— а говорил — не справляйтесь! Так что давай, выручай стекловаров! Ищи человека.

— Да нет у меня лишних, Евгений Семенович! — спохватился испуганный Курышев.— Двое в отпуске. Сейчас выкрутились, а временами хоть самому гаечный ключ бери! Хорошо, новый один пришел. Я уж обрадовался!

— Да, кстати! — оживился начальник производства.— К тебе ж ученика еще прислали. Толку от него пока никакого! Может, его?

— Нет. Нельзя...— сказал, подумав, Курышев.— Восемнадцати нет.

— Да ведь работа несложная! Сила тоже не нужна.

— Оно все так, но не имеем права — в ночную подростки не работают.

— А ты и не посылай в ночную! Придумай чего-нибудь! Пойми — временно же! А я пока подыщу тебе человека посolidнее. Слово! Сам на угол пойду прохаживать, если из отдела кадров не выколочу!

— Ладно...— со вздохом согласился Курышев.— Только ненадолго.

Про просьбу Крумина дать ему Генку в подсобники, видно, он забыл.

Так Генка стал временно засыпщиком.

— Ничего печка? — спросил его стекловар Спица, грузный бритоголовый старик с седыми усами.— Та, то есть температура,— тысяча пятьсот! Не озябнешь!

Генка смотрел в окно печи через синие очки на расплавленное стекло.

— Я думал, оно там кипит.

Поверхность стеклянного озера была зеркально ровной, спокойной.

— Это только в начале кипит, где горелки,— пояснил Спица.— Там, где расплав идет. Сколько здесь по-твоему стеклышка?

Генка пожал плечами.

— Две тыщи тонн! — с гордостью сказал старик.— Два железнодорожных состава сырья! Чувствуешь? И знаешь, кто эту прорву кормить будет? Ты!

Они обошли светлосерый корпус печи.

Алыми квадратиками светились смотровые отверстия.

— Учи: я не могу потерять даже пол-миллиметра уровня! Сырье надо подавать непрерывно. Иначе — беда! Понял свою задачу?

— Как же за этим уследишь? — несколько встревоженный спросил Генка.

— А дозировщики на что? — успокоил его старик. — Работают точно, автоматика. Твоя забота, чтоб пустыми они не были.

Стекловар вытащил из-за пояса рукавицы.

— Надень, а то руки обожжешь с непривычки!

По горячей стальной лестнице они поднялись этажом выше.

Здесь было прохладнее, пустынно. Стояли наготове у бункеров несколько больших контейнеров. Молоденькая лаборантка в белом халате что-то делала у стола.

— Здравствуй, Катя! — сказал стекловар. — Всегда на страже?

— Заготовительный что-то влажность не выдерживает... — Девушка метнула быстрый взгляд на незнакомого паренька. — Хочу проверить.

— Это правильно, — согласился Спица, — халтурить они начали.

Высыпав на лист бумаги горку серого порошка, девушка быстро разгладила ее, точно разделила на несколько квадратов и из каждого взяла по щепотке в пробирку. Потом плотно закупорила ее и сбегала по лестнице.

Стекловар взял в ладонь оставшийся на столе порошок, растер пальцами:

— Шихта... От нее качество зависит. Вот лаборатория и держит контроль, — пояснил он. Бросил порошок в бункер. — Пойдем, со сменщиком познакомлю. Он тебя поднатаскает...

— А долго мне учиться? — поинтересовался Генка.

— Завтра уже сам любого научишь! — усмехнулся стекловар. — Тут главное — глаз да глаз. За то и платят. А сложности особой нету.

— ...И зарплата на тридцатку больше! — сказал Генка Круминю. — Если слесарить, столько мне лет через пять будут платить, не раньше!

— Лишние деньги, конечно, пригодятся... Особенно сейчас, — заметил Круминь. — Но только это не профессия.

Они стояли в очереди на раздаче, в цеховой столовой.

— Почему? — не понял Генка.

— А потому, что какая-нибудь светлая голова сейчас сидит и думает, как бы этот процесс, то есть засыпку, автоматизировать. И придумает, будь уверен! Тогда куда пойдешь? Нет, профессия должна быть настоящая.

Они получили по тарелке супа и по аппетитному на вид куску жареной рыбы.

— А вилка не положено? — спросил латыш.

В ящичке для приборов лежала лишь груда мятых алюминиевых ложек.

— Может, тебе еще крахмальные салфетки и оркестр впридачу?! — насмешливо спросил стоявший рядом чернявый парень. — Привыкай, дядя!

— Привыкать стоит к хорошему... — ответил Круминь и пошел к свободному столику.

Женщина в накинутом на плечи плаще, хотя на улице было душно и сухо, прошла мимо кустов акации к Генкиному дому, поднялась на крыльцо. Попробовала открыть дверь. Убедившись, что заперто, нагнулась, пошарила под ковриком.

Ключ был на своем обычном месте.

Женщина отперла замок, вошла в дом. И хоть она была здесь хозяйкой, остановилась на пороге удивленная.

В комнате было прибрано, даже уютно. Сверкали еще не успевшей потускнеть краской хорошо вымытые полы.

Она сняла пыльные туфли, отыскала домашние. Прошла к кровати сына. Отгнула одеяло... Простыни, видно, сменили недавно.

С некоторой подозрительностью заглянула она в соседнюю маленькую комнату.

У стены стоял небольшой чемодан. На столе — коробка спичек, сигареты и какая-то книжка на незнакомом языке.

В прихожей вдруг хлопнула дверь. Женщина, вздрогнув, положила книгу на место.

— Наташка! Выписали?!

В дверях стояла Марина с кипой белья в руках.

— Сбежала! — смущенно призналась Наталья.

— Да ты что? — испугалась соседка.

— Видишь, больничный халат под плащом! У нянечки выпросила. И туфли ее. Баба бабу всегда поймст. У нее тоже сын, хозяйство...

— А врачи хватятся?

— Не заметят. Я ж всего-то на полчасика... Подумают — в саду гуляю. Надоела мне палата до смерти, — призналась она.

— Соседки неудачные?

— Нет, женщины у нас хорошие, душевные. Одна, Нюра, помнишь, пышная такая, у окна лежит, — так у нее сердце совсем никуда, хуже моего, а, представляешь, двух мужиков схоронила, третий раз замужем!

— Ладно тебе про чужих мужей, ты лучше про здоровье свое скажи!

— Починили немного... Недельки через две, может, и выпишут, — сказала Наталья и тут же спросила о главном: — А где ж Гена, не знаешь?

— Собрание у них. А я вот... — Марина положила белье на стул. — В субботу стирку большую затеяла, ну и заодно...

Наталья открыла шкаф и стала складывать туда белье.

— А это разве Генкина? — спросила вдруг она, наткнувшись на незнакомую рубашку.

Марина немного смутилась.

— Нет, это Яна, — она кивнула в сторону комнаты жильца.

Наталья внимательно посмотрела на нее.

Но к Марине уже вернулась ее обычная смелость. Она взглянула прямо в глаза подруге и вдруг усмехнулась:

— Хороший у тебя квартирант!

Женщины помолчали немного, не зная, стоит ли продолжать разговор на эту тему.

— А как Гена с ним? — спросила наконец Наталья.

— А знаешь, ничего, вроде не цапаются! Характер у него золото. Спокойный... Может, они все такие мужики, там в Латвии? Не то что... — она не договорила, потемнела лицом.

Наталья догадалась, видно, о чем она подумала. Осторожно спросила:

— Не показывался?

— Заявился раз, — с недоброй усмешкой произнесла Марина.

— Ну? — Наталья была очень заинтересована.

— Не впустила, вот и все! — решительно сказала Марина. — Хватит. Намучилась...

В красном уголке цеха ВВС шло собрание.

— Ну, какие еще будут предложения? — спросил председательствовавший главный механик Курышев.

— Есть предложение: закрутиться побыстрее, — выкрикнул кто-то. — Хоккей в восемь!

В зале засмеялись.

— Посерьезнее, товарищи! — укоризненно сказал Курышев. — Разговор важный, шуточки тут неуместны. Так кто следующий?

Желающих выступить не было. Кто-то в последнем ряду тихонько развернул за спиной товарища «Советский спорт».

Генка искоса поглядывал в угол, где сидела с подругами Люся Коновалова; девчата шептались, пересмеивались.

— Можно мне? — спросил вдруг Круминь.

— Пожалуйста... — с облегчением сказал председатель.

Круминь вышел на трибуну. Постоял на ней несколько секунд, потом вдруг сошел, встал рядом.

— Здесь легче! — улыбнулся он смущенно и начал как-то непонятно.

— Когда я в первый раз пришел в нашу столовую, мне там очень понравилось. И рыба, которую мне дали, была на вид очень вкусной...

Генка удивленно смотрел на латыша: о чем это он? Вон кое-кто улыбается уже насмешливо.

— Но знаете, в столовой не оказалось ножей и вилок, — продолжал Круминь. — Все ели, как детишки в яслях, — ложками...

— Извините, по-моему, это не на тему... — поморщился Курышев.

— Очень даже на тему, — не смутился Круминь. — Так вот, съел я ложкой рыбу, и показалась она мне не такой уж вкусной. Пустяки — они всегда влияют на главное. Да и такие ли уж это пустяки? В горячем цехе плохо с вентиляцией... Никак не починят сатураторы! А фонтан? Для чего он в цехе? Наверное, для красоты. Для хорошего рабочего настроения... Но воды в нем уже несколько лет никто не видел. Там окурков чуть ли не до краев! Посмотришь на эту облупленную эстетику, и, если оно у тебя и есть, хорошее настроение, то сразу исчезнет...

— Это точно! — сказал с места Митрохин.

Начальник производства о чем-то шептался с Курышевым. Наверное, интересовался фамилией выступавшего.

— Позвольте мне справку с места! — сказал он громко. — Это для тех, кто еще не знает, кто новенький в нашем цеху. — Его голос стал значительным. — На заводе будет проводиться серьезная реконструкция. Вот тогда и приведем все в порядок!

— Хорошая хозяйка не перестанет зимой мыть полы, даже если она и собираются их летом покрасить! — ни на мгновение не задумавшись, отпарировал Круминь.

Генка оглянулся на соседей. Все слу-

шали с интересом, даже девочки перестали шептаться.

— В Латвии говорят: «Большого поросенка узнаешь по маленькому хвостику»... Это я начал с хвостика! А теперь попробую о главном...

И он потянулся к графину с водой.

— А у тебя, смотрю, язык хорошо привязан, — сказал одобрительно старый стекловар Спица. — Не жевал жвачку. О деле!

Круминь, Спица, Митрохин и Генка с собрания вышли вместе.

— Только Федорову, кажись, не очень понравилось, — заметил слесарь Митрохин. — Особенно, когда ты о нарушении техники безопасности начал... И о том, что его, — он кивнул на шедшего рядом Генку, — не туда, куда нужно, направили...

— Да, это и я заметил. Улыбается, а все равно видно — недоволен, — согласился стекловар.

У проходной завода стояла статуя Ломоносова. На цоколе цитата из стихотворения «О пользе стекла».

Здесь они стали прощаться.

— Что в выходной делаешь? Не рыбак? — задержавшись на минуту, спросил Круминя Митрохин. — Может, со мной на остров? Такие места знаю!

— Спасибо, — отказался Круминь. — Но мне с мотоциклом надо еще повозиться.

— Охота время тратить! — скривился Генка. — И так уж вылизали! Как новый!

— ...Валера, знаете, белобрысый, у него тоже «Ява», я и Герка, у него «Паннония»... Так вот, рвем по Некрасовской... И тут из подъезда, знаете, где аптека, два каштана, овчары ка-а-к выскочат! А мы сто держим, может, больше... Я и Валерка проскочили, а Гера вильнул — и через посадки... Смеху!.. Старухи цветы там понасажали... Пропахал юзом! И ничего, выровнял! Догнал нас у рынка, джинсы

только об куст подрал. Бабки там, наверное, и сейчас еще в обмороке валяются!

Ребята слушали Серого, в глазах было восхищение и плохо скрытая зависть. Все они мечтали о «Яве».

Разговор проходил во дворе Генкиного дома. Собралась вся «шара», только Ерша не было видно: он к ребятам не ходил, они ходили к нему.

Круминь выкатил из сарайчика отремонтированный мотоцикл и услышал конец истории.

— Дурак, видно, большой, этот ваш Гера...— сказал он спокойно.— Да еще к тому же опасный дурак!

В глазах Серого вспыхнула злость.

— Есть настоящие парни, а есть тряпье!— еле сдерживая себя, сказал он.— Добренькие слюнтяйчики. Потому и добренькие, что тряпье, хоть, может, и весу в них центнер!..

Круминь сжал рукоятку газа так, что побелели пальцы.

Он заметил, что сидевший на крыльце Генка не хочет смотреть в его сторону... Ковыряет прутом в земле... Нейтралитет соблюдает! Но, конечно, слушает...

...Мотор взревел неожиданно.

Старая, но мощная, до последнего винтика проверенная машина с места рванулась вперед.

Генка поднял голову.

То, что произошло дальше, заняло вряд ли больше сорока секунд...

Двор дома одной сторовой выходил к знаменитому оврагу. Небольшой пустырь у его края, поросший сорной травой, холмистый и весь изрезанный многочисленными тропинками, представлял собой неплохую импровизированную трассу...

Мотоцикл прошел несколько поворотов, потом, лишь слегка притормозив, вдруг ринулся в один из овражков, впадающих в главный овраг...

Что делал гонщик внизу, не было видно; только глухо, словно под землей, несколько раз взвыл двигатель.

Но вот мотоцикл выскочил наверх.

Подброшенный естественным трамплином, он секунду висел в воздухе, затем приземлился, резко развернулся и с ревом ринулся обратно к дому.

Серый, побледнев, смотрел, как черный мотоцикл несется прямо на него... Он еле сдержался, чтобы не отшатнуться...

В метре от него Круминь резко затормозил, и мотоцикл остановился как вкопанный. Тормоза держали хорошо.

Мотор умолк, и стало вдруг очень тихо.

Ребята сидели, не шевелясь.

— А говорил — продать...— сказал Круминь Генке.— Старая лошадка еще побеждает.

— Вы что, мастер спорта?— спросил Круминя Жорик. Он смотрел на него во все глаза. Ребята собрались в сарайчике у мотоцикла. Не было только Серого.

— Не дотянул немного,— с сожалением вздохнул Круминь.— Я механиком был в одной команде. Но один раз и сам третье место взял.

— На всесоюзных?!— подал голос молчун Анатолий.

— Ну что ты!.. Там такие артисты! Нет, в Риге. У нас в Латвии любят кроссы. Староват только стал для этого дела, и машина, конечно, не та...— он похлопал мотоцикл по фаре.— Здесь специальные нужны. Вот хочу завкому предложить — команду собрать, подготовить. Могу для начала потренировать. Хочешь попробовать?— спросил он Генку.

— А то!..— выдохнул тот.

— Только сначала за теорию сядем, двигатель изучишь...— сказал Круминь.— Права надо получить.

— А можно и мне?— спросил Анатолий.

— А что ж не попробовать...

В троллейбусе было битком. Народ спешил на смену.

— Как работа, справляешься?— спросила Генку Марина.

— А что тут не справиться? — пренебрежительно сказал паренек. — Обезьяна — и та сумеет! Поучить только немного. И мешок бананов вместо зарплаты!

Круминю явно не понравилось это сравнение, хоть он и промолчал. Генка почувствовал это.

На остановке в троллейбус с шумом и прибаутками втиснулась новая кучка пассажиров.

Круминя и Марину прижали в углу друг к другу — не пошевелиться. Они и не пытались.

— Задняя площадка! — мрачно сказал по радио водитель. — Билеты взяли?

— Руку в карман не засунешь! — засмеялся громко кто-то.

Посыпались шуточки.

А Генка, удивленный, смотрел на Яна Яновича. Тот, не замечая взгляда, глядел на Марину.

Генка никогда не видел у него таких глаз.

— Ты куда это? — недоуменно спросил Круминь.

— Да нужно тут... — уклончиво бросил Генка и, избегая дальнейших расспросов, круто свернул к лестнице на другой этаж.

Он быстро сбегал вниз, прошел в отделение шлифовки. Здесь было еще тихо и пусто — шел пересменок.

Генка подошел к станку Люси Коновой. Огляделся.

Аккуратная стопка стеклянных листов-заготовок попала ему на глаза.

Он подумал секунду. Потом вытащил из кармана фламастер и написал на верхнем стекле крупно:

ПОЙДЕМ СЕГОДНЯ В КИНО?

В цеху стали по одной появляться девчата.

Он отошел в сторонку, встал у окна.

Люся подошла к станку, на ходу завязывая на спине прозрачный фартук.

Его не заметила. Привычным движением взяла подготовленное заранее стекло,

положила на круг станка, машинально включила вакуум. И тут наконец увидела надпись.

Прочла. Подняла глаза. Сейчас увидит...

Что такое?! По цеху шел какой-то долговязый в синем халате. Шел прямо к ней. И еще улыбался, пижон несчастный!

О чем это они?!

Засмеялась, спросила что-то. А он, кажется, удивился. Озираться начали...

Генка, готовый провалиться на месте, нырнул за контейнер. Стоял злой, ждал.

Как же отсюда выбраться? Долго они там выламываться будут? И смена уже началась!..

Загудел станок.

Он выглянул из-за контейнера. Парня, слава богу, уже не было. Генка сторопкой быстро зашагал к выходу. На повороте не сдержался, украдкой взглянул...

...Люся смотрела прямо на него. Улыбалась.

Насупившись, Генка пошел еще быстрее. Мотор вдруг замолк.

— Эй!.. — громко позвала она.

Не надо оглядываться.

— Эй!.. — голос звучал чуть обиженно, но вроде бы не насмешливо.

Он все же оглянулся, готовый сразу же скрыться в дверях.

— Какой сеанс? — спросила она.

В превосходном настроении, насвистывая, Генка почти бегом обогнул печь. Ему опять повезло: Спица сидел в операторной, что-то записывал в журнал. Не заметил! Шагая через ступеньку, Генка взлетел к себе наверх.

У бункера стоял только один контейнер с пихтой... Нет, вон еще, в сторонке. Маловато!.. Что ж это сменщик не позаботился?!

Генка бегом заскочил в раздевалку, скинул чистую рубашку, сунул в свой шкафчик... И тут только заметил: на полу у шкафа сменщика стояла пустая четвертинка.

Да он что, сдурел? Вот вой поднимут, если заметят!..

Генка сунул бутылку за шкафчик и побежал к бункерам.

Они были уже почти пустые.

Ловко орудуя крап-балкой, Генка засыпал один. Потом подскочил к колодцу, откуда подавали снизу шихту. Машина с контейнерами уже стояла внизу, но шофера что-то не было видно. Наверное, окликнул Генку, подождал и ушел куда-то на минутку.

Хорошо, второй контейнер есть! Он подвел его к бункеру, нажал рычаг.

Что это? Вместо негромкого обычного шелеста ссыпающейся шихты в бункере что-то загремело.

Встревоженный, Генка отвел в сторону контейнер, заглянул в жерло бункера.

На оградительной решетке лежали несколько кирпичей, куски известки, какие-то изогнутые ржавые железные трубы... Остальное уже провалилось вниз.

Насмерть перепуганный Генка забежал за контейнер, посмотрел.

На железной стенке мелом было написано: «МУСОР!!!»

Как же он не заметил! Вон и носилки с раствором у стены. Видно, ремонтники делали что-то ночью...

— ...Он что, очумел?! — бушевал начальник производства Федоров. — Да за это!..

Зазвонил телефон. Федоров поднял трубку и тут же шмякнул на место. Было не до разговоров. ЧП!

— Что уже сделали? — спросил он у Курышева и технолога, стоявших у стола.

— Кое-что выловили, — сказал расстроенный Курышев.

Опять затрезвонил телефон. Федоров хотел вновь положить трубку, но в дверь заглянула встревоженная секретарша.

— Это директор!.. — сказала она почем-то шепотом. — Ругается!

— Знает уже! — вздохнул Федоров и, скривившись, поднес трубку к уху.

...Круминь, мокрый, чумазый, пытался выудить из бункера то, что еще было можно. Ему помогал Николай.

— Что ж теперь будет?

— А ничего особого! — буркнул Николай. — Вот только зарплата будет — шип и два нуля... У всего цеха...

— А если выпустить стекло из печи? — предложил Круминь.

— Это две тыщи-то тонн?! — хмыкнул Николай. — Видел я раз, как это делают! Во время капитального. Оцепление, пожарные машины! А главное, потом печь две недели только разогревать нужно...

Стекловар Спица, тяжело дыша, заглядывал в печь. Жар обжигал лицо.

— Вон еще!.. — охрипшим голосом сказал он помощнику.

Тот смахнул рукавицей пот со лба и, схватив еще не остывший металлический гребок на длинной рукоятке, стал захватывать его в отверстие. Спица начал ему помогать.

Генка хотел было взяться тоже за стержень, но помощник локтем отпихнул его.

— Да катись ты!..

Губы паренька дрогнули. Он побрел в сторону...

Через специальные отсеки — «карманы» — рабочие при помощи гребков вытаскивали наиболее крупные обломки... Под пышущими жаром отверстиями накапливались все новые остывающие зеленоватые глыбы стекла. От раскаленных гребков тянулись гибкие прозрачные нити...

— ...И говорить на эту тему не буду!

Начальник производства Федоров имел, видно, неприятный разговор с директором и поэтому вымещал свое скверное настроение на каждом, кто попадался под руку. А Круминь ему еще на собрании не понравился.

— Под суд обоих!.. И пьянчугу, и сопляка!

— Надо же разобраться... — попробовал возразить латыш.

— Суд и разберется! — Федоров со злостью записнул сломанный карандаш в карман. — И нечего мне давать советы! Слесарь — и занимайтесь своим делом!

— Я еще и коммунист... — негромко сказал Круминь и вышел из кабинета.

Не зная, куда себя деть, Генка забрел на верхний этаж.

Казалось, здесь все было спокойно. По-прежнему работали автоматы-стеклоотломники. Резчики ловко и быстро кроили будущие витрины... Контролеры ОТК наклеивали розовые бумажные листочки на готовую продукцию: «I сорт»... «I сорт»...

Но вот раздался звон... Какой-то парень бросился к одному из автоматов.

Широченное стеклянное полотно, постепенно выползающее из шахты, пересекла извилистая трещина.

— Началось... — сказал один из резчиков.

Парень ударил ломиком по стеклу. Затем при помощи двух кусков резины подхватил тяжелый горячий обломок стекла, швырнул в железный ящик.

По цеху прокатился прохот.

— Эй, Санька! — крикнул кто-то... — Помоги на пятой! Тожел!.. Лом идет!..

— Зашьемся теперь!.. — проворчал парень, сидевший у пульта, и нехотя поднялся с места.

— А чего это? — спросил Генка. Его тут никто не знал.

— Сор... Камушек в печь — вот и трещина!.. — зло объяснил парень. — Это еще цветочки! Сюда бы того, кто эту кашу заварил!..

Обитая черным дерматином директорская дверь бесшумно открылась. Вышли двое с папками.

— Ладно, пройдите... — взглянула на Круминя секретарша. — Только предупреждаю — настроение у него... — И покачала головой.

...Директор стоял у тумбочки с графином, пил воду. Услышав шаги, недовольно обернулся.

Это был тот самый Григорий Семенович, с которым Круминь делил каюту на «Доваторе».

Несколько секунд директор молча смотрел на вошедшего, стараясь, видно, припомнить, где и когда он видел этого человека.

— А... Турист... — сказал он наконец без улыбки. Протянул руку. — Как здесь очутился?

— Работаю тут, у вас...

— Шутить... — не поверил Григорий Семенович. — А как же курорт? Да ты садись, садись...

Сел и сам, постучал по столу пальцами. Говорил, а думал о чем-то своем, неприятном...

— Извини, запарка тут у меня...

— И я, наверное, по этому делу, — сказал Круминь. — Знаю я этого паренька. Про пьянчужку, его смешника, ничего не скажу, а паренька хорошо знаю!

Директор нахмурился, но ничего не ответил.

— Его отец на этом заводе с самого начала работал. Пока не заболел... Хороший человек очень был... — сказал латыш. — Но не только в этом дело. Жизнь этого парня поломать легко можно. Навсегда... А она ведь началась только.

Генка сидел один в пустой раздевалке.

Даже сюда доносился грохот и звон бьющегося стекла. Круминь вошел, увидел паренька. Сел на скамью. Молча чиркнул спичкой, закурил. Они долго сидели друг против друга, молчали. Тот не поднял глаз.

— Ошибку может сделать каждый, — сказал тихо Круминь. — А вот вести себя после этого как мужчина — не всякий.

Он поднялся, добавил решительно:

— Пойдем.

Генка не пошевелился.

— Пойдем! — настойчиво повторил Яв Янович. — Людям трудно...

...Верхний этаж напоминал немного сумасшедший дом. Рабочие цеха и присланные им на помощь люди из других отделений крошили бракованные листы толстого стекла, швыряли обломки в железные коробки. Единственный автокар не успевал отвозить их.

Груды сверкающих обломков росли у подающих стекло автоматов, обломки извлекали из-под рольгангов, выметали метлами, подхватывали лопатами.

Генка работал с остервенением, стиснув зубы.

У соседнего автомата бросал стекло Круминь.

Прошел мимо озабоченный Федоров. Заметил Генку, остановил на нем хмурый взгляд. И, ничего не сказав, зашагал по хрустящим осколкам дальше.

В пересменок уставшие рабочие собрались в раздевалке.

Из душевой вышел, вытирая полотенцем бритую голову, Спица.

— Как, Михалыч, надолго это? — спросил его слесарь Митрохин.

— А кто ж его знает? У меня такого еще не случилось... — ответил стекловар. Подумав, добавил с надеждой в голосе: — Может, к утру и наладится?

— А может, и на неделю... — сказал хмурый Николай, вынимая из сумки сверток с бутербродами, пару бутылок фруктовой воды.

В раздевалку вошли Круминь с Генкой.

Разговор оборвался.

Круминь стянул с себя перепачканную куртку, повесил в шкаф. По его замедленным движениям было видно, как он устал.

Измученный Генка сел на скамью, боясь встретиться с чьим-нибудь взглядом.

Паузу нарушил резкий звук. Николай ударом о край стола сорвал с горлышка пробку. Одним духом опорожнил бутылку. Сразу же потянулся за второй, сбил пробку с нее. Искося взглянул на понурого па-

ренька. И вдруг, не говоря ни слова, поставил бутылку перед Круминем и Генкой.

Хлестали сверху прохладные упругие струи. Генка долго стоял под душем. Наконец завернул вентиль.

Круминь уже растерся полотенцем, одевался.

И тут Генка впервые увидел шрам... Глубокий, страшный, он прорезал все плечо латыша.

Круминь заметил этот взгляд паренька, но ничего не сказал, надел рубашку.

Домой в этот вечер они шли молча.

Осень...

В парке среди деревьев бродили малыши из детского садика, собирали букеты из желтых кленовых листьев.

Мчался по улице старый черный мотоцикл. Девушка сидела на заднем сиденье, крепко обхватив водителя. Ее волосы развевались на ветру.

Раздался милицейский свисток.

— Права, пожалуйста... — сухо потребовал орудовец.

Генка вздохнул, полез в карман.

— Сегодня получили? — спросил лейтенант, посмотрев новенькую книжечку.

— Только что, — ответил Генка.

— Что-нибудь не так? — спросила Люся.

Орудовец взглянул на ее встревоженное лицо, слегка усмехнулся и протянул книжку обратно.

— Простим для первого дня, — сказал он. — А замечание такое: шлема на вас не вижу, девушка.

— Куплю... — улыбнулся виновато Генка. — Не успел просто. Сейчас поедем и купим.

Наталья, стоя на стремянке, снимала с дерева яблоки, подавала Марине. Та бережно укладывала их в корзину.

— Опять от сестры? — крикнула соседка Круминю, который вошел во двор с фанерным ящичком под мышкой.

— Вторая за месяц! — ответил Круминь. — Наверное, опять свое печенье при-слала.

— Сестра все-таки! — одобрительно сказала Наталья. — Как же ей не заботиться. А вы бы ей наших яблочек отпра-вили...

Круминь вошел в дом. У окна сидел какой-то незнакомый парень, рассматри-вал «катушку». На голове у него была по-чему-то зимняя меховая кепка, натянутая до самых ушей.

— Здравствуйте, — сказал несколько удивленный Ян Янович.

— Привет... — парень поставил гильзу на подоконник. — Генка там не появился?

— Должен скоро быть, — Круминь на-чал распаковывать посылку.

Вошли женщины с корзиной.

— Ты чего же, и спишь в ней? — Ма-рина не привыкла в таких случаях ди-пломатничать. — Все-таки в гостях.

Немного помешкав, парень нехотя стя-нул кепку. Голова у него была наголо острижена, волосы еще не успели выра-сти. Женщины обменялись молчаливыми взглядами. Круминь, словно ничего не за-мечая, продолжал возиться с посылкой.

Пауза затянулась. Парень посидел, по-сидел, потом вдруг снова решительно на-хлобучил кепку на голову, поднялся.

— Я на улице подожду... — и пошел из комнаты.

— Глаза у него какие-то... — сказала Наталья. — Нехорошие глаза.

В посылке был свитер ручной вязки.

— Ведь это она, оказывается, Гене связала, — сказал Круминь, просматривая записку, лежавшую на дне ящичка.

— А я все по магазинам бегаю, при-сматриваю! — сказала довольная На-талья. — Холода скоро. Вот спасибо, уга-дала!

Развернула свитер, пощупала шерсть. Протянула Марине.

— Неужто сама? — спросила та.

Круминь кивнул. Он перечитывал записку.

— Зовет, наверное? — поинтересова-лась Наталья.

— Это уж как положено.

— Тянет домой-то?

Круминь молча улыбнулся в ответ.

— Конечно, тянет... — вздохнула На-талья. — Поедете?

Марина замерла, прислушиваясь.

— Это все никуда не уйдет, — сказал Круминь. — А вот путешествие надо бы закончить. Два выходных... Обернемся?

У ворот Генка разговаривал с парнем в меховой кепке.

— Как там?

— Лучше не бывает. Кормят — во! — парень провел ребром ладони по горлу. — Гражданин начальник ну прямо отец род-ной. Кино два раза в неделю. Танцев только нету.

Было непонятно, шутит он или гово-рит всерьез.

— А Борька? Скоро придет?

— Братик-то? Через год цветы го-товь... — парень прищурился. — Он про Женьку спрашивал. Не спуталась с кем?

— Да она же учится, в кулинарном.

— А этим делом и после уроков мож-но заниматься.

Генка встал со скамейки. Парень по-смотрел ему в лицо и, что-то поняв, тоже поднялся.

— Ладно. Мне еще к Серому загля-нуть.

— В больнице Серый, — сказал Ген-ка. — Порезали его. По пьянке.

Парень тихо присвистнул. Подумал, по-том спросил негромко:

— А Ерш как?

— Не знаю.

— Не ходишь что ли?

Генка отрицательно покачал головой.

— Кончилась, значит, компания?

— Почему? Толик заходит. Он матро-сом сейчас... Права мы с ним вместе по-лучили... — Генка кивнул на мотоцикл.

— Ну умницы... Ну молодцы! — и опять было непонятно — всерьез это или в шутку. Протянул руку: — Бывай. В воскресенье на пляже?

— Уезжаю я на выходные...

«Метеор», разворачиваясь на плесе, подходил к причалу.

Медленно приближался параплет набережной, надвигались громады зданий. И сверкала на одном из них в лучах солнца большая золотая звезда. Город-герой стоял грудью к Волге.

Генка и Круминь сошли по трапу на берег. Постояли немного в людской толчее, не зная, куда идти.

— Может, сразу на Мамаев курган? — спросил паренек.

— Это потом... Хочется мне сначала на одно место взглянуть.

...Генка стоял у проходной завода, ждал.

Мимо бесконечным потоком шли на смену рабочие.

— Не подвел парторг, запомнил мое письмо, — сказал Круминь, выходя из бюро пропусков. — Пойдем.

Огромные краны с грохотом грузили металлолом в черные прокаленные мурды. В закопченных окнах мерцало зарево мартенов.

— Заблудился я, кажется, — смущенно сказал Круминь.

Он о чем-то спросил проходившую мимо девушку. Та стала объяснять, показывая рукой на один из цехов.

Они обошли этот цех. И тут Круминь, кажется, начал кое-что узнавать. Он огляделся повнимательнее. Затем уверенно направился мимо платформы с дымящимися изложницами к какому-то небольшому кирпичному зданию.

— Здесь... — произнес он словно про себя, пристально глядя на старую заводскую трубу.

Труба была в каких-то странных выбоинах. Были заметны заплатки из кирпича белого цвета. Местами ее стягивали железные обручи. Но она еще служила.

Положив на нее ладонь, Круминь сказал:

— Тянет старушка... Теплая.

— Что это она такая?

— Не догадываешься? — спросил Круминь. Он потрогал пальцами круглые вмятины на кладке. — Вот это — пулемет... А там, повыше, — снаряд ударил...

Он сделал несколько шагов в сторону.

— А вот тут мы с Петром лежали, когда меня зацепило. Осколком, — помолчал, потом добавил скупое: — Отец твой и перевязал. Медсестру нашу, Катю, в этот день убил. Вон там, у стены закопали. Вернее, кирпичом битым засыпали. Тут головы было не поднять.

Больше он ничего не сказал.

Но какое у него было лицо...

...Еще в школе Генка прочел пару книжек «про войну». И в учебнике истории про нее было несколько страниц.

Но почему-то только сейчас почувствовал он живое дыхание тех далеких лет. Почувствовал впервые, хоть было здесь тихо и мирно. И не было ни памятника до неба, ни вздыбленного танка на пьедестале, ни мраморной доски с надписью. Только израненная труба...

Неподалеку, в металлической беседке, сидели молодые рабочие в фартуках, наверное, свободные после смены разлива. Игнали в домино, азартно ударяя костяшками по железному столу.

На Генку и Круминя они не обратили никакого внимания.

...Чумазый паровозик, шипя, сдвинул с места состав с изложницами, потащил куда-то в сторону.

И тогда открылся крутой волжский берег. Сверкнула гладь реки.

И медленно проплыл по ней вдали, расплываясь в горячем мареве, большой белый теплоход.

*А. Михалков-
Кончаловский*

**ВОРОТА
ТАМЕРЛАНА**

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ МИХАЛКОВ-КОНЧАЛОВСКИЙ (родился в 1937 году) закончил режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. Дипломной работой молодого режиссера (1967 год) был полнометражный художественный фильм «Первый учитель», поставленный на киностудии «Киргизфильм» по сценарию Ч. Айтматова.

А. Михалков-Кончаловский затем поставил на «Мосфильме» художественные фильмы «Дворянское гнездо» и «Дядя Ваня». Как киносценарист А. Михалков-Кончаловский дебютировал в фильме «Андрей Рублев» (сценарий написан совместно с А. Тарковским). В дальнейшем им и при его участии написаны литературные сценарии фильмов: «Ташкент — город хлебный» («Узбекфильм», режиссер Ш. Аббасов); «Песнь о Маншук» (режиссер М. Бегалин) и «Конец атамана» (режиссер Ш. Айманов), поставленные на киностудии «Казакфильм»; «Ждем тебя, парень» (режиссер Р. Батыров) и «Седьмая пуля» (режиссер А. Хамраев), поставленные на киностудии «Узбекфильм». Фильм по киносценарию «Ворота Тамерлана» ставит на киностудии «Таджикфильм» режиссер Б. Кимьягаров.

В этот ясный апрельский день на Выставке достижений народного хозяйства в Москве было празднично и многолюдно. Воробьи прыгали по лужам. И люди, обрадовавшись солнцу, запрятали теплые шубы, сменив их на веселую весеннюю одежду.

Из павильона «Электроника» вышел сухопарый черповолосый мужчина. Лавируя в толпе, он сначала шел быстрым шагом, потом побежал через площадь.

У павильона «Технические культуры» было не так многолюдно. Внутри, по пустынному залу, бродила немногочисленная экскурсия школьников. У входа в конференц-зал был вывешен плакат: «Всеобщая конференция хлопководов». Под плакатом в кресле курил молодой, сильно лысеющий блондин со скептическим выражением лица.

— Что, опоздал? — спросил Тимур, подбегая.

— Смотри куда, — блондин иронически усмехнулся. — Если ты хотел посмотреть на торжество своего друга — опоздал. Если ждешь банкета — посиди со мной.

— А как там? — спросил Тимур, кивая в сторону зала.

— Чествуют. — Блондин стряхнул пепел с сигареты. — Еще бы — сын Сафарова. Медаль академии. Ямщиков сказал, что Мурад — его лучший ученик.

— А разве не так?

— К сожалению, он вывел действительно отличный сорт...

— Ты сожалеешь?

Блондин потрогал бледными пальцами

тщательно уложенные на затылке остатки волос и объяснил:

— Видишь ли, если бы я знал, что сорт — так себе, что только благодаря своему отцу и Ямщикову Мурад принимает там поздравления, я бы тоже сидел в зале и хлопал со всеми. Была бы какая-то справедливость в том, что он не талантлив. А сорт — прекрасный!

— Бедняга, тяжело тебе живется, — покачал головой Тимур.

Блондин помолчал, обвел взглядом висевшие повсюду диаграммы, стенды с образцами хлопчатника и вдруг простонал:

— Хлопок, хлопок, хлопок! А если вдуматься, в сущности — вата на палочке... И люди на это жизнь кладут!

— Завидуешь?

— Да, завидую! Но как миленький, пойду на банкет, чокаться со всеми буду — «За ваш успех, за вашу удачу!» Эх, у вас, математиков, все проще...

Тимур только усмехнулся в ответ.

Машина неслась в стремительном потоке по Садовому кольцу. Тимур сидел рядом с шофером. Сзади жмурился от солнца профессор Ямщиков — седые усы делали его похожим на кота — и его ученик Мурад Сафаров.

— Шампанское как в голову ударило, — довольно улыбнулся Ямщиков.

— Закусывать надо было, профессор, — заметил Тимур.

— Чудак, это же замечательно! — У профессора было восторженное настроение.

— Мурад, здесь все свои, я тебе серьезно скажу: очень неплохой сорт. В твои годы я о таком и мечтать не мог! Еще годик — теоретическая часть, диссертация, — и я тебе не учитель. Будешь посвящен в боги!

— Бога нет, профессор, — сказал Тимур. — По крайней мере, до банкета не было.

— Чепуха! — возмущился профессор Ямщиков. — А селекционеры? А мы с Мурадом?

Мурад завороченно улыбался, глядя в окно.

— Ведь это же божественно — помогать природе творить! — продолжал Ямщиков. — Мы — боги любви! Найти двух единственных, которые не знают друг о друге, и соединить их ради улучшения рода... Мурад, ты хоть слушаешь?

— Простите, я не понимаю, — ответил Мурад. — Этот день, солнце, боги! Я не улавливаю связи между вашими словами, солнцем, Садовым кольцом, этой девушкой в синем плаще, ручкой на двери машины... Что это? Где я?! Такого еще со мной не было!

Тимур улыбнулся.

— Нормальное состояние подвыпившего бога, получившего золотую медаль академии и едущего на свидание со своей богиней!

— Хорошо ты, Мурад, сегодня об отце говорил, — сказал Ямщиков. — Саттар Сафаров — великий человек. Хорошо, что ты это понимаешь.

У входа в Третьяковскую галерею Мурада ждала невысокая миловидная женщина с внимательным и твердым взглядом больших серых глаз.

— Я опоздал, прости, Вера, — сказал Мурад.

— Ну как? — она нетерпеливо посмотрела на мужа.

Мурад распахнул плащ, показывая блестящую на груди медаль.

— Мой сорт лучший, произвели в боги, предлагают в Египет ехать! Едем? Вера захлопала в ладоши.

— Видишь, видишь! Я была уверена! Я тебя все утро ругала... старалась!

— Значит, помогло.

Они уже поднимались по лестнице в залы.

— А при чем здесь Египет? — спросила Вера.

— Зовут на год. Академия предлагает кончать диссертацию там.

— Поехали!

— Поседешь? — недоверчиво переспросил Мурад.

— Поеду. — Вера решительно тряхнула золотыми кудряшками. — Скажешь — и поеду! Возьму академический, буду в посольской клинике работать. Только респай ты!

Мурад остановился в нерешительности.

— Может, подождем год?

Они уже шли по залу, среди картин.

— Не убежит Египет, — сказал Мурад. — Сначала ты свою диссертацию защитишь...

— Смотри, как красиво, — перебила его Вера.

— Да, да... Пошли отсюда, а?

— Тебе не нравится?

— Что ты, очень нравится!

— Да ты не смотришь совсем.

— Мне сегодня все нравится. А больше всего — ты! Ну и день сегодня! Солнце сумасшедшее, на улице какой-то праздник... Сколько мы в Москве не были?

— Два года.

— Не могу сосредоточиться. На улицу хочу!

— Тогда только хоть сюда зайдем...

Вера взяла мужа за руку, провела через соседний зал и остановилась перед картиной. Это было полотно Верещагина «Ворота Тамерлана» — искусная резьба на тяжелых замкнутых воротах, недвижимые вооруженные стражники...

— Помнишь? — Вера пытливо заглянула в глаза мужу. Тот улыбнулся.

— А ты помнишь?

— Я стояла вот здесь, а ты оттуда подошел и сказал...

— Нет, я подошел, стал рядом, долго стоял, а краем глаза смотрел на тебя.

— Я это чувствовала. Я тебя еще раньше заметила.

— Мы так долго, долго стояли, — вспоминал Мурад. — У меня в кармане яблоко было, оно все вспотело в руке. А потом я сказал...

— Это я первая сказала!..

— Да, да, я просто не знал, как начать разговор.

— Ты рассказал какую-то легенду про Тамерлана, помнишь?

— Нет, не помню, я от волнения наплел что-то... А через час сделал тебе в буфете предложение, помнишь?..

Вера вдруг взяла его за руку и вывела на лестницу. Она стояла, глядя Мураду в глаза, грустная и серьезная.

— Что с тобой? — спросил Мурад.

— Обними меня.

Он обнял жену и они так стояли в полумраке лестницы, не шевелясь.

— Молодые люди, у вас совесть есть? На танцы надо ходить обниматься!

В полумраке лестницы, в углу, в кресле, сидела никем не замечаемая музейная старушка.

Мурад подхватил Веру под руку и, увлекая за собой, побежал, прыгая через три ступеньки.

— На волю, на волю!.. В пампасы!..

...Пыльная белая дорога неслась под ногами жеребца. Молодой джигит в гимнастерке подъехал к палатке на краю поля, спешился и, подтянув португую со старой кавалерийской шашкой, вошел в палатку. Здесь было душно. На ящичке, завернувшись в одеяло, сидел курчавый парень с свалившимися глазами и мокрым от пота лицом. В углу лежал другой, обмотанный тряпками.

— Почему не работаете? — спросил вошедший.

— А не дают, Саттар! Семёна избили. Федоров вчера плюнул и ушел пешком!..

— А с тобой что? — спросил Саттар.

— Малярия замучила!..

Прямо посреди поля высылся могучий тузовник. Невдалеке, налегая на соху, пахал широкоплечий дехканин в халате на голое тело, с винтовкой за спиной.

Саттар остановился на краю поля и закричал:

— Эй, Вазоб, ты что делаешь?

Дехканин не ответил, молча продолжал нахлестывать лошадь.

Саттар подождал, пока пазарь поровнялся с ним, и пошел рядом.

— Салям алейкум, Вазоб. За что ты избил парня?

Вазоб остановился и отер пот с лица.

— Скажи ему, что в следующий раз я его пристрелю на моем поле. Земля, как женщина, может принадлежать только одному человеку!

— Но это же наши друзья, Вазоб! Они хотят провести по твоей земле канал и напоить твою землю водой.

— Не нужна мне вода, мой хлеб и так растет. — Вазоб хлестнул лошадь и навалился на соху.

— Но вода нужна хлопку. Ты же знаешь, что на этой земле должен расти хлопок.

Вазоб остановился, будто его ударили между лопаток, и повернул к Саттару искаженное яростью лицо:

— Твоим хлопком я не накормлю своих детей, не выплачу калым за молодую жену!.. И запомни на всю жизнь — на этой земле... — он постучал ногой в землю, — мой дед, мой прадед сеяли хлеб! Эта земля полита их потом, и на ней никогда не будет расти хлопок! Пока я жив!

Саттар обогнал лошадь Вазоба и преградил ему дорогу.

Вазоб выпрямился и хрипло сказал:

— Уйди с дороги!

— Нет, стой, давай поговорим!

С соседних участков стали подходить дежкане.

— Уйди с дороги! — повторил Вахоб.

— Не уйду!

— Эй, Саттар, отойди! — крикнул кто-то.

— Верно, не мешай!

— Разве вы не знаете, что здесь будет канал?

— Мы не будем рыть твой канал! — выкрикнули из толпы.

— И не надо! С гор идет сто человек, их ведет кузнец Агзам. Эти люди сказали: «Мы будем рыть канал! Мы будем строить социализм! Мы будем сеять хлопок!..»

— Я сею в мою землю хлеб, которым кормлю своих детей! — сказал Вахоб и хлестнул лошадь, но Саттар схватился за уздечку.

— Стой!

Вахоб скинул со спины винтовку и щелкнул затвором.

— Не вставай у меня на пути, — тихо произнес он.

— А что ты сделаешь?

Дежкане вдруг притихли. Вахоб обошел лошадь, не зная, что ему предпринять, потом схватил Саттара за отвороты пиджака и оттащил в сторону.

— Держите его! — крикнул он дежканам.

Саттар снова было кинулся к Вахобу, но чьи-то крепкие руки сцепились ему сзади в плечо и локти. Саттар вырывался и кричал вслед продолжающему пахать Вахобу.

— Ты встал на пути социализма! А одному тебе социализма не одолеть! Здесь все равно будет расти хлопок!

Вахоб с яростью налегал на соху и скрежетал зубами от напряжения. Пот капался градом по его лицу.

— Никогда, никогда на моей земле не будет расти хлопок! — бормотал он.

Наконец Саттару удалось вырваться, он подбежал, выхватил саблю и одним уда-

ром перерезал постромки. Лошадь остановилась.

Вахоб зарычал, кинулся на Саттара, оба покатались в пыли, разрывая друг на друге одежду. Люди оттащили Вахоба, но Саттару встать не дали, на него посыпались тяжелые удары ногами. Он лежал, уже не сопротивляясь, только прикрывал голову руками.

И вдруг побои прекратились.

Через поле к дерущимся подходил высокий седобородый старик. Он поглядел на лежащего в пыли Саттара и спросил:

— За что вы бьете моего сына?

— Он не дает Вахобу пахать свою землю.

Старик с жалостью посмотрел на Саттара.

— Раньше я горевал, что у меня умерла жена, а теперь радуюсь!.. Она бы лишилась рассудка, если б увидела, кого она выродила в муках, кого вскормила своей грудью. Шайтана! Он отдает чужую землю бродягам, которые не умеют пахать! Он хочет сеять хлопок, когда нам нужен хлеб!

Саттар поднялся, вытирая с лица кровь.

— Отец, не смей так говорить!

— А ты не смей меня называть отцом, нечестивец! — неожиданно пронзительным голосом воскликнул старик. — Ты продался неверным, ты не мой сын! — Он приблизился к Саттару и крючковатыми пальцами презрительно ковырнул пуговицу его пиджака. — Ты не мусульманин, ты пиджак носишь! Ты на мечеть плюешь! И я скорблю, что у меня нет больше сына!..

Вахоб уже связал перерубленные постромки и снова пахал с ожесточением, словно заведенный, бормоча:

— У меня моя жена, у меня моя земля... И они родят мне то, что я посею!

Люди стояли кругом Саттара. Лица их дышали гневом.

— Уходи, нечестивец! — старик ткнул Саттара посохом в грудь. — И знай, что я

проклинаю тебя — тебя проклянут и потомки. Твои дети и дети твоих детей проклянут тебя!..

Саттар поднял с земли фуражку, сбиль пыль, оглядел людей, потом тихо сказал:

— Отец... ты можешь убить меня, но скоро здесь будет цвести хлопок... И вы все — слушайте: завтра мы начнем здесь рыть канал!..

...В спальне было полутемно, тихо тикал будильник. Слабый предутренний свет едва освещал человека, лежащего на кровати. Некоторое время тот лежал, глядя в потолок, потом приподнялся. В человеке с трудом можно было узнать молодого когда-то Саттара. Теперь это был грузный пожилой мужчина, с отеком от бессонницы лицом. Саттар Усманович прислушался к крикам кишлячных петухов и, отирая взмокший лоб, тяжело встал.

На кухне через распахнутое окно вливалась живая утренняя прохлада и виднелся раскидистый сад. Саттар налил воды в стакан, накапал лекарство. Руки его дрожали.

— Вам плохо, Саттар Усманович? — на пороге появилась взволнованная Вера в халатике.

— Так, чуть-чуть...

Вера отобрала у тестя стакан, посмотрела на этикетку лекарства, взяла другой пузырек. Стала капать сама.

— Выпейте, а этот пузырек возьмите с собой, и по двадцать капель три раза.

Саттар Усманович стоял у окна, и в предрасветном сумеречном свете еще резче обозначились его морщины и одутловатые веки.

— Вера, я хотел тебя спросить... Мой сын меня любит?

— Он вас боготворит.

— Он меня любит? — настойчиво повторил Саттар.

— Очень! А почему вы спрашиваете?

— Стар стал... Ты знаешь, мне стало не хватать чего-то... Сам не знаю, чего. Мурад, как поступил в университет, не

жил здесь, но я не чувствовал его отсутствия. Много лет я беспрестанно на людях — поле, правление, президиум, опять поле... Домой приходишь только, чтоб выспаться. Я не почувствовал одиночества, даже когда умерла жена... Но вот приехали ко мне вы, и стало мне грустно.— Саттар стоял, тяжело опершись руками о подоконник, задумчиво глядя в сад.— Дом каждого дехканина открыт для меня, но своего дома у меня нет... У тебя здесь надолго работы?

— На все лето... Не меньше пятисот колхозников должны пройти обследование. И вы в том числе.

— Я не колхозник, я — руководитель... Слушай, почему у меня внуков нет?

Вера поежилась от утренней свежести и плотнее запахнула халатик.

— Я не хочу.

— То есть как так не хочешь?

— Сначала диссертация, потом дети.

— А Мурад что?

— А у Мурада не спрашивают!

— Если бы ты была моей женой, ты бы так не разговаривала.

— Уж это точно! — в тон ему ответила Вера и улыбнулась.— А вы знаете, Саттар Усманович, я иногда поражаюсь — до чего Мурад не похож на вас. Ему так не хватает вашей твердости, вашего масштаба!

Саттар улыбнулся.

— Ну вот, ты меня с утра и ободрила! Я, правда, рад, что у моего сына такая умная, самостоятельная жена. О красоте я уже не говорю!.. А зачем это обследование?

— Хотелось бы установить связь между условиями работы колхозников и желудочно-кишечными заболеваниями...— Вера взглянула на часы.— Уже шесть...

— Ну ладно, пойду хлопок слушать.

— Кого? — не поняла Вера.

— Хлопок. Знаешь, по утрам, на восходе, хлопок просыпается, стряхивает с себя росу, тянется, зеваает, как ребенок, и открывает свои коробочки солнцу. И по

всему полю идет такой еле слышный звон: «глин... чик, глин... чик...». Мурад спит?

Вера кивнула.

Саттар сделал значительное лицо и доверительно сказал:

— Мурада ты можешь и не спрашивать, но мне поверь — я буду хорошим дедом...

В маленькой светлой комнатке за столом сидела девушка, читала затрепанный журнал. Вошел Мурад, но она даже головы не подняла.

— Доброе утро, хозяйка.

Девушка, не отрываясь от журнала, кивнула.

— Не скажешь, семена уже завезли?

Девушка снова кивнула.

— А посмотреть можно?

Не удостоившись ответа, Мурад вышел в коридор и направился в хранилище. В нос ему ударил знакомый запах хлопковых семян. Мурад с нежностью запустил обе руки в гущу семян, пересыпал их с ладони на ладонь. И вдруг застыл...

Девушка со вздохом оторвалась от журнала, услышав взволнованный голос Мурада. Он шел по коридору, держа на вытянутых руках горсть семян, и кричал:

— Что это такое?!

— Семена, что, не видите? — невозмутимо ответила девушка.

— Что за сорт?

— Какой привезли, такой и сорт.

— Должны же были сеять сорт «В-6997», мы в прошлом году районирование проводили!

— А кто вы вообще такой? — вскипела девушка.

— Что за сорт?! — завопил Мурад.

Девушка выдвинула ящик стола, распахнула папку и раздраженно прочитала: «И-3254».

— Почему? — не понимал Мурад.

— А я откуда знаю? Привезли значит!

— Когда привезли?

— Да кто вы такой, наконец? — возмутилась девушка. — С утра придут, наскандалят, настроение испортят.

— Тебя спрашивают, когда привезли?

— Сказала, не знаю. Это надо в реестре смотреть. И вообще, после обеда приходите и у бригадира спрашивайте! — Она снова уткнулась в журнал.

— Сейчас я найду бригадира и такой тебе скандал устрою, — процедил Мурад сквозь зубы, — живо из колхоза вылетить!

— Напугал!.. Я тут временно! Замуж выхожу, в Ленинабад переезжаю. — Девушка презрительно передернула плечами.

Мурад ногой распахнул дверь.

В кабинете председателя шло заседание колхозного правления. Народу собралось много: бригадиры, механизаторы, агрономы. На председательском месте сидел Саттар, теперь подтянутый, чисто выбритый, помолодевший. На лацкане пиджака мерцали две звездочки Героя Социалистического Труда. Докладывал старший бухгалтер колхоза, маленький человечек в очках с толстыми стеклами.

— Райпотребсоюз скандалит, они рассчитывали на нас, требуют возмещения убытков. Может, туда послать кого-нибудь?

— Это дело мы поручим, — Саттар обвел взглядом внимательно и преданно смотревших на него людей. Глаза его остановились на широкоплечем мужчине с тяжелым, мрачным лицом, —...мы поручим Юсуду.

Юсуп кивнул.

— Поезжай к ним, — продолжал Саттар, — поговори по душам, но прошу тебя быть повежливей!.. Я думаю, они нас поймут.

— Но райпотребсоюз грозит подать на нас в суд, — вставил бухгалтер.

— Смелчаки, — Саттар улыбнулся, не поднимая глаз. — Ну что ж, мы им отве-

тим! Мы не частная лавочка, а крупнейший в районе колхоз... Кто из юристов может поехать?

— Годжаев? — предложил кто-то.

Саттар покачал головой.

— Свистун... — Он посмотрел в окно. — Хамидов вернется, поручим ему...

Бухгалтер понимающе кивнул.

— С текущими вопросами все! — сказал Саттар. — Теперь о главном. Подписано решение о научном эксперименте у нас в колхозе. Эту работу будет проводить молодой ученый. Встань, Умар, покажись народу.

Из-за спины Саттара поднялся бледнолицый юноша с большими, горящими глазами.

Председатель хотел что-то сказать, но Умар со всей страстностью пустился с места в карьер:

— В общем, товарищи, таким образом: часть посевной площади не будем в этом году обрабатывать ядохимикатами с воздуха, так как яд, кроме вредных, уничтожает еще и полезных насекомых. Кроме того, при обработке с воздуха неизбежно рассеивание, что приводит к отравлению воды, а через нее — иногда людей и животных!

— Сынок, — сказала бригадир Саида, немолодая, но еще красивая женщина с обветренным загоревшим лицом, — двадцать лет опыляем, никто пока не отравился.

— Именно пока! — кивнул Умар.

— А урожай как? — поинтересовался один из бригадиров.

— В каждом эксперименте есть свой риск, но судя...

Но второй бригадир перебил Умара и обратился к председателю:

— Чьи поля?

— Выбрали у реки, — сказал Саттар. — Бригад Саиды, Бобошарафа и Кадыра, так что никакой дрянью там посыпать не будете.

— План нам уменьшат? — спросила Саида.

— Ты думаешь, когда говоришь? — повысил голос председатель. — Кто это тебе уменьшит?

— В чем я провинилась, Саттар? — взметнулась Саида. — Урожай съедят без авиаобработки.

— Очень опасно, раис! — сказал второй бригадир.

— Сколько лет опыляли...

— Гарантированный урожай...

— В общем, так... — Председатель поднял взгляд на притихших людей. — Это уже наш Верховный Совет обсудил, Совет Министров утвердил, так что мы с радостью и гордостью приняли почетное задание. А съедят вредители урожай, снимем Саиду с доски почета и переведем в бригаду отстающих.

Все притихли.

— Ваше беспокойство излишне, — сказал Умар. — Появятся отдельные очаги, будем обрабатывать их химикатами с тракторов...

— А где вы, интересно, трактора возьмете? — спросил огромных размеров тучный человек, занявший чуть не половину дивана в углу. Это был завмастерскими Рахим.

— Ты дашь, — повернулся к нему Саттар.

— Я для сева еле успел трактора подготавливать. Дайте запчасти.

— Рахим, мне это надосло, — тихо сказал Саттар.

— Раис, когда меня просят подготовить плов для почетных гостей, я прошу риса, и никто не удивляется, не кричит. Когда же для ремонта тракторов я прошу запчасти, меня же собираются гнать!

— Нет, вы посмотрите на него! — Саттар с возмущением воздел руки над головой. — Развалился на диване, как мешок с рисом, и хоть бы что!

— Я сижу не от отсутствия почтения к нашему правлению, а чтобы не возбуждать недовольство зрелищем своей полноты...

— Болтать будешь в чайхане! — перебил его председатель. — Чья это «Волга» ремонтируется? А что у тебя в углу под брезентом?

— «Волга» принадлежит одному уважаемому в районе человеку, который обещал помочь запчастями... — Рахим горестно вздохнул. — Что делать, надо искать пути! Что же касается брезента, то можете сейчас пойти и посмотреть, там ничего нет!

— Твои фокусы мне надоели, — отрезал Саттар.

Рахим поднялся и, добродушно улыбаясь, оглядел правление.

— Друзья мои, я вас понимаю, но подумайте, что вы потеряете, если лишитесь своего Рахима. Кто вам будет готовить плов? Кого вы будете пинать ногами на всех собраниях? Я не хочу сказать, что чист, как ягненок, более того, я прошу — дайте мне выговор. Да, да, — Рахим стукнул себя в грудь пухлой рукой. — Дайте мне выговор, я нуждаюсь в порицании, не сплю ночами, совесть мучает! Поверьте, два трактора мы еще вытянем, но три трактора — выше моих сил.

Саттар нахмурился, чтобы скрыть улыбку:

— Суши, Рахим, сухари, пора тебя на диету посадить! — Он снял трубку и набрал номер. — Алло, какой там дополнительный у замминистра? Да... Что, Султана Хамидовича нет? Это Сафаров говорит... Телефонogramму примите тогда... Государственный эксперимент срывается отсутствием запасных частей для тракторов... Прошу срочно принять меры... Сафаров... Что? Да, девочка, спасибо, милая. Ну вот, — Саттар обернулся к Рахиму, — в следующий раз пощады не жди!..

Рахим приложил руку к сердцу и низко склонился, насколько позволил его тучный живот.

В этот момент распахнулась дверь и на пороге появился Мурад. Он был бледен от бешенства.

— Я тебе нужен? — спросил Саттар.

— Да.

— Тогда подожди, мы скоро кончим.

— Но я хочу говорить сейчас и при этих людях! — Мурад остановился против отца. — У них тоже есть дети, которые пойдут учиться...

В кабинете повисла напряженная тишина, все не сводили глаз с Мурада. Тот продолжал, едва сдерживая клокотавшую в груди ярость:

— Вот вы, мой отец, твердили мне: «Учись, учись, науки облагораживают!» Вы проверяли мой дневник, а день моего отъезда в Москву, в университет, был семейным торжеством... Теперь я читаю полтавны, знаю физику и философию, биологию и ботанику... О аллах, я теперь знаю про хлопок столько... сколько вы все вместе, может быть, не знаете!..

Мурад перевел дыхание. Люди шептались, возмущенно переглядывались.

— Что с ним? — озадаченно спросил бригадир Бобошарф.

— Мурад, мальчик, тебе плохо? — участливо спросила Саида.

— Погоди, Саида, — не повышая голоса, приказал Саттар.

— Спасибо, что не выгоняете!.. — улыбнулся Мурад.

— Я хочу тебя понять.

— Еще не ясно?.. Я вырастил сорт. Мой сорт оказался лучше, чем всё, что вы седали. На землях вашего колхоза опытный посев дал прекрасные результаты! Вы поздравляли меня, обнимали. Но... скажите правду, — Мурад взглянул отцу в глаза, — ведь вы уже знали, что будете сажать опять все тот же «И-3254»! — И Мурад высыпал на стол перед Саттаром пригоршню семян. — Только правду!

Лицо Саттара медленно багровело. Он кивнул.

— Спасибо! А я-то, слепец, уши развесил! — Мурад засмеялся. — Лучше бы я эти двадцать лет возил навоз на поля — больше было бы пользы!.. Неужели вам нужен сын — кандидат наук, так же, как

вам нужна самая большая в районе шко-
ла, как самый роскошный в республике
дворец культуры?..

— Все? — тихо спросил отец.

— Нет еще.

— Пока хватит! — Саттар Сафаров
поднялся, тяжело опираясь на стол, и
оглядел замерших людей. — У меня сла-
бость к детям — я позволяю своему сыну
говорить вместо того, чтобы заставить его
слушать. — Он скупо улыбнулся и про-
должал: — А я скажу так: я горжусь
вашим дворцом культуры — это шедевр
народного творчества! И разве нужно
стыдиться, что мой сын, такой образован-
ный ученый человек, вывел хороший
сорт хлопка?.. Хороший сорт, молодец,
Мурад, но... — Саттар развел руками, —
твой сорт не такой урожайный, как
«И-3254»!

— Промышленности он нужнее. По ка-
честву он выше!

— Ты прав, Мурад, и, может быть, ка-
кой-нибудь колхоз посеет твой сорт. Но
не мы!

— Почему? Вы опять решили перевы-
полнить план?

— Я всегда говорил, что у тебя свет-
лая голова!

— Не понимаю! — Мурад упрямо по-
качал головой. — Я или какой-нибудь дру-
гой ученый тратим десяток лет и выво-
дим сорт, который позарез нужен госу-
дарству! На ваших землях он дает вполне
приемлемый урожай, но вы его отпи-
хиваете и сеете старый. Ради доски по-
чета? Орденов? Процентом плана?! Вы
знаете, сколько ученых работают сейчас
в селекции?! Зачем же мы работаем?

— Это ваше дело! — отрезал Саттар,
теряя терпение. — План нам дает государ-
ство.

— Тогда кто-то из нас, — Мурад огля-
нулся кругом и облизал пересохшие гу-
бы, — работает впустую. Или я, ученый,
или вы... все!

Люди замерли. Саттар помрачнел:

— И ты осмеливаешься бросить та-
кие слова в лицо людям, которые с утра
до ночи не разгибают спины?!

— Сегодня мало самоотверженно тру-
диться. Нужно научно планировать свой
труд! — сказал Мурад. — Да оглянитесь
вокруг себя! Сегодня улетает в космос
ракета, а уже известно, где она будет че-
рез два года и семь суток! Люди изме-
ряют расстояние между двумя ядрами
атомов где-то в темной бесконечности ма-
терии! А мы с вами сидим в этой душ-
ной комнате, смотрим друг на друга и
разводим руками. Вот вы говорите об
уважении к науке. Но ведь цифра — это
не священный идол. Разве это научно —
брать обязательство, которое — вы это
знаете заранее — можно перескочить? Ко-
го вы обманываете?

Лицо Саттара из багрового стало се-
рым.

Один из бригадиров не выдержал и
вдруг пронзительно закричал:

— Мы никого не обманываем, никог-
да! Мы честные люди!

И тут же словно взорвалось все прав-
ление.

— Раис, что он говорит?!

— Он с ума сошел!

— Может, нам уйти?

Но Саттар покачал головой.

— Оставайтесь! — Он медленно сел,
приложив к груди руку, лоб его покрыл-
ся испариной.

— Раис, вам плохо? — наклонилась к
нему Саида.

— Ничего... Может быть, кто-нибудь
ответит моему сыну? Неужели никто не
осмелится?

Тогда встала Саида.

— Я не знаю, у меня все слова выле-
тели из головы... Ты оскорбил своего от-
ца, за это тебя накажут небеса... Но за
что ты зачеркнул всю мою жизнь?! Ты
когда-нибудь покидал теплую постель до
восхода солнца, когда спину ломит, а ру-
ки кровоточат? Ты пришел к людям, для
которых одно святое — выращивать хло-

пок, и стал их учить! Мне дали этот орден — она указала на орден Ленина, который мерцал на ее груди, — я была еще пионеркой, а тебя на свете не было! Я родила троих детей, а по-настоящему увидела их в первый раз, когда они на своих пожках пришли ко мне на поле, чтобы помогать собирать хлопок... И они понимали, зачем это делали! Это было в войну... — голос Саиды дрогнул, она заплакала.

— Это все было, было, Саида!.. — мягко сказал Мурад. — Но нельзя всю жизнь, как на войне! Мы можем, наконец, задуматься, почему наш труд не всегда творчество, наслаждение!..

— Хватит! — перебил сына Саттар, исподлобья глядя на него. — Если ты считаешь себя правым, будь мужчиной, иди к министру, докажи ему, что качество важнее, чем количество, борись со мной, перегрызи мне глотку, я буду только рад... — Саттар посмотрел сыну в лицо. — Теперь покинь нас, я разрешаю...

...Машина неслась по раскаленному шоссе. Вера сидела за рулем, Мурад рядом.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросила Вера.

— Надеюсь, ты мне подскажешь.

— Ты замечательный человек, Мурад. Ты еще ни разу не последовал ни одному моему совету, просто как по той поговорке...

— Не гони так, — попросил Мурад.

— Через час рабочий день кончится.

— Тебе куда-то нужно успеть?

— Мне? — она усмехнулась. — Помогите, тебе надо успеть в министерство или в райком...

— Нет, мне не надо.

— Зачем же мы едем в город?

— Я хочу домой, в свою квартиру! Открыть окно, включить проигрыватель, обнять тебя крепко...

Вера изумленно посмотрела на мужа.

— Для этого ты вытащил меня из клиники?..

— Разве этого мало? — Он улыбнулся.

— Мурад, я ничего не понимаю в вашем хлопке. Если ты не хочешь помириться с отцом, уговорить его, ты должен его заставить!

— Заставить Сафарова? — Мурад усмехнулся.

— Да! Твой сорт прошел испытание в его колхозе, дал прекрасные результаты... Ты получил медаль... Имешь полное право требовать!

— Но отец прав!.. То есть, по-своему прав. Он думает о своем колхозе, о людях, которые работают, для которых он — бог. Он не хочет рисковать!.. Ты что улыбаешься?

— Ты стал хорошо понимать всех, кто тебе мешает. Стал прощать всех, кто тебя обманул, — ответила с горечью Вера.

Мурад, насвистывая, глядел в окно.

— Не понимаю, почему ты так спокоен?

— Спокоен? — переспросил Мурад, повернувшись к ней. — Сегодняшний скандал на правлении не случай, а исторически неизбежная драма!.. Я пришел как неизбежное. Не я, так кто-нибудь другой!.. Надо только понять свою роль в этой драме.

Теперь они ехали по улицам города.

— Так что, домой? — спросила Вера.

Мурад кивнул.

— И что ты будешь делать дома?

— Я люблю тебя, — неожиданно сказал Мурад.

— Скажи, что? — настаивала Вера. — Ляжешь на свой диван и будешь думать?

— Да, лягу на диван и буду думать!.. — Он послушно кивнул головой.

— Я должна тебе признаться... — с неожиданным облегчением сказала она. — Я знала, что отец не будет сажать твой сорт...

— Как?.. — Мурад, не понимая, посмотрел на жену.

— Я знала об этом еще до нашей поездки в Москву, но решила не вмешиваться... Меня давно раздражает твоя детская вера, что все получится само собой... Я решила посмотреть, как ты поступишь, когда узнаешь. Может быть, это и жестоко, но я так решила.

— Значит, проводишь испытание на мужественность? — Мурад засмеялся и попытался запустить пальцы в растрепавшиеся кудряшки Веры, но та уклонилась.

— Ты можешь называть это, как хочешь, но я рада, что так случилось... Помнишь, в Третьяковке, когда мы с тобой познакомились и ты предложил мне ехать с тобой сюда, я согласилась, хотя это выглядело безумием. Но тогда был момент, когда надо было решать сразу и бесповоротно. И ты был молодым и смелым!

— Стареем, милая, — вздохнул Мурад. — А если я буду стучать кулаком, возьму министра за галстук и пробью свой сорт, я все равно не стану ни моложе, ни смелеей.

Он снова потянулся к ней. Вера, уклоняясь от него, вывернула руль, и машину занесло.

— Пойми же, наконец, я перестаю тебя уважать, Мурад! — с отчаянием воскликнула Вера. — Мне надоели твои стариковские жалобы на суетность мира, на непорядочность коллег... Тут ничего смешного нет. Мне скучно от твоей любви, Мурад! — Она вытерла слезы.

Мурад, посерьезнев, пристально посмотрел на жену:

— Ничего, все будет хорошо, — сказал он тихо.

Они въехали во двор многоэтажного дома. У подъезда ребята возились с мячом.

— Мурад, дорогой, поедем обратно, — вдруг жалобно попросила Вера. — Я почти уверена, что Саттар страдает и ты уговоришь его.

— С отцом мне говорить не о чем. — Он взялся за ручку дверцы.

Она продолжала неподвижно сидеть в машине.

— Тогда я поеду одна... Мне завтра рано в клинику.

— Вера... — он взял ее за руку. — Я люблю тебя!

— Но мне этого мало, Мурад. — У нее снова задрожал голос. — Я рада, что наступил такой момент, когда нужно что-то решать... Ты смеешься над моей наивностью, а я просто хочу обрести тебя снова таким, каким ты был, когда мы познакомились. — Вера вытерла набежавшие слезы и включила зажигание. — Ты не поедешь?

— Нет. — Он вылез из машины.

— Тогда, привет!.. Пиши, звони! — Она улыбнулась ему в окно, и машина, сорвавшись с места, вынеслась со двора на улицу.

Дома было тихо и пыльно. Мурад прошелся по комнатам. Со двора доносились крики ребят. Мурад включил радиолю и улегся на диван. Торжественные аккорды токкаты Баха наполнили комнату.

На стене висела большая репродукция картины Верещагина «Ворота Тамерлана». Искусная резьба на тяжелых замкнутых воротах и стражники по обеим сторонам...

Мурад и профессор Ямщиков прошли по длинному коридору института и свернули в лабораторию. После ярко освещенного коридора здесь было темно и прохладно. Тонкий луч пробивался сквозь неплотно задернутые тяжелые шторы, и в косом солнечном столбе плясала пыль. По углам и стеллажам таинственно мерцали приборы, накрытые колпаками саженцы.

Профессор остановился посреди кабинета, повернулся к ученику и, упирая руки в бока, сердито уставился на него.

— Ну что, добился? Напугал, наскандалил, оскорбил отца, людей... Подумаешь, сорт не сеют!

— Я пришел к вам за советом...

— Извинись перед всеми, припади к

отцу и садись за диссертацию. А лучше поезжай в Египет — там колоссальные селекционные возможности. Танечка, — обратился Ямщиков к появившейся лаборантке, — если я говорю, что надо повысить температуру для сорта 799, то надо это делать немедленно, а не после маникюра!

Танечка конфузливо улыбнулась, вспыхнула и, схватив склянку с ростком, юркнула в дверь.

— Я решил не защищать диссертацию, — тихо сказал Мурад.

— Что?!

— Решил не защищать диссертацию. — Мурад закурил, жадно затянулся.

— Кого ты наказать хочешь? — Ямщиков злорадно хохотнул.

Мурад молчал.

— Хорошо! — решительно проговорил профессор. — Идем! Пошли к министру, сейчас такой скандал устроим!

— Да не хочу я! — покачал головой Мурад. — Это не выход. Ну пойдём мы, уговорим, прикажут кому-нибудь послабее, чем отец, высеять мой злосчастный сорт. Ну и что? На будущий год кто-то другой вырастит лучший, и опять все повторится. Нет, это не путь. Ведь если колхозник не берет нового сорта, значит ему это невыгодно. А ведь он должен вырывать новые сорта из наших рук!.. Вы — ученый с мировым именем — за пятьдесят лет вывели не больше десяти сортов, а сколько из них пошли на поля?

— Извини, на большее я, видимо, не способен... — Профессор опустил голову.

— Простите, я не хотел вас обидеть.

— Я не обиделся, Мурад. Селекционер должен отбросить честолюбие, забыть про славу и карьеру! Если хочешь, он должен быть фанатиком! Я с двадцатого года носился с идеей тонковолокнистого хлопка. Не забудь, тогда не было никаких семян, абсолютно! Куда я только ни писал — в Ташкент, в Москву... Наконец, в двадцать седьмом прислали! Вот столько! — Профессор собрал пальцы в горсть. —

Только через пять лет я добился первого приличного результата. А следующий результат был накануне войны... Да, в сорочковом...

— У меня нет времени, профессор. Нельзя в двадцатом веке, как алхимик, сидеть среди этих склянок. — Мурад встал, со злостью сдвинул в сторону микроскоп и банки. — Бродить в потемках, гадать на опытном участке — получится или не получится новый сорт.

— Я не представляю, как ты теперь будешь работать! — Профессор с состраданием посмотрел на Мурада. — Это ведь мучение — если не веришь!

— Я тоже не представляю! — Мурад взъерошил волосы. — Черт, голова разболелась! Нет, надо искать другую дверь.

— Какую дверь? — не понял Ямщиков.

— Другую... Ну, из той восточной притчи, знаете?

Профессор промолчал, с любопытством разглядывая Мурада.

— Во дворце одного древнего владыки, — продолжал тот, — одна дверь была всегда заперта, ее охраняли стражники. Младший сын владыки спросил как-то отца, что хранится за этой дверью. Тот сказал: «Твой дед, мой покойный отец, завещал мне стеречь эту дверь, как зеницу ока». «Но что за ней?» — настаивал сын. «За ней последняя мудрость, — сказал владыка, — если станет совсем трудно править, то надо открыть дверь, чтобы принять правильное решение. Но учти — лишь один раз можно воспользоваться этой дверью! Я смело правил всю свою жизнь, спал по ночам спокойно, принимал решения, потому что знал — всегда есть возможность открыть заветные ворота и исправить роковую ошибку...» «Но что там?» — не успокаивался сын. «Не знаю! — отвечал отец. — И тебе советую никогда не знать!»

— Это про ворота Тамерлана? — спросил профессор.

— Да. Дни и ночи проводил юный наследник у двери, чтобы узнать, что же

хранится за ней, но неусыпная стража стерегла тайну, как высшую ценность. И вот, когда владыка умер, нетерпеливый сын первым делом бросился к заветной двери, приказал отойти страже и взломал ее... И там... У вас случайно нет пирамидона?

— Ну так что же там оказалось? — с нетерпением спросил Ямщиков.

— Ничего. Стена. Ведь важно было верить, что есть выход, чтобы не бояться принимать решения! А у меня веры больше нет. Я теперь знаю, что там кирпичи. Что вы на меня так смотрите?

— Тебе нужно бросить профессию селекционера, Мурад.— Профессор грустно покачал головой, помолчал и вдруг спросил: — Ты можешь разобрать пулемет «максим»?

— Нет.

— А я могу с закрытыми глазами! Знаешь, я один из своих сортов защищал с пулеметом в руках, кстати, вместе с твоим отцом... Помню, в тридцать первом году вывел я один сорт и для пробы засеял его на том же самом поле, у твоего отца. Было чрезвычайно важно узнать, как сорт приживется. Весна была дружная и лето обещало быть хорошим. И тут началось...

По пыльной дороге шли трое: Саттар, молодой стриженный наголо Ямщиков в гимнастерке и очках, за ним его помощник по фамилии Петух, лицом похожий на лису, в длинном плаще до земли.

Навстречу им из кишлака двигалась арба. Ею правил чернобородый дехканин. На арбе сидела жена с кучей ребятишек.

— *И ты уезжаешь, Исмаил? — укоризненно спросил Саттар. — И ты бросаешь кишлак? Бросаешь своего председателя?*

— *Прости, раис. — Исмаил отвел глаза.*

— *И ты тоже боишься Ибрагим-бека? — воскликнул Ямщиков. — Да ведь красноармейцы через несколько дней его прикончат!*

— *Вот и хорошо! — кивнул Исмаил. — Тогда спокойно вернусь в свой дом. — Он тронул поводья. — Прощай.*

— *Прощай, Исмаил! — крикнул ему вслед Саттар. Он покачал головой. — Неспокойное время. Чеканить злопок некому, я уже не говорю — собирать...*

— *До сих пор не могу поверить глазам своим. — Ямщиков сошел с дороги в поле и остановился среди кустов. — Ты посмотри, какой красавец! — Он осматривал кусты, восхищенно ласкал раскрывающиеся коробочки. — Это просто черт знает что! — Ямщиков громко захохотал и вдруг пустился вприсядку.*

Саттар и Петух, улыбаясь, смотрели на селекционера.

Со стороны холмов стремительно нарастал конский топот. В облаке пыли появился на вороном жеребце Агзам. Он почти свалился с загнанного, взмыленного коня, хрипло выдохнул:

— *Басмачи!..*

— *Где? — кинулись к нему Саттар и Петух.*

— *Уже в Шумуре... Жгут, коммунистов режут!.. Располагаются по кишлакам...*

— *Так... — Саттар почесал небритый подбородок. — Вам, товарищ Ямщиков, надо бы отсюда скрыться.*

— *Куда?! — возмущился Ямщиков. — Здесь мой сорт, мой злопок, которого я добивался семь лет. С этого поля я никуда не уйду! Дайте мне пулемет!*

— *Посмотрим, — неопределенно усмехнулся Саттар.*

Петух откашлялся, переложил парусиновый портфель из одной руки в другую и сказал:

— *Может быть, все-таки нам уезжать?*

— *С места не двинусь. — Ямщиков сел на землю среди кустов. — Нет, ты посмотри, Саттар, это ведь не сырец, а просто шелк!*

Трое стояли и смотрели на четвертого, сидящего на земле.

— *Ну ладно, — улыбнулся Саттар, — пойдем в кишлак, там все обсудим...*

...Сельсовет находился в старой мечети, перегороженной низкими фанерными стенками на комнатки.

В комнате председателя собрались все, кто остался: Саттар, Ямщиков, Петух и еще кооператор, маленький человечек с глазами, испуганно шнырявшими из-под огромного козырька модной городской кепки.

На столе горела керосиновая лампа, и длинные черные тени качались по выбеленным стенам.

Люди сидели неподвижно и, видимо, уже давно. С улицы не доносилось ни звука. Только ночные мотыльки мягко бились о жестяной абажур и с шелестом падали на разложенные по столу бумаги.

— Может, все-таки они не придут? — нарушил молчание Ямщиков, держась за ручки «максима».

Петух жалобно посмотрел на него и весь как-то сжался на стуле в углу.

Саттар взглянул на часы.

— Три часа ночи... Вполне возможно, что они пошли по дороге на Холкояр... Тогда пройдут стороной.

— Машина из города должна прийти завтра не раньше полудня.

— Да, кстати, если выберетесь, все-таки пойдите к наркому, — тихо сказал Саттар Ямщикову.

— Обязательно!

— Скажите, невозможно без людей! Сельсовет — я, — Саттар принялся загибать пальцы, — исполком — я, прокурор — я, райком партии — я. Теперь Исмаил уехал, и милиционер — тоже я!

Раздались шаги. Все встрепенулись.

Вошел Агзам, сел на пол у стены. Все молча смотрели на него.

— Все спокойно. — Агзам положил голову на руки и немедленно заснул.

— Нет! — неожиданно сказал Петух с нервной дрожью в голосе. — Так ждать невозможно!

— А что делать? — спросил Саттар.

— Идти куда-нибудь! Сообщить, телеграфировать!

— Пешком в Сталинабад? Как раз по пути они и встретят!

Петух вскочил и заметался из угла в угол. Его парусиновый плащ, развеваясь, задевал сидящих.

— Невозможно, это невозможно!

— Послушайте, вы, — презрительно сказал Ямщиков, — кто вы такой, как ваша фамилия?..

— Вы что, не знаете? — обиделся помощник. — Я ваш помощник, моя фамилия Петух!

— Так вот, я вас не знаю и знать не желаю.

— Да ладно, — примирительно сказал Саттар и протянул Петуху папиросы. — Покури, успокойся.

— Я не курю! — дернулся Петух. — Я не могу больше, я не переживу, со мной случится что-нибудь.

— Чего же ты хочешь?

— Отпустите меня, умоляю вас!

— Ну, иди, — сказал Саттар. — Иди!

Петух остановился, нерешительно оглядываясь.

— Иди, — мирно повторил Саттар. — Может быть, в поле, под звездным небом тебе будет спокойнее. Иди, иди...

Два джигита в засаленных халатах, с винтовками наперевес, подталкивали в спину связанного Ямщикова.

Все затаилось, все замерло в кишлаке. Было изумительно тихо. Через огонь зноя медленно проезжал басмач, держа на весу не сопротивляющуюся, поникушую девочку. На улице валялись вещи, какой-то ребенок плакал возле ворот — их захлопнули, прищемив его халатик, и никто не решился вновь открыть ворота. Эта тишина, это оцепенение потрясло.

Ямщиков невольно замедлил шаг, но получил такой удар в спину прикладом, что чуть не упал.

С дверей кооператива сбивали замок, выволакивали куски мануфактуры, разбивали ящики.

...В чайхане сидел курбаши. На нем была серая чалма и английский мундир. За патронгаш, опоясывающий его живот, был заткнут букетик цветов. Вокруг толпились нукеры. По краям площади стояли согнанные дехкане. Рядом с курбаши недвижно сидела большая, безучастная и величественная, как прама-терь, старуха.

Слева у стены стоял связанный Саттар. Перед курбаши в одном исподнем едва держался на ногах маленький кооператор.

— Какой товар есть? — спрашивал курбаши.

— Хорошего нет.

— Я хочу сказать, что вы все дураки, а не купцы, — сказал курбаши. — Какой у вас товар? Нам нужны халаты — у тебя зубные щетки. Нам нужен сахар — у тебя зубной порошок. Нам нужен рис — у тебя пуговицы со звездами. Не знал, дурак, чего запастись?

Кооператор молчал, опустив голову.

— Повесить его! — раздался голос из толпы.

Это был знакомый нам дехканин Вазоб. В руках он держал новенький вороненый дисковый пулемет.

— Не ты решаешь! — строго оборвал курбаши и обернулся к неподвижной старухе. — Что, почтенная женщина? Что ты скажешь про этого человека?

Старуха помолчала и, глядя куда-то в пространство, еле шевеля губами, промолвила:

— Я видела, как мои внуки умирали от голода. Дул сильный ветер по земле, и луна спустилась совсем низко и затмила пыль и солнце...

Курбаши почтительно слушал, перебирая четки.

— Этот человек — вор! Он обманывал всех! — неожиданно закончила старуха.

Курбаши кивнул и коротко приказал:

— Расстрелять!

Кричащего что-то кооператора подтащили к стене, у которой стоял Саттар. Вазоб вышел из толпы и от живота, не

целясь, дал короткую очередь. Кооператор дернулся, упал, мелко задрыгал в пыли ногами и загиб.

На площади, в сопровождении двух конвоиров, появился Ямщиков. Его подвели к чайхане. Из толпы тут же вытолкнули человека в длинном плаще, который остановился перед курбаши. Это был Петух. Он держал руки за спиной, глаза его безумно блуждали, рот искривила застывшая улыбка.

— Развяжите его, — сказал курбаши.

— Ничего! — сказал Петух и, разведя руки, сцепил их перед собой в доказательство того, что они у него не связаны.

— Он? — спросил Петуха курбаши, указывая на Ямщикова.

— Да, да, — закивал Петух.

— Значит, это ты такой важный большевик, который знает про хлопок больше, чем наши старики.

— Я...

— Молодой! — курбаши усмехнулся. — Ну, мудрец, расскажи нам, какой урожай в этом году будут собирать неверные на наших землях?

— А зачем тебе?

— А мои друзья, англичане, хотели бы знать, много ли египетского хлопка будет покупать ваша власть за границей. Чтобы во-время поднять цену. — Курбаши улыбнулся своей откровенности.

— Передай твоим друзьям, что они разоряются, — урожай у нас будет большой, и мы от них теперь не зависим!

— Он говорит правду? — Курбаши повернулся к Петуху.

— Я не знаю, сводки у него в портфеле...

— Куда ты спрятал бумаги?

— Сжег!

— Врешь! — прорвало курбаши. — Ты их должен вести в Москву!..

— Все равно не скажу.

— Это мы посмотрим!

— Ты можешь убить меня, курбаши. — Ямщиков улыбнулся. — Один приличный сорт я уже успел вывести! Видишь поля

вокруг тутового дерева — это настоящий длиноволокнистый египетский хлопок.

— Нет, нет! — закричал Вахоб. — На моей земле не будет хлопка!

— Даже, если вы сожжете его, то через год здесь снова посадят мой сорт! Я могу умереть спокойно.

— Мы не будем убивать тебя — мы убьем его, — и курбаши указал рукой на Саттара. — Но если ты скажешь, где зарыты ценные бумаги, мы его пощадим.

Ямщиков молчал. Саттар смотрел на него в упор, словно прощаясь.

— Ну, русский, скажешь?

Ямщиков опустил голову.

— Тогда мы его расстреляем!

— Только дайте, это сделаю я! — радостно закричал Вахоб.

— А ты, изменник, — не повышая голоса, обратился курбаши к Саттару, — молись.

— Я не верю в аллаха, курбаши.

— Ну, мать, ты этого человека знаешь лучше нас. Суди его!

Старуха помолчала. Потом, не поворачиваясь, заговорила:

— Мы пришли сюда, на новую землю. Нас везли арбами. Мы рыли землю и падали в нее. И умирали... Что привело нас сюда? Не пойму я, старая... Бог? Демоны?..

— Демоны, мать, — закивал курбаши и обернулся к Ямщикову. — Ну, гяур, не скажешь, где твои бумаги?

Ямщиков не поднял головы.

— Вахоб, расстреляй его!

— Да... — сказал Вахоб. — Да... Ну, Саттар, кто у кого стоит на пуги? Помнишь мою бедную лошадь, мою бедную созу, мою бедную землю?

— Помню! — сказал Саттар. — И ты ее не забудешь!

— Подведите его ко мне, — вдруг раздался голос старухи.

Курбаши кивнул, и Саттара подвели.

— Подойди ближе. Посмотри мне в глаза.

Саттар, не мигая, глядел в выцветшие слезящиеся глаза.

— Я старая. Когда лежу, не могу сесть, когда стою, не могу лечь... Я — смерть!.. На солнце и на смерть нельзя смотреть, не мигая... Этот человек не виновен...

— Нет, мать, этот человек виновен более всех, — напустился курбаши.

— Этого человек я знаю, — сказала старуха. — Он никого не обманул и ничего не имеет, кроме спины, которую всегда подставлял первый.

— Старуха, ты выжила из ума! — закричал Вахоб. — Дай мне его убить!

— Замолчи, Вахоб! — Курбаши отпил воды из выдолбленной тыквы. — Хорошо, мать, пусть будет по-твоему. — Он отер рот рукой. — Уведите его.

— Но курбаши, как же так? — воскликнул с отчаянием Вахоб, потрясая пулеметом. — Это мой кровный враг!

— Слова этой женщины — мудрость народа, — покачал головой курбаши. — Мы не будем его убивать... пока.

— Тогда отдай мне этого русского, который опоганил мою землю своим проклятым хлопком!

— Нет, Вахоб, этот русский слишком много знает, мы возьмем его с собой.

— Это несправедливо! — закричал Вахоб. — Я шел с тобой, я рисковал жизнью, я получил рану и хочу отомстить за свою горе, за свою землю! А ты не даешь мне этого сделать!

— Ты можешь сжечь весь хлопок на своей земле, — сказал курбаши.

— Не-е-ет, я расстреляю этот проклятый хлопок! Я его убью! — Лицо Вахоба искажилось бешенством, и он побежал к туговому дереву.

Вскоре оттуда донеслись длинные пулеметные очереди.

— Курбаши, он попусту тратит патроны, — сказал Ямщиков.

— Он изливает свой священный гнев, — серьезно ответил курбаши.

Палили и повисали, как человеческие

головы, перебитые хлопковые коробочки, срезанные пулеметными очередями, переламывались хрупкие стебли и ключьями осыпались нежные листья.

— Будь проклят этот хлопок, будь проклята эта земля!

Прижав к животу пулемет, Вахоб расстреливал хлопок и землю. Пули со свистом впились в пыль. Вахоб стрелял и кричал в беспамятстве, и бессильные слезы отчаяния катились по его лицу...

— ...И тут в кишлаке началась стрельба — пришли наши. Агзам сумел предупредить, — закончил рассказ Ямщиков.

Солнце уже вползло в лабораторию. Мурад стоял у стены и молчал.

— Вот так! Но знаешь, что интересно? Хлопок того сорта оказался дрянь. Подвержен корневой гнили. Так что зря отстреливались!..

Ямщиков прошелся по кабинету, подмигнул, усмехнувшись.

— И все-таки приятно иметь возможность стрелять в своих оппонентов, особенно, когда знаешь, что твоя научная идея — истинна! А то что — вот эти! — Он кивнул в сторону окна.

Там, по ослепительно белому от яркого солнца институтскому двору, мирно прохаживались под ручку два ученых старца.

— Всю жизнь поливали друг друга грязью, понесли, норовили утопить. А теперь почет, лысины... А жизнь позади! — Он посмотрел на Мурада и неожиданно предложил: — Хочешь яблоко?

— Нет.

— Ешь, ешь, они червивые! — Ямщиков подвинул ему вазу, полную крупных яблок.

— А что, меня только червивыми можно теперь кормить? — усмехнулся Мурад.

— Чудак, я сам только червивые ем! Если червь ест, значит не обработано разными достижениями человеческого разума, вроде гербицидов. Значит, и нам не вред. Ты о чем думаешь?

— Вот вы сказали, что мне надо менять профессию, и я думаю, что вы правы! Жаль, что математику совсем позабыл. — Мурад вздохнул. — Вот вы рисковали жизнью из-за ненужного сорта. А ведь скольких ошибок можно было бы избежать, если бы...

— Что? — насторожился профессор.

— Если бы знать заранее, что получится в результате скрещивания разных сортов.

— Мы не боги!

— Совсем недавно вы утверждали обратное, — улынулся Мурад. — Но теоретически-то это возможно?

— Да. Только — это дело далекого будущего!

— Вот я и хочу — приблизить будущее! — решительно сказал Мурад.

В коридоре к Мураду подошел лысеющий блондин.

— Ты, говорят, диссертацию отказался защищать?

— Уже пронюхал?

— Эх, мне бы так! Захотел — бросил, захотел — всех к черту послал...

— Еще бы... — задумчиво сказал Мурад, глядя в окно. — Отец — Сафаров, руководитель темы — профессор Ямщиков, жена — красивая, умная, самостоятельная женщина...

По полевой дороге, ясным солнечным днем шли Саттар и Вера. Саттар с удовольствием оглядывал поля, на которых среди хлопковых кустов работали колхозники. Он был в благодушном настроении.

— Саттар Усманович, — сказала Вера, — почему вы до сих пор медосмотр не прошли?

— Некогда, — добродушно ответил Сафаров.

— Вам наплевать на свое здоровье. В конце концов, это ваше дело. Но когда я назначаю Саиде анализ, она заявляет: «Если ты хоть раз затащишь в клинику

своего тестя, я обещаю каждый день ходить».

Саттар нахмурился и буркнул:

— Я ей прикажу.

С поля, завидев председателя, подбежала девушка, торопливо вытерла руки о халат.

— Раис, у нас свадьба пятнадцатого, мы ждем вас обязательно!

— Не смогу, Халида. Поверь, с удовольствием бы...

— Как же без вас? Мы как отца ждем...

— В Москву еду на неделю. Сессия Верховного Совета. Без меня справляйте, а я подарок привезу.

— На неделю? — Девушка что-то прикинула в уме. — Хорошо, тогда перенесем свадьбу. И Веру Александровну будем ждать, и Мурада Саттаровича. — Она повернулась к Вере: — Вы ему передадите?

Хорошее настроение Саттара мигом пропало.

— Ладно, передадим, — буркнул он. Девушка отошла.

— А вы Мураду не звонили? — осторожно начала Вера.

— Ты мне о нем не смей говорить! Все! — резко перебил ее Саттар. — Мне, Саттару Сафарову, родной сын при всех заявляет, что я ничего не понимаю в хлопке! Надо мной люди теперь смеются!

— Никто над вами не смеется, — нахмурилась Вера.

— Молчи! Смеются, я говорю! Это я не знаю о хлопке! Да я о нем знаю все. Как мать о ребенке! Я его растил под пулями, под дождями, в засуху. Я его с винтовкой охранял. Мы вместе росли. Все мои раны — хлопок, все мои награды — хлопок. Ты у людей спроси, кто знает про хлопок больше, чем я?

— Вам нельзя так волноваться... — сказала Вера, оглядываясь на парня с какой-то бумажкой, который следовал за ними. Саттар остановился. Парень протянул ему плотно исписанный на машинке листок.

— Что это? — спросил он недовольно.

Парень для деликатности кашлянул и бойко начал:

— Жилищные условия... Все отказали, так мне больная базедовой болезнью тещи сказала: иди к моему другу Саттару...

— Пошел вон, — перебил его Саттар.

— Как же так? — повысил голос парень. — Вы же депутат.

— Депутат в поле не принимает! Передай это твоей здоровой, как кабан, теще. Запишись, как все, на прием... Замучают, попрошайки! — добавил он Вере, когда растерянный парень исчез.

— Я звонила в город, — сказала Вера. — Мурад отказался ехать в Египет и защищать диссертацию.

— И хорошо! Так ему и надо! — с неожиданным торжеством воскликнул Саттар Усманович. — Теперь понимаешь, что он за человек? Это же пазло. Думает, что мы с тобой здесь плакать будем. А мне наплевать! Попьяно? — обращаясь куда-то в пространство, почти выкрикнул Сафаров, и тут же горестно спросил: — Почему же он так решил?

— Я думаю, он сомневается в полезности своего труда.

— Да... — в раздумье произнес Саттар, — наше поколение права на сомнения не имело. Было просто: «Кто не борется за хлопок — вон из партии!»

— И хорошо, и правильно! — горячо ответила Вера. — Просто, хотя и жестоко!

— Ваше счастье... живете в мягкое время.

— Счастье? В вашем поколении было меньше слабых людей, чем в нашем!

— Эх, дочка! — Саттар грустно покачал головой. — Бывает, от страха становишься смельчаком. А может, это признак силы и мужества — сомнение? Павки Корчагины есть в каждом поколении — вон у меня парень работает, энтомолог. Проводит эксперимент государственного значения! В Верховном Совете о нас говорили. Шесть тысяч гектаров, все эти поля в этом году не обрабатываем химикатами с воздуха, чтобы не отравлять окружающей

среды. Видишь, у соседей уже летают, опыляют, а все воробьи от них к нам прилетели, вредителей клюют!

За рекой, на горизонте, низко над землей стрекотали два самолета, волоча за собой длинные шлейфы ядовито-желтого дыма.

— Мальчишка, двадцать пять лет, осенью диссертацию защитит! — продолжал Саттар. — Вот это ученый! Если б ты видела, с какой страстью он свое дело защищает! Как со мной ругается! Смотрю я на него, думаю: жаль, что Мурад не такой... Я бы с таким сыном горы перевернул! Ведь он способный, Мурад!

— Он талантливый, — поправила Вера.

— Вера, — Саттар посмотрел ей в глаза, — ты должна поехать к нему, уговорить не бросать диссертацию. Ты можешь на него повлиять!

— У меня много работы, — сухо сказала Вера, — нет времени.

— Ты его разлюбила! — Саттар отвернулся и стал смотреть в поле.

— Нет, я люблю его. Но не хочу быть нянькой! Я не для того выходила замуж... Вы говорите: «сильная», «самостоятельная». А я... я хочу быть слабой, Саттар Усманович, я женщина, мне хочется подчиняться, мне хочется иметь спину, за которую можно иногда спрятаться... мне очень тяжело сейчас.

— Разлюбила, разлюбила... — задумчиво пробормотал Саттар. — Мне будет больно, когда вы разведетесь... Ну, ладно, хватит! Вон они! — Саттар показал на группу людей посреди поля. — В халате — это Умар и есть, видишь, руку ему жмут, поздравляют. Это заслужить надо! — Он взгляделся пристальнее. — Или спорят о чем-то? Пойдем быстрее!

У края поля, возле большого тутового дерева, на худого парня наседали красные, потные колхозники, среди которых выделялась Саида. В руке ее была банка, наполненная гусеницами.

— Уезжай отсюда, понял? Добром уезжай. И урожай свой заведи! — Саида совала под нос Умару банку с шевелящими гусеницами.

— Уберите банку, слышите! Уберите сейчас же! — кричал Умар, но не отступал, только отворачивал лицо.

— В чем дело? — спросил Сафаров, подходя. — Саида, отпусти его.

— Председатель, вызывай самолеты! Вон у соседей уже летают, а мы все ждем! Какой урожай вредители погубят!..

— Но ведь мы же договорились, Саттар Усманович, — вмешался побледневший от гнева Умар. — Это же эксперимент!

— Вот где у меня твой эксперимент! — снова закричала Саида, проводя ребром ладони по горлу.

— Я вам на сегодня повторные анализы назначила, — вдруг сказала Вера.

— Некогда мне, дочка, — отмахнулась Саида. — Смотри, урожай гибнет. — Она снова встряхнула банку.

— Самолетов не будет, Саида, — с достоинством сказал Саттар Усманович. — Про экологию слыхала? Этим вопросом Верховный Совет интересуется!

— А хлопком он уже не интересуется? — не унималась Саида.

— Саида! — В голосе председателя послышалась угроза. — Я пока по-хорошему...

— Саттар Усманович! — крикнула Вера. — Вы меня хоть послушайте! Саиде Азизовне надо в поликлинику!

— Да что это такое! — воскликнула Саида. — Кругом ученые! В больницу — ходи, урожай съели — молчи! А какой урожай обещался? Я говорила, будем первые в районе. — Саида заплакала, отвернувшись и рукавом утирая слезы. — Смотри, раис, вот наш урожай. — Она протянула председателю банку с гусеницами. — Только с трех кустов собрали...

— Провокаторы! — с ненавистью воскликнул Умар. — Сто кустов обшарили, с самого утра лазали! Сами вредители!

— Это я вредитель? — закричал один из колхозников. — Тебя еще на свете не

— Ну что, трудно? — участливо поинтересовался он.

Умар кивнул:

— Иногда думаешь — пулемет бы поставить, чтобы этой Саиды духу здесь не было!

— Сразу и пулемет! — улыбнулся председатель.

— Ей дать волю — давно бы самолеты вызвала! Только на вас надеюсь.

— И правильно делаешь. Я в юности был таким же горячим. Все будет в порядке.

— Конечно, — уверенно согласился Умар. — Я от своего не отступлю.

— Ишь ты! — покачал головой председатель. — Тебя бы в мой эскадрон...

В вестибюле института было прохладно и пусто. Старик-вахтер с седым бобриком волос, в полувоенном френче и галифе, сидел в плетеном кресле у двери и пил из пивалы чай. Рядом с ним на табурете пристроился его восьмилетний внук и читал вслух «Три мушкетера».

Мурад легко взбежал по ступенькам и, словно не замечая вахтера, ринулся к лестнице.

— Пропуск! — крикнул ему вслед старик.

— Потом покажу, — уже со второго этажа ответил Мурад.

Молодой, лысеющий блондин, вошедший вслед за Мурадом, остановился, предъявив свое удостоверение. Старик взял пропуск, передал его внуку, и тот чинно прочитал вслух:

— Ти-мо-фе-ев... Стар-ший на-уч-ный...

После некоторого раздумья старик кивнул.

— А почему у того товарища не проверили? — спросил блондин.

— Все равно ему выходить мимо меня, — раздумчиво сказал старик. — Если он вынесет великую мудрость, я этого не увижу, а если он понесет чертежный стол, я его остановлю.

Но эту глубокую мысль он досказал внуку, так как Тимофеев уже поднимался по лестнице. Внук же терпеливо дождался, когда дед умолкнет, и снова взялся за книжку.

Мурад вошел в светлый зал вычислительного центра. Он осторожно двигался через лабиринт металлических шкафов, усыпанных мигающими глазками и опутанных сетью цветных проводов. Тимура он застал за странным занятием: высыпав на лист бумаги окурки из пепельницы, тот двумя пальцами аккуратно выбирал из этой непривлекательной груды самые большие, откладывал их в сторону. Он ничуть не удивился, увидев Мурада, и вместо приветствия спросил:

— У тебя курить есть?

— Нет, — уселся на стул Мурад. — Чего не заходишь?

— Дела... — не отрываясь от своего занятия, пробормотал Тимур.

— И много? — насмешливо спросил Мурад.

— Позарез! Репетиции капустника, соревнование в пинг-понг, сбор средств к юбилею Тимофеева...

— Смотри, не переработой!

Тимур не заметил иронии.

— Как Вера?

— А ты что, по ней скучаешь?

— Тебя одного чаще, чем раз в неделю, трудно воспринимать. — Тимур теперь аккуратно вытряхивал табак из окурков на клочок газеты.

— Слушай, есть одна идея... — начал было Мурад.

— Опять?! — Тимур в ужасе отшатнулся. — Свою дверь никак найти не можешь? Ворота Тамерлана? Мне твои поиски вот где! — Он закурил самокрутку огромных размеров и поднялся. — С жиром бесишься! Жареный петух тебя еще в одно место не клевал! Отказался от диссертации...

— Надею! — вспыхнул Мурад. — Я к тебе за другим пришел. Будешь слушать?

— Ну? — с неохотой буркнул Тимур.
 — Помнишь, мы говорили, что в каждой науке ровно столько истины, сколько в ней математики?

— Это не мы, это Кант говорил.

— Тем более! Я с ним согласен. Селекционеры сидят в девятнадцатом веке. Нам не хватает математики! Так вот что, если при помощи твоей ЭВМ проанализировать все свойства хлопка как биологического вида... Если собрать все, что знают о хлопке не только одни чистые селекционеры, но и химики, дехкане, текстильщики...

— Ну?

— И весь этот материал засунуть в твою бандуру... Вывести математически наиболее общие законы формирования сорта... Понять механику...

— Бред!

— Да? — усмехнулся Мурад.

— Бред! Машина не всеведущий бог, она сама не считает, ей надо составить программу! Математики с экономистами еще не могут найти общего языка, а уж с вами...

— Надо искать! — убежденно тряхнул головой Мурад. — Кто-то должен быть первым!

— В академики торопишься? — Тимур снисходительно похлопал друга по плечу. — Не кратчайший путь выбрал. Прокোпаешься тут в потемках лет семь!

— Да хоть десять! Зато сколько селекционеров избавим потом от сотен лет блуждания в потемках! А возможности! Заранее программировать любое качество сорта, под любую почву, любой климат! Селекция двадцать первого века!

— Вот именно! Бред! Делом надо заниматься, делом. — Тимур холодно улыбнулся. — Впрочем, ты уже опоздал!

— Почему?

— Сев уже прошел. А надо было употребить все свое влияние, уговорить Ямщикова пойти к министру, задавить их всех. Замордовать, но пробить свой сорт! Мурад с грустью посмотрел на друга.

— А дальше?

— Защитить диссертацию, взять любимую жену и махнуть в Египет. Что ты на меня глядишь с тоской во зоре?

— Я почему-то вспомнил, как мы с тобой однажды решили прогулять лекция и смотались на озеро.

— Ну?

— Там было тихо, и деревья стояли, и мы говорили, что мы умрем, а они так же стоять будут... На горячих досках валялись, я локоть занозил. Там еще старый пес спал в тени — он во сне ногами перебирал, наверно, ему погоня снилась. До слез хохотали, помнишь?

— Нет.

Мурад вынул самокрутку из рук Тимура и сам затянулся.

— Я вспоминаю — такая уверенность в нас была, такая сила! Только бы диплом получить, а там мир перевернем. Чувствовали себя гениями. Между прочим, в тебе были зачатки гениального математика.

Тимур вдруг посмотрел на часы и воскликнул:

— Пошли обедать!

— Что же мешает нам? — страстно продолжал Мурад. — Ведь в наших руках все — лаборатории, доверие, вся наука!

— Тебе мешает ложное самолюбие. — Тимур опустил голову. — А мне...

— Что?

— Я профессиональный неудачник. И скоро...

— Ты врешь! — с возмущением оборвал его Мурад. — Ты профессиональный бездельник! Я помню, как ты с гордостью развивал свою теорию «активной пассивности». Вот уже три года, как ты не прикаснулся к науке. Даже стенгазету за тебя делают твои поклонницы, думаешь, я не знаю? И сказать, почему ты так отбиваешься от моей идеи? — Мурад притянул Тимура за лацкан пиджака и яростно зашептал: — Ты боишься, Тимур! Ты боишься, что я попрошу помощи, а у тебя не получится, потому что ты разучился.

— И не подумаю тебе помогать, отпусти! — Тимур вырвался из рук Мурада. — Я реальный человек.

— А я тебя и не буду просить! — улыбнулся Мурад. — Я найду себе молодого и смелого помощника из тех гениев, что мяч гоняют! — Мурад кивнул в окно, за которым во дворе института молодежь играла в волейбол. — Привет тебе!

— Пока! — крикнул Тимур ему вслед. — Смотри, в своих поисках не ошибись дверью!

Вахтер остановил погруженного в раздумье Мурада.

— Ну, теперь показывай пропуск.

Мурад подал удостоверение, старик передал его внуку и спросил:

— Что выносишь, сынок?

— Я здесь все оставил, дедушка, даже надежды, — грустно признался Мурад.

— Са-фа-ров Му-рад, — прочитал мальчик.

— Сафаров? — старик глянул на Мурада. — Уж не родственник ли ты Саттара? — Сын.

— Да я твоего отца знаю, как родного брата! — обрадовался старик. — Мы ведь с ним все начинали!

— Что?..

— Да вот, все это, — старик обвел руками вокруг. — Эту жизнь!

— И хлопок?

— С него и началось. Двадцать лет хлопок сеял. Надоело даже! А теперь сын меня сюда, в город вял, за внуками смотреть. Сын у меня летчик...

Мурад задумчиво слушал, присев на тешые от солнца ступени.

— А что это такое — хлопок? — спросил Мурад.

— Э-э-э! — старик хитро улыбнулся. — Сразу не расскажешь. Говорю: хлопок — это все! Люди из-за него убивали друг друга, но и жили ради него. Однако главное для хлопка — вода... Земля держится на быке, бык лежит на слоне...

— Земля круглая, дедушка, — сказал мальчик, не отрываясь от книги.

— Да знаю, — с досадой отмахнулся дед. — Но так красшей, не перебивай! Значит, бык — на слоне, слон стоит на рыбе, а рыба плавает в воде. Уйдет вода, вся жизнь на земле прекратится... И начали мы с того, что стали рыть канал. А людей было мало. То есть их было много, но никто не хотел нам помогать...

Мерно звучал голос старика, а перед глазами Мурада возникал...

...обжигающий летний полдень. Раскаленный воздух струился как жидкое стекло. Неподалеку от тутового дерева, в отвалах жирной земли, проходило будущее русло канала.

На отвалах недвижно сидели люди — мужчины, женщины, старики, дети. Черные, изможденные, они сурово смотрели, как на дне канала семеро едва не падающих от усталости комсомольцев продолжали работу. Среди них — молодые Саттар и Агзам, в котором с трудом теперь можно узнать старика-вахтера.

Один из комсомольцев разогнулся и, встретив устремленные на него сверху взгляды, закричал:

— Не жарко сидеть? Идите сюда, здесь прохладнее.

Сразу несколько голосов раздалось сверху:

— Ты сначала накорми!

— Мы не комсомольцы — голодными работать!

— Я даже у бая бесплатно не батрачил...

Агзам, с ожесточением размазывая кетменем, сказал сквозь зубы:

— Им легче два дня болтать языками, чем час мазать кетменем.

Саттар отер потное лицо платком.

— Они правы. Хлеба нет уже два дня. — Он посмотрел на вздувшиеся от напряжения мышцы Агзама. — Ты бы сам отдохнул, нельзя так...

Может быть, Агзам что-нибудь и отве-

тил бы, но наверху вдруг оживленно зашумели, мальчишеский голос прокричал:

— Хлеб, хлеб везут! Азиз хлеб везет!

Вдали на дороге показалась арба, лошаадь шла рысью. Все встали, и даже комсомольцы бросили работать и поднялись на гребень отвала. Только один Агзам продолжал с той же неустойчивой методичностью отгребать землю.

Но по мере того как приближалась арба, оживление толпы снижалось, и наконец наступила полная тишина.

Подъезжавшая арба была пуста, а у привалившегося к высокому ее борту Азиза ножом была приколата к спине записка: «На этой земле никогда не вырастет хлопок. Это я, Вахоб».

Арба стояла косо на горе выброшенной земли, и тело Азиза медленно повалилось набок. Он лежал, раскинув руки, и щека его была такая же черная, как все лица вокруг, и только белела на солнце записка и блестел нож.

Люди, опустив головы, стояли перед голышом свежей земли. Саттар поднялся на арбу.

— Вы знали Азиза,— сказал он.— Вы знаете меня. Я проклят отцом. У меня никого нет, никого!.. Кроме вас... Если завтра к утру мы не закончим канал, уйдет весна и мы не посеем хлопок. Но клянусь вам, что завтра я привезу вам хлеб! Кто верит мне, пойдет со мной работать!..

Он спрыгнул с арбы и, подняв свой кетмень, спустился вниз, на дно канала. За ним потянулись комсомольцы и еще несколько человек. В знойной тишине откуда-то донесся плач ребенка.

Люди спускались по отлогой стенке канала и смотрели на Агзاما, который продолжал исступленно размахивать кетменем.

Саттар посмотрел на залитое потом лицо Агзاما, на стертые в кровь руки, обмотанные тряпками.

— Уйди, Агзам,— тихо проговорил он.— Остановись!

Агзам, не отвечая, продолжал работать.

Саттар оглянулся на людей наверху и сказал:

— Это безумие, Агзам!

— Только наше безумие может победить их безумие! — зло прошептал Агзам, едва шевеля расстрескавшимися от жажды губами.

Потом они работали ночью при свете факелов, работали почти все — по крайней мере, никого не было видно на отвалах. Мелькали лезвия кетменей, блестели в свете костров мускулистые спины. И звонко разносился в тишине звенящей ночи призывный ритм бубна.

Саттар спал под тутовым деревом в неудобной позе, ругнув на землю. И видно было, что заснул он еще до того, как его горячее тело коснулось прохладной земли, усыпанной прошлогодними высохшими ягодами тутовника. Агзам тронул его за плечо:

— Вставай... Вставай, надо ехать.

Саттар встал. Они прошли метров двадцать, прежде чем Саттар пришел в себя и сообразил, что уже утро, что рядом нетерпеливо перебирают ногами лошади и что молча стоят люди и ждут, что он им скажет. Они сели в седла, закинули за спину винтовки.

— Мы едем в город,— сказал Саттар.— Скажем, что можно пускать воду по нашему каналу. И привезем хлеб.

В короткой тени, у стены с вывеской «Водхоз» сидели люди с портфелями, свертками. Сидели, видимо, уже давно. По краю тени, повторяя ее изгибы, медленно пробирался кот.

Саттар и Агзам подошли к дверям «Водхоза».

— Обед! — подняв потное лицо с блеклыми, словно выцветшими от жары глазами, сказал сидевший рядом с дверью парень.

Саттар спокойно открыл дверь и уверенно вошел. За ним — Агзам. В полутьме коридора они сначала ткнулись в какую-то запертую дверь. Другая легко поддавалась, и они попали в маленькую душную комнату, где вдоль серых некрашенных стен стояли шкафы, канцелярские столы со счетами, мутными графинами и папками. За одним из столов сидел толстяк и ел — перед ним на синей оберточной бумаге лежала селедка, разрезанная на ломти редька, стоял захватанный пальцами стакан с бледным чаем.

— Мы из Курган-Тюбинского района. Канал уже готов! — сдерживая улыбку, сказал Саттар.

— Ну и что? — равнодушно спросил толстяк.

— Давай воду!

— Быстрый какой! Вы заявку подавали?

Саттар беспомощно взглянул на Агзана. Тот стоял в дверях, опираясь на карabin. Лицо его было непроницаемо.

— Мухтар, — обратился толстяк к товарищу, который за соседним столом тоже что-то ел из тряпочки. — Мухтар, посмотри заявку.

Мухтар покопался в какой-то папке и сказал, не подымая глаз:

— От них заявки не было.

— Значит, и воды не будет.

У Саттара задрожали руки, и он с молящейся в голосе произнес:

— Как не будет, товарищ? Мы работали два месяца, мы не знали про заявку. Прошу тебя, дай воду, очень прошу!

— А что ты меня просишь! Я не зан какой-нибудь, чтобы тебе подачки давать.

Саттар оторопело посмотрел на Агзана. Тот, не изменив выражения лица и не подняв глаз, подошел к столу и враз смел прикладом все, что на нем находилось. Посыпались бумаги, шлепнулась об пол селедка, загремели счеты, вдребезги разлетелся графин.

Толстяк пристально посмотрел в глаза Агзаму и, не торопясь, пошел к двери:

— А вот за хулиганство вы ответите!

— Дверь заперта, — спокойно сказал Агзам.

Толстяк стоял спиной к ним, держась за ручку двери, как бы размышляя.

И тогда Агзам смел все со второго стола. Тот, что потщедушней, кинулся было подбирать, но на всякий случай юркнул под стол, с тревогой ожидая, что будет дальше.

— Давай воду, — тихо попросил Саттар.

— Вас арестуют.

— А мне плевать, — сказал Саттар спокойно. — Пиши бумагу. Пиши. Пиши! Меня сто пятьдесят человек ждут, верят мне. А я для них — Советская власть! Пиши бумагу, а то пристрелю!

Толстяк наклонился, поднял с пола бланк и, стоя, стал писать, приложив бумагу к двери, потом сказал:

— Дай печать, Мухтар.

Из-под стола показалась дрожащая рука с печатью...

А потом бежала по каналу мутная, бурная, первая вода. За ней вдоль канала бежали, падая, люди, и женщины кричали что-то сквозь слезы, и поднимали на руки ребятшек, чтобы и они увидели это чудо. И вот уже один дехканин прыгнул в воду, другой подставил лицо холодным, сверкающим на солнце брызгам...

Мурад задумчиво улыбался, слушая рассказ старика.

— Вот, — вздохнул Агзам. — А потом пришел Ямщиков... Он сейчас академик... И стали мы сажать хлопок. Так что вода, сынок, это — главное! — Старик отхлебнул чай из пивалы, подумал и добавил: — Главное, но не самое главное.

— А что же — самое?

— Как тебе объяснить... Человек и земля у него под ногами, и небо над его головой — все едино! Человек и то, что он растит, тоже едино! — Старик запустил уз-

ловатые пальцы в вихрастую голову внука и улыбнулся.— Хороший человек не может вырастить дурной плод. Вот что главное!..

Из подъезда выбежал запыхавшийся Тимур и, натолкнувшись на сидящего Мурада, радостно завопил:

— Слава аллаху! Я тебя повсюду ищу, звою. В институте нет, дома не отвечают. Я тут кое-что прикинул.— Тимур вытащил из кармана клочок бумаги, испещренный цифрами.— Если взять исходные данные какого-нибудь уже проведенного опыта, пропустить через нашу бандуру...

— Так ты берешься?

— Вообще-то это безумие, но... Что ты там про премию говорил? — Тимур посмотрел на друга.

— Тебе послышалось...— сказал Мурад. И оба рассмеялись.

К подъезду райкома партии подкатила машина Саттара Сафарова. Из нее торопливо вышел сам председатель и Саида.

В приемной секретарша даже не пыталась преградить им дорогу, только посмотрела вслед, испуганно прикрыв рот рукой.

Саттар и Саида вошли в кабинет. Сидевший за столом Сулейман внимательно посмотрел на вошедших.

— Слушай, Сулейман, кто лучше знает хлопковое дело, ты или я? — не задорываясь, сходу выпалил Сафаров.

— Вы, Саттар Усманович,— улыбнулся секретарь.

— Так почему я должен к тебе ехать, от дела отрываться, клянчить какие-то самолеты? Почему? Разве я сам не могу решить, нужно производить обработку полей химикатами или не нужно? Что я — мальчишко или уже совсем из ума выжил, меня надо проверить?!

— Когда вы дали согласие провести эксперимент, вас предупредили, что обработки ядохимикатами с воздуха на этих полях не будет,— заметил Сулейман.

— Дай самолеты!

— Не дам!

— А ты знаешь, что у меня на других полях признаки вилта?! Ты понимаешь, чем это пахнет? Поэтому на экспериментальных полях мне тоже нужен гарантированный урожай.— Саттар Усманович, не оборачиваясь, протянул руку назад, в ней оказалась поданная Саидой банка, полная шевелящихся гусениц.— Вот что я сам собрал на этих экспериментальных полях.— Он вытряхнул на стол секретаря гусениц, которые поползли по бумагам в разные стороны.

Секретарь с отвращением взглянул на стол, потом поднял на Саттара решительный взгляд.

— Самолетов не дам!

Сафаров хотел что-то сказать, но спохватился и обернулся к бригадире:

— Саида, выйди!

Когда та вышла, Саттар, с трудом сдерживая ярость, проговорил:

— Ты меня осенью из партии погоняешь, если я плана не выполню!

— Я не погоню!

— Ну так нас двоих погонят!

— Вдвоем мы отобьемся! — попробовал пошутить секретарь.— А самолетов я вам не дам!

— Так что получается? Я, Саттар Сафаров, в своем колхозе не хозяин? Тогда снимайте к черту! Люди смеются надомной — не могу авиацию вызвать!..— Саттар вдруг смягчился и сказал почти с мольбой: — Да шайтан с ним, с этим экспериментом! Если мы с тобой план дадим, нас еще поблагодарят. Сам знаешь, какой год. Победителей не судят!

— Да поймите, Саттар Усманович, вы сорвете эксперимент, нужный всей хлопководческой системе страны. Вы об этом подумали? Да и не могу я вам дать самолеты!

— Ты можешь волевое решение принять!

— Ну все! — коротко отрезал секретарь.— Считайте, что я его принял!

— Смотри, Сулейман,— покачал головой Саттар и, резко повернувшись, вышел из кабинета.

Секретарь райкома некоторое время сидел молча.

По столу расползались гусеницы.

Сулейман вдруг резко выдохнул и ударил по столу кулаком...

Вера быстро гнала машину по шоссе, идущему среди хлопковых полей. Впереди решительно шагал какой-то парень. Она посигналила, но он продолжал шагать по середине дороги. Теперь Вера узнала его — это был Умар. Она притормозила, окликнула его по имени. Умар кинулся к машине, распахнул дверцу, что-то сказал Вере. Она жестом пригласила его сесть рядом. Машина круто развернулась...

На взлетной площадке шла погрузка ядохимикатов в два самолета сельскохозяйственной авиации. Несколько человек в защитных масках и комбинезонах таскали мешки. Поодаль летчики мирно пили чай. Сафаров показывал им что-то на карте.

Вера еще не успела затормозить, как из машины выскочил Умар.

Он вытер вспотевший лоб и начал, задыхаясь:

— Вы можете вырвать у этой земли еще один урожай. Но только для рекорда, для доски почета!

Летчики понимающе переглянулись, заулыбались.

— Ты не кипятись,— ласково перебила стоявшая тут же Саида,— садись с нами, чаю попей...

— Земля — это жизнь со своими законами,— продолжал возбужденно Умар.— Если вы сейчас начнете обработку химикатами, процесс возрождения равновесия в почве, который с таким трудом начался на экспериментальных полях, прекратится. Погибнут не только вредители хлопчатника, но и те организмы, которые борются с ними...

— Ты все это рассказывал,— снова попыталась перебить его Саида.

Умар метнул на нее полный ненависти взгляд, но сдержался и снова обратился к председателю, стараясь говорить спокойно:

— Вы... вы слышали, что в молоке коров нашли ядовитые примеси, потому что коровы паслись рядом с обработанным хлопковым полем?

— Ну, мы пошли,— летчики встали, одевая шлемы.

— Давайте,— кивнул председатель и, обернувшись к Умару, сказал:

— Я уважаю тебя и твою науку, поверь. Наш эксперимент мне так же дорог, но интересы государства...— Он не договорил, потому что Умар кинулся к ближайшему самолету и стал перед самым винтом.

— Я не дам вам вылететь! — срывающимся голосом крикнул он.

— Отойди от винта! — в испуге заорал летчик.

— Я не дам!

— Эй ты, хулиган! — закричала Саида.

— Не уйду! — Умар покачал головой и от бешенства даже закрыл глаза. Все беспомощно уставились на председателя.

— Вызовите милицию, что ли,— недоброливо сказал Саттар Усманович.— Или оттащите его.

Двое в комбинезонах и масках кипулись к Умару, схватили за руки, оттащили в сторону.

Взревел мотор, и по площадке понесся пыльный ветер.

Умар, пытавшийся вырваться, продолжал кричать:

— Как вы до сих пор не поняли, что человек и земля — едины, и если вы не будете уважать ее законов, она будет мстить. Это будет страшная месть!

— Врача ему, что ли? — озабоченно потер щеку председатель.

— Вам наплевать, что про вас скажут ваши сыновья и внуки, им придется расхлебывать то, что вы натворили!.. А они вас проклянут!.. Вы лжете! Вам на интере-

сы государства наплевать! Вам выгода нужна, выгода!

— Да как ты смеешь! — возмутился Сафаров.

В это время взревел мотор второго самолета. Умар вырвался и побежал ему наперерез. Он попытался ухватить его за крыло, летчик чудом успел повернуть машину. Умар упал в пыль, снова вскочил, бросился вслед самолету.

— Да удержите вы его, он с ума сошел! — кричал в волнении председатель.

Что-то кричал из кабины летчик, ревел мотор. У одного из колхозников из-под маски текла кровь.

Самолеты взлетели, шум моторов стал стихать.

— Отпустите меня, — хрипло выдавил Умар. Он стоял, понутив голову, и не сопротивлялся.

Саттар Усманович смотрел на энтомолога неподвижным угрюмым взглядом.

— Я уже успокоился... — сказал Умар. — Только еще я вам хочу сказать, самое тяжелое в жизни — потерять веру. Я вам верил... А вы, вы оказались простым, обыкновенным предателем.

— Ты что такое говоришь? — задыхулась от возмущения Саида.

Сафаров покачулся, закрыл глаза. Вера взглянула на него и закричала:

— Не слушайте его, Саттар Усманович! Простите его, он не в себе. Вы рассудительный человек, вы поймете... Он просто мальчишка!

Она попыталась увести Сафарова, но тот вырвался.

— Вы не меня, вы свое дело предали... о котором так хорошо рассказываете... — тихо продолжал Умар.

— Уйди отсюда, сейчас же уйди, медленно! — подскочила Вера к Умару.

Саттар Усманович задыхался, ему не хватало воздуха, он рванул рукой ворот рубахи.

— Мальчик... Что ты знаешь? Ты мне во втуки годишься!..

— Не гожусь, — покачал головой Умар. — Я проклинаю вас!..

Саттар Усманович схватился за сердце, лицо его посерело. Он сел на землю. Вера и Саида кинулись к нему:

— Что с тобой, раис? — в ужасе прошептала Саида.

Председатель глядел неподвижным взглядом куда-то в залитые солнцем поля...

...С ревом пронеслись над полем самолеты, оставляя позади себя шлейф ядовито-желтого цвета.

По дороге с отсутствующим взглядом быстро шел Умар, лицо его было в пыли, на лбу запеклась ссадина.

Вот снова воздух наполнил рев приближающегося самолета, и черная тень пронеслась над головой Умара...

Ямщиков, Тимур и Мурад выходили из института последними. Сторожиха сердито посмотрела на них, запирая двери.

— Ну что, ребята, — вздохнул Ямщиков. — На вечер я вам не компания. Вам тоже советую пораньше спать лечь. Завтра всем надо быть в форме.

— Да вы не волнуйтесь, профессор. Если даже завтра не получится, еще раз попробуем, — закуривая, сказал Тимур.

— Времени у меня мало, а я хочу до результатов дожить. Жалко, не смогу завтра в два часа приехать, у меня совещание в академии. Вы хоть позвоните, как опыт прошел...

Мурад и Тимур шли по улице, дымили сигаретами, наслаждаясь бездумьем вечерней толпы и сутолоки.

У перекрестка резко затормозила черная «Волга».

— Тимур, Мурад! — замахал им из окна машины Сулейман.

— Просто мистика, ребята, — сказал он, когда оба сели и машина снова тронулась. — Я только что думал о вас! Вот только что!.. У вас еще дела есть?

— К черту дела! — заявил Тимур. — Я домой.

— Ребята, поехали ко мне! — предложил Сулейман.

— А может, ко мне? — возразил Мурад.

— Тогда на Красноармейскую, — сказал Сулейман шоферу.

— А я что, рыжий? — сказал Тимур. — Нет уж, тогда и я с вами!..

И вот они уже в квартире Мурада.

Сулейман и Тимур пошли хозяйничать на кухне. Тимур открыл дверцу холодильника. Там на блюдечке лежал высохший лимон и пустой пакет из-под молока.

— У него дом — полная чаша! — констатировал Тимур. — Да, без жены этот человек смысла не имеет!

Сулейман вынул из портфеля бутылку коньяку, банку икры.

— Ого! — сказал Тимур. — Общественные интересы ты ставишь выше личных?

Сулейман добродушно ухмыльнулся.

— Тимур, сколько мы с тобой не виделись?

— Я с тобой виделся год назад на похоронах Мухамедкулова. Ты речь держал, так что вряд ли меня видел. Я в толпе стоял, хотел помахать, да неудобно было... Сулейман не захотел понять иронии.

— Я недели полторы назад с Верой виделся, — сказал он, — да как-то по-дурачки вышло. Иностранцы были, я замотался, она, наверное, обиделась... Как у них с Мурадом сейчас?

Тимур хотел ответить, но в дверях появился сам Мурад.

— Мы тут пытались вспомнить, сколько лет не виделись, — сказал Сулейман. — Да, на меня многие в обиде. Не звонит, не пишет, зазнался!

— А я не обижаюсь, — улыбнулся Мурад. — Как подумать — мне бы твои заботы!

— Икрамова недавно встретил, — обратился к Тимуру Сулейман. — Не поздоро-

вался! А действительно — времени нет. В кино когда был — не помню...

— Понятное дело, — не успокаивался Тимур. — Удивляюсь, как ты сегодня время выкроил. Мог бы с нужными людьми поужинать...

— Чего ты привязался? — добродушно спросил Сулейман.

— Ну, признавайся, сладко бремя власти?

— Не поверишь, высшее образование мешает. Я же агроном, район сельскохозяйственный — все ошибки видишь, во все нос суешь, за все болеешь! Был бы я учителем географии, как хорошо!

— Сказано: «Познание умножает скорбь!»

— Неглупо, — согласился Сулейман.

— Ну, пошли! — потянул друзей в комнату Мурад.

— Я хоть чайник поставлю, — сказал Тимур.

Сулейман вошел вслед за Мурадом в комнату.

— Даже в город некогда выбраться, — пожаловался Сулейман. — Воздухом подышать. У нас теперь из деревни в город ездят воздухом дышать. В эти дни — самая обработка самолетами, потому — яд столбом, в полях не продохнешь. Все председатели, как с ума походили, — давай самолеты, и баста!

— Почему все? — улыбнулся Мурад. — Вон у отца шесть тысяч гектаров не обрабатывают...

Сулейман опустил глаза и взял из рук Мурада рюмки. Вошедший Тимур разлил коньяк.

— Как дела? — поинтересовался Сулейман, когда все выпили.

— Работаем... — ответил Мурад.

— Неужели вместе? Какая же тема?

— Анализ методов выведения новых сортов хлопчатника с применением ЭВМ...

— Наконец-то столкнули математику с биологией! — Сулейман откусил яблоко и повернулся к Тимуру. — А я, признаться, думал ты загнил в своем институте...

— Тлел, тлел и вдруг задымился — сам не ожидал! — признался Тимур.

— Неужели вам эту тему утвердили?

— Конечно нет! — рассмеялся Тимур. — На общественных началах: он — в отпуске, я — по вечерам.

— Завтра пробный шар пускаем, — добавил Мурад. — Хотя ясно станет: быть или не быть. Только на два часа машину дают. Не успеете, говорят, — ваше дело. Но мы же «тимуровцы».

— Да, — сказал Сулейман. — До чего же популярна стала такая мысль: «Полезно лишь то, что нужно сегодня. Все, что рассчитывается хотя бы на год вперед, — от лукавого!» Не хотел говорить на эту тему, Мурад, но у меня началась война с твоим отцом. — Сулейман разглаживал скатерть на столе. — На смерть!

— В чем дело?

— Он вызвал авиацию на экспериментальные участки.

— Брось?!

Сулейман развел руками.

— Но там же ученые?!

— «Ученые!» — Сулейман усмехнулся. — Там парень сидел, аспирант, пошел в рукопашную по традициям отцов, ему пятнадцать суток чуть не вклеили...

— А ты куда смотрел? — спросил Тимур.

— Саттар Усманович сам самолеты вызвал, — Сулейман вздохнул.

— То есть как так, сам вызвал? — возмущился Тимур. — А ты на что? Ты же партия!

— Я не партия, я секретарь райкома, а он — Саттар Сафаров, знаешь такого? Нет у меня на него власти! Знаешь, почему я в городе? Мне весь день по кабинетам шею мылили за то, что я с ним не справился, а сами не хотят вмешиваться.

— Как же теперь? — спросил Тимур.

— Мне выговор еще с весны обеспечен. Я ведь понимал, что эксперимент снизит урожай в этом году. Значит, мог бы получить выговор за невыполнение плана. А теперь получу за срыв эксперимента!

— Значит, он за урожай борется? — вступил в разговор Мурад, который сидел все это время, напряженно о чем-то размышляя.

— Конечно! — сказал Сулейман.

— И правильно! — Мурад вдруг покраснел. — А как он мог не бороться — стране хлопок нужен.

Тимур ухмыльнулся.

— Ты же сам только и говоришь, что надо вперед смотреть!

— Это в науке, понятно? А тут практика. Стране хлопок нужен сейчас, сию минуту.

— Так ведь никто не спорит, что нужен, — сказал Сулейман. — Мы говорим о том, что небольшая потеря сегодня вернется с лихвой завтра!

— Кто это «мы»? — враждебно спросил Мурад.

— Ну... ты, я...

— Он о стране думает, о государстве! — упрямялся Мурад.

— И о первом месте в районе... — встал Сулейман.

— Твоему отцу в его годы, с его положением, когда награды уже вешать некуда, думать о первом месте по району... — сказал Тимур. — Да хоть по стране! Ему о боге пора думать или на худой конец — чтобы не мешать новому...

Мурад налил себе рюмку, выпил.

— Он всю свою жизнь думал о том, чтобы давать стране хлопок. Ему ведь за это награды давали! За это! Если бы он за медали работал, он бы давно на пенсию ушел! А он, как безумный, и теперь в шесть утра вскакивает и носится по полям, горло надрывает! А этот хулиган, энтолог, о диссертации только думает, о своем эксперименте...

— Это не его, а наш эксперимент, и мы его проведем! В другом колхозе! А ты все с ног на голову поставил, — покачал головой Сулейман. — Идет научно-техническая революция... ре-во-лю-ция!

— Правильно! — Тимур рубанул рукой воздух. — И любая революция не обходит-

ся без жертв! И Саттар Усманович рискует оказаться в их числе.

— Ты что говоришь? — побледнел Мурад.

— Я фигурально, — выставил вперед руки Тимур.

— А движут революцию люди, бесконечно ей преданные, — дополнил Сулейман, — как этот мальчик, который чуть было не сел в милицию! И Тимур прав — еще полетят головы! Я тоже говорю фигурально...

— Я пойду чайник посмотрю, — Мурад поднялся и вышел.

— Рано еще! — крикнул ему вслед Тимур, зевнул и включил телевизор. — Жрать охота — сид нет!

Вспыхнул экран телевизора. По душанбинской программе показали лектора, который держал в руках коробочку хлопка и раздельно говорил: «Сорт волокна «6249-B» успешно прошел оценку, он обладает иммунитетом к фузариозному вилту и черной корневой гнили...»

Чертыхнувшись, Тимур переключил программу. Московский диктор сообщил: «Вести с полей. Радостные вести принесли сегодня хлопкоробы Узбекистана. Почти на половине посевных площадей...»

— Рехнуться можно! — Тимур выключил телевизор. — Хлопок, хлопок... Хотя в шахматы поиграть... — Он взял с полки доску и рассыпал фигуры. — Вот уж истину — не хлопок для человека, а человек для хлопка!

— Циник, циник, где ты был? — пропел Сулейман. — Погоди минутку, я тебе мат закачу! — Он встал и пошел на кухню. — Может, у него хоть сухари есть..

На кухне Мурад сидел за столом спиной к двери. Сулейман пошарил в шкафу, еще раз заглянул в холодильник и вдруг заметил, что Мурад плачет.

— Ты что, старичок? — испугался Сулейман.

— Он же прекрасный, умный, смелый человек! Он только никак не может смириться, что он уже стар — гордость не по-

зволяет. Конечно, он любит власть, славу, и он всегда был достоин ее. Я же прекрасно понимаю... Надо поставить в районе его бюст из чистого золота и сказать: «Спасибо... но не мешай!»

Сулейман стоял над Мурадом, крепко держа его за плечо.

Вошел Тимур, блаженно улыбаясь, и объявил:

— Ребята, сегодня вместе встречаем рассвет! Никаких уверток! Поехали...

...Светало. С холмов была хорошо видна вся долина, до горизонта покрытая цветущим хлопком. Туман лежал в низинах. Из дальнего кишлака доносились утренние крики петухов. На вершине холма сидел Сулейман, в руках держал пластмассовый стаканчик.

Мурад, сидевший чуть в стороне, налил себе и встал:

— Ребята, — закричал он, — у каждого из нас есть желание. Я, к примеру, хочу стать лысым и богатым, как Коля Тимофеев. И буду! Ты, Сулейман?

— Я хочу шурпо!..

— Получишь! Целый казан... Тимур! — Он оглянулся. — А где Тимур? Тимур! — закричал он, оглядываясь вокруг. — Сулейман, ведь машины нет...

— Смотри, как красиво, — вздохнул Сулейман. — Эх, земля наших отцов! Вон, видишь то тутовое дерево, правее — дом. Знаешь, чей это дом? Это твой дом, там сейчас сладко спит твой отец и твоя любимая жена...

— Никакой любимой жены нет, — отрезал Мурад. — Я ее вырвал из сердца. Ты знаешь, что она мне сказала? Она сказала, что ей скучно от моей любви! Это она сказала мне! Твоей жене скучно от твоей любви?

— Я не спрашивал...

— А ты спроси! Вот поедем сейчас и спросим... Где же Тимур?

На холм выскочила черная «Волга», сделав круг, остановилась. Из-за руля вы-

шел Тимур, оббежал вокруг машины, открыл заднюю дверцу. Показалась Вера, в руках у нее был казан, под мышкой — бумажный пакет, из которого свисала зелень. Сулейман выхватил у Веры казан, Тимур — пакет и заорал:

— Я решил воссоединить медицину с селекцией! Это же божественное занятие — найти двух единственных, необходимых друг другу дураков...

Мурад расплылся в блаженной улыбке.

— Вера, иди сюда!

Она подошла, Сулейман протянул руки, но Мурад отпихнул его:

— Молчи. Ребята, это — женщина, которую я люблю! Вы знаете картину Верещагина «Ворота Тамерлана»? Перед этой картиной мы с ней познакомились. В Третьяковской галерее стояла перед картиной девушка, к ней подошел молодой застенчивый таджик и рассказал ей легенду о воротах Тамерлана.

— Не знаю такой легенды, — покачал головой Сулейман.

— Неважно! — отмахнулся Мурад. — Важно, что эта женщина — моя жена! И она меня никогда не бросит!..

— Да я бы бросила, — рассмеялась Вера, — но оставить тебя не на кого...

Мурад поднял стаканчик.

— Завтра кончается отпуск... самый счастливый в моей жизни. Завтра начинается самый счастливый рабочий год в моей жизни... А может, и не начинается! Это зависит от того, как пройдет наша проба на ЭВМ. А самое главное — у меня есть вы!..

Тимур и Сулейман уже потянулись чокаться, но Мурад остановил их:

— Это не все. Я хотел сказать еще другое... Я хочу сказать, что история делается не тогда, когда гремят барабаны и когда нас снимают для кино. История делается незаметно, когда подметают улицы, когда покупают кефир, все время, вот сейчас... Тихо! Послушайте, как делается история каждую секунду. Тихо!..

В наступившей тишине они постояли,

а Мурад значительно поднял брови и, как пророк, — еще и палец. Вставало солнце, и издалека донесся рев ишака.

Стены института, освещенные пронзительным солнцем, казались белыми. Жарко сверкала стеклянная дверь, блестела струя воды из дождевальной установки посреди клумбы. К подъезду подкатила пыльная «Волга». Почти на ходу из нее вывалился Саттар Усманович и, прихрамывая, стал через две ступеньки подниматься к дверям.

С плетеного кресла поднялся старик Агзам, протягивая давнему другу обе руки:

— Саттар!..

— Салям, пенсионер! Мурад здесь?

— Обижаешь, Саттар. Пенсионер подбежал лестнице в минарете, и тот и другой...

Но Саттар не дал ему договорить:

— Прости, друг, спешу, и дело мое важнее жизни. Как к нему пройти?

— По левой лестнице, комната пятнадцать... — Агзам был обижен.

Но Саттар не заметил этого — задыхаясь, он бежал по лестнице.

Около пульта электронно-вычислительной машины сидела хорошенькая лаборантка, рядом стоял еще какой-то парень в белом халате и Тимур. Он явно волновался, что-то говорил парню и лаборантке. Они согласно кивали. На столе сидел Мурад, облизывая пересохшие губы. Он ничего не понимал в технической стороне происходящего и, может быть, поэтому, был напряжен до предела.

— Возьми листок бумаги, — обернулся к нему Тимур, — будешь записывать...

Мурад кинулся за бумагой.

В дверях он столкнулся с отцом.

Сафаров был небрит, осунувшийся, черный. Он сел на стул у каких-то панелей с цветными проводами и лампочками. Мурад остановился рядом. Отец поднял на него глаза.

— Сын, у меня беда. Вилт на полях — хуже чумы! Тебе объяснять не надо. Можешь помочь?

Мурад покачал головой.

— Но ты же много знаешь. Ты же сам говорил, что знаешь про хлопок больше всех нас!

Мурад молчал.

— Может быть, ты просто не имеешь права говорить? — Сафаров не терял надежды. — Тогда я пойду, позвоню в правительство...

— Отец, мне так много надо сказать вам... — начал Мурад. — Я тогда наговорил такое... И вот сейчас... Впервые в жизни вы пришли ко мне за помощью, а я не могу вам ее дать!.. Лет через пять, а может быть, — через десять...

Саттар внимательно посмотрел на сына, усмехнулся, встал, оглядел всех и громко сказал:

— Хорошо тут у вас. Прохладно. Здесь можно и двадцать лет экспериментировать — не надоест!

Тимур с лаборантами удивленно обернулись. Они только сейчас заметили Сафарова, но сказать ничего не успели — дверь с треском захлопнулась.

Мурад выскочил следом, догнал отца.

— Отец, подождите, не уходите так!

Саттар Усманович остановился, но не обернулся.

— Отец, вы понимаете все, вы умный, вы сильный, вам не надо бежать за временем, чтобы успеть... Но... чем выше скорость, тем дальше вперед надо видеть, выбирая дорогу, — только и всего...

— И ты меня учить будешь?! — резко повернулся к нему Сафаров. — Я готов! Тимура позови, девочку эту!.. Вы все знаете, а Саттар — так... лестница в минарете.

— Что? — изумленно спросил Мурад. — Отец, не думайте...

— Ты еще пожалей меня! Я не пропадаю, я дело знаю! — Усталость, напряжение и отчаяние — все, накопившееся вместе, вылилось у отца в приступ несправедливого гнева. — А ты сиди здесь и считай. Все

посчитай своей машиной! Только не забудь посчитать кровь, которой политы поля! Не забудь посчитать убитых на каждой пяди. Только как ты измеришь страсть и радость людей, которые сеяли хлопок?.. И еще научи свою машину измерять любовь, которую мы отдали ему!.. Рано ты меня жалеешь! Еще не время! Рано!

— Отец!

— Надеюсь, умру скоро, не увижу, во что вы превратите то, за что умирали ваши отцы! — Последние слова Саттар произнес шепотом.

Мурад стоял, прижавшись лбом к стене, когда на площадку вышел Тимур.

— Ну вот, загрузили! — Он хлопнул друга по спине. — Теперь сорок минут можно отдыхать... Считать ей не пересчитывать! — Тимур заметил состояние друга. — Где отец? Что случилось?

— Да ничего, опять я глупостей наговорил! — Мурад старался казаться спокойным.

— Пошли чай пить...

— Куда? — не понял Мурад.

— Чай пить!

— Какой чай?..

Насколько Агзам был обижен холодностью старого друга при встрече, настолько он был перепуган сейчас, когда увидел Саттара, спускавшегося с лестницы. Тот шел медленно, едва переступая и держась за сердце. Подойдя к Агзаму, он упал на стул и, рванув ворот рубахи, прошептал:

— Валидол есть?

— Лучший валидол — зеленый чай! — засуетился Агзам.

— Старею... — Саттар отхлебнул из пилы. — Ты сколько уже на пенсии?

— И ты собираешься?.. Ты не дослушал мой рассказ... Пенсионер вообще полюбил лестнице в минарете...

— погоди, я серьезно, — перебил его Саттар. — Неужели можно вот так спокойно сидеть, смотреть, как мимо идут люди, идет время, идет жизнь?..

— Знаешь легенду о воротах Тамерлана?

— Что еще за ворота?

— Вот, послушай... В Самарканде все ходили через широкие Северные ворота. Но это стало неудобно, когда город стал расти и надо было долго идти в обход, а торговые пути шли с юга. И Тамерлан построил Южные ворота, украшенные резьбой. День и ночь через них шли караваны. Все больше и больше, потому что путь в город стал коротким. Город продолжал расти и богатеть. И настало время, когда Южные ворота стали узки. Тогда пришли люди к Тамерлану и сказали ему: «О мудрейший, спасибо тебе, что ты пробил ворота с юга, но теперь расширь их! Караваны уже не успевают проходить и нередки заторы...» «Неблагодарные,— возмутился Тамерлан,— неблагодарные: не было ворот — вы были недовольны, я их построил — вы недовольны опять...»

Тут Саттар допил чай и встал, но Агзам остановил его:

— Дослушай, это интересно.. И запер Тамерлан дверь, и поставил стражников, чтобы никто не мог пройти.

— Ну и что, город зачах? — небрежно спросил Саттар.

— Нет, люди стали ходить опять через Северные ворота, длинным путем. А когда Тамерлан умер, они открыли Южные и расширили их!.. Ведь жизнь **остановить** нельзя.

Саттар усмехнулся, хлопнул Агзама по плечу и побрел к выходу. В дверях он столкнулся с Ямщиковым.

— Ну, как результаты?

— Какие? — не понял мрачный Саттар

— Ты разве не у сына был?

— У сына...

— И не знаешь? Так пойдем скорее. Они в два часа должны закрутить машину... Я даже из Академии сбежал! Знаешь, Саттар, ты отец великого человека!.. Эх, нам бы с тобой родиться лет через двадцать после них, мы бы горы перевернули! — Профессор засеменил к лестнице.

Саттар некоторое время постоял в нерешительности, затем медленно побрел вслед за ним. На первой ступеньке он остановился, обернулся к Агзаму:

— Все-таки непонятную ты мне легенду рассказал...

— В жизни многое объяснить нельзя,— согласился Агзам.

Саттар Усманович подошел к дверям лаборатории, заглянул через стекло — Тимура и Мурада не было видно. Ровно гудела электронно-вычислительная машина, что-то ритмично щелкало, перемигивались лампочки. Из-за пульта вышла девушка в халатике, подошла к металлическому шкафу с вертикальными бобинами, что-то пометила в тетради... Тимур, Мурад и Ямщиков стояли у окна, пили чай, молчали и смотрели во двор.

Саттар Усманович медленно повернулся и побрел к выходу...

...Сафаров ехал в машине, и крутились, поворачивались за окнами бесконечные хлопковые поля.

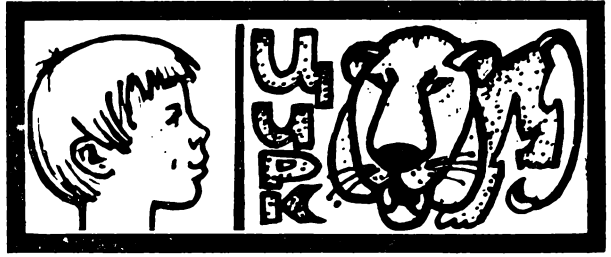
...Перемигивались лампочки на светящейся панели, юная лаборантка поправляла прическу.

...Мурад смотрел в окно. Лицо его было ясно и просто.

...Сафаров уже видел за лобовым стеклом одинокое дерево тутовника посреди хлопкового поля.

...На экранах осциллографов вздрагивали, вытягиваясь в безукоризненную прямую, синие, голубые, красные полосы, подергивались стрелки приборов. Тихо и напряженно гудела машина, пытаясь объять необъятное, пытаясь вместить в себя страх и страсть, боль и радость — память человечества.

Бледные, выцветшие кадры кинодокументов проходят перед нами: копают канал, бегут люди вдоль арыка, раскулачивают бая, горят кишлаки... Улыбаются люди, смеются и плачут... Мамлакат с орденом Ленина на груди, а вокруг — взрослые, комбайны, хирманы, поля... И — хлопок... Наше безумие, наше счастье, наша жизнь...

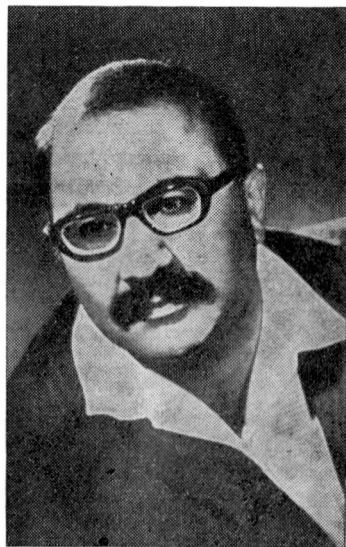
*Максуд
Ибрагимбеков*

**ПУСТЬ
ОН ОСТАНЕТСЯ
С НАМИ**

МАКСУД ИБРАГИМБЕКОВ (родился в 1935 году) по образованию инженер-строитель. Живет в Баку. Закончил Высшие сценарные курсы. Опубликовал несколько сборников повестей и рассказов. На киностудии «Азербайджанфильм» по его сценариям поставлены художественные фильмы «Последняя ночь детства» (режиссер А. Бабаев), «Я помню тебя, учитель» (режиссер Г. Сеидбейли), «Главное интервью» (режиссер Э. Кулиев).

По литературному сценарию М. Ибрагимбекова «Пусть он останется с нами», публикуемому в альманахе, фильм ставит режиссер И. Тарковская на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького.

Э то был тяжелый сумбурный сон. Сперва Тимка увидел, как отец лупит Димку. Он держал одной рукой извивающегося угрем Димку за шиворот, а другой изо всех сил хлестал его ремнем. Он и себя увидел, стоящего в дверях комнаты и смотрящего, как лупят Димку. Он услышал, как Димкин отец сказал: «Не смей приносить мне табель с двойками», и почувствовал, что хочет сказать ему, чтобы он прекратил бить Димку, и даже шагнул вперед... Но почему-то вдруг увидел Ленку, радостно улыбающуюся ему. Он и ей ничего не успел сказать, потому что услышал продолжительный телефонный звонок.

Он проснулся и несколько мгновений продолжал лежать в постели, не сразу осознав, что телефон в соседней комнате — кабинете отца — звонит вполне реально.

Тима побежал в кабинет отца и в полумраке, не включая света, схватил телефонную трубку.

— Извините, что я так поздно, — сказал мужской голос. — Мне срочно нужен полковник Таиров.

— Его нет дома, — сказал Тима. — Он на работе.

— Его там нет. А с кем я говорю, простите?

— С его сыном.

— Вы не могли бы сказать, где я могу найти его?

— Я не знаю, — сказал Тима. — Что ему передать?

-- Извините.

Тима положил трубку и вышел в коридор. Он не вернулся к себе в комнату, а

спустился по лестнице вниз, и, достав из холодильника кастрюлю с компотом, налил себе полный стакан. Он совсем было собрался выпить, но его остановила бабушка.

— Молодец. — Бабушка стояла на лестнице. — Очень интересно. Из теплой постели — за ледяным компотом. А что с твоим горлом будет, подумал?

Она взяла у него стакан, отлила половину и добавила теплой воды из чайника.

— Невкусно.

— Зато вреда не будет. Иди спать. Папа звал?

— Нет. Звонил какой-то дядя. Ему папа очень нужен. По срочному делу.

— Что-то я еще ни разу не слышала, чтобы твой отец нужен был не очень срочно и не по самому важному делу... А ты спать, что же, не собираешься?

— Я тебя слушаю!

— Нечего меня в три часа ночи слушать. Нашел себе занятие. В школу-то идти утром тебе, а не мне. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

По всей видимости, перемена подошла к концу, потому что весь 4 «а» уже был в сборе. Последние блаженные минуты использовались для самого активного отдыха. Только несколько учеников, впившись взглядом в страницы учебника, тщетно пытались за оставшиеся до звонка минуты подняться еще на одну, хоть самую крохотную ступеньку в величественном здании, именуемом Знанием. Среди них был Димка.

— Дрожишь? — ухмыльнулся Вовка.

— Ничего и не дрожу, — сказал Димка, отрываясь от учебника. — Я точно знаю, что меня не вызовут. Подряд два раза он никогда не вызывает...

— Ну, значит, тебе природоведение очень нравится.

Вовка пошел дальше. Он остановился перед столом, на котором были разложены приборы, взял в руки большую плоскую стеклянную чашу.

— Хотите фокус покажу?

Все посмотрели на Вовку.

— Ты лучше положи ее на место, пока не разбил, — посоветовала Ленка.

— Никто такого фокуса не видел! — сказал Вовка. — Ну как, показать?

Все выразили желание посмотреть фокус.

— Только на спор, — сказал Вовка. — Спорю с любым: получается фокус — я выигрываю пять пачек мороженого и два билета в кино, не получается — я даю... — Вовкин взгляд остановился на стоящих рядом Ленке, Тиме и Димке. — Не получается фокус — я даю шесть пачек мороженого и три билета в кино.

— А что это за фокус такой? — недоверчиво сказал один из ребят. — Может, и спорить не стоит.

— А это как захотите, — сказал Вовка. — Фокус-покус такой: я беру эту посудину и наливаю в нее литр воды, ровно один литр. Потом прикладываю ее к потолку, и она не падает.

— С потолка?

Вовка кивнул.

— Она же очень ценная — тарелка эта, из какого-то специального стекла, — сказала Ленка. — Ты знаешь, что тебе за нее будет?

— Не вмешивайся, — шепнул ей Димка. — Сам знает — не маленький.

— А почему сам ты проигрываешь шесть пачек мороженого и три билета, а выигрываешь всего пять и два? — спросил Тима. — Кто же так спорит?

— Я, — сказал Вовка. — Ну, кто хочет? Захотели все.

— Не могу я сразу со всеми... — с видимым сожалением сказал Вовка. — С кем-нибудь одним — пожалуйста.

— Со мной! Со мной!..

Взгляд Вовки пробежал по возбужденным лицам претендентов и остановился на Димке.

— Хорошо. Спорим. Условия все слышали?

— Слышали, — входя в азарт, сказал Димка. — Вот только ты сказал, что нальешь в нее один литр воды. А два литра можно?

Вовка подумал и согласился на два литра, затем подошел к крану и, отмерив воду колбой, налил в чашу ровно два литра.

— А три литра можно? — на всякий случай спросил Димка.

Вовка внимательно поглядел на него.

— Нет, — сказал он. — Три будет тяжело.

Вовка поставил на стол стул и, взгрозившись на него, попросил, чтобы Димка подал ему чашу. Потом он показал чашу всем и приставил ее к потолку.

— Видно?

— Ты же ее держишь. Какой же это фокус? — сказал Димка.

— Подожди, — ответил Вовка. — И не мешай. Возьми вон ту палку.

Димка взял пест для раздвигания оконных штор и вопросительно посмотрел на Вовку.

— Он хочет... — начал Тима.

— Упрись в дно, — решительно сказал Вовка Диме. — Вот так. Молодец! — Он поправил концы палки, уперев его в небольшое углубление в днище чаши. — Теперь держи так и не двигайся.

Потом Вовка прыгнул на пол и правильно отнес на прежнее место стул.

— Вот теперь все, — сказал он. — Если до завтра освободишься, принесешь мороженое, а билеты в кино купишь в субботу на шесть часов.

— Почему это? — запротестовал Димка, сжимая в руках палку и не сводя глаз со стеклянной чаши над головой. — Ты же фокус не показал!

— А кто эту посудину с водой к потолку прикрепил? Сам просил, чтобы два литра в ней было. Вот и держи теперь, — усмехнулся Вовка.

— Я не проиграл, — сказал Димка.

— Проиграл он или нет? — обратился Вовка к классу, и класс подтвердил, что Димка проиграл. Но Вовку это не удовлетворило — молчал Тима.

— Проиграл или нет?

И Тима был вынужден нехотя кивнуть головой.

— Это не фокус, — попробовал поспорить Димка. — Она же не сама держится — это я ее держу!

— А ты проверь, — доброжелательным голосом сказал Вовка. — Опusti палку. Посмотрим, сама держится или нет... Ну?.. Завтра же принесешь мороженое.

— Нет!

— А как же ты не принесешь, — вкрадчиво сказал тогда Вовка, — когда «то дождь, то снег» обещал завтра во второй половине дня сливочное мороженое, а возможно, с клубничным вареньем. Я своими ушами слышал.

— Кто это — «то дождь, то снег»? — заинтересовался один из ребят.

— Его отец, — сказал Вовка. — Вчера он опять по телевидению выступал: «В первой половине дня возможны осадки в виде дождя, а возможно, в виде снега, легкий ветер, а возможно, порывистый. Во второй...»

— Идет! — крикнул кто-то из ребят.

Все мгновенно бросились к партам. Только Димка остался на своем месте, прижимая к потолку злополучную чашу. Тима сделал движение по направлению к другу.

— Не имеешь права. Он со мной спорил, — остановил его Вовка.

Тима хотел возразить, но в это время в класс вошел учитель. Некоторое время

он постоял у двери, не сразу поняв, что происходит. Потом, ступая на цыпочках и не сводя глаз с чаши, подошел к Димке.

— Как она там оказалась? — спросил он шепотом, словно чаша могла испугаться голоса.

— Не знаю, — сделав удивленные глаза, ответил Димка. — Я как вошел в класс, смотрю, она уже на потолке. Вот я ее и прижал на всякий случай. Жалко же, такая посудина, ценная, наверно.

— Пожалуйста, помолчите и не двигайтесь, — сказал учитель. — Дети, позовите завхоза!

— Честное слово, это не я, — прошептал Димка.

...Почти одновременно с последним звуком звонка из дверей школы вырвалась толпа школьников. Как всегда, вместе шли домой Тима, Лена и Димка.

На углу их заинтересовало объявление о розыске.

— Особо опасные преступники, — прочитала Ленка. — Что значит «особо опасные»?

— Убийцы, — сказал Тима. — В общем, вооруженные бандиты, грабители всякие.

— Для чего же это объявление вывешивают? — спросила Ленка. — Они же его тоже увидят. И не будут ждать, пока их поймут. Смешно.

Ребята еще раз прочитали объявление и пошли дальше.

— Я решил окончательно, — сказал Димка. — Придется мне надавать Вовке так, чтобы он на всю жизнь запомнил.

— А ты сумеешь? — спросила Ленка. — Он же здоровый. Больше всех в классе на перекладине подтягивается.

— Так уж и больше, — скривил губы Димка. — Вот Тима на пять раз больше подтягивается.

— Драться же будешь ты, а не Тима, — рассудительно сказала Ленка.

— А у меня внутренняя сила есть! —

воскликнул Димка.— Это такая сила, такая... которая только во время драки раскрывается! Вот посмотри на Вовку после. Родная мать его не узнает. Хук справа, хук слева, а потом еще апперкот в солнечное сплетение.

— Да не связывайся ты с ним,— сказал Тима.— Дел у тебя других нет, что ли?

— Конечно,— обиделся Димка.— Если бы он тебя в дураках с этим фокусом оставил, если бы над твоим отцом посмеялся, ты бы спокойно не рассуждал. А ты думаешь мне легко, когда он начинает свои дурацкие шуточки. Это же он прозвище папе придумал «то дождь, то снег». Все смеются. Да и ты сам смеялся в прошлый раз. И Ленка тоже.

— Очень смешно он это говорит,— чуть-чуть хихиканув, чистосердечно призналась Ленка.— Никак удержаться невозможно. А ты не обижайся! Я ж не над твоим папой смеюсь, а над Вовкой. Я же знаю, что твой папа не виноват, когда погода не такая получается, как ее по радио объявляют. При чем здесь твой папа!

— Конечно, не при чем,— подхватил Димка.— Он же по приборам погоду предсказывает. Знаешь, сколько их? Барометры, апероиды, флюгеры, ЭВМ... Что они показывают, то и объявляют. Так что же, мой папа виноват, если вместо солнца утром дождь идет?

— Вот и я говорю, не стоит драться,— сказал Тима.

— А по-моему, Димка обязательно должен подраться с Вовкой. Это его долг. В жизни бывают случаи, когда человек обязан подраться,— объявила Ленка.— Обязан — и все тут.

— Да,— причислившись, сказал Димка.— Я окончательно решил его поколотить. Тебе хорошо, Тима; был бы мой отец начальник милиции, ко мне тогда тоже никто бы не лез...

Тима посмотрел на него удивленно, но ничего на это не сказал. Ленка тоже промолчала.

— Ну, я пришла,— сказала Ленка, остановившись у своего дома.— Когда же ты с Вовкой драться будешь?

— Может быть, завтра, в воскресенье.

— Скажешь мне, когда и где. Я приду посмотреть.

— Что ты! — запротестовал Димка.— Кто же такие вещи девочкам говорит?!

— А никто не узнает,— пообещала Ленка.— Я спрячусь и буду смотреть. Уж очень мне хочется.

— Посмотрим,— сказал Димка.— И потом, может, Вовка не согласится драться.

— Это Вовка-то не согласится? — удивился Тима.— Согласится! Вовку на это уговаривать не надо.

— Так скажешь? — настаивала Ленка.

— Посмотрим,— сказал Димка.— Точно не обещаю...

— Ну ладно,— сказал Тима после того, как Лена скрылась в подъезде.— Я теперь пошел прямо домой. Вечером, если делать нечего, заходи.

— Ни за что, ни про что опять двойку по природоведению схватил,— все еще не успокоившись, сказал Димка.— Из-за этой вазы проклятой. И Вовки... Как приду домой, отец дневник спросит.

— Идем к нам,— предложил Тима.

— Нет уж,— сказал Димка.— Отец еще хуже разозлится тогда.

Тима пришел домой в плохом настроении, и бабушка сразу заметила это.

— Что ты такой хмурый? — спросила она.— Случилось что-нибудь?

— Все в порядке,— сказал Тима.— Что со мной может случиться?

— Тогда мой руки и помоги мне накрыть на стол.

Тима принес два прибора и расставил их на столе на веранде.

— А почему два? — спросила бабушка.

— Папа же, наверное, не придет домой обедать.

— В приличных домах,— сказала ба-

бушка,— стол обязательно накрывают на всех. А придет твой отец обедать или нет,— это другое дело. В нашем доме всегда все обедали вместе.

Тима пошел за третьим прибором. В это время в калитке появились два человека в рабочих комбинезонах.

— Здравствуйте, хозяйка. Ворота открыть можно?

— А зачем вам ворота открывать понадобилось?

— Имуущество привезли, мы грузчики.

— Какое имущество? — удивилась бабушка.

— Какое велели, такое и привезли,— сказал один из грузчиков.— Лишнего не занесем, не беспокойтесь.

Тима пошел открыть ворота, и два грузчика, отдуваясь, пронесли по дорожке и подняли на веранду средних размеров сейф.

— Куда его поставить?

— Что это?

— Сейф.

— А для чего это нам сейф?

— Чего не знаем, того не знаем. Наше дело маленькое... Так куда ставить его будем?

— Пусть уж стоит, где поставили,— недоверчиво глядя на сейф, сказала бабушка.— А вы не ошиблись? Это ведь не учреждение, это квартира.

— Никакой ошибки. Все правильно. Вот, пожалуйста, распишитесь здесь в получении.

— Ничего не понимаю,— после ухода грузчиков сказала бабушка.— Что за сейф?

— Ничего особенного,— пожал плечами Тима.— Обыкновенный сейф. Папа будет в него класть всякие секретные документы.

— Обыкновенный,— заворчала бабушка.— Ты когда-нибудь в чьей-нибудь квартире сейф видел?

С улицы послышался шум подъехавшей машины. Хлопнула калитка.

— Папа приехал! — сбродованно сказал Тима.

По дорожке к дому уже шел высокий мужчина в форме полковника милиции.

— А почему его здесь оставили? — спросил он Тиму и кивнул в сторону сейфа.— Надо было сказать, чтобы его наверх подняли, ко мне в кабинет.

— А я не знаю, куда принято ставить сейф в квартирах,— обиженным голосом сказала бабушка.— У меня на прежней квартире было, слава богу, все необходимое, во сейф...— Она достала из кармана фартука копию наряда, оставленного грузчиками.— Вот здесь есть телефон; если нужно, позвоните, чтобы они приехали и поставили, куда надо. Садитесь за стол, я несу первое.

Бабушка пошла на кухню.

Отец Тимы задумчиво поглядел ей вслед, потом скинул китель и подошел к сейфу.

— Он очень тяжелый,— сказал Тима.

Отец в ответ молча кивнул головой и, обхватив сейф, поднял его. Не останавливаясь, пронес по лестнице на второй этаж и поставил в кабинете рядом с письменным столом. Тима поднялся вслед.

Отец перевел дыхание, достал из кармана ключи, открыл сейф. Потом другим ключом открыл ящик письменного стола и вытащил оттуда пистолет. Пистолет он положил на письменный стол и начал выбирать из ящика какие-то бумаги.

— Папа, для чего тебе два пистолета? — спросил Тима, показывая на второй, в кобуре, висящий у отца на перевязи на левом боку подмышкой.

— Это служебный,— сказал отец.— А тот подарок:и.

— И тоже «макаров»?

— Нет,— ответил отец, просматривая бумагу,— тот «ТТ», теперь они сняты с вооружения, устарели.

— А кто тебе его подарил? — Тима взял пистолет в руки и увидел на светлой полке надпись: «За храбрость»...

— Оставь пистолет,— сказал отец.— Я же говорил тебе, что оружие трогать нельзя. Не игрушка.

Он взял пистолет из рук сына, положил его в сейф, а вслед за ним стал складывать на полочки бумаги и добавил:

— По-моему, тебя бабушка ждет внизу. Садись за стол, я сейчас приду.

Тимка стоял в дверях и смотрел, как отец укладывал в сейф бумаги.

— Кто тебе его подарил? — снова спросил он.

Отец резко повернулся к нему.

— Ты еще здесь? Министр... Иди обещать.

— Кто что хочет на сладкое? — спросила бабушка, убрав со стола посуду.

— Я — компот, — сказал Тима.

— Если есть, дайте, пожалуйста, стакан чаю, — попросил отец и развернул газету. Спросил, не отрываясь:

— Как успехи в школе?

— Так... — ответил Тима. — Нормально все.

— По географии первую премию получил в школе, — сказала бабушка. — Я на родительском собрании была, так там только о нем и говорили.

— Да-а? — удивился отец. — А премию за что?

— Это у нас игра такая географическая, — сказал Тима, оживляясь, — путешествие по карте. Мне попалась Гренландия, северо-запад... Лучше я тебе на глобусе это место покажу. — Тима пошел в дом и вернулся с глобусом в руках.

— Вот это самое место в Гренландии. Здесь с одной стороны ледник, а вот здесь, на плоскогорье, бьют ключи с горячей водой, а вот...

— Молодец, очень интересно, — сказал отец. — Спасибо за обед, все было вкусно...

Тима смотрел ему вслед даже после того, как хлопнула дверца и машина уехала.

— Что ты замолчал? — спросила бабушка.

— Папа же ушел.

— Я, милый мой, и обидеться ведь на

тебя могу, — сказала бабушка и села за стол. — Папа ушел! А мне, ты думаешь, не интересно? Выкладывай, что это за ключи с горячей водой?

— Гейзеры, — вздохнул Тима. — Я же знаю, бабушка, что тебе не интересно про Гренландию слушать... Вот папе интересно, а у него все времени нет...

В воскресное утро Тима клеил на столе змей, когда пришел Димка. В руках у него была авоська с яблоками.

— Пошли скорее, — сказал он. — Я с Вовкой договорился за школой встретиться. Ты должен обязательно пойти со мной, на всякий случай. Вдруг он не один придет. А я с двумя не справлюсь.

— А ты не можешь часа на два все это отложить? — с сожалением посмотрев на незаконченный змей, спросил Тима. — Клей высохнет, а бабушка не любит в один день два раза крахмал варить.

— Ты мне друг или нет?

— Видишь, — сказал дорогой Димка, — ясное небо, солнце. С минуты на минуту должен начаться легкий северный ветер. Осадков не будет, вот посмотришь! Все будет, как папа предсказал.

— Посмотрю... Слушай, Димка, я все хочу спросить, а чего это ты прошлый раз сам ему ремень принес, как будто так полагаются... Бить...

— Раньше я пробовал убежать, — неохотно ответил Димка, — но отец меня так оглущивал...

— А ты его любишь?

— Конечно, люблю, — удивился Димка. — Родной же отец, как же я могу его не любить.

— А если его самого ремнем, — сказал Тима. — Когда он неправильно погоду предсказывает. Хорошо ему будет?!

— Ничего ты, оказывается, не понимаешь, — с сожалением покачал головой Димка. — Он же не маленький. Где ты видел, чтобы взрослых — ремнем?

— Значит, маленьких можно лупить, а взрослых нет?

— Конечно,— уверенно ответил Димка.

— Почему это?

— Ну как, почему? — снисходительно улыбнувшись, сказал Димка.— Во-первых... Известное дело, почему. Они же нас кормят, все покупают, заботятся...

— Значит, и бить должны?

— Полное имеют право,— сказал Димка.— А во-вторых, как же побьешь взрослого? Они же здоровые и сдачу могут дать запросто...

— Не пойму я, зачем из-за него драться? — вдруг спросил Тима и остановился.— И не хочу.

— Так и сказал бы — не хочу,— помолчав, обиженно проговорил Димка.— Что, испугался?.. А я-то думал, ты мне друг...

Тима некоторое время смотрел вслед удаляющемуся с обреченным, но гордым видом Димку, потом догнал его и пошел рядом.

Вовка и его приятель стояли на школьном дворе у волейбольной площадки и наблюдали за игрой.

— Вот они,— зашептал Димка.— Значит так, самое главное — напасть первыми. Как только найдем за школу, я нападаю на Вовку, а ты на его дружка. Первыми — это очень важно. Понял?

Они встретились за школой. Согласно разработанному плану, Тима ударил первым. Ему удалось свалить противника с ног, но тут он с удивлением обнаружил перед собой Вовку. К нему сейчас же присоединился поднявшийся приятель. Тиме ничего не оставалось, как драться с двумя, неся серьезные потери,— была разбита губа и подбит глаз. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы вдруг не появилась Ленка. Сразу же разобравшись в ситуации, она дала подножку Вовке, а потом ухватила за шиворот его приятеля и стала тянуть от Тимки.

— Нападать вдвоем на одного! Ты только так и можешь! — закричала она.

— Ни на кого я не нападаю,— сердито сказал Вовка.— А ты, не разобравшись, людей не оскорбляй. Сперва узнай, что к чему, а потом говори. Пошли,— сказал он своему приятелю; и они гордо удалились.

В это время из-за угла школы высунулся Димка и крикнул им вслед:

— Получил за «дождь и снег»?! Если мало, еще прибавим!

Ленка прижала платок к кровоточащей губе Тимы. Димка начал заботливо стряхивать пыль с его курточки.

— Ты куда делся? — спросил его Тима.

— Да я опоздал всего на секунду,— сказал Димка.— И все из-за этой проклятой авоськи. Место искал, где ее спрятать.

— Нужна твоя авоська кому! — сказала Ленка.

— Тебе хорошо говорить,— сказал Димка.— А меня со свету сжили бы, если б авоську украли. Я ее спрятал, смотрю — Тима обним уже так надавал, что даже жалко их стало. Думаю, если еще я, то для Вовки и его дружка «скорую» пришлось бы звать! Молодец, Тима. А ты, Ленка, куда ушла?

— Мне интересно,— задумчиво сказала Ленка,— откуда здесь появилась лужа?

— Откуда я знаю, откуда она появилась...— обиделся Димка.— Лед это растаял, вот кусочек! Наверно, мороженщик здесь проходил.

— Понятно,— протянула Ленка.— Только у мороженщика лед искусственный, он испаряется, из него вода не выходит...

— А как ты узнала, что мы здесь? — спросил ее Тима.— Димка сказал?

— Ничего я не говорил,— сказал Димка.— Сразу все на меня: Димка, Димка... всю жизнь так.

— Сама догадалась,— ответила Ленка.— Я тебе позвонила, а бабушка говорит: «С Димкой куда-то ушли чуть свет»... Я сразу догадалась, куда!

— Ну я пойду! — сказал Димка.— Меня ведь дома ждут. До свиданья. Чувств-

внешь? — спросил он Тиму, остановившись.

— Что чувствую?

— Легкий северный ветерок начинается, — сказал Димка. — Все, как обещано!

— Иди ты со своим ветерком, — махнула рукой Ленка. — Человека из-за тебя изуродовали, а он — ветерок...

— Да ладно, — сказал Тимка. — Ничего особенного ведь не случилось.

Они с Леной дошли до столба с объявлениями и увидели, как человек в комбинезоне, обмакнув кисть в ведро, мажет клеем по объявлению о розыске преступников.

— Вы почему замазываете объявления? — спросила Ленка.

— Значит, уже не надо.

— Поймали их?

— Выходит, что так.

Рабочий вытащил из кипы большой красочный лист с новым объявлением и наклеил его на столб.

— Ух ты! — сказал Димка. — Цирк приезжает. «Дрессированные львы, акробаты, аттракцион с собачками».

— Господи! — всполошилась бабушка, когда Тима и Ленка появились во дворе Тимкиного дома. — Что это с тобой?

— Незнакомые хулиганы напали, — объяснила Ленка.

Тимка кивнул головой.

— Лед надо немедленно приложить, — засуетилась бабушка.

— Не успели проскочить, — с сожалением прошептал Тима. — А ты, Ленка, молодец, что не сказала про Вовку.

— Если уж хулиганы не боятся нападать на сына начальника городской милиции, значит, на них вообще никакой угрозы нет. Надо собирать вещи и переезжать отсюда, — сказала бабушка, прикладывая к губе Тимы обернутый в чистый платок кусочек льда.

— Так они ведь не знали, что его папа начальник милиции, — попыталась успокоить бабушка Ленка.

— Давай мы этого змея все-таки доклеем, — сказал Тима. — Пока еще не высох. Ты, Ленка, вот здесь придерживай, а я ось прикреплю. Здесь ось — самое важное дело.

— Здравствуйте. — На веряндю вышел полковник, держа в руке стакан с чаем. Он сел за стол, на противоположной стороне которого Тима и Ленка клеили змея.

— Что это у тебя? — спросил он, мельком взглянув на сына. Даже Ленка не поняла, о чем он спрашивает: то ли о разбитой губе, то ли о змее. Но Тима понял сразу.

— Подрался.

— С кем?

— С ребятами из класса, ты их не знаешь.

Полковник кивнул в знак того, что вопросов у него больше нет, и снова занялся газетой, но вскоре неожиданно спросил у Ленки:

— Вы в цирк любите ходить?

— Иногда посещаю, — степенно ответила Ленка.

Кажется, такой Ленкин ответ его удивил. Но он ничего не сказал, только взглянул на нее, а Ленка подумала немного и добавила:

— Очень люблю.

— Хорошо. Сегодня в газете есть объявление. Приехала большая труппа с новой программой. В следующее воскресенье премьеры. Я вас обоих приглашаю. Вам, Лена, родители разрешат пойти в воскресенье в цирк на дневное представление?

— Ой, конечно! — сказала Ленка. — Мне родители все разрешают.

Полковник опять взглянул на нее.

— Все, — добавила Ленка, — что я у них ни попрошу, все они и разрешают.

За воротами в это время раздался короткий гудок машины, и полковник сразу же поднялся.

На лестнице он приостановился и спросил:

— А из-за чего ты подрался, Тима?

Тимка ответил не сразу. Полковник его не торопил, он стоял на лестнице и ждал.

— Из-за Димкиного отца. Они ему прозвище придумали, а Димке обидно.

— Какое прозвище?

— Он на метеостанции заведующим...

— Знаю.

— «То дождь, то снег».

— Ну ладно. До свидания.

— И в воскресенье нет ему покоя,— проворчала бабушка.

— Жалко, что он ушел,— сказала Ленка.— Очень мне понравилось, что он со мной на «вы» разговаривает. А я даже не поблагодарила его за приглашение. Что он теперь обо мне подумает?

Тима посмотрел на нее, но ничего не сказал. Он потрогал змея.

— Не высох еще. Что делать будем?

— Это ты у Леночки спрашиваешь? — удивилась бабушка.— Ты же хозяин, ты должен думать, что делать... А лучше всего, идите в дом.

Они шли по коридору к Тимкиной комнате. Ленка вдруг остановилась перед кабинетом полковника.

— А сюда можно войти? — почему-то шепотом спросила она.

— Конечно, можно.

Ленка с любопытством оглядела кабинет.

— Интересно как! В первый раз такую комнату вижу.

— Какую?

— Ну такую,— неопределенно сказала Ленка.— Помнишь, мы по истории проходили про людей, которые жили в Древней Греции, ужасно нуждались и еще гордились этим?

— Это спартанцы.

— Да. Вот у них, наверное, были такие жилища — уютные и холодные.

— Все ты придумала,— сказал Тима.— Нормальная это комната. И совсем не холодная...

— Я не в смысле температуры,— высокомерно пояснила Ленка.— А в другом... Слушай, а твой папа вытерпел бы, если

лисенок, которого он украл и спрятал под одеждой, начал бы грызть ему живот? Как по-твоему, он стерпел бы или закричал?

— Ни за что мой отец не стал бы чужих лисят воровать,— сказал Тима.

— Я же например говорю,— с досадой проворчала Ленка.— Ну подарили ему этого лисенка на день рождения, он его спрятал от холода под пиджак, а лисенок начал грызть ему живот...

— Он этого лисенка сразу вытащил бы и оттрепал за уши,— сердито сказал Тима.

— А если на улице или в троллейбусе? — Везде!

— Неужели везде?

— Ну, может быть, и не везде,— подумав, ответил Тима.

— И тогда он вытерпел бы, что ему грызут живот? И даже не закричал бы?

— Да,— уверенно произнес Тима.— Мой папа не закричит.

Ленка посмотрела на него, потом спросила:

— А для чего сейф?

— В сейфе у отца пистолет. Сам министр вручил... за храбрость. Знаешь, какой рост у папы? Один метр девяносто сантиметров. Тебе, мой папа нравится?

— Твой папа?

— Раз переспросила, значит не нравится. А что тебе в нем не нравится?

— Все нравится,— сказала Ленка,— честное слово, все нравится. Только с тобой он как-то странно разговаривает. Вот мой папа со мной не так разговаривает.

— А как это твой папа с тобой разговаривает?

— Совсем по-другому,— мечтательным голосом сказала Ленка.— Он ужасно радуется, когда меня видит. Поднимает меня на руки и целует. И даже звонит с работы и со мной разговаривает...

— Я же не девчонка,— сказал Тима,— вот он меня и не целует. С чего это он вдруг меня целовать бы начал? Курам на смех!

— Это твоя мама? — тихо спросила Ленка, увидев портрет молодой женщины

над письменным столом.— Красивая какая!

Тима молча кивнул.

— Ты ее часто вспоминаешь?

— Нет. Только во сне иногда вижу... Я же совсем маленький был, когда она умерла.

— Беденький! — сказала Ленка.

— Странная какая ты, Ленка. Почему это я беденький?

— Секрет.

— Какой еще секрет?

— Тайный секрет, — объявила Ленка.

— Тайных секретов не бывает, — сказал Тима. — Бывает секрет и бывает тайна. А тайный секрет — это ерунда, это ты придумала!

— Ничего я не придумала, — возмутилась Ленка. — Секрет — это когда обыкновенный секрет. А тайный... Это такой особый секрет, когда ты его долго держишь в тайне и никому не рассказываешь. Понял?

— И давно ты его держишь в тайне?

— Всю третью четверть, — гордо сказала Ленка. — Я его ни за что не расскажу. И не проси.

— А я и не прошу, — сказал Тима. — Я про себя все секреты и так знаю.

— И про папу своего?

— И про папу, — сказал Тима. — Все я про него знаю. Он очень хороший человек. И я его очень люблю. Ясно?

— Мой папа тоже сказал, что твой папа очень достойный человек. Только он однолюб. И еще нелюдимый.

— Однолюб? А это что такое?

— Ну это, наверное, когда любят что-нибудь одно. А нелюдимый... Не знаю... — честно призналась Ленка.

— А ты бы спросила, — сердито сказал Тима.

— У кого? Папа же не мне это говорил. Он с мамой думали, что я сплю.

— Подслушивала?

— Ничего подобного! Я никогда не подслушиваю. Просто, когда я вечером ложусь спать, я первые два, может быть, три

часа все слышу. Сплю, но сквозь сон все слышу.

И видя, что Тимка почти ее не слушает, добавила:

— Тим, я же с тобой говорю. О чем ты думаешь?

— Да так, — сказал Тима. — Идем отсюда.

И вот, наконец, наступило воскресенье.

Ленка шла по дорожке к дому Тимки ужасно нарядная: в белом платье, с бантом в волосах.

— Здравствуйте, — сказала Ленка, поднявшись на террасу.

— Здравствуй, — ответила бабушка.

— А чего ты так рано пришла? — спросил Тимка. — Начало-то в двенадцать? Цельных полтора часа еще.

— Тима! — сказала бабушка. — Разве гостям такие вопросы задают?

— Извини, — смутился Тима. — Я не в этом смысле сказал, а в другом... Я просто думал, она время перепутала.

— Не перепутала, — сказала Ленка. — Просто мама с тетей Дашей устроили генеральную уборку, сказали, чем раньше я уйду, тем лучше. А папа твой еще спит?

— Он давно уже на работе!

— В воскресенье?

— Он на работу каждый день ходит. Даже в праздники. Наверное, скоро придет. Идем змея запустим, а?

— Что ты! — испугалась Ленка. — Не могу же я появиться в цирке, как пугало, — вся смятая... А народу толпится у цирка видимо-невидимо, и билетов уже не осталось, все раскупили. Я из троллейбуса видела. Все хотят аттракцион со львами посмотреть.

— Я вас очень прошу, — сказала бабушка. — Если у вас будут билеты в первом ряду, немедленно поменяйте их на второй, а еще лучше на третий.

— Почему? — спросил Тима.

— Опасно,— сказала бабушка.— Я видела однажды в цирке, как на барьере осгушилась дрессированная лошадь и ушибла копытом какого-то гражданина в первом ряду.

— А лошадей в программе нет,— сказала Ленка.— Ни одной лошади, даже пони в программе нет. Ждать нам еще долго?

— Идем про львов прочитаем,— сказал Тима.

Они вошли в комнату, и Тима взял из книжного шкафа под лестницей Брема.

— Вот,— сказал он.— Львы. Видишь, какая большая статья,— вся про львов.

Зазвонил телефон.

— Иди,— позвала Тиму бабушка,— отец спрашивает.

Тима подошел к телефону. Ленка подбежала тоже и приблизила ухо к трубке.

— Сейчас приедет дядя Толя с билетами,— слышался хриловато звучащий голос отца Тимы.— Если захотите, он отвезет вас в цирк.

— А ты разве не пойдешь с нами?— спросил Тима.

— Нет.

— Но ты же обещал,— в голосе Тимы слышалось отчаяние.

— Хотел пойти, но не получилось.

— Как же?.. — упавшим голосом сказал Тима.— Ты пригласил Ленку и меня в цирк. Мы думали, что и ты пойдешь с нами.

— Извини, я занят. У меня люди.

— А кто это дядя Толя?— спросила Ленка после того, как Тима положил трубку.

— Не пойду я в цирк,— сказал Тима.

— Как не пойдешь?— удивилась Ленка.— А я? Ты что, расстроился, что папа не идет? Ничего тут особенного нет — занят человек. А кто это дядя Толя?

— Шофер,— отозвался Тима.

— Дядя Толя? А ты в прошлый раз говорил с ним по телефону и называл дядя Саша.

— У отца два шофера,— объяснил Тима.— В две смены работают. Никто же не обязан круглые сутки работать!

— Очень мило со стороны твоего папы,— сказала Ленка,— что он придет за нами машину.

— Леночка, приходи к нам после цирка обедать,— пригласила бабушка, когда у ворот появилась машина.

— Познакомьтесь, дядя Толя,— сказал Тима, когда они сели в машину.— Это Ленка.

— Ой,— сказала Ленка, показывая на две фотографии над ветровым стеклом,— мы эти фотографии уже видели. Они долго висели, а потом их убрали.

— И мы уберем,— сказал шофер, снимая фотографии и комкая в руке.— Очень опасные это люди, опасней зверей. Их по всему Союзу разыскивали целый год. Долго они гастролировали, пока к нам не приехали.

— Их поймали?— спросил Тима.

— А ты что, не знаешь?— удивился шофер.— Серьезное было дело. Сам полковник брал. Лицом к лицу вышел. Не рассказывал?

Тима отрицательно покачал головой.

— Вот ваши билеты,— сказал дядя Толя и передал билеты.

— Центральная ложа. Никогда я там не сидела,— сказала Ленка.— Это даже лучше, чем первый ряд.

— Три. Значит, папа все-таки собирался с нами идти,— оживился Тима.

— А что с третьим делать будем?— спросила Ленка.— Знаешь, давай Димку пригласим, хоть он и трусишка, но жалко его все-таки. Дядя Толя, вы можете остановиться у автомата? На минутку! Я позвоню.

— А можно из машины позвонить,— гордо сказал Тимка.— Можно, дядя Толя?

— Известное дело. Говорите номер.— Шофер взял трубку телефона, установленного над панелью.— «Фреска», «Фреска», я «Уран», даю городской номер 2-46-04.— И передал трубку Тимке.

— Димка,— сказал Тима.— Мы с Ленкой идем в цирк. Хочешь с нами?

— А я и так иду,— ответил Димка.— Уже выходим. А вы откуда звоните?

— Из машины.

— Так уж прямо из машины,— хихикнул Димка.— Может быть, из троллейбуса?

— А вот из машины,— вмешалась Ленка.— Мы едем по улице Луначарского и разговариваем с тобой.

— Если это правда,— подумав, сказал Димка,— то подъезжайте к нашему дому, а я из окна посмотрю, как вы по телефону на ходу разговариваете.

Машина свернула к дому, где жил Димка.

В окне на втором этаже собралась вся его семья. Димка держал в руке трубку телефона:

— Очень здорово! Никогда бы не поверил про такое. Ну, привет!

— Что же мы с третьим билетом делать будем? — спросила Ленка, как только они отъехали. И вдруг вспомнила:

— Как же я сразу не догадалась! Папу моего пригласим. Он сейчас сидит на тахте, и ему из-за уборки на пол становиться не разрешают.

Шофер вызвал номер телефона Ленкиной квартиры.

— Пап,— сказала Ленка.— У нас есть лишний билет, хочешь в цирк?

— Еще как хочу! — ответил радостно Ленкин отец.— Хоть в цирк, хоть в зоопарк! Это ты, старушенция, славно придумала!

Цирк и впрямь был переполнен. Тима и Ленка с отцом сидели в центральной ложе и смеялись, глядя на то, что вытворяли на арене два клоуна. Ленка была радостно возбуждена и продолжала смеяться даже тогда, когда замолкал весь зал.

— Ужасно мне нравится сидеть в этой ложе,— сказала она.— Я теперь поняла, что в цирке это самое лучшее место.

— А мне не очень,— отозвался Тима.—

Так и кажется, что все зрители только на тебя и смотрят...

— И очень хорошо,— сказала Ленка.— И пусть смотрят. Ой, ой, смотри, что этот рыжий делает!

Объявили антракт.

— Даже не хочется выходить отсюда! — вздохнула Ленка.

В фойе к ним подошел Димка со своими родителями, а потом (тут Ленка толкнула Тимку в бок) появился Вовка, тоже с родителями. Вовка был нарядный, в галстук, и ребятам пришлось сделать вид, что они никогда не дрались, а наоборот, в лучших отношениях друг с другом.

Взрослые стали говорить о здоровье в делах, а Димкин отец, завидев мороженщика, дал сыну денег и сказал, чтобы он немедленно угостил всех товарищей эскимо или пломбиром, и Димка посмотрел на своего отца с благодарностью.

— Спасибо,— сказал Тима, когда Димка протянул ему мороженое,— я не хочу.

— Как же так,— смутился Димка, быстро оглянувшись на отца,— это же мой папа угощает. Я тебя прошу, возьми.

Тима мороженое взял и чуть позже, когда все увлеклись разговором, бросил его в урну. Кроме Ленки, никто этого не заметил.

Вовка мороженое взял и степенно поблагодарил.

— Хорошо хоть в цирке встретились,— сказала Вовкина мать,— а то только и видимся на родительских собраниях.

— Можно и сейчас небольшое родительское собрание устроить,— сказал Вовкин отец.— Здесь, за углом, я знаю славенькое местечко, там всем родителям дают свежее пиво.

Вовкина мать посмотрела на него встревоженным взглядом и заявила всем, что он шутит, и заговорила о другом.

— Вы куда летом поедете? — спросила она.

— Точно не решили еще,— ответила Димкина мать.— Отец обещал нам с Димкой Москву показать.

— Съездим на недельку, — сказал Димкин отец и взял сына за плечо. — Я им доволен: на этой неделе двойку по географии исправил и по математике пятерку получил.

А ребята говорили о своем.

— Ты что, его сразу проглотил? — удивленно спросил Тиму Вовка. — Я думал, никто быстрее меня мороженое не ест, а ты, оказывается, целиком его глотаешь... Прямо как белый медведь.

— Сам ты белый медведь! — сразу же вмешался Димка.

— Ой, — сказала Ленка. — Никакой Тима не белый медведь. А вот я поняла, на кого Вовка похож.

— На кого? — испуганно спросил Вовка.

— На дельфина ты похож, — сказала Ленка. — Ужасно похож.

Вовка, видимо, рассердился, но, увидев себя в большом зеркале, неожиданно улыбнулся.

— Кажется, и вправду похож, — растерянно сказал он.

Все ребята улыбнулись...

— А мы хотим в Лоо поехать: там тихо, приезжих мало, продукты все свежие, — говорила меж тем Вовкина мама.

— Жена мне тоже что-то насчет Лоо говорила, — вспомнил Димкин отец.

— А знаете что, — сказала Вовкина мать. — Почему бы нам не собраться летом всем вместе в Лоо. И нам будет не одиноко, и дети будут вместе?

— И Тима с нами поедет, — подходя, сказала Ленка и потянула за рукав стоящего неподалеку Тиму.

— Конечно, конечно, и Тима тоже, — согласилась Вовкина мама. — Я обязательно позвоню его бабушке и поговорю с ней.

Все взрослые посмотрели на Тиму с доброжелательными улыбками.

— Кстати, — сказал ему Димкин отец, — пожалуйста, передай своему папе наши поздравления в связи с его, без преувеличения, геройским и благородным поступ-

ком. Ты, наверное, уже рассказывал своим друзьям о том, как...

— Разумеется, — прервала его Ленка. — Подробно объяснил, когда мы в машине ехали.

— Вы все должны сделать выводы из этого случая, — продолжал, обращаясь к детям, Димкин отец. — Человек с юных лет должен осознать, что такое чувство долга. Ты, Тима, имеешь полное право гордиться своим отцом!

— Извините, — тихо сказал Тима. — Уже был третий звонок...

— Сейчас львы появятся, — шепотом сказала Ленка Тимке, когда они заняли свои места в ложе. — А ты опять что-то грустный?

— Ничего я не грустный.

— Грустный, грустный, — затвердила Ленка. — Я же всегда знаю, когда ты грустный.

И вот на арене появились львы. Они неторопливо, под щелканье бича дрессировщика, стоявшего в центре круга, негромко рыча, расселись каждый на свою тумбу.

Потом по знаку дрессировщика один из львов неохотно прыгнул на большой шар и, перебирая лапами, покатал его. Другие в это время тяжело прыгали друг через друга с тумбы на тумбу.

Затем дрессировщик поджег обруч, и львы по очереди стали прыгать сквозь огонь.

— Неприятное лицо у этого дрессировщика, — сказал Тима. — По-моему, он их боится.

— Да нет, — улыбнулся Ленкин отец. — Дрессировщик своих зверей не боится. Ничего тогда у него не получится.

— А они могут перепрыгнуть через решетку? — спросила Ленка.

— Могут, — ответил Тима. — У Брема написано, что лев с антилопой в пасти может перепрыгнуть через забор в три метра высотой.

— Хорошо, что эти без антилоп, — сказала Ленка.

Аттракцион продолжался. Львы качались на качелях, ездили на мотоцикле. После каждого номера ассистенты дрессировщика протягивали им на конце пик кусочки мяса.

— Видишь, — сказал Димке отец, — что значит упорство и ученье. Обыкновенный зверь овладел умением езды на мотоцикле. Представь себе, чего может добиться волевой образованный человек, если у него существует в жизни твердая цель. Подумай над этим!

После окончания представления Вовкины и Димкины родители снова встретились и о чем-то говорили с отцом Ленки. А когда прощались, он поблагодарил Тимку за билет в цирк. Ленка помахала ему на прощанье рукой.

— Папа, — сказала Ленка после того, как Тимка отошел. — Я все хочу у тебя спросить: если бы, например, ты украл лисенка и спрятал его на животе...

— Так, — удивился Ленкин отец.

— И он стал бы тебе грызть живот?.. Что бы ты...

Когда Тима обернулся, он увидел, что удаляющаяся Ленка сердится и что-то настойчиво говорит своему отцу. А тот весело смеется.

Тима шел домой один. Ему было очень грустно.

Этим же вечером Тимка задумчиво сидел на веранде. Вдруг он спросил:

— Бабушка, отец у меня родной или нет?

Бабушка, которая несла к столу чай, от неожиданности чуть не уронила поднос с чайником и чашками.

— Ты что, милый мой, не в себе? Ты почему такие глупые вопросы задаешь?

— Бабушка, я же не маленький, ты мне скажи прямо, он родной мой папа или нет?

Бабушка посмотрела на него и заплакала.

— Ты не расстраивайся, — попросил

Тима. — Ты, наверное, думаешь, что я буду переживать, что у меня не родной отец. Ведь ничего страшного, если у человека не родной отец. Самое главное, чтобы без обмана... Скажи мне правду, бабушка...

Бабушка вытерла слезы и даже попыталась улыбнуться.

— Глупость говоришь, — сказала она. — И с чего это тебе такое в голову взбрело?

— Вот и взбрело! — ответил Тима. — А почему ты не говоришь, да или нет?

Бабушка вздохнула, отнесла чайник на кухню и, вернувшись, села рядом с Тимой.

— Ты должен понять вот что. У отца твоего сложный характер. Но совсем это не означает, что он не родной тебе и плохо к тебе относится. Ты же умный мальчик. Сам можешь во всем разобраться. Посмотри, как он о тебе заботится. У тебя все есть... Вспомни, как ты обрадовался, когда узнал, что он выписал тебе с июля «Вокруг света». Значит, помнит о тебе, считает, что его сын уже подрос и может кроме «Пионерской правды» и журналы читать. Верно?

— Это дядя Толя меня на журнал подписал, — сказал Тима. — Деньги ему папа дал, а подписал он.

— И это должен понять! Только у твоего отца и дел, что на почту ходить и подписку оформлять, — сказала бабушка. — Ведь он попросил дядю Толю подписать. По-моему, никакой разницы, сам он ходил или дядя Толя...

Тима подумал, что разница есть, но по этому поводу спорить с бабушкой не стал.

— А почему ты его не любишь? — вдруг спросил он.

Тимка, может быть, сам удивился, что спросил такое у бабушки. Ну, а сама бабушка удивилась очень и даже рассердилась. Голос ее стал серьезным:

— А почему ты думаешь, что я его не люблю?

— Бабушка, ответь, — упрямо настаивал Тимка. — Ты же всегда говоришь правду.

— Это неверно, что я его не люблю, —

помолчав немного, сказала бабушка.— И хоть я и не должна тебе об этом говорить,— скажу: я его раньше не любила...

— Почему же ты не должна была мне говорить?

— Потому что есть вещи, которые взрослые не говорят детям.

— Дети... Какое я дитя, ребенок! Я же все понимаю. И ты знаешь, что я все понимаю.

— Очень уж ты разошелся сегодня,— покачала головой бабушка.— Ну, слушай. Не понравился он нам вначале, мне и твоему дедушке. Дедушка был приветливый человек, добрый... А потом мы к твоему отцу стали относиться по-другому. Увидели, как он жену — маму твою — любит. Очень он ее любил. И прямо на глазах оттаял. Совсем другим человеком стал. Он ведь сирота круглый — в детдоме вырос.

— А за что он меня не любит?

— Как же он не любит! Любит он тебя. Ты его родной единственный сын. Кровь у вас одна. Ты же его любишь?

— Так не за то, что кровь одна. А за то, что он сильный и храбрый. Я ни одного человека на свете не знаю лучше его. А ты говоришь — кровь. Может быть, я как человек ему не нравлюсь? Или он меня просто так не любит? Бывает ведь, что невзлюбишь человека с самого начала ни за что, ни про что...

— Чепуху ты говоришь. Просто оп думает, что ты совсем еще маленький, несмышлениш, вот и не знает, о чем с тобой побеседовать. А в душе он тебя любит.

— Бабушка,— упорствовал Тима,— почему ты так уверенно говоришь? Ты же сама сказала, всем было видно, что он маму очень любит. Значит, когда человек кого-нибудь любит, это заметно. Даже если он об этом и не говорит всем прямо...

— Он очень любил твою маму,— тихо проговорила бабушка.— С ней он другим человеком становился.— И задумалась.

— О чем ты думаешь? — спросил Тима.

— О тебе. И еще я думаю, что уже одиннадцать часов и давно пора нашему молодому человеку быть в постели.

— А ты спать не хочешь?

— Я поджду его. Накормить мы твоего отца должны же, несмотря на его характер. Верно?

Была поздняя ночь, когда отец Тимы вернулся домой. Бабушка из кухни на первом этаже увидела, как он поднимается по лестнице. Она вошла в кабинет почти сразу вслед за ним, но он уже, тяжело опустившись в кресло у стола, куда-то звонил.

— ...Можете идти отдыхать,— сказал он в трубку.— И завтра весь день у меня все в порядке. Спокойной ночи.— Положив трубку, отец удивленно посмотрел на бабушку, потом перевел взгляд на часы. Они показывали половину третьего ночи.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Тима ждал вас весь вечер.

— Я разве обещал быть к ужину?

— Дело не в этом вечере,— сказала бабушка.— Мальчику необходимо общаться с отцом, он же вас любит, гордится вами.

— У моего сына есть все, что нужно ребенку его возраста.

— У него нет матери, а он очень тонкий и впечатлительный мальчик.

— Я сейчас вспомнил,— после паузы сказал полковник,— что ваш покойный муж был невропатолог. По-моему, он и психологией увлекался.

— Да,— подтвердила бабушка с вызовом в голосе.— Он был очень достойный человек... Не понимаю, почему вы вдруг о нем вспомнили? Я пришла сказать вам, что Тиме необходимо внимание отца. Он очень впечатлительный.

— Это вы уже сказали... И надо ему от этой излишней впечатлительности избавляться. Пока не поздно.

— ...И вы должны переменить свое обращение с ним! Чем скорее, тем лучше!

— Как-то мы с вами уже говорили на эту тему,— вздохнув, сказал полковник.

— Я что-то не помню!

— Пятнадцать лет назад. Я тогда сказал вам, что уже давно вышел из возраста, когда человек пуждается в советах, как ему поступать в семье...

— А-а... вот вы о чем. Но сейчас речь идет о Тиме.

Отец промолчал.

Бабушка ушла огорченная.

Полковник еще некоторое время курил, потом потушил сигарету и, морщась от боли, стал медленно снимать китель. Левая рука у него была перевязана. Он поправил повязку с пятнами крови, подошел к кровати и погасил свет.

Бабушка долго еще сидела внизу на веранде за столом. Судя по выражению лица, мысли ее были невеселые. Она вспоминала дочь, свою прежнюю квартиру, потом разговор с овдовевшим мужем дочери...

Он тогда стоял в дверях ее прежней квартиры, глядя на чемоданы в гостиной. Некоторое время молчал. Потом сказал:

— Я решил, что вам надо переехать к нам.

— К кому это к вам?

— Ко мне и моему сыну.

— Это вы решили, а я решила уехать к младшей дочери. Билет взяла на завтра. Вещи собрала...

— Завтра утром я пришлю машину и грузчиков. Они перевезут вещи к нам.

— Не надо никого присылать, я не перееду к вам.

— Ребенок нуждается в присмотре.

— Переезжайте сюда. Ребенку лучше было бы жить здесь, чем в вашей развальной на окраине.

— Я отремонтирую дом.

— Не понимаю. Чем вам эта квартира не нравится? В самом центре, просторная, комнаты светлые...

— Хорошая квартира, очень хорошая,— сказал тогда полковник,— но у нее есть недостаток.

— Какой?

— Тот, что она не моя.

— Я в могилу ее с собой взять не могу...

— Машина придет в восемь утра.

— Я не перееду. Я уже и телеграмму дочери дала.

— Спокойной ночи,— сказал тогда полковник и вышел.

И бабушка переехала в дом на окраине...

Утром, когда Тима шел торопливо в школу, внимание его привлек молодой человек, который взволнованно размахивая руками, выскочил из-за угла и, подбежав к милиционеру, закричал:

— Товарищ старшина, там львы!

— Где? — вздрогнув, отвлекся от своих дум милиционер.

— За углом.

— Кто за углом?

— Да львы же, я говорю! Два здоровенных льва!

Милиционер, молодой человек и Тима вместе с ними дошли до угла.

— Где же львы? — зло спросил милиционер, оглядев улицу.

— Только что были вот здесь. Шли по тротуару рядышком.

— А вы сами, гражданин, куда направляетесь? — спросил милиционер, внимательно взглядываясь в лицо молодого человека.

— Домой. У товарища был. Всю ночь занимались. У нас же сессия.

— Экзаменационная, что ли?

Молодой человек кивнул.

— Да вы не думайте, я трезвый.

— Ясно. Значит, померещилось от переутомления. Раньше бывали случаи?

— Видел я их, товарищ милиционер,— сказал студент,— точно видел. Честное слово, вот только что.

— Проходите, проходите, товарищ. Если бы вы их видели, то они были бы здесь где-нибудь. Никуда бы не делись.

«Опять же паника бы наблюдалась... Отдыхайте.

— Гражданка, бабуся,— в отчаянии обратился студент к пожилой женщине, выходящей с сумкой из ворот соседнего дома.— Вы случайно льва не видели?

— А зачем он вам?

— Ну... пужен...

— Поздно хватились, неделя как уехал. А вы случайно не Марии Николаевны братец будете?

— Нет,— смутился студент.— Так что же делать будем, товарищ старшина? Это же опасность для населения...

Милиционер махнул рукой и пошел на свой пост.

— Слушай мальчик,— сказал тогда Тиме студент.— Ты-то мне веришь? Представляешь, два льва идут навстречу! У меня ноги от страха подогнулись. Как во сне. И голос пропал, и ноги отянулись. Никогда такого в жизни не было. Думаю, не дай бог, в мою сторону глянут.

— Неужели так страшно было?

— Страшнее не бывает. Жуть... До сих пор сердце, как отбойный молоток стучит. Слушай, а может быть, мне и впрямь померещилось? Только этого не хватало! Может быть, не идти на экзамен?

Лена ждала Тиму у школы.

— Я из-за тебя на историю не пошла. Уж хотела к вам домой идти, подумала, наверное, заболел ты,— затараторила она.

— Одного человека встретил,— сказал Тима.— Он двух львов видел на улице. Идут ему навстречу...

— Их, наверное, дрессировщик куда-нибудь послал,— стала придумывать Лена.— А может быть, они просто пошли гулять. Вроде экскурсии по незнакомому городу...

— Наверное, ему померещилось,— сказал Тима.— Напуган он был страшно.

— Я тоже умерла бы от страха. Да что я! Помнишь, во втором классе Степика Очинского собака хотела укусить, а он та-

кой вой поднял. Собака убежала, а Степик до сих пор заикается.

— Вовка говорит,— сказал Тима,— что та собака и не собиралась кусать Степика. Просто она бросилась к нему с веселым лаем, а Степик со страху не понял, в чем дело, и сразу же начал заикаться.

— Он ненормальный, этот Вовка,— засмеялась Ленка.— Он говорил еще, что эта собака теперь тоже заикается, еще хуже, чем Степик... Вовка говорил, будто бы он сам слышал, как она лаяла и заикалась.

Тима и Лена вошли в школу. Коридор был безлюден. Они остановились у двери своего класса и по очереди заглянули в глазок. Увидели Вовку, Диму и всех остальных ребят.

Вдруг в конце коридора хлопнула дверь. Лена и Тима побежали на цыпочках вверх по лестнице. И на лестнице скоро послышались чьи-то шаги.

— Директор! — прошептал Тима.

— Смотри,— сказала Ленка.— На крышу дверь открыта.

Отступать было некуда.

С крыши был виден весь город. Некоторое время они стояли молча.

— Погляди,— показывая вдаль, сказал Тимка.— Там что-то случилось. Наверное, авария какая-нибудь. Все движение остановилось. Милиционеры на мотоциклах, машины с военными...

— Твой папа, наверное, тоже с ними? — спросила Ленка.

Тима ничего не ответил, просто пожал плечами.

— Знаешь, Ленка,— вдруг сказал он.— Я, кажется, догадался, что такое «однолюбе»... Это, когда любят только одного человека.— Тима помолчал.— И больше никого.

— Тима, а ты меня любишь?

Тимка кивнул.

— Ты скажи, что ты меня любишь,— сказала Лена.

— Люблю.

— Тогда поцелуй меня и поклянись, что будешь любить меня всю жизнь и никогда, никогда не разлюбишь.

Они по-ребячьи поцеловались.

— А теперь клянись,— сказала Ленка.

— Я тебя никогда не разлюблю,— немного помолчав, сказал Тимка.— Только я боюсь, что это ты меня когда-нибудь разлюбишь.

— За кого ты меня принимаешь?! — высокомерно заявила Ленка и даже голову вздернула...

— Звонок,— сказал Тима.— Надо поскорее спуститься, пока все не выскочили из классов.

Они спустились с крыши и влились в шумную толпу ребят.

Никто не обращал на них никакого внимания.

В учительской тоже было шумно и странно суетливо.

— ...За ними побежал дог, вы, наверное, видели его, огромный пятнистый дог моего соседа, доктора. Так один из них обернулся и как даст ему лапой. Говорят, от несчастного дога только мокрое место осталось! — рассказывала молоденькая учительница.

Прозвучал звонок, но в классы никто не пошел. В это же время по школьному радио объявили, что все ребята должны собраться в спортзале.

— Дети! — сказал директор школы.— В нашем городе случилось необычное событие. На свободе оказались два льва. Они сбежали вчера вечером из неисправной клетки. Всю ночь они где-то скрывались. Они голодны, раздражены и, по всей видимости, представляют большую опасность для людей. Поэтому из школы вы все отправитесь на автобусах в сопровождении педагогов. По очереди. Сперва самые маленькие. Последними — старшеклассники. Прошу вас из школы не уходить, быть всем в классах. Впрочем, я скажу, чтобы никого не выпускали. Вопросы есть?

Шум поднялся страшный.

— Дайте слово! Мне дайте! — сидя на

брусках, надрывался Димка.— Все говорят, а мне нельзя?

Наконец ребята утихомирились и начали обсуждать событие между собой, расходясь по классам.

— Мне кажется,— сказал мальчик в очках, редактор стенгазеты,— что мы должны завести дневник и в него заносить все: где они провели ночь, чем питались...

— Или кем? — хмыкнул Вовка.

— Я тебе мешал? Потому что, может быть, больше такого случая никогда не будет, чтобы львы сбежали. Наш город тысячу лет существует, а такого еще не было. Для науки это интересно. А потом мы обо всем напишем в газету, в «Пионерку». Это мое предложение.

— Почему мне не дают слова? — снова завопил Димка.

— Ну, гише, ребята,— сказал Тима.— Говори, Димка, что у тебя за предложение?

— Предложение такое, что я не согласен.

— С кем ты не согласен?

— Со всеми не согласен, с редактором стенгазеты. Наблюдать, записывать.. А если они разорвут кого-нибудь? Кто отвечать будет? Слышалп, что говорил директор,— голодные и злые...

— А ты что предлагаешь? — спросила Ленка.

— Мы предлагаем,— торжественно сказал Димка,— вот что: старшеклассники должны взять в военном кабинете винтовки!

— Для чего винтовки? — спросил Тима.

— Чтобы старшеклассники вместе с военруком застрелили львов.

— Здорово,— восхищенно воскликнул кто-то.

— Интересно,— сказал Тима,— а зачем их убивать?

— Во-первых, от опасности. Во-вторых, если наши их убьют, то одного убитого льва отдадут нашей школе.

— А для чего школе убитый лев?

— Как для чего?! Чучело из него сделать. Единственная школа в городе будет с чучелом льва в живом уголке. Только поскорее надо это сделать, пока другие не догадались,— закончил Димка.

— Ты так говоришь, потому что знаешь, я не могу отсюда до тебя дотянуться,— сказал Вовка.

— Ставлю на голосование,— сказал мальчиш в очках.— За? Никого. А ты что, Расулсв, за свое предложение сам голосовать не хочешь?

Димка нехотя поднял руку.

— Никто догадаться не может, что я пошутил,— шепотом пожаловался он Тиме.

— За — один. Против — девятнадцать.

— Значит, предложение Таирова и Расулова не прошло,— сказал Вовка.

Все посмотрели на Тиму и Диму.

— При чем здесь Тима? — сказала Ленка.— Это Димка предложил. Ты что, не слышал?

— Он сказал «мы»,— с простодушным видом глядя на нее, сказал Вовка.— Вот я и подумал... Я говорю, предложение не прошло.

— Так что же будем делать? — спросил редактор стенгазеты.

— У меня есть другое предложение,— улыбнулся Вовка, и Тима почему-то сразу почувствовал неладное.— Дневник обязательно надо завести, но ведь нам по городу ходить никто не даст. Ни за что не даст! Верно? — Вовка сделал ораторскую паузу.— Я предлагаю, чтобы Тима попросил своего отца, чтобы ему, Димке и Лене разрешили посмотреть, как милиция будет ловить львов. Вот прямо сейчас надо, чтобы поехали они в милицию и попросили. Тогда у нас будут самые точные сведения. Кто за это предложение?.. Единогласно...

— А почему ты не пойдешь с ними? — спросил редактор стенгазеты.— Предложение-то твое?

— А кто меня возьмет? — сокрушенно

покачал головой Вовка.— Они все близкие друзья, а я им кто? Никто!

— Ты тоже можешь пойти с нами,— сказал Димка.

— И я хочу! — воскликнул редактор стенгазеты.

— Нечего! — отрезал Вовка.— Это тебе милиция, а не кинотеатр. Четыре человека и то много.

— Ладно,— с трудом скрывая сожаление, сказал сознательный редактор стенгазеты.— Идите без меня, только записывайте все точно. А мы будем здесь ждать. Только вот как на улицу выбраться? Вахтер не выпустит.

— Это я беру на себя,— сказал Вовка.

Ребята шли по безлюдным улицам, прижимаясь ближе к стенам.

— Чего ты лезешь всегда не в свое дело,— сердито сказала Вовке Лена.— Сперва спроси у человека, хочет он вести дневник или нет. Хочет он к отцу ехать просить, как будто у того других дел нет.

— Чего ты придираешься? — удивился Вовка.— Ничего я не лезу. Спроси у Тимы. А потом, плохо тебе? Гуляешь по городу вместо того, чтобы в школе сидеть. Причем, в интересах науки. Нет, чтобы спасибо сказать. Я не прав, Тима? Ну, скажи.

Вдруг Вовка толкнул друзей в подворотню и быстро закрыл за собой створку ворот.

— Львы? — замирая, спросила Ленка.

— Хуже,— шепотом ответил Вовка.— Милиционеры. Увидят, сразу домой отправят.

Ребята услышали, как несколько человек пробежали мимо ворот.

Львы выбежали на соседнюю улицу, на мгновение остановились и помчались дальше, подстегиваемые криками испуганных людей, стуком захлопываемых дверей и ставен.

...— Дальше куда? — спросила Ленка Тимку, когда ребята вошли в здание гормилиции и остановились посреди холла, перед приемной.

Тимка промолчал.

— Ты что, не знаешь, где кабинет отца? — удивился Вовка.

— Нет, — сказал Тима. — Я же сюда в первый раз пришел.

— Ясно. Сейчас разберемся. — И Вовка смело вошел в приемную.

— Полковник Таиров сейчас очень занят и вряд ли сумеет вас сегодня принять, — заявила ему секретарша.

— Мы пришли по делу, — настаивал Вовка. — К папе.

— Все четверо? — улыбнулась секретарша.

— Часть, — сказал Вовка.

— Вы Тима?

— Тима он, — показал на товарища Вовка. — Но мы все по одному делу.

Секретарша улыбнулась всем и отдельно Тиме. И вошла в обитую черной клеенкой дверь. Вернувшись, она разрешила:

— Входите.

Когда ребята вошли в кабинет, отец Тимки разговаривал с каким-то человеком. Он прервал разговор, чтобы поздороваться с ребятами.

— Здравствуйте, — сказал он и показал на стулья, — посидите немного, пожалуйста.

— В три раза, — прошептал Вовка.

— Что в три раза? — спросил Димка.

— Кабинет больше кабинета нашего директора в три раза. А это что за штуковины такие в окнах установлены?

— Батареи отопления, наверное, — высказал предположение Димка.

— Не похоже.

— Специальные радиоприемники, — объяснила Ленка, — или телевизоры.

— Или газовые плиты, — хмыкнул Вовка. — Тим, что это?

— Это? Не знаю, — шепотом ответил Тимка.

— А Тимин отец похож на одного ак-

тера, — сказала Ленка. — Он в «Мертвом сезоне» играет... Красивый такой... Забыла, как зовут.

— Сейчас вспомню, — сказал Вовка.

— Тиме, — попросил Тима. — Пожалуйста, тиме.

— А мы не шумим, — возразил Вовка, но замолк.

— ...Вот акты о передаче двух львов зоопарку вашего города, — сказал человек, сидевший у стола полковника.

— Это же дрессировщик, — еле слышно ахнула Ленка. — Из цирка. Узнали?

— ...Я им передал, — продолжал дрессировщик. — Они их погрузили в свои передвижные клетки и оставили до утра, подчеркиваю, только до утра, на территории цирка. Прошу вас, товарищ полковник, обратить внимание на тот факт, что львы сбежали из клеток, принадлежащих не цирку, а зоопарку. Я не виноват, что руководство зоопарка предоставило неисправные клетки, и ответственности за это никакому нести не должен.

— Вас никто ни в чем не обвиняет, — сказал Тимин отец, даже не взглянув на акты. — А почему вы решили передать этих львов нашему зоопарку?

— Я очень рад, — улыбнулся дрессировщик, — что вы сразу сумели определить, кто несет ответственность...

— Извините, — остановил его полковник, — так почему же?

— По чисто профессиональным причинам. Эти львы... Видите ли, в чем дело, считается, что звери из породы копытных вообще очень трудно поддаются дрессировке. Вы были на нашем спектакле?

— Нет.

— Жаль. Вы бы увидели, что в целом всю группу львов можно считать вполне обученной. Несмотря на то, что принял я ее недавно. Только два сбежавших льва не поддавались дрессировке. Главным образом, из-за их очень злобного и коварного нрава... Перед тем, как приехать сюда, мы гастролировали в Баку. Так вот, там они без всяких причин набросились на

шого ассистента, и нам удалось спасти его только чудом. Если только удалось. Он до сих пор лежит там в больнице.

— Без всяких причин?

— Если говорить откровенно,— сказал дрессировщик,— я бы давно отказался от его услуг. Жаль, что опоздал. Он бывал иногда, вернее, часто, неоправданно строг и даже жесток. А звери, они порой очень сильно реагируют на несправедливость. Я далек от мысли проводить параллель с людьми...

— Минуту. Почему же вы их не отдали в бакинский зоопарк, а привезли к вам?

— Мы предлагали, но получили отказ. У них в Баку есть две пары прекрасных берберских львов.

— Теперь самое главное,— продолжал расспрашивать полковник.— Как вы думаете: оказавшись на воле, они представляют большую опасность для людей?

— Несомненно. У них вообще нрав свирепый, а сейчас, когда они раздражены непривычной обстановкой, страхом окружающих, голодом и напуганы, я думаю, они представляют очень большую опасность и днем, а особенно ночью. Вы хотите их поймать, товарищ полковник?

— Моя единственная задача, чтобы любой ценой предотвратить возможность хоть одной человеческой жертвы в городе. Вы нам можете чем-нибудь помочь?

— Если бы я знал, где они. Если бы удалось создать спокойную атмосферу...— промямлил дрессировщик, а потом решительно сказал: — Нет. Не буду вас обманывать. Ничем я не могу вам помочь. Сейчас в них пробудились инстинкты... Считайте, что вы имеете дело с дикими зверями.

— Ладно. Спасибо за беседу. До свиданья.— Полковник встал.

Поднялся и дрессировщик и, попрощавшись, пошел к выходу. Ребята тоже встали, намереваясь сказать о своей просьбе. В это время в кабинет вошел военный в форме капитана. Он отдал честь и сказал, что его рота автоматчиков прибыла

в распоряжение полковника. Тимкин отец вышел из-за стола и шагнул к ребятам.

— Вы по какому поводу?

— От имени коллектива нашей школы,— сказал Вовка,— мы предлагаем нашу помощь.

— Спасибо,— сказал полковник.— Я думаю, мы обойдемся своими силами.— И он дважды нажал кнопку звонка.

Тима весь напрягся. Он не сводил глаз с отца. Но тот не посмотрел на него.

— И еще есть просьба,— сказал Вовка.— Мы начали вести научный дневник и просим вас разрешить нам...— Вовка замолчал, потому что в кабинет вошел шофер дядя Толя.

— Извините,— остановил полковник Вовку и обратился к дяде Толе.— Немедленно развезите ребят по домам. Каждого в отдельности. Вручите родителям и сразу возвращайтесь.— Затем он снова повернулся к Вовке: — Дневник вы можете заполнить потом, а сейчас не время. Дело это опасное и не детское — ловить львов.

— Это поручение всех ребят,— не сдавался Вовка.— Мы же не просим взять нас на операцию. Мы со стороны бы...

— Я все понял,— сказал полковник.— И все сказал. Извините, меня ждут.

— Папа,— сказал тогда Тима.— Мы никак не можем поехать домой. Никак, понимаешь? Нас ждут в школе. Я тебя прошу... Нас послали сюда и сейчас все ждут. Мы должны вернуться в школу.

— Вы должны прежде всего слушаться старших.

— Весь класс ждет,— упавшим голосом сделал еще одну попытку убедить отца Тима.

— Он же тебя не слушает,— тихо сказал ему Вовка.— Не слышит.

Полковник надел китель и шагнул к выходу.

— До свиданья, дети!

«Какие мы дети,— подумал Тимка.— Почему он ничего не хочет понять? Почему? Он же не глупый, я точно знаю!»

Ребята молча стояли и смотрели на Тиму.

— Дядя Толя,— уже в машине сказал Тима.— Пожалуйста, отвезите нас в школу. Нас там ждут.

— Как же я могу так сделать?— проворчал шофер.— Ты же сам слышал, что приказал полковник?

Некоторое время все ехали молча.

Первым заговорил Вовка:

— Ты-то здесь не при чем,— сказал он.— Со всеми взрослыми так бывает. Мой отец, например, пришел на днях немного выпивши. С мамой поругался. Потом и мне попало ни за что, ни про что. А утром он говорит: «Извини, старик, я вчера был неправ». Я и не обиделся, понимаю, не в себе был человек...

Выходя из машины около своего дома, Вовка помахал на прощанье рукой. Потом высадили Димку. Он тоже утешал Тиму.

— Не расстраивайся ты,— сказал он.— Мой в суматохе еще и по шее надавал бы! А я завтра все объясню ребятам!

А Ленка, выходя, просто шепнула:

— До свиданья. Я тебе позвоню...

Когда в машине остался один Тимка, дядя Толя сказал:

— Ты этого своего приятеля не слушай. То, что его отец выпил и обидел тогда сына,— это нехорошо. Все равно нехорошо, хоть он и извинился... А твой отец другой человек. Ты на него не обижайся.— И помолчав немного, неожиданно добавил: — Давно ушел бы с работы в милиции — жена очень настаивает и, если по честному, самому тяжело: работа беспокойная и возраст о себе напоминает. Ни днем, ни ночью отдыха нет. А знаешь, почему не уйду?

— Нет,— ответил безучастно Тимка.

— Из-за твоего отца... Мне, старику, говорить слова о нем приятные ни к чему, если бы он этого не заслуживал. Ты вот сейчас обиженный на него. Но по-

верь мне,— справедливый он человек и выдающийся. Ты не обижаться на него, а гордиться им должен. Характер, правда, у полковника непростой. Что верно, то верно. Ну да это не главное.

— А я не обижаюсь,— сказал Тимка.— Спасибо, что подвезли. До свиданья.

— Слава богу,— воскликнула бабушка, увидев Тимку.— А то я совсем голову потеряла. Из школы звонили, спрашивали, где ты...

— Я туда думаю сбегать. Ладно, бабушка?

— Не пушу,— ответила бабушка.— Только по радио передавали, чтобы все сидели дома.

Тимка включил телевизор. На экране шел какой-то веселый мультипликационный фильм.

— Бабушка, а ты окончательно передумала переезжать к маминной сестре? — неожиданно спросил он.

Бабушка удивленно посмотрела на него.

— Может, мы вместе поехали бы. А, бабушка?

— Вечно у тебя мысли какие-то странные в голове вертятся.

— А если я один перееду, ты ко мне приедешь?

— Приеду, приеду, в гости — хоть на край света,— проворчала бабушка.

Зазвонил телефон. Тимка взял трубку.

— Ты что делаешь?

— А кто это? — спросил Тима.

— Не узнал? Эх ты! Вова.

— А я твой голос первый раз по телефону слышу.

— Знаешь, я узнал, что у твоего отца в кабинете в окне стоит. Это такие приборы для охлаждения воздуха. Кондиционеры называются. Понятно, почему там так прохладно было. Даже холодно.

— Да, холодно,— сказал Тима и замолчал.

— Ладно,— сказал Вовка.— Я позвонил сказать, думал, тебе интересно. Бывай...

Ночью Тимка проснулся от необычного шума. Откуда-то издали доносились глухие звуки выстрелов, потом раздался звериный рев. Тима вскочил с постели, подбежал к окну, высунулся по пояс. Звуки доносились с другой стороны. Тогда он прошел в комнату отца. Здесь от окна были слышны невнятные крики, потом раздалось еще несколько выстрелов и наступила тишина.

Тима вздохнул и отошел от окна. Комната была освещена ярким фонарем с улицы. И тут он увидел, что дверца сейфа с торчащим в ней ключом была приоткрыта.

Он подошел к сейфу и открыл дверцу совсем. Думая о чем-то своем, вытащил пистолет, повертел его в руках и положил на место. Вдруг среди папок, аккуратно сложенных на полках, Тима увидел альбом с фотографиями. Он вынул альбом, раскрыл. На первом же снимке были родители и он сам между ними, очень маленький, в распашонке и тапочках. На этой фотографии отец был улыбающийся и счастливый — таким Тимка его никогда не видел. В альбоме были еще и письма. Тимка вынул одно из пожелтевшего конверта, и, когда начал читать, ему показалось, что он услышал мягкий женский голос:

«...А наш малыш за эти полтора месяца заметно вырос. Он очень похож на тебя. Он, конечно, пока не разговаривает, но мы друг друга понимаем. Он ужасно смешной и милый. Я ему рассказывала, что ты в Калининграде в командировке, и он сказал мне, что тоже по тебе соскучился. Мы тебя оба крепко целуем и ждем...»

Второе письмо было написано отцом, и в Тимкиных ушах зазвучал жесткий уверенный голос:

«...Думаю, что дней через десять мы увидимся. Не буду тебе писать, как я по тебе соскучился, потому что не знаю та-

ких слов. Парню нашему передай от меня привет. Интересно мне на него посмотреть, каким он стал. Это великое счастье, что у нас есть сын, и я уверен, что когда-нибудь его полюблю, но поверь мне, что пока есть только один человек, которого я люблю и буду любить всю жизнь,— ты. Я думаю о тебе. Я люблю тебя...»

Тима вложил письма в альбом и сунул его в сейф. Потом сел за письменный стол, подумал немного, и придя к какому-то решению, поднял телефонную трубку и набрал номер агентства Аэрофлота.

— Скажите, пожалуйста, время утреннего рейса в Москву?

— Первый рейс — номер 584 — в пять часов тридцать минут...

Тима взял лист бумаги и начал писать: «Дорогая бабушка! Ты не сердись и не беспокойся обо мне...»

Сначала Тимка шел к воротам по дорожке. Но гравий сильно хрустел под ногами в ночной тишине, и он сошел с нее и зашагал рядом. У ворот он остановился и обернулся. Дом стоял весь белый под лунным светом. Небо было низкое, темносинее, и каждая звезда светилась на нем так, что казалось, будто внутри нее горит фонарик. И в эту ночь было особенно заметно, что небо бесконечно и за ним ничего нет, кроме неба.

Калитка издала невыносимый в этой тишине скрип. Тимка открывал ее осторожно и вдруг остановился, ощущая кожей затылка и спины, ощущая всем существом своим, что на него кто-то смотрит. Тима оглянулся назад не сразу.

Под засохшим деревом, в углу двора, рядом с опрокинутым мусорным ящиком, из которого все высыпалось на землю, стоял лев. Он стоял неподвижно и смотрел на Тиму. Тима много раз видел львов в зоопарке, в цирке, но никогда не представлял себе, что они могут быть такими ог-

ромными. Лев стоял боком и был виден весь. Желтая шерсть на его туловище блестела под лунным светом, как намазанная жиром. Не блестела только грива, она была темно-коричневая с проседью. Глаза льва тоже были желтые и тускло мерцали.

Тима долго смотрел на льва, а потом пошел обратно к дому. Он шел и боялся обернуться. Когда Тимка поднялся на веранду и взялся за ручку двери, он три раза повторил про себя: «Хоть бы он не ушел, хоть бы он не ушел, хоть бы он не ушел». Потом обернулся и посмотрел на льва. Лев продолжал стоять неподвижно и глядел на него. У Тимки как будто из самого горла вырвался короткий смешок. Он открыл дверь и сказал:

— Заходи.— И стал ждать.

Лев медленно двинулся к дому, не отводя от Тимки своих желтых глаз. Потом поднялся по лестнице на веранду, и деревянные ступени ее зашкряпали под тяжестью его тела. Прежде чем войти в дверь, он поднял голову и еще раз взглянул на Тиму, как будто спросил, правильно ли он его понял, и Тима утвердительно кивнул ему головой.

Войдя в дом, лев сперва подошел к лестнице на второй этаж и посмотрел наверх, потом повернул к двери в кухню, но туда не зашел, а вернулся к началу лестницы, обнюхал несколько ступеней и лег на пол. Положив голову на передние лапы и прикрыв глаза, как будто у него и сил не было зажмуриться, лев вдруг глубоко вздохнул.

Тогда Тимка медленно пошел в кухню, достал из холодильника мясной фарш и положил его перед мордой льва. Тот слегка приоткрыл глаза, не вставая, потянулся к мясу, мелькнул розовый язык, и оно исчезло.

— Ты, наверное, устал,— сказал вполголоса Тима,— и очень хочешь есть.

И он вернулся на кухню. В сковородке лежала жареная картошка и кусок мяса

в застывшем жире. Лев съел и эту еду, причем сковородка ерзала взад и вперед по паркету под его языком, как заводная. Тима еще раз вернулся в кухню, заглянул в холодильник, но там, кроме овощей и сыра, ничего больше не было.

— Сыр будешь есть? — спросил Тима.

Лев начал осторожно жевать сыр, и выражение морды у него сделалось довольным. Потом он снова принялся за сковородку, хоть она уже была вылизана так, как будто ее вымыли горячей водой с мылом. Даже деревянную ручку вылизал. Сковородка теперь уже не ерзала под его языком, а билась о паркет, и Тима с беспокойством посмотрел наверх: не проснулась ли бабушка?

— Ты лежи здесь,— сказал он,— а я пойду предупрежу бабушку. А то она может тебя испугаться.

Бабушка крепко спала. На ее лицо падал свет, и лицо у нее было очень доброе. Тима постоял в дверях и не стал ее будить. Он осторожно прикрыл за собой дверь и крепко-накрепко привязал ручку двери к трубе парового отопления.

Когда он вернулся, лев лежал на том же месте. Сковородку он оставил и теперь дремал. Время от времени он открывал глаза, причмокивал губами и смотрел на Тиму.

— Надо будет тебе в зоопарк,— сказал Тима.— Ужасно тебе повезло, что не убили. Теперь ты ничего не бойся. Скоро папа придет, отправит тебя в зоопарк, а мы с Ленкой будем к тебе каждый день ходить.

Начало светать. Тима посмотрел на часы. И вдруг лев вскочил. Моментально вскочил, и в горле у него что-то заклокотало. Тима сперва даже не понял, с чего это он вскочил, но потом сообразил — по улице, мимо дома, проехала машина, самая первая машина в это утро. Видно, льву это очень не понравилось. А когда все опять утихло, лев успокоился и снова лег. Но в горле у него еще некоторое время продолжало клокотать.

— Ты ничего не бойся,— сказал Тима.— Все будет в порядке. Вот увидишь, я тебе обещаю.

Пока Тима говорил, у льва в горле хлопотало все тише и тише. Но потом, каждый раз, когда мимо по улице проезжали машины, он вскакивал и тихо рычал.

— Не бойся ты машин. Никто тебя у нас не тронет. Сейчас мы все уладим,— снял трубку телефона и набрал номер.

Лев вздрогнул, когда в мембране телефона послышался голос...

— Дежурный по гормилиции капитан Карташ.

— Здравствуйте, с вами говорит сын полковника Таирова. Пожалуйста, соедините меня с папой.

— Он выехал в полночь на операцию, и еще не вернулся.

— Мне очень, очень нужно,— попросил Тимка.

— Соединю с машиной полковника.

— Папа,— сказал Тима и замолчал. Он не знал, с чего начать.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Все в порядке.

— Почему ты не спишь? Где бабушка?

— Она спит,— сказал Тима.— Она все время спит и ни разу не проснулась. Я ее запер в ее комнате.— Тима сказал это и снова замолчал, потому что понял, что надо было начинать не с этого.

— Зачем ты запер бабушку?

— Чтобы она не вышла и не испугалась.

— Чего испугалась? Откуда ты звонишь?

— Из дому. Из передней.

— Чего может испугаться бабушка?

— Льва может она испугаться,— сказал Тима, и ему сразу стало легко говорить.— Я боялся, что она испугается льва. Он сидит здесь очень смиренно под лестницей. Вот я ее и запер.

— Какой еще лев? Ты во сне его увидел?

— Да не во сне. Честное слово! Лев у нас в передней уже очень давно, я его накормил. Он лежит и дремлет. Ты позвони в зоопарк, чтобы приехали и отвезли его туда, пока все не проснулось и снова его не напугали. И сам приходи...

Теперь полковник поверил. Через полминуты его машина со светящейся вертушкой над крышей развернулась и помчалась по городу. Не отставая от нее, мчались две другие. Полковник вызвал Тиму по телефону.

— Ты можешь пройти к двери? — спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил:

— Положи трубку, попытайся выйти из дома. Только не бойся. И, самое главное, не торопись. Попытайся дверь за собой запереть. Иди к соседям. Только не бойся. И ни в коем случае не беги. Ни в коем случае. Или нет. Тебе до кухни ближе. Лучше запрись в кухню. Ты можешь добраться до кухни?

— Папа,— сказал Тима.— Не волнуйся... Ничего опасного нет. Этот лев совсем смиренный и ко мне уже привык. Очень прошу, позвони в зоопарк...

— Скорее! — сказал полковник шоферу и снова в трубку: — Делай то, что я тебе говорю! Уходи в кухню. Я тебя очень прошу: сделай, что я тебе сказал. Иди на кухню. Я скоро буду...

— Ну как же мне тебе объяснить,— начал снова Тимка.— Он же очень напуган. Если я уйду от него, он забеспокоится. Я тебя в передней подожду, только к дому близко на машине не подъезжай.

— Иди в кухню! — закричал полковник.— Встань за холодильник и не подходи близко к двери, что бы ни случилось.— И бросил трубку.

Тима сел в глубокое старое кожаное кресло и сказал льву.

— Пускай придет сам и убедится, какой ты.— Лев поднял голову, взглянул на Тиму, снова опустил ее на тяжелые скрепленные лапы и закрыл глаза.

Страшный шум разбудил Тимку. Лев стоял, вытянув туловище, и кожа на нем

вздрагивала так, как будто его ударяет током, хвост метался то в одну сторону, то в другую. Пасть его была разинута, и видны были белые клыки и розовое, в темных полосах, нёбо. Лев ревел так, что казалось, все тело его сейчас разорвется на части от напряжения, ненависти и страха.

На улице хлопнула дверца машины, сперва одна, а потом еще несколько.

— Перестань, я тебя прошу, перестань,— крикнул Тимка льву. Лев продолжал реветь, и от рева этого дрожали стекла. В дверь постучали. Тима отпер ее, и она сразу распахнулась. На пороге с автоматом в руках стоял полковник, у него было белое-белое лицо, а за его спиной, Тима увидел это мельком, стояли еще несколько человек в военной и милицейской форме. Он понял, что еще мгновение,— и льва убьют.

— Папа, не стреляй! — крикнул он.

— Уходи немедленно! — резко сказал отец, схватил сына левой рукой и рванул его к выходу. Тимка вывернулся и отбежал от отца, прежде чем тот успел схватить его снова. Отбежал на середину комнаты и встал между полковником и львом. Ближе ко льву.

— Оставь нас в покое! Что ты от нас хочешь? Ты же ничего не хочешь понять! Лучше ты меня застрели, чем льва,— закричал он, и ненависть зазвучала в его голосе.

Несмотря на рев, полковник все услышал, каждое слово. Он повернулся и вышел, затворив за собой дверь. Но перед этим он взглянул на Тимку как-то по-особенному... Как будто он думать перестал о льве. Очень странное лицо было у полковника перед тем, как он вышел.

А Тимка сел в кресло и вдруг заплакал.

Лев продолжал реветь. Тогда Тима подошел ко льву совсем близко и положил руку ему на спину, чувствуя, что он, как мокрый щенок, дрожит мелкой дрожью. Лев перестал реветь.

В наступившей тишине с улицы доносился невнятный шум. Здесь собралась огромная толпа. Люди удивлялись, почему милиционеры и солдаты, вместо того, чтобы ворваться в дом и убить льва, стоят неподвижно, и ни один из них не подходит к дому ближе, чем на десять-пятнадцать шагов.

Полковник стоял и молчал, после того как приказал оцепить дом и никого к нему не подпускать.

Потом подъехала пожарная машина, и по ее лестнице из дому вывели бабушку.

В толпе перед домом скоро показались Димка и Вовка.

— Что это у тебя? — усмехнулся Вовка, кивнув на деревянный кинжал, заткнутый за пояс Димки.— Брось ты его — не ребенок.

— А у тебя что? — спросил Димка, показав на сверток в руках Вовки.

— Рыболовная сеть,— ответил Вовка.— Капроновая. Каждая шпагатина до одной тонны веса выдерживает. Накинем ее на льва, он запутается в ней, а мы втроем — ты, Тимка и я — навалимся, и дело с концом. Лишь бы с первого раза удалось накинуть.

— Накинем! — уверенно сказал Димка.— Самое главное — одновременно: ты с одного конца, я с другого. Только вот, как добраться до него? Дом-то оцеплен.

— Есть одно местечко,— сказал Вовка.— Я уже все выяснил.

Они отошли. Позади забор почти не охранялся, лишь за углом стоял милиционер.

— Только очень осторожно, чтобы не заметили,— прошептал Вовка.— Подтягивайся наверх и ползи по забору за мной.

— А через окно нельзя сеть на него накинуть? — подтянувшись, спросил Димка.

— Ты что, боишься? — подозрительно спросил Вовка.— Если боишься, беги отсюда.

— Только мне не хватало льва бояться,— обиделся Димка.— Я для дела...

— Ползи за мной!

Ребята поползли по коньку забора. Из дома вдруг раздалось леденящее кровь яростное рычание. Димка замер.

— Не отставай,— обернувшись, прошепел Вовка.

Димка снова пополз, потом достал из-за пояса свой деревянный кинжал и бросил его в стоящего неподалеку от забора милиционера. Тот от неожиданности вздрогнул и обернулся.

— Куда? — закричал он и, подпрыгнув, ухватил и Димку и Вовку за обшлага брюк.— А ну-ка, оба на землю марш!

— Почти доползли...— заскрипел зубами Вовка.— Надо же!

— Не повезло! — вздохнул Димка.— Ну ничего, в конце концов, мы сделали все, что могли.

— Идите, идите, ребята,— сказал милиционер.— Не до вас тут! Хорошо еще, что кто-то в меня эту штуковину бросил,— он поднял с земли кинжал,— а то ведь прошли бы вы в дом. И мне взыскание. Поинимать надо.

Вовка молча бросился на Димку.

— Я нечаянно,— заверещал тот, прячась за милиционера.

— Стоп! — еле успел перехватить Вовку милиционер.— Ты, милый, что, с ума сошел?

— Там же твой друг единственный погибает. Трус ты несчастный! — крикнул Димке Вовка...

— Ну, идите, и чтоб больше такого не было. Идите. Некогда мне с вами возиться! — сказал милиционер.

— А вы не имете права нас отпустить,— крикнул из-за спины Димка.— Раз вы нас задержали, то должны охранять, а не отпускать просто так.

— Ладно,— сказал милиционер.— Ты меня законам не учи. А ты,— повернулся оп к Вовке,— обещаю, что его не тронешь.

— Обещаю,— с готовностью сказал Вовка.— Только отпустите.

— Вот и хорошо, что обещаешь. Идите!

— Дядя, какой вы наивный! — сказал

Димка.— Он же вас обманет. Ясное дело, обманет. Вы скажите, чтобы он честное пионерское дал.

— Тоже верно,— согласился милиционер.— А ну-ка, дай честное пионерское, что драться не будешь.

— Не дам,— сказал Вовка.— Что хотите сделайте, не дам. Все равно я до него доберусь.

— Ну вот, что я вам говорил? — заныл Димка.

В толпе перед домом появилась и Ленка с отцом.

— Не нервничай, дочка,— говорил отец Лешке и гладил ее по голове.— Я уверең, ничего плохого с Тимой не случится. Хочешь, позвони ему? Вот автомат.

— Звонила я,— ответила Ленка.— Не отвечает телефон!

— А его, наверное, отключили,— догадался отец.— Чтобы льва зря не тревожить.

— А может быть, этот проклятый зверь уже съел Тимку, вот он и не отвечает,— заплакала Ленка.

— Перестань, на тебя люди смотрят...

— Ну и пусть смотрят,— сказала Ленка.— Все стоят и глазают. Противно. И мы с тобой такие же.

Ленка вдруг угрем проскользнула сквозь толпу, нырнула под руки солдат линии оцепления и помчалась к Тимкиному дому.

За воротами стоял полковник Таиров.

— Лена,— сказал он, еле шевельнув губами, и Ленка остановилась. Она повернулась и посмотрела на него, ожидая, что он скажет ей еще что-то.

Но он больше ничего не сказал. Он стоял неподвижно и только смотрел на нее. Тогда она подошла к нему. Полковник кивнул головой, чтобы она встала рядом. Ленка глубоко вздохнула, так, как обычно вздыхают люди, которые до этого плакали, и послушно приблизилась.

Полковник поднял руку и поглядел на часы.

Тима вздрогнул, а лев заревел, когда

во дворе послышался шум, лязг железа. Потом дверь распахнулась и за ней Тимка увидел длинную узкую клетку. В цирке по таким клеткам-коридорам львы из-за кулис выбегают на сцену. Прислоненная к двери клетка-коридор вела в другую клетку, побольше, установленную на грузовике. В ней стоял тот самый дрессировщик и приветливо улыбался.

Он несколько раз повторил льву какие-то, видимо, пригласительные слова, на неизвестном иностранном языке, достал из сумки кусок мяса, наколол его на железную палку и просунул ее в дверь. Лев ощерил пасть, но реветь перестал.

— Иди! — сказал ему Тимка. — Ну, пожалуйста, иди!

Дрессировщик все повторял и повторял любезным голосом свои непонятные слова.

И лев медленно пошел к двери. Он шел, опустив низко голову, и хвост у него был поджат. На Тиму он ни разу не взглянул. Он и на мясо не обратил ни-

какого внимания, хотя оно на конце палки преградило ему путь. Он отодвинул его лбом в сторону и прошел по железному коридору в клетку на грузовике.

Тимкин дом сразу же наполнился людьми знакомыми и незнакомыми. Было много ребят из школы, учителя. У всех были радостные лица. У Тимки что-то спрашивали, хвалили его, но он ничего толком не слышал. Вдруг он увидел отца. Он вошел, и все перед ним расступились. А Тимка стоял и ждал, и ему было страшно, и хотелось убежать куда-нибудь подальше.

Полковник подошел к Тимке вплотную и, видно, собрался что-то ему сказать, даже губами шевельнул, но ничего не сказал, и, прежде чем Тимка успел что-нибудь понять, нагнулся, обхватил его руками, поднял и прижал к себе. Они стояли так, и все вокруг стояли и молчали, и, кажется, никому не показалось, что он держит сына на руках слишком долго.

А потом к ним подошла бабушка.

*Я. Костюковский
М. Слободской*

**НЕИСПРАВИМЫЙ
ЛГУН**

МОРИС РОМАНОВИЧ СЛОБОДСКОЙ (родился в 1913 году) — писатель и автор сатирических стихов, фельетонов, эстрадных представлений, комедийных пьес и киносценариев. Совместно с А. Раскиным им написан литературный сценарий фильма «Весна»; совместно с В. Дыховичным — сценарий фильма «Жених с того света». В последние годы М. Слободской работает в содружестве с писателем Я. Костюковским.

ЯКОВ АРОНОВИЧ КОСТЮКОВСКИЙ (родился в 1921 году) закончил Институт истории, философии и литературы. Регулярно печатается с 1939 года. Автор сборников стихов, пьес, фельетонов и т. д. В 1962 году написал сценарий фильма «Штрафной удар».

По литературным сценариям, написанным М. Слободским и Я. Костюковским, поставлены эксцентрические кинокомедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука» (режиссер Л. Гайдай).

Фильм по публикуемому сценарию «Неисправимый лгун» ставит режиссер В. Азаров на киностудии «Мосфильм».

Раннее утро. Алексей Иванович Тютюрий, мужчина средних лет, открывает глаза. Не оглядываясь на спящую за его спиной жену, он начинает тщательно разработанный процесс бесшумного выползания из постели. Его главная задача — не разбудить Зинаиду Николаевну ни движением, ни шумом, ни даже взглядом. Сперва он осторожно спускает из-под одеяла одну ногу, затем — вторую, и, наконец, изловчившись, скатывается на пол сам, почти не шелохнув одеяла. Все делается автоматически. Как говорят спортсмены, это давно наигранная комбинация. Поднявшись с четверенок, он берет в руки шлепанцы, чтобы они не шлепали, и на цыпочках выходит из спальни, бесшумно притворив за собой дверь.

Вскоре выясняется, что Алексей Иванович не только заботится о сладком утреннем сне жены, но и преследует свои личные тайные цели. Он тихонько проходит на кухню и, осторожно открыв мусоропровод, вытягивает из него висающий на веревочке полиэтиленовый мешочек с пачкой сигарет. Когда он отпускает крышку мусоропровода, она громко хлопает. Алексей Иванович вздрагивает и замирает...

Но все обошлось: жена безмятежно спит...

И вот уже совершенно одетый, довольный проделанными операциями, Алексей Иванович с портфелем в руке подходит к выходной двери.

— Алексей! На минуточку! — раздается голос из спальни.

Он вздрагивает, ставит портфель к две-

ри и с певинными глазами входит в спальню:

— Доброе утро, Зиночка!

Это приветствие звучит несколько странно, поскольку жена, кажется, продолжает спать. Во всяком случае глаза у нее закрыты, и она размеренно дышит. И вдруг, не открывая глаз, она веско говорит:

— Раз бросил курить, прятать сигареты в мусоропроводе — глупо...

Алексей Иванович виновато достает из кармана сигареты и кладет их на ночной столик:

— Но я же дома не курю...

— Нигде не должен, раз бросил — терпи...

Выясняется, что Зинаида Николаевна обладает сверхъестественными способностями — она видит сквозь закрытые веки и даже сквозь стены. Уличенный Алексей Иванович хочет оправдаться, но спящая жена перебивает его:

— И вообще уже без четверти... На работу опоздаешь... У тебя сегодня решающий день.

И опять, хотя она не смотрела на часы, она права. Алексей Иванович, взглянув на будильник, срывается с места... Однако в коридоре, не дойдя до выходной двери, он задерживается у шкафа. Встав на стул, он достает со шкафа горку из пустых чемоданов, шляпных картонок и обувных коробок, затем, поставив эту пирамиду на пол, он вынимает из верхней коробки спрятанную там пачку сигарет и кладет ее в портфель.

Зинаида Николаевна сладко спит...

Алексей Иванович, снова встав на стул, хочет поставить чемоданы и коробки на шкаф. Неожиданно вся эта пирамида, заколебавшись, начинает рушиться. Оглядываясь безумными глазами на дверь спальни, Алексей Иванович невероятными жонглерскими усилиями сохраняет баланс и тишину. Водрузив все на место, он облегченно вздыхает и, захватив стоящий рядом портфель, подходит к двери.

— Алексей! — раздается за его спиной голос жены. Тютюрин виновато оглядывается. В дверях спальни стоит Зинаида Николаевна в ночной пижаме.

— До каких пор это будет продолжаться?! Тебе уже под пятьдесят... Двое детей... А ты сам все еще мальчишка... И на работе мальчишка... Рядовой парикмахер...

— Я не рядовой, Зиночка,— тихо, но не без достоинства возражает Тютюрин,— я мастер!

— А ты и двадцать лет назад был мастером. А вот Мырыков пришел к тебе учеником, а сейчас уже твой директор. Пойми, дело не в деньгах. Просто стыдно соседям в глаза глядеть. Все уже в люди вышли, а ты...— Она, безнадежно махнув рукой, заканчивает: — Ладно уж, иди... А то ты умудришься и в такой день на работу опоздать.

Алексей Иванович хватается за портфель и быстро идет к двери. Но его снова останавливает жена:

— Алексей!

Тютюрин понимает ее без дальнейших объяснений. Он вынимает из портфеля злополучную пачку сигарет.

— Вот, вот,— кивает Зинаида Николаевна.— Положи на место...

Растерянный Алексей Иванович машинально лезет на стул, чтобы положить сигареты обратно в коробку на шкаф.

— Куда?! — Зинаида Николаевна указывает на ночной столик: — Сюда положи! И уходи скорее, горе мое!..

...Огромный город спешит на работу.

Все находится в движении, причем пешеходы движутся чуть скорее автомобилями, автобусов и троллейбусов, то и дело застревающих в утренних пробках. Хотя еще рано, но уже очень жарко. И очень шумно.

И вдруг среди рокота моторов, визга тормозов и других привычных городских шумов мы слышим совершенно инородный звук: чистый детский плач. У самого края тротуара рыдает мальчик лет пяти.

— Мальчик, почему ты плачешь? — подходит к нему Алексей Иванович и только сейчас узнает его.— Вовка?!.. А почему ты не в детском саду?

— Карантин,— отвечает Вовка, не переставая плакать.

— А чего ты реवेशь?

— Мяч...

— Какой мяч?

— Что ты подарил...

На широкой проезжей части улицы, над стадом машин носится большой разноцветный мяч. Ему, как яблоку в толпе, даже упасть негде. Кажется, что машины играют в непроизвольный мотобол. Они поддают легкий мяч радиаторами, крыльями, крышами, он отскакивает от шлемов мотоциклистов, трехколесных автотележек с мороженым, бельем, рыбой.

Не раздумывая, Алексей Иванович бросается на проезжую часть. С риском для жизни лавируя между машинами, он начинает ловить мяч. Портфель ему мешает. Он ставит его на плоский багажник новой «Волги», попавшей в очередную пробку. Теперь руки освободились, и Алексей Иванович, как заправский вратарь, в блестящем прыжке ловит в воображаемой «девятке» пролетающий мяч.

Счастливым и возбужденным, он возвращается к Вовке:

— На, держи... Иди во двор...

Вовка мгновенно перестает плакать и деловито говорит:

— Беги, дядя Леша, на работу опоздаешь...

Алексей Иванович, взглянув на часы,

ахает. Действительно, устами младенца глаголет трудовая дисциплина. Он срывается с места, но Вовка трезво напоминает ему:

— А портфель?

Резко изменив направление, Алексей Иванович бросается за уже тронувшейся «Волгой», догоняет ее, хватая портфель, бросается обратно и... чуть не попадает под колеса со скрежетом затормозившего автополивщика.

— Ты что? — кричит разъяренный шофер. — В тюрьму из-за тебя, дурака, садиться?.. Пьяный, что ли? Или на солнце перегрелся?

— Да... Жарко... — неопределенно отвечает Алексей Иванович и вытирает холодный пот со лба.

— Я тебя быстро освежу! — злорадно дернув рычаг, шофер обдает водой Алексея Ивановича с ног до головы...

Большой салон новой парикмахерской «Волшебница».

Сейчас из всех кресел действует только одно. В пустом зале мастер артистически укладывает волосы молоджавому розовощекому клиенту. Закончив, он тщательно по щеткой обмахивает его, а затем помогает ему надеть прямо на белую сорочку оранжевый нейлоновый халат с таким же фирменным знаком, как и на голубом халате самого мастера.

Человек в оранжевом халате смотрит на часы и громко приказывает:

— Ну, пора открывать!.. Все по местам!

Парикмахерская оживает. Входят первые посетители, появляются мастера и расходятся по своим креслам.

— Василь Васильч! — задерживает пожилой мастер Сергей Степанович оранжевого заведующего. — Ну как? Отпускаешь меня на пенсию?

— Э, нет! Мы договорились, когда найдем тебе замену.

— Так мы же нашли... Алексей Иванович.

— Понимаешь, рука не поднимается подписать ему характеристику...

— Почему? Тютюрин прекрасный мастер, хороший человек...

— Так-то оно так... Но ведь это же не просто мастер, а заведующий мужским залом. Руководящая должность, материально ответственное лицо... Инструмент, инвентарь, а главное — одеколон. А одеколон — это что?

— Не роскошь, а гигиена, — улыбается пожилой мастер.

— Ты дитя, Сергей Степанович! Одеколон — это не гигиена, а спирт!..

К ним подходит молоденькая парикмахерша:

— Товарищ Мымриков! Тютюрина опять нет, — указывает она на пустующее кресло.

— Вот видишь, Сергей Степанович! — укоризненно говорит заведующий. — Опять он опаздывает!.. А главное — каждый раз врёт в оправдание... За дураков нас считает...

И, вздохнув, он вешает на кресло Алексея Ивановича табличку: «Кресло не обслуживается».

Переодевшийся во все сухое Алексей Иванович тщетно пытается остановить у своего дома попутную машину...

Работающая у прозрачной стеклянной стены молоденькая парикмахерша, взглянув на улицу, радостно объявляет, предвкушая очередной интересный спектакль:

— Идет!

— Интересно, что он на этот раз придумает, — говорит заведующий и обращается к вбегающему Алексею Ивановичу: — Пройдем ко мне!..

Алексей Иванович повуро идет за ним в сопровождении заведующего мужским залом Сергея Степановича и молоденькой парикмахерши. В кабинетике, выгоревшем

ном занавесками, заведующий спрашивает:

— Ну, что сегодня случилось?.. Пожар? Наводнение? Землетрясение?

— Нет,— отвечает Алексей Иванович.— Мальчик плакал... Мяч потерял...

— Ага! — с удовольствием приступает к допросу заведующий.— Значит, мальчик?

— Да.

— Плакал?

— Ну да.

— Мяч потерял?

— Я ж говорил.

— Твой мяч?

— Нет. Его.

— Значит, твой мальчик?

— Нет, соседкин.

— Ага, ясно... А соседка хорошенькая, да?

— В общем, симпатичная.

— Смотри, как бы тебе отец этого мальчика ноги не поывдергивал...

— У него нет отца...

— А скажи мне, Тютюрин... Почему у меня, когда я иду на работу, никакие мальчики не плачут?

— Не знаю...

— А я знаю... Ну ладно... Допустим, у тебя мальчик плакал... И долго?

— Да нет, минут пять...

— Ага! А почему ж ты опоздал на двадцать семь минут?

— А меня еще автополивщик водой окатил... Пришлось вернуться домой...

— Так, новое дело! — удовлетворенно констатирует заведующий и обращается к смешливой парикмахерше: — Катя, тебя когда-нибудь автополивщик обдавал водой?

— Нет.

— А тебя, Сергей Степанович?

— Пока нет.

— И меня никто не поливает по утрам... Только тебя одного, товарищ Тютюрин! Ты не знаешь, почему?

— Не знаю, товарищ Мымриков,— ра-

стерянно разводит руками Алексей Иванович.

— А я знаю! Ну ладно, иди работай! Тебя клиент ждет...

Алексей Иванович подходит к своему креслу, где его действительно ждет клиент, снимает табличку и начинает вынимать инструменты из портфеля. Достав электромашинку для стрижки, он удивленно заглядывает в портфель, что-то хочет сказать Мымрикову, но, раздумав, только машет рукой. Затем он выливает из портфеля в раковину довольно много воды...

А в кабинетике Мымриков говорит Сергею Степановичу:

— Вот видишь, какую кандидатуру ты мне предлагаешь? Повременим с характеристикой.— И он запирает бумагу в сейф.— Боюсь, что не созрел еще Тютюрин для руководящей работы. У него есть два серьезных недостатка...

— Какие?

— Во-первых, врет... А во-вторых, не умеет врать...

...Тем временем Алексей Иванович закончил стричь клиента, и тот, вернувшись от кассы с ведомостью, прощается и уходит. Тютюрин поднимает ведомость — под ней часовых нет. Раскрывает ее — внутри тоже ничего нет. Тогда он заглядывает в карман халата.

Ага, все в порядке, клиент сунул рубль сюда. Довольный, Алексей Иванович открывает шкафик, достает оттуда большую копилку с замком и надписью «В фонд мира». В щель копилки он опускает этот рубль и деловито зовет:

— Следующий!

Снова раннее утро. И снова мы видим тот же, тщательно отработанный процесс бесшумного выполнения Алексея Ивановича из постели. Он, как всегда, не оборачивается, чтобы даже взглядом не разбудить жену. А на этот раз надо бы обернуться. Дело в том, что Зинаида Никола-

евна уже сама бесшумно ушла, оставив на своей подушке записку.

Не подозревая этого, Алексей Иванович тихо соскальзывает с постели и, крадучись, проходит на кухню...

Здесь, встав на табуретку, он с трудом достает пачку сигарет, спрятанную за наличником часов с кукушкой. Затем он перегружает из холодильника в портфель пакетик с бутербродами, бутылку кефира и синюю пластмассовую масленку. Однако в масленку он кладет не масло, а несколько сигарет. Пачку с остальными он снова прячет за наличник «кукушки». Уже спускаясь, Алексей Иванович вдруг теряет равновесие и задевает висящий на стене медный таз для варенья, который с лязгом летит на газовую плиту и разбивает стоящий на плите чайник-заварник. Этот звук напоминает взрыв небольшой атомной бомбы, и Алексей Иванович, понимая, что все пропало и что жена, безусловно, проснулась, обреченно идет на расправу. Вдогонку ему издевательски кукует «кукушка».

И только в спальне он обнаруживает, что жены нет, а на подушке лежит записка:

«Алексей! Я уехала к детям в Малаховку. В лагере — родительский день. Торопись. Смотри, не опоздай. По дороге ни во что не ввязывайся. Надеюсь, сегодня тебе характеристику дадут. Ведь бить посуду — к счастью. Целую. Зина.»

Алексей Иванович потрясен способностями жены, которая все видит даже из Малаховки. Он уже хочет уйти, но какая-то сила заставляет его снова заглянуть в записку. Он видит пост-скрипту:

«Между прочим, в масленке должно быть масло, а не сигареты.»

Разоблаченный Алексей Иванович вздыхает и честно выкладывает сигареты из масленки на ночной столик.

...И вот он уже выходит из подъезда и пересекает двор. Дворник, поливающий из шланга цветы, останавливает его:

— Привет, Алексей Иванович! Ну что, с вас уже причитается?

— Пока нет... Но обещали... Привет!

Он торопливо идет дальше, но в воротах его снова задерживают. Пожилой военный в погонах отставного полковника, с золотой звездой на груди и с авоськами в руках, заинтересованно спрашивает:

— Ну, Леша, получил повышение?

— Сегодня решается... Прости, Петя, спешу...

...Алексей Иванович идет на работу. Веселая музыка и неслышанная удача сопровождают его. Нет абсолютно никаких причин для опоздания. Когда он переходит улицу, знакомый нам водитель автополивщика не только притормаживает, чтобы уступить ему дорогу, но и предупредительно выключает водяную струю...

Салон парикмахерской. Мастер закапчивает утреннюю укладку волос Мымрикова. Тот встает с кресла, надевает поданный ему халат и командует:

— Все по местам! — Мастера расходятся по своим креслам, и Мымриков констатирует: — Так... Тютюрина нет.

— Так еще две минуты, — говорит Сергей Степанович.

— Все равно опоздает, — улыбается Катя. — У него сегодня с утра важное свидание...

— С кем? — недоумевает Мымриков.

— С римским папой...

Мымриков подходит к креслу Алексея Ивановича и задумывается. А смешливая Катя говорит:

— Интересно, что он сегодня выдумает?

— Мне это и самому интересно, — раздается за ее спиной голос Алексея Ивановича. — Здравствуйте, Катюша!..

Все разочарованно оглядываются: сегодня спектакля не будет. Алексей Иванович, несколько не обидевшись, проходит к своему креслу и снимает с него повешенную изобретательным Мымриковым табличку: «Санитарный день»...

...Внушительные металлические ворота в заборе, окружающем красивый особняк, где останавливаются высокие гости. Сейчас перед воротами с одной стороны стоит милиционер в полной парадной форме, а с другой — красочно одетый гигант в тюрбане, похожий на нубийского стражника.

Ворота распахиваются, и выезжает кортеж открытых машин. В первой машине с флажком Бурухтани на крыле сидит на широком заднем сидении небольшой смуглый пожилой человек в прекрасно сшитом европейском костюме, но с цветным тюрбаном на голове. Такой же тюрбан, но другого цвета, на голове у высокого бледнолицего человека, сидящего рядом с шофером второй машины, а поперек заднего сидения лежит деревце с запеленутыми корнями. По обе стороны его сидят стражники в тюрбанах, неподвижные, словно изваяния. Точно такие же стражники сопровождают лопату и садовую лейку, лежащие на заднем сидении третьей машины...

Салон парикмахерской. Алексей Иванович делает фасонную стрижку молодому человеку. А Катя, отпустив своего клисита, зовет:

— Следующий!

В холле пожилой гражданин говорит мальчику:

— Иди, твоя очередь!

Аккуратный мальчик в очках солидно отвечает:

— Пропускаю... Я жду своего мастера. — И он указывает на Алексея Ивановича...

Знакомый нам кортеж машин подъезжает к парку.

Салон парикмахерской. Алексей Иванович, отпустив мальчика, складывает инструменты. К нему подходит Мыриков:

— Ты, Тютюрин, сегодня молодец! — говорит он. — Видишь, утром не опоздал — и врать не пришлось...

— Так я и раньше не... — начинает Алексей Иванович, но Мыриков перебивает его:

— Ладно, ладно! В общем, постарайся и с обеда не опоздать... А характеристику тебе я, пожалуй, подпишу... После работы Катя отвезет ее в трест.

Обрадованный Алексей Иванович уходит, а Мыриков вешает на его кресло табличку «Обед».

В парке, недалеко от парикмахерской, знакомый нам низенький человек в тюрбане, бросив последнюю лопату земли, начинает поливать только что посаженное им деревце. Он окружен фотографиями и многочисленными посетителями парка.

Неподалеку от этого места Алексей Иванович звонит из будки телефона-автомата:

— Зиночка, ты уже приехала? Как ребята? Вот и прекрасно... У меня? Все в порядке! Я уже без пяти минут завалом... Да нет, точно сказал: сегодня подпишу...

Человек в тюрбане, закончив торжественную церемонию, что-то тихо и внушительно говорит своему бледнолицему спутнику, и тот переводит на русский:

— Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй-второй высказывает пожелание, чтобы это юное деревце росло, крепло и расцветало, как наша дружба...

Все аплодируют. В толпе мы замечаем Алексея Ивановича. Церемония окончена. Люди расходятся. А принц, прежде чем сесть в машину, достает из золотого портсигара сигарету и кладет портсигар в брючный карман. Когда он садится на свое место, портсигар выскальзывает из кармана и падает в высокую траву. Не заметив этого, телохранитель захлопывает дверцу машины, и гость уезжает.

Алексей Иванович, отойдя к скамейке под деревом, удобно устраивается, чтобы закутить на открытом воздухе. Он достает из портфеля завтрак, со вздохом открывает синюю масленку, где теперь, увы, масло... И вдруг солнечный зайчик слепит его. Что-то блестит в траве. Алексей Иванович нагибается и обнаруживает золотой портсигар, украшенный затейливым вензелем и драгоценными камнями.

Он возвращается на свою скамейку и открывает портсигар. В нем — знаменитые английские сигареты «Коктейль», каждая — другого цвета.

— О, какие сигареты! — раздается голос за его спиной. Это незаметно подошел мужчина в соломенной шляпе. — Можно закурить?

— Пожалуйста! — говорит Алексей Иванович и тоже с удовольствием берет себе сигарету.

— Я таких и не видел... Наверно, заграничные?

— Точно, заграничные... Этот портсигар пять минут назад принц потерял...

— Что?! — ужасается соломенная шляпа и поспешно возвращает сигарету. — Тогда не надо... У него, наверно, по счету.

— Вы думаете? — с сомнением пожимает плечами Алексей Иванович, но на всякий случай тоже кладет сигарету обратно в портсигар.

— И бегите скорее в милицию... Получите свои законные десять процентов с находки... Это вещь дорогая, небось, миллион долларов стоит... Значит, так... — начинает подсчитывать шляпа, — десять процентов от миллиона минус налоги...

— Да не надо мне никаких процентов! — перебивает его Алексей Иванович. — Побегу к принцу... Человек, наверно, уже хватился, волнуется...

— Правильно! — оживляется шляпа. — К принцу даже лучше...

— Как вам не стыдно! — возмущается Алексей Иванович. — Человек посадил дерево дружбы... Это наш дорогой гость! —

И с этими словами он, подхватив портфель, поспешно убегает.

— Но вещь же тоже дорогая! — кричит ему вслед соломенная шляпа.

В своем особняке крайне расстроенный принц выворачивает наизнанку многочисленные карманы своего смокинга, а слуги и стражники ползают по полу, заглядывая под диваны, кресла и даже под ковер...

...А к воротам особняка подбегает запыхавшийся Алексей Иванович.

— Скажите, принц здесь живет? — спрашивает он у милиционера.

— Здесь.

Тогда Алексей Иванович перебегает к стражнику в тюбани и протягивает ему золотой портсигар:

— Вот, битте, геноссе!.. Пожалуйста, передайте! Ваш начальник потерял...

С чувством исполненного долга Алексей Иванович спешит на работу, чтобы не опоздать с обеденного перерыва. И вдруг его догоняет на мотоцикле знакомый нам милиционер и козыряет:

— Пожалуйста, садитесь! — указывает он на коляску мотоцикла. — Вас просят вернуться...

— Но я же все отдал, — недоумевает Алексей Иванович. — Там больше ничего не было... Я даже не закурил...

— Не знаю, гражданин!.. Просили доставить...

И, посмотрев на часы, Алексей Иванович грустно садится в коляску...

...Богато обставленная гостиная в особняке. Церемонный бледнолицый переводчик торжественно пожимает Алексею Ивановичу руку:

— Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй-второй благодарит вас за великую услугу, оказанную Бурухтани. Этот портсигар с уникальными бриллиантами является не только национальным достоянием страны, но и талисманом династии Бурухтанов, обес-

печивающим высокий процент рождаемости наследников мужского пола...

— Передайте его высочеству наследному принцу Бурухтани Бурухтану Второму-второму,— отвечает ему в тон Алексей Иванович, склонившись в дипломатическом полупоклоне,— что я был счастлив оказать эту маленькую услугу ему лично и дружественной нам Бурухтани...

Он прощально кланяется и поворачивается, чтобы уйти.

— Простите! — останавливает его переводчик.— Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй-второй приглашает вас отобедать с ним...

...Обеденный зал в особняке. Посредине зала — длинный стол, в центре которого изысканно приготовленные, красочно оформленные блюда и экзотические фрукты. За столом, в разных концах, друг против друга обедают только два человека: знатный гость и Алексей Иванович.

У стола, точно посредине, важно стоит переводчик.

Бесшумно ходят слуги с подносами, накладывая замысловатую еду в тарелку Алексея Ивановича.

Алексей Иванович с опаской ест, выбрав из многочисленных вилок, ножей и ложек самые привычные по размеру и форме.

Принц что-то тихо говорит переводчику. Тот вдоль всего стола неторопливо шествует к Алексею Ивановичу и говорит ему:

— Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй-второй спрашивает у своего высокочтимого гостя, как ему понравился фазан по-деревенски, начиненный креветками, орехами и плодами манго?

Алексей Иванович чинно откладывает вилку и нож и отвечает:

— Передайте его высочеству наследному принцу Бурухтани Бурухтану Второму-второму, что такого превосходного фазана по-деревенски, начиненного кревет-

ками, орехами и плодами манго, я уже давно не ел...

Едва переводчик отходит, к Алексею Ивановичу приближается в сопровождении слуг высокий статный человек в мундире с галунами, орденами и аксельбантами. Он берет десерт с подноса у слуги и кладет на тарелку Алексея Ивановича.

— Что вы!.. Ваше превосходительство! — смущается Алексей Иванович.— Не надо, я сам... Ну я прошу вас, ваше превосходительство!..

Однако человек в мундире продолжает молча священнодействовать с десертом. А к Алексею Ивановичу снова подходит переводчик:

— Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй-второй спрашивает у своего высокочтимого гостя, почему он в третий раз называет Рахтана «Ваше превосходительство»?

— А разве что-нибудь не так? Все-таки... Судя по форме, военный министр...

— Что вы? — тактично переходит на шепот переводчик.— Это главный слуга принца.

— В таком случае, пардон! — с достоинством извиняется Алексей Иванович.— Передайте его высочеству наследному принцу Бурухтани Бурухтану Второму-второму, что я, к сожалению, обозначался...

Переводчик отходит, а орденосный Рахтан начинает наливать в хрустальный бокал десертное вино. Алексей Иванович теперь, зная его чин, обращается с ним демократичнее. Показывая большим пальцем на бокале нужный уровень, он говорит:

— Стоп, Рахтан!.. Хватит!.. Мне еще на работу... Минутку! У тебя закурить есть?

Рахтан не понимает, а принц, словно угадав желание гостя, уже присылает к нему переводчика с раскрытым золотым портсигаром на подносе. Алексей Иванович с удовольствием закуривает и спрашивает у переводчика:

— Скажите, а жена принца не требует, чтобы он бросил курить?

— Простите, какая жена?

— Ну, его жена...

— Так они все его...

— Ах да! — вспоминает Алексей Иванович о полигамии, свойственной владыкам некоторых стран. — Тогда вопросов нет... Ну, мне пора!

— Еще нет! — возвращает его к протоколу переводчик. — Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй второй приглашает своего высокопочтимого гостя на послеобеденный кофе.

— Ясно! Тогда передайте его высочеству наследному принцу Бурухтани Бурухтану Второму-второму, что я принимаю его приглашение и с удовольствием выпью с ним послеобеденный кофе со сгущенным молоком...

Парикмахерская. Все уже давно работают. Возмущенный Мымриков, взглянув на часы, под хихиканье Кати решительно проходит к креслу Алексея Ивановича и пероворачивает табличку с надписью «Обед». На обороте ее другая надпись, заготовленная предусмотрительным Мымриковым, — «Переучет»...

Уютный курительный салон. За маленьким пизеньким столиком пьют кофе принц и Алексей Иванович. Вдали застыли стражники. Сейчас, оказывая особую честь гостю, принц лично наливает коньяк.

— Хорошо, еще одну я выпью — и все! Мне на работу!.. Но я хочу тост произнести. Где ваш переводчик? — Алексей Иванович несколько фамильярно обращается к принцу, во-первых, потому что он немного навеселе, во-вторых, потому, что тот все равно не понимает по-русски. — Понимаете, вы симпатичный старикан... А для монарха — просто хороший человек... Но в вас сидит один большой феодальный пережиток... Не дайте вы женщинам избирательного права...

— А я скоро дам, — неожиданно отвечает принц по-русски.

— Ура! — кричит Алексей Иванович, но вдруг спохватывается: — Простите, вы знаете русский?

— Да, — улыбается принц. Он давно готовил этот эффект.

— А почему же вы сразу не сказали?

— Протокол.

— А где вы научились?

— Так у меня старшая жена с Одессы...

В комнату входит переводчик, и принц снова приобретает официальный вид. Он выслушивает переводчика и поднимается.

— Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй-второй просит прощения у своего высокопочтимого гостя, — говорит переводчик. — Но его вызывает Лондон...

— О чем речь! — начинает Алексей Иванович, по тут же переходит на привычную формулу. — Передайте его высочеству, что я принимаю его извинения и по дождю...

Переводчик, поклонившись, идет вслед за ушедшим принцем, но Алексей Иванович вдруг останавливает его:

— Кстати, я давно хотел спросить, почему у него такая странная нумерация? Почему он Бурухтан Второй-второй?

— Потому что Бурухтан Второй-первый — это его папа...

— Ясно!.. Простите, это городской телефон?

— Да.

— Можно позвонить?

— Конечно... Этим вы окажете большую честь нашему телефону...

Переводчик уходит, а Алексей Иванович набирает номер.

— Товарищ Мымриков? Это Тютюрия... Я немного задержался, я тут обедаю с принцем... Ну, с Бурухтаном Вторым-вторым... Что значит «набурухтанился»? — продолжает он, не замечая, что в комнату входит гепард принца. — Я ж объясняю... — Но в трубке уже гудки, и Алексей

Иванович жалуется неподвижным стражникам:

— Вот человек!.. Бросил трубку... Теперь опять не подпишет...

Он оборачивается и видит, что рядом с ним на диване сидит гепард. Алексей Иванович застывает, неотрывно глядя в желтые глаза зверя и заискивающе улыбаясь. Гепард тоже неподвижен. Он только облизывается.

— Товарищи, что же вы смотрите?! — не отрывая глаз от гепарда, говорит Алексей Иванович. — На ваших глазах съедают живого человека...

Возвращается принц с переводчиком.

— Уберегите... сильвулле... лё тигра! — свистящим шепотом просит Алексей Иванович.

— А почему вдруг по-французски? — улыбается переводчик.

— Чтобы он не понял, — косится на гепарда Алексей Иванович.

— Это ручной гепард... Чарли, ко мне! Гепард подбегает к переводчику, и они уходят.

Алексей Иванович поднимается:

— Ну все, я тоже пошел! Мне на работу... Мымриков сердится...

— Так я вас не отпущу... Я вас должен отблагодарить... — останавливает его принц.

— Слушайте, перестаньте... Вы меня обижаете... Вот если бы я потерял золотой портсигар с бриллиантами, а вы бы нашли... Вы бы мне отдали просто так?

— Спрашиваете! — с дерибасовским шиком отвечает принц.

— Ну вот, видите... — быстро говорит Алексей Иванович. — Я пошел!

— Нет, так вы не уйдете... Просите, что хотите.

— Что хочу?

— Да.

— Тогда дайте справку, что я с вами обедал... А то Мымриков мне не поверит.

— Справку... — мнется принц. — Понимаете, у нас в Бурухтании уже триста лет существует закон против бюрократизма...

За каждую ненужную справку отрубают руку, которая ее написала... Я, конечно, могу, в виде исключения...

— Нет, нет, не надо! — перебивает его Алексей Иванович. — Закон есть закон...

Он быстро выскакивает из гостиной.

Кабинетик Мымрикова. Алексей Иванович с достоинством заканчивает свои объяснения.

— Да, я опоздал... Виноват... Но зато он твердо обещал дать женщинам избирательные права...

— Ага... Значит, обещал? — как всегда, насмешливо переспрашивает Мымриков.

— Да.

— Принц?

— Я ж говорил...

— И дал в твою честь обед?

— Да.

— Комплексный? Из трех блюд?

— Зря смеетесь, — обиженно говорит Алексей Иванович.

— А ты напрасно обижаешься! — вмешивается Сергей Степанович. — Сам подумай, Леша! Ну что ты говоришь!

— Я говорю правду...

— Предположим! И кто же, ты сказал, был на обеде? — начинает новый заход Мымриков.

— Принц, его переводчик и я.

— Ага! — торжествует Мымриков. — Значит, соображали на троих?

Катя хихикает. Она в восторге от нехитрой остроты заведующего. А Алексей Иванович серьезно отрезает:

— Совершенно неуместная шутка... Это наш гость...

— Ах, извиняюсь! — ерничает Мымриков. — Но тогда у меня к вам вопрос, товарищ дипломат... Вот сегодня в газете написано, что принц Бурухтании дал завтрак в честь председателя городского совета... Значит, завтра во всех газетах будет напечатано, что принц Бурухтании дал обед в честь Тютюрина А. И.?

— Не знаю.

— А я знаю! — возмущенно говорит Мырников.

— Ну-ка, Катя, давай обратно характеристику... — И он демонстративно прячет бумагу в сейф.

— Но почему? — растерянно спрашивает Алексей Иванович.

— А потому, что безответственный врун не может быть ответственным работником...

...И снова раннее утро. Алексей Иванович спит. Раздается телефонный звонок. Еще спросонья Алексей Иванович хватается трубку.

— Я слушаю...

— Это я говорю, — звучит в трубке голос Зинаиды Николаевны. — Вставай, пора! Только смотри: сегодня без опозданий и без этих твоих восточных сказок... Может, еще все уладится...

— Да, да, Зиночка, встаю...

Алексей Иванович вскакивает с постели и тут же снова звонит телефон.

— Я слуш...

— Ляг обратно, — прерывает его Зинаида Николаевна. — И встань с другой ноги... А то удачи не будет...

Алексей Иванович торопливо исполняет команду своей жены, которая даже по телефону видит, что он встал с левой ноги...

...Из подъезда гостиницы выходит знаменитая кинозвезда Жози Сорен. К ней бросаются поклонницы ее талапта, берут автографы.

— Скузи... Извините! — говорит она и садится за руль открытой машины. — Мне уже надо «Мосфильм»... Через полчаса...

Машина резко срывается с места, но через два десятка метров столь же резко тормозит, чуть не сбив милиционера.

— Эй! — кричит она. — «Мосфильм» туда?

— Нет, сеньора, туда, — указывает милиционер в обратную сторону, сменив гнев на милость, как только понял, что перед ним живая Жози Сорен.

— Грация, старшина! — ослепительно улыбается актриса и, лихо развернувшись, дает полный газ...

...Алексей Иванович выходит из подъезда своего дома. Посмотрев на часы, он заторопился. Дойдя до пешеходного перехода, начинает пересекать боковую пустынную улицу. Вдруг из-за угла выскакивает машина и чуть не сбивает его с ног. Отшатнувшись, он роняет портфель.

— Эй! — кричит Жози Сорен, затормозив в нескольких метрах. — «Мосфильм» туда?

— Нет, сюда! — показывает Алексей Иванович в противоположную сторону, не узнав знаменитой кинозвезды.

— Грация, сеньор! — кричит Жози Сорен и делает лихой разворот на узкой проезжей части. Развернувшись, она тут же газует и сбивает с ног Алексея Ивановича. Отлетает в сторону портфель.

Жози Сорен испуганно и резко тормозит. Она оборачивается. Первое, что попадает в ее поле зрения, — это шляпа Алексея Ивановича. Рядом — его распластанное тело.

От ужаса Жози Сорен теряет сознание...

Потирая ушибленные места, Алексей Иванович поднимается, собирает свои вещи и возмущенно идет к машине. Но заметив, что водитель в обмороке, он сразу забывает о своих обидах и ушибах и бросается на помощь.

— Что с вами?.. Вы не беспокойтесь, я живой... Это пустяки... Ну давайте, очнитесь!..

Он растерянно оглядывается. Как на зло, нет ни прохожих, ни машин. И тогда Алексей Иванович осторожно вынимает Жози Сорен из машины, берет ее на руки и несет к своему подъезду...

...Салон парикмахерской. Мыриков, посмотрев на часы, шумно вздыхает и вешает на кресло Алексея Ивановича табличку «Выходной».

...Жози Сорен все еще в обмороке. Она лежит на кровати, а возле нее стоит растерянный Алексей Иванович, неумело пытаюсь привести ее в чувство. На тумбочке у постели — все содержимое домашней аптечки: пузырьки, склянки, графин с водой.

— На, выпей валерьянки!.. Ну, давай, давай!.. Ну, открой ротик! — взволнованно приговаривает он, пытаюсь разжать знаменитые на весь мир зубы кинозвезды. — Не хочешь... — вздыхает он и сам выпивает рюмку с валерьянкой. — Ну что будем делать?

С новыми силами Алексей Иванович приступает к новому этапу «реанимации». Он пытаюсь сделать ей водичкой компресс, но дрожащими руками только обливает ее из графина. Он сует различные пузырьки и бутылочки под известный каждому кинозрителю очаровательный носик Жози Сорен:

— Ну когда ж ты очнешься?.. Укус тебя не берет... На, понюхай пашатырчику...

Понюхав пашатыря, Жози Сорен вздрагивает и открывает свои прославленные, лучистые глаза.

— Ой, вы живой!.. Как я счастлива!

— Живой, живой! — обрадованно успокаивает ее Алексей Иванович. — Теперь все в порядке... Это я во всем виноват...

— Но, но! Это я виноват... Не знаю ваш город...

— Приезжая?.. Вы эстонка?

— Но, но! — я иностранка... Неужели вы меня не узнаете?

Алексей Иванович всматривается в ее лицо и восклицает:

— Не может быть! Вы Жози Сорен????!!!

— Си! Си! — кивает Жози.

— Вот это да! — растерянно восклица-

ет Алексей Иванович, опускается в кресло, но, не успев сесть, вскакивает.

— Извините!.. Как же это я... Не узнал... Скажите, куда сообщить?.. Что надо делать?

— Сидите, сидите, все в порядке, — успокаивает его актриса. — Только попросите для меня горничная вашей супруга... Помогать снять платье... Надо... Гладить!

— Ее нету дома, — смущенно отвечает Алексей Иванович.

— Тогда вы! — И она поворачивается к нему своей великолепной, широко популярной спиной, во всю длину которой спускается сплошная «молния». Он, отвернувшись, начинает робко двигать застежку вниз, а она по-хозяйски командует: — Ниже, ниже!.. Смелее!.. Грация!.. А теперь дайте ваша пижама!

— Сильвупле! — переходит почему-то на французский Алексей Иванович и для верности переводит: — Битте, синьора!

А она, уже полностью овладев положением, делит пижаму пополам: себе берет куртку, а ему протягивает брюки и приказывает:

— Снимайте штаны!

— Зачем?!

— Надо зашить... Гладить!

Алексей Иванович только теперь вспоминает, что его костюм измят, грязен и порван, и еще больше смущается:

— Что вы, не надо! У меня есть еще...

— Надо, надо! Я очень прекрасно люблю шить, гладить... Ну, смелее, аванти! — И она чуть ли не силой выталкивает его в другую комнату...

И вот Жози Сорен — в пижамной куртке, превращенной в мини-халатик, подходит со своим платьем и брюками Алексея Ивановича в руках к какой-то двери в коридоре. За ней плетется Тютюрия в белой майке и пижамных брюках.

— А где есть у вас ванна? — заглядывает она в слегка приоткрытую дверь.

— Там же! — смущенно поясняет Тютюрия. И Жози Сорен решительно распаковывает дверь...

...Из рыбного магазина выходит Зинаида Николаевна и молодая женщина, держащая за руку Вовку. У обеих в авоськах — еще живые судаки.

— Мам, пойдём скорее домой! — торопит Вовка.— А то он умрет...

— Сейчас!.. Зинаида Николаевна, дайте и вашего! Полежит у меня в холодильнике до завтра. А вы поезжайте!

— Нет, нет!.. Леша любит парного. Я уж вернусь, поставлю варить... Придет он с работы, а на столе его любимый судачок!..

...А Леша, Алексей Иванович Тютюрян, находится отнюдь не на работе. Он кейфует в кресле. А в постели сидит, прикрыв ноги одеялом, одна из самых прекрасных женщин мира и пьет кофе.

Алексей Иванович достает из очередного тайника пачку сигарет и предлагает:

— Курите, синьора!

Жози Сорен с удовольствием закуривает и спрашивает:

— А вы?

— Я бросаю... Я дал слово жене — дома не курить,— отвечает честный Алексей Иванович и продолжает: — Может, все-таки позвонить вашему начальству?

— Но, но!.. Мой продюсер подождет... Как у вас говорят, успеемся...

— Тогда, извините, я позвоню моему продюсеру...— Он набирает номер и говорит в трубку: — Товарищ Мымриков? Это Тютюрян... Погодите, Василий Васильевич, вы выслушайте... Тут, понимаете, такое дело...

...В парикмахерской Мымриков бросает трубку на рычаг. Несколько мгновений он ничего не может сказать, только делает судорожные глотательные движения.

— Ну, что он сказал? — спрашивает смешливая Катя.

— Совсем обнаглел... Даже повторять неудобно.

— А все-таки?

— Он сказал: «Я задерживаюсь, у меня Жози Сорен в постели...»

...Зинаида Николаевна открывает входную дверь и проходит сразу на кухню. Здесь она вынимает из сумки судака, тянется за фаруком и вдруг что-то привлекает ее внимание. Она вскидывает глаза и застывает пораженная: на гладильной доске лежат брюки Алексея Ивановича и незнакомое женское платье с невероятно длинной «молнией».

Что за наваждение? Зинаида Николаевна секунду настороженно прислушивается и решительно идет к спальне. Оттуда все яснее слышны чьи-то голоса. Она чуть-чуть приоткрывает дверь, тут же закрывает ее и, переполненная скрытым гневом, возвращается на кухню. Здесь она берет себя в руки и почти как обычно зовет:

— Алеша! На минуточку!

В кухню тут же входит оживленный Алексей Иванович в майке и пижамных брюках:

— Ой, Зиночка! Ты уже вернулась? А здесь, понимаешь, такое дело...

— Почему ты не на работе? — с пугающей сдержанностью перебивает его жена.

— Я под машину попал... Сейчас все расскажу... Выхожу я...

— Корочел! — снова перебивает Зинаида Николаевна.— А это что такое?

— Это Жози Сорен мне брюки погладила,— простодушно отвечает Алексей Иванович, даже не понимая всей фантастичности этих слов.

— Допустим! А что за женщина у тебя в постели?

— Это не женщина, это Жози Сорен...

— А может, это Элизабет Тейлор?

— Да нет, Жози...

— Допустим!.. А что она здесь делала?

— Я ж говорю: брюки мне гладила.

Такого наглого упорства мужа и такой лжи Зинаида Николаевна выдержать уже не может. Она хватает увесистого судака

и надвигается на Алексея Ивановича, приговаривая:

— Во-первых, твоя любовница на Жози Сорен ни капельки не похожа... А вторых, сейчас тебе будет и Жози... и Сорен...— И она обрушивается на мужа карающий удар.

...В парикмахерской Мымриков иронически выслушивает объяснения Алексея Ивановича и ехидно комментирует:

— Ага... И тут вошла жена, да?

— Да, случайно вернулась.. Судака купила.

— Что, что?

— Купила... судака,— повторяет Тютюрин.

Мымриков иронически усмехается.

— Ну допустим... И жена тебе поворила?

— Пока нет... Но я справку возьму.

— Где?

— Жози Сорен... У них в Италии за это руки не рубят...

— Ну допустим, возьмешь... А пока что жена тебе врезала?

— Так уж получилось...— смущенно потирает Алексей Иванович синяк под глазом.— Ударила... Этим...

— Ага!.. Значит, ударила?

— Да, не разобралась сначала...

— Так... Судаком?..

— Я ж сказал.

— Мороженым?

— Парным.

— Ну ты, Тютюрин, ври да не завирайся! — вдруг взрывается Мымриков.— Теперь я тебе скажу, как было дело... Жена тебя действительно застукала... Только ни с какой ни с Сорен, а с соседкой... И врезала тебе... Только не судаком, а парной скалкой. Иди, работай, Марчелло Мастроянни!..

Мымриков решительно открывает сейф, достает характеристику и демонстративно рвет ее на мелкие кусочки.

И вдруг тихий Алексей Иванович взрывается с неожиданной силой:

— Почему вы мне не верите?!.. Вы не смеете!.. Каждому человеку надо верить, пока не доказано, что он говорит неправду.

Он резко поворачивается и уходит, задержав занавеску, словно хлопнув дверью...

...И наступил последний день нашей истории.

Алексей Иванович просыпается. Он собирается проделать знакомый нам ритуал беспшумного выползания из постели, но, мельком оглянувшись, обнаруживает, что соседняя половина не только пуста, но даже аккуратно застелена. Записки на этот раз тоже нет. Несколько секунд Алексей Иванович смотрит на телефон. Никаких звонков нет. Он сегодня оказался вне сферы влияния жены. Но это почему-то его не радует...

...Вот уже Алексей Иванович готов к уходу на работу. С портфелем в руке и с сигаретой в зубах он подходит к двери. Он открыто курит, но и это не доставляет ему удовольствия.

На тумбочке у выхода стоит магнитофон. На магнитофоне — шляпа Алексея Ивановича. Когда он берет ее, под шляпой оказывается записка, состоящая из одного слова: «Включи!».

Алексей Иванович включает магнитофон и слышит голос Зинаиды Николаевны:

— Не думай, что я ушла навсегда. Ты действительно врун, не зря тебе не доверяют. Но у нас дети, доживу с тобой как-нибудь, ничего не поделаешь. Только учти: теперь и я не верю ни одному твоему слову. Ты, конечно, сейчас куришь, но мне уже на это наплевать...

Алексей Иванович поспешно гасит сигарету.

— ...Ты, конечно, опоздаешь на работу. Но и это меня больше не волнует...

Голос Зинаиды Николаевны замолкает, но бобина продолжает крутиться.

— У тебя все, Зиночка? — спрашивает Алексей Иванович у магнитофона.

— Все! — сухо отвечает жена.

— Так я могу идти?

— Иди... Но учти: на работу в тапочках не ходят...

Алексей Иванович смотрит вниз и вместе с ним мы видим, что с его элегантным костюмом плохо гармонируют шлепанцы, надетые на босу ногу...

...Жаркое летнее утро. Еще рано. Но две молодые мамы уже вышли со своими детишками на прогулку. Один ребенок — в коляске, а другого, постарше, мама держит на «вожжах». Мамы настолько увлечены каким-то своим разговором, что одна из них даже не заметила, что выпустила «вожжи».

Воспользовавшись этим, малыш с мячиком в руках топает к большому фонтану. Подойдя к мраморному борту бассейна, он разглядывает в прозрачной воде рыбок и декоративные водоросли. Заглядевшись, он роняет в воду мячик, который медленно отплывает от борта. Малыш тянется за ним и, потеряв равновесие, переваливается через борт в воду. Он барахтается и начинает захлебываться в глубоком для него бассейне.

Вдалеке мамы, ничего не замечая, продолжают болтать.

Неожиданно какой-то прохожий стремительным броском ныряет в бассейн и вытаскивает малыша. Весь мокрый, облепленный водорослями спаситель с ребенком на руках оборачивается к нам.

Конечно же, это — Алексей Иванович.

Испуганная благодарная мама берет малыша на руки, а Алексей Иванович, взглянув на часы, быстро убегает.

...Кабинетик Мыррикова. Алексей Иванович в еще влажном костюме с кое-где налипшими водорослями держит ответ перед начальством и общественностью.

— Ну, что сегодня расскажешь, товарищ Тютюрин? — спрашивает Мырриков.

— Ничего не расскажу... Все равно же вы не поверите...

— Почему? Если скажешь правду... Без всяких там принцев и сексбомб...

Смешливая парикмахерша хмыкает в восторге от остроумия заведующего, но Мырриков одергивает ее:

— Катя, прекрати! Нет, серьезно, Алексей Иванович! Если ты перестанешь делать из нас дурачков, мы всему поверим... Правда, Сергей Степанович?

Тот кивает, и Алексей Иванович начинает:

— Понимаете... Мальчик...

— Ах мальчик! — даже обрадовался Мырриков.

— Плакал?

— Нет... То есть потом плакал...

— А мячик? — ликует Мырриков.

— Мячик? А откуда вы знаете? — искренне поражен Алексей Иванович.

— Да ты уже по второму разу одно и то же врешь! — взрывается Мырриков. — Будешь говорить правду?!

Алексей Иванович с тоской смотрит на них и принимает тяжелое решение. Он решает солгать и начинает делать это самым примитивным образом:

— Ну ладно... Встретил я вчера вечером одного приятеля... Зашли, посидели...

— Вот, другое дело! — одобряюще говорит Мырриков.

— А какой приятель-то?

Алексей Иванович мысленно перебирает своих приятелей. Первым в его воображении (и соответственно на экране) возникает Вовка. Нет, как собутыльник он не годится. Затем возникает его фронтовой товарищ — знакомый нам отставной полковник. Тютюрин останавливается на нем...

— Фронтовой друг, — говорит он.

— Это не важно: фронтовой, тыловой... Что он за человек? Заводной? Выпить не дурак?

Алексей Иванович задумывается. Поскольку полковник не пьет, Тютюрин меняет кандидатуру. Он говорит:

— Да как вам сказать?.. Вроде вас... Даже похож... Только с усами...

— Ясно! Ну, и куда же вы зашли? В ресторан?

— Нет, в закусную... Взяли бутылочку красного...

— Ну, это для разгона... А дальше, конечно, перешли на самообслуживание? — подсказывает опытный Мымриков.

Теперь на экране возникает то, что прояснится перед мысленным взором Мымрикова. Он видит себя в качестве приятеля Тютюрина, причем не только с модными усами, но и с современной длинноволосой прической. В его представлении и Тютюрин ведет себя, как опытный выпивоха. Дружки достают из портфеля бутылку водки, под столом доливают ее в стаканы с красным вином и выпивают...

— Внутри все захорошело,— продолжает Мымриков.— Потом добавили... И вышли, конечно, тепленькие?

— Да уж...

— Ну а дальше? Домой пойти побоялся?

— Почему это? — недоумевает Алексей Иванович.

— Ну как же? Жена скалкой врежет...— Раздается сдавленный звук: то ли хмыканье, то ли кваканье.— Катя, перестань...

Алексей Иванович прикидывает. Вот он, с трудом попадая ключом в замочную скважину, пытается открыть дверь своей квартиры. Но дверь вдруг открывается сама, и разгневанная Зинаида Николаевна действительно бьет его скалкой. Этот вариант его явно не устраивает...

— Ага, домой не пошел,— говорит он.

— Где же ты почевал?

— Я?.. Где я почевал? — тянет время

Алексей Иванович в поисках продолжения.

— Знаю я, куда ты пошел!

— Куда? — с интересом и надеждой спрашивает Алексей Иванович.

— К соседке, конечно... Которая без мужа... Верно?

— Да,— вынужден клеветать на себя Алексей Иванович.— Догадались...

— Я давно догадался...

Алексей Иванович готов сквозь землю провалиться, но отступить уже некуда.

Неловко и Сергею Степановичу.

Только Мымриков чувствует себя в своей стихии: эта пошлая банальная история доступна его пониманию, и он с удовольствием и даже с некоторой завистью выясняет подробности:

— Ну, и как у вас там было?

— Как было?..

Алексей Иванович задумывается. Его целомудренная фантазия рисует следующую картину.

Комната соседки. Ночь. В своей постели сладко спит соседка, положив к себе сына Вовку. А в освободившейся Вовкиной кровати спит он, Алексей Иванович. Поскольку она ему коротка, ноги Тютюрина высунулись сквозь прутья и лежат на табуретке. Более того: с другого конца, также на табуретке с подушкой, покоится его голова, просунутая сквозь прутья спинки...

— В общем, переночевал,— говорит он.

Снова раздается сдавленный звук. Мымриков говорит:

— Катя, предупреждаю: перестань!

— А что?.. Я ничего...

— Выставляю!.. Рассказывай дальше, Алексей Иванович!

— Ну, а утром...

— Погоди, погоди: ты не промахивай! Давай это место поподробнее... Значит, пошли вы к соседке. Она, конечно, для приятеля пригласила подругу, а Вовку отправила к бабушке!

— Василь Василич! Здесь же Катя! —

укоризненно говорит Сергей Степанович за кадром.

— Ах да,— слышен голос Мыррикова.— Пардон!

— Ну ладно, все ясно... Иди, Тютюрин, работай...

Алексей Иванович уже хочет уйти, но Мырриков останавливает его:

— Постой! А почему ты мокрый?

Этот вопрос ставит бедного Алексея Ивановича в тупик. И действительно: как связать созданную им с помощью Мыррикова легенду и этот реальный мокрый костюм. Он начинает что-то мямлить, но всезнающий Мырриков и тут приходит на помощь:

— Погоди, не отвечай!.. Попытаюсь сам восстановить картину... Утром проснулся. Голова после вчерашнего гудит... Надо умыться... Домой нельзя, у соседки неудобно... Ага, все понял! Умылся у фонтана...

...Опять неумемная фантазия Мыррикова рисует красочную сцену у фонтана. Умывшись под стружкой, бьющей из пасти бронзовой рыбы, Тютюрин решает опохмелиться. Он достает из заднего кармана флажку, наливает копьак в отвинчивающуюся рюмку и хочет выпить. Но ему надо обязательно с кем-нибудь чокнуться. Так как поблизости людей нет, он лезет на бортик фонтана и пытается чокнуться со скульптурой. Потеряв равновесие, он падает в бассейн...

— В общем, оступился и — бултых!.. Так?

— Ну, Василий Васильевич, от вас ничего не скроешь! — почти радостно соглашается Алексей Иванович.

— Опохмеляться осторожно надо! — по-отечески советует довольный собой Мырриков и заканчивает: — Ну ладно... Признание — полнаказания. Переодевайся, там тебя твой клиент ждет...

Они уходят. Оставшись один, Алексей Иванович снимает еще мокрый пиджак и бросает его на диван. И тут же из кармана выскакивает лягушонок. Он вырази-

тельно смотрит на Алексея Ивановича выпученными глазами и квакает. Теперь мы понимаем, откуда исходил загадочный сдавленный звук.

— Квакай — не квакай,— печально говорит ему Алексей Иванович,— все равно нам с тобой не поверят...

В салоне парикмахерской Мырриков тихо говорит Сергею Степановичу:

— Пожалуй, напишу я ему характеристику... Человек на верном пути... Исправляется... Врать перестал...

Сергей Степанович пожимает плечами и отходит к своему креслу. А в салон входит Алексей Иванович, вынужденно одетый несколько налегке: из-под нейлонового форменного халата видны голые ноги в тапочках. В кресле его уже действительно ждет клиент — пустрый мальчик.

— Здравствуйте, Алексей Иванович,— приветствует мастера мать клиента.— Вы уж Мишеньку как всегда... Под Бобби Фишера...

— Да, да,.. конечно,— рассеянно отвечает Алексей Иванович. Он не находит себе места. Впервые в жизни он так пошло и глупо соврал, и, что обидно, как раз теперь ему поверили. У него все валится из рук. Наконец он почему-то берет пульверизатор и начинает механически опрыскивать голову Мишки.

Мама удивленно смотрит на мастера. А Тютюрин уже сосредоточенно взбивает кисточкой мыльную пену. Когда же он решительными мазками начинает наносить мыло на лицо юного клиента, мама вскакивает:

— Что с вами?.. Вы нездоровы?

— Да нет, здоров,— отвечает Алексей Иванович, думая о своем, но при этом начинает править бритву.

— Мы уж лучше придем в следующий раз,— говорит встревоженная мама и подходит к креслу, где сидит крайне довольный намыленный Мишка.

— Почему в следующий раз? — оборачивается Алексей Иванович и тут только видит, что он сделал.— Ой, извините!..—

Он вытирает салфеткой лицо мальчика.— Мне действительно не по себе...

Мама уводит Мишку, а Тютюрин подходит к Мымрикову и Сергею Степановичу:

— Не могу я так...

— Что, перед женой совестно?

— Да нет, паврал я все!.. Дома я ночевал!

— Дома?! А почему ж ты мокрый?

— Нырнул... Ребенка спасал...

— Где?

— На улице Горького... Напротив Моссовета...

— Леша, Леша,— вздыхает Сергей Степанович.— Хороший ты человек... Но такое трепло!..

В ответ Алексей Иванович только безнадежно разводит руками.

— Эх ты! — искренне сокрушается Мымриков.— Опять за свое! А я уж хотел...

Он печально смотрит на только что написанную характеристику и хочет порвать ее. Но неожиданно раздается резкий гудок.

...У подъезда «Волшебницы» останавливается автомобиль с флажком Бурухтани на крыле. Из машины выходит переводчик и входит в парикмахерскую.

В зале его встречает растерянный Мымриков.

— Скажите, могу ли я видеть господина Тютюрина? — чинно спрашивает переводчик.

— А зачем? — настораживается Мымриков.

— Его высочество наследный принц Бурухтани Бурухтан Второй-второй уполномочил меня передать господину Тютюрину, что, согласно договоренности, в его стране женщинам Бурухтани предоставляется избирательное право...

От неожиданности Мымриков теряет

дар речи. Значит, Алексей Иванович говорил правду?! Это невероятно!

— Может, я ошибся адресом? — прерывает затягивающуюся паузу переводчик.— У вас работает мастер Тютюрин?

— Он не просто мастер! — приходит в себя Мымриков.— Он завзалом...

— Простите, не понял...

— Ну заведующий мужским залом... Наша гордость!.. Алексей Иванович, идите сюда!.. — И пока Тютюрин подходит к ним, Мымриков, заглядывая в характеристику, как в шпаргалку, быстро продолжает: — Прекрасный производственник!.. Активный общественник!.. Морально устойчивый... Кристально честный...

Алексей Иванович обменивается рукопожатием с переводчиком и не без гордости смотрит на Мымрикова.

И вдруг за окнами раздается еще один автомобильный гудок.

...У подъезда парикмахерской рядом с автомобилем Бурухтани лихо паркуется открытая машина Жози Сорен...

— Ой! — восклицает, глядя сквозь стеклянную стену, смешливая Катя.— К нам идет живая Жози Сорен!..

— Товарищи, мне плохо! — говорит Мымриков и бессильно опускается в парикмахерское кресло.

— А с ней еще какая-то актриса, — продолжает Катя.— Тоже красивая...

Алексей Иванович смотрит на улицу. К дверям салона идут от машины, смеясь и дружески беседуя, Жози Сорен и Зинаида Николаевна.

— Это не актриса, — скромно говорит Алексей Иванович.— Это Зина...

— Какая еще Зина? — удивляется Катя.

— Моя жена...

Наш неисправимый Тютюрин счастлив. Ведь он не ошибся: в конце концов, правда всегда торжествует.

**СЮЖЕТЫ
САТИРИЧЕСКОГО
КИНОЖУРНАЛА
"ФИТИЛЬ"**

Ф. Камов

НЕТЫ

Мужчина средних лет быстро идет по улице поселка, сверяется по бумажке, открывает калитку в высоченном заборе, заходит на участок. Лохматый пес устрашающих размеров рвется на цепи, давится от ярости. На скамейке перед домом сидит плотненький мужичок, руки сложил на коленях.

— Здравствуйте. Здесь живет гражданин Кнопкин?

— Ну?

— Здесь или нет? — нервно переспрашивает мужчина.

— Мы — Кнопкин.

— Вы?! Очень приятно. Вернее, не очень... Я приехал за две тысячи километров, чтобы задать один только вопрос. Скажите, вам не стыдно?

— Неть.

— Все. Больше вопросов не имею. Поехал обратно.

И он пошел к калитке.

— Погодь,— окликнул мужичок и вытащил из-под зада заклеенный конверт.— Прихвати письмишко.

— Еще?! — в ужасе завопил мужчина.— Не возьму!

— Пришлю по почте,— твердо пообещал тот.

Мужчина потоптался на месте, нерешительно взял конверт:

— О чем хоть оно?

— О чинимых безобразиях.

— Опять...— Мужчина чуть не заплакал.— Уважаемый! Мы завалены вашими письмами. Завалены! Работать некогда...— Он уже заискивал:— Подождите немножко. Мы разберемся с теми сигналами, а потом возьмемся за этот. Хорошо?

— Неть,— жестко отрезал тот.— Разберитесь. Отреагируйте.

— Ну почему к нам? Почему?.. Есть столько других организаций! Пошлите в другие, а? Что мы? Тьфу... А другие — ого-го! Хотите, я сам к ним зайду, похлопочу...

— Неть.

— Но почему — неть?

— Неть — и все.

И мужчина сдался:

— О господи... О чем хоть тут?

— О соседях.

— Опять?! Теперь-то чего?

— Собачку обижают. Вот эту.

— Что?! — задергался мужчина.— Собачку?..

— Собачку. Поленьями в нее кидают, ухватами тычут. Она к ним гулять через

Мих. Яковлев

«Нет!» Б. Кудрявцев, В. Сергачев

забор ходит, а они — ухватами. Разберитесь. Отреагируйте.

— Странно... — засомневался мужчина. — Такой забор — через него никакая собака не перепрыгнет.

— Не... — согласился тот. — Не перепрыгнет. Мы ее подсаживаем.

— Собачку? — со слабой надеждой переспросил мужчина.

— Собачку.

— Это не к нам, — радостно взвизгнул он и бросил письмо. — Собаки — это не к нам. Это к ветеринарам...

— Отказываешься? — хищно нацелился мужичок.

— Отказываюсь.

— Так. — Он вынул из-под зада стопку конвертов, стал тасовать с профессиональной ловкостью. — Не хотел на одно ответить — ответишь на десять. Копею в горком. Копею в райком. Копею в местком. Копею на копею. На копею еще копею...

Мужчина обошел его сзади, поднял с земли полено, ударил по голове. Мужичок даже не шелухнулся. Только почесался легонько да вынул из-под зада еще один конверт.

— И копею в милицию.

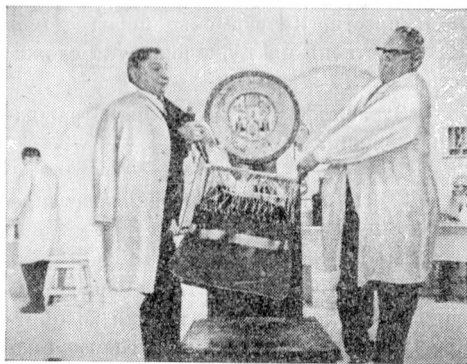
И облизал конверт огромным языком.

ДЛЯ ВАС, ЖЕНЩИНЫ

Лаборатория по исследованию новинок местной промышленности. Спinoй к нам сидят сотрудники и наблюдают за вытяжкой из самовара, кипящим чайником, дуршлагом с капающей водой.

На переднем плане — аэропортовские круглые весы, на них — огромная хозяйственная сумка. Плечистый лаборант молча укладывает в сумку продукты в красивой целлофановой упаковке. Корреспондент с микрофоном в руках ведет репортаж:

— Дорогие товарищи! Мы присутствуем на испытании последней новинки местной промышленности — хозяйственной сумки! Много достоинств у этой новинки,

«Для вас, женщины!» В. Брылеев, Н. Матющенко

ки, но главное преимущество — вместимость. В сумку уже вместились четыре пакета картофеля, два кочана капусты, три батона и буханка черного... А если мне хочется рыбы?

Лаборант кладет две рыбины.

— А если мяса?

Лаборант кладет баранью ногу в целофане.

— Ну, а на сладкое?

Огромный арбуз исчезает в сумке.

— Замечательный подарок!

Стрелка на весах показывает 60 кг. Лаборант пытается приподнять груз. Корреспондент бросается ему на помощь. В четыре руки им с трудом удается приподнять сумку.

— И все это для вас, дорогие... женщины!

Четыре руки передают сумку женщине...

И вот уже она с нагруженной сумкой быстро идет по улице, вдоль красочных витрин магазинов.

— Папа,— советует сын постарше,— а ты не все выпивай, вылей куда-нибудь!

— Нельзя, сынок, от этого пожар может случиться. Ну, меня ждут. На всякий случай... Если со мной что-нибудь... Я вас любил... Оденете в мой любимый серый костюм. Галстук, чтоб тот, в полоску, но воротник не очень стягивайте. Книги — детям. Себе выпиши «Семью и школу», тещу — «Вопросы философии». Теще скажи, что я ни в чем не виноват. Еще что? Да... ты это... вторично... замуж-то...

— Не пойду, Дима! Однолюбка я!

— Почему же. Ежели человек достойный...

— Пойду, Дима, пойду! Как скажешь, так и будет!

— Прощайте! Эх, мне хоть полчаса продержаться!

Эд. Угулава

РИСК

Комната в уютной, хорошо обставленной квартире. В дверях ее стоит средних лет мужчина в не застегнутом еще пальто. Жена рыдает на его груди. Мужчина гладит по головкам двух маленьких сыновей, прильнувших к нему с обеих сторон.

— Мне пора,— говорит мужчина.

Он целует жену. В глазах его горечь, вот-вот он расплачется. Еще раз с тоской оглядывает квартиру.

— Жаль,— говорит он.— Совсем недавно квартиру получили. Так и не пожил в ней. И вообще я мало жил...

— А может быть, еще обойдется? — спрашивает жена.— Может, только переболеешь? А, Дмитрий?

— Наверяд ли. Хотя, конечно, возможно. Но и тогда инвалидности не миновать. Если меня парализованным принесут, присматривать будешь?

— Буду, Дмитрий!

Большой конференц-зал. Телекамера, несколько журналистов с блокнотами, фоторепортеры... Оживленно, шумно. На видном месте стол, на котором стоит графин с водой и стакан, доверху наполненный буроватой жидкостью.

Несколько поодаль сидит на стуле и неотрывно смотрит на стакан наш герой.

Председатель палочкой стучит по графину, призывая к тишине, и торжественно объявляет:

— Товарищи! Сейчас вы наглядно убедитесь в качестве готовых очистных сооружений нашего нефтеперерабатывающего завода. Начальник цеха очистки товарищ Кукин на ваших глазах выпьет стакан той воды, которую мы будем спускать в речку! Прошу минутку внимания!

Кукин встает и идет к столу. На лице его — страдание и ужас. Он берет стакан и медленно, медленно подносит его ко рту...

Несколько аккордов тревожной музыки.

*г. Краснопереконск
Крымской обл.*

Г. Кемоклидзе

ГРАБЕЖ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

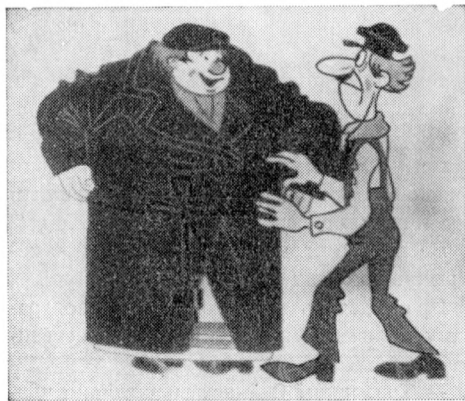
По заводской территории к проходной движется здоровенный толстущий детина. Сзади, размахивая на бегу руками, торопится за ним Мастер.

— Стой! Коля, погоди!

Коля неохотно останавливается. Мастер подбегает к нему, тяжело дышит, вытирает со лба пот.

— Коля! Горим!

— Пожар, что ли? — без всякого интереса спрашивает Коля.

— Хуже! План горит! Одну стиральную машину недовыпустили, а сегодня последний день квартала. Шею мне за это намылят!

— Так что же ты раньше думал? — возмущается Коля. — Мастер называется!

— Так я считал — вроде, на одну больше было... Ошибся, видать!

— Не надо ошибаться! — наставительно говорит Коля.

Мастер умоляюще протягивает руки.

— Коля, друг! Ты всегда меня выру-

чал в трудную минуту! Помоги и теперь, а? Я ведь никогда в долгу не оставался. Премия когда или что — ни разу тебя не обносил!

— Ну что с тобой поделаешь! — вздыхает Коля. — Целой машины у меня нет, но шнур со штепселем могу дать.

Коля с большим трудом наклоняется, вытаскивает из ботинка шнур, отдает Мастеру.

— Так мало ведь этого, Коля! — жалобно говорит Мастер.

Коля вздыхает, снимает шапку, достает из нее реле времени.

— Душевный ты человек! — умиляется Мастер. — Поищи еще что-нибудь, родной!

С недовольным лицом Коля достает из-за пазухи электромотор.

Мастер чуть не плачет от радости.

— Умница! Таких сознательных только поискать! Ведь ты, милый, квартальную программу выручаешь! Пошарь еще! Может, корпус найдешь, век помнить буду!

Коля с мрачным видом снимает пальто. На Колину грудь, как панцырь, надет корпус стиральной машины.

— Подсоби, — говорит он. — Тяжелая больно штука. За границей, говорят, уже полегче делают.

Мастер стаскивает с него через голову корпус. Весь трясется от счастья.

— Спасибо, Коленка! Не знаю даже, чем тебя отблагодарить!

С чувством жмут друг другу руки. Потом Коля, уже налегке, продолжает путь к проходной, а Мастер, улыбаясь, стоит возле груды деталей. Вдруг лицо его меняется.

— Коля! — кричит он. — А центрифугу?

Коля возвращается.

— Ну, знаешь, это прямо грабёж среди бела дня!

Берется за ремень брюк, стыдливо отводит глаза и говорит:

— Ладно уж, отвернись...

Коля отдает Мастеру центрифугу. Тот вне себя от восторга.

— Спаситель! Я тебе за это бутылку коньяку поставлю!

— Дорого ведь,— недоверчиво говорит Коля.

Мастер подмигивает:

— А у меня жена на коньячном заводе работает!

г. Воронеж

М. Захаров

КТО ВИНОВАТ?

В просторной комнате несколько озабоченных физиономий по краям и здоровенный детина посередине. Сидит, опустив голову с обиженным видом.

— Вот, полюбуйтесь,— говорит самый бойкий оратор,— единственный ребенок в семье ушел из дому якобы на прогулку, по дороге напился, разбил стекло соседям и появился под утро. Присутствующая здесь родительница, она же мать ребенка, ставит перед общественностью недвусмысленный вопрос: как это могло случиться? Как и почему? Слово нашему консультанту, Пал Палычу...

— Сейчас выясним,— Пал Палыч подходит к детине и внимательно рассматривает его со всех сторон.

— Успокойтесь,— наклоняется к рыдающей родительнице один из присутствующих.— Он сейчас все отгадает.

— Сможет? — не верит родительница.

— Специально для этого держим.

— Сколько лет ребенку? — важно интересуется у всхлипывающей родительницы Пал Палыч.

— Еще только двадцать один...

— Ну что же,— заключает Пал Палыч,— сам по себе ребенок, мне думается, трудолюбивый, способный такой парнишка, но поддающийся дурному влиянию со стороны.

— Вот! Золотые слова! — радостно восклицает родительница.— Это не он сам. Это его научили соседские дети.

— Да уж,— подтверждает детина.— В общем, как говорится, если на то пошло... то уж, действительно... Раз такое дело, а то сразу...

— Судя по его словам,— продолжает консультант,— мальчонка принял накануне двести пятьдесят граммов «Экстры», добавив затем шампанского полусладкого.

«Кто виноват?» Рина Зеленая

— Надо бы полусухого,— тихо замечает один из присутствующих.— После сладкого сильно развизит...

— Кто же в этом виноват? — интересуется другой.

— Может быть, шампанское? — говорит родительница.

— Шампанское, конечно, сыграло свою отрицательную роль,— соглашается Пал Палыч.— Но ЖЭК, мне думается, здесь тоже сильно замешан. Красного угол-

ка, небось, при нем не имеется. Настольных игр — тем более... А домоуправ есть.

— Есть,— подтверждает родительница.

— Вот вам еще один виноватый! — говорит Пал Палыч, сделав выразительный жест.

— Выходит, ЖЭК с домоуправом оба виноваты? — догадывается родительница.

— Не только они,— продолжает Пал Палыч.— Многие организации и предприятия. Тут и общественность, тут и гороно, тут и школа, тут и родители. Тут очень многие виноваты. Почти что все.

— А сам-то он виноват?

— Кто? — не понимает Пал Палыч.

— Ну, этот... — объясняет один из присутствующих,— который запивал полусладким.

Консультант хмурится:

— Знаете что, братцы, только давайте без перегибов! Вам что, мало виноватых?

Э. Успенский

ПОСЛЕ 23-х

Номер гостиницы. Телевизор и всякий комфорт. Телефонную трубку держит генерал.

— Алло. Это театр? Можно Барина? Барин? Привет, старина! Это Киселев. Я здесь в командировке. Шел и вашу афишу увидел. Очень обрадовался, что и ты здесь. Надолго? Вот и я на двое суток. Значит, так. Сейчас 11, ровно в 11.30 я тебя жду. Гостиница? Ну та, которая у вокзала. Номер мой сто тридцатый. А я ужин закажу.

Кладет трубку и нажимает кнопку с

надписью «Дежурная по этажу». Дежурная появляется.

— Здравствуйте. Мне надо ужин в номер заказать.

— Ужин только до девяти.

— А как же быть?

— Это ваше личное дело. Идите в ресторан. Может, успеете.

— Спасибо! — И генерал покидает номер.

У входа в ресторан его встречает бородатый швейцар.

— Ресторан закрывается,— сообщает он радостно.

— Как же быть?

— А в буфете возьмите бутылочку,— заговорщически предлагает швейцар.

И вот с бутылкой шампанского и пакетом бутербродов генерал у входа в отель встречает гостя. Друзья обнимаются. Но как только они хотят войти в дверь гостиницы, перед ними сразу возникает швейцар в галунах.

— Вы здесь живете? — спрашивает он.

— Я здесь,— отвечает генерал.— А это мой гость.

— Это только дома бывают гости,— говорит швейцар.— У нас это посторонние.

— Ну хорошо. Этот посторонний — мой хороший друг. Могу я его принять?

— Можете, только не здесь. В гостинице посторонним после одиннадцати на ходиться запрещается.

И друзья выходят на улицу.

— Вон там, за углом, кафе,— говорит Барин.

«Работает до 11» — сообщает надпись на двери кафе.

— Что же это такое? — возмущается генерал.— И посидеть негде. Хоть землянку копай.

— Смотри! — показывает ему Барин. В одном кафе чуть теплится свет и ходят какие-то люди.

— Вперед! — командует генерал.— Прорвемся!

Они подбегают к двери и начинают что есть сил стучать в нее. За стеклом появляется перепуганное женское лицо.

Уютная светлая комната. Накрытый стол. За столом наши мученики. В руках у них стаканы с шампанским.

— За встречу!.. Бьется в тесной печурке огонь...

Раздается телефонный звонок. За соседним столиком офицер милиции поднимает трубку.

— Дежурный у телефона. Вас понял. Выезжаю.

Надевает фуражку и обращается к друзьям:

— Извините, служба. Всего хорошего. В следующий раз, когда будете в нашем городе и захотите поужинать,— милости просим сразу к нам.

Главный редактор В. СЫТИН

Редакционная коллегия:

О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ,
Е. ГАБРИЛОВИЧ, С. ЖГЕНТИ,
В. СОЛОВЬЕВ, В. ТРУНИН,
С. ЮТКЕВИЧ.

АЛЬМАНАХ «КИНОСЦЕНАРИИ»

ГОСКИНО СССР, МОСКВА, 1973 г.

Редакторы *Е. Клейнер, О. Горбачева*
Корректор *Т. Покровская*
Техн. редактор *Р. Соколова*
Художник *О. Кознов*

Подписано к печати 24/X 1973 г. А 12220. Формат бумаги 70×90¹/₁₆ № 1. Печ. л. 19 (22,23). Уч.-изд. л. 24,05. Тираж 50 000. Заказ 372. Цена 1 р. 29 к. Информационно-рекламное бюро Главного управления кинофикации и кинопроката Госкино СССР. 119285, Москва, Мосфильмовская ул., 1, блок 2. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

1 р. 29 в.

КИНОСЦЕНАРИИ

● АЛЬМАНАХ 1973

